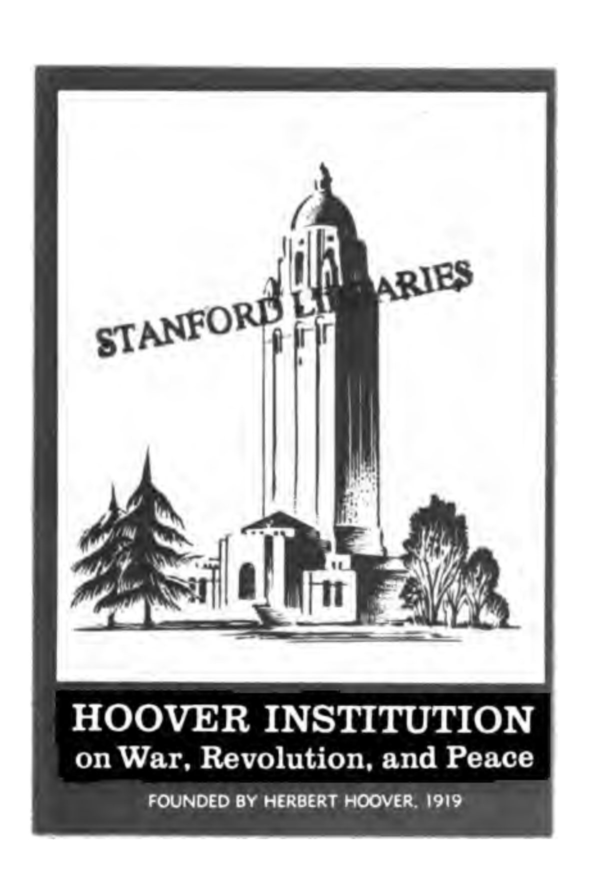
Botkin, Vasiliĭ Petrovich, 1811-1869.

Sochinenii͡a.

STANFORD LIBRARIES
HOOVER INSTITUTION
on War, Revolution, and Peace
FOUNDED BY HERBERT HOOVER, 1919

СОЧИНЕНІЯ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА

БОТКИНА

ТОМЪ I.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Изданіе журнала «Пантеонъ Литературы».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая Типо-Литографія Муллеръ и Богельманъ. Невскій, 148.
1891.

СОЧИНЕНІЯ
ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА
БОТКИНА.

ТОМЪ I.

Путешествія.

Изданіе журнала „Пантеонъ Литературы“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., д. № 8.
1890.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 января 1890 г.

I.

Русскій въ Парижѣ.

1835.

(Изъ путевыхъ записокъ).

Давно сбираюсь я писать къ вамъ о Парижѣ. Сколько разъ брался я за перо, съ намѣреніемъ сказать что-нибудь о картинѣ Парижа, о знаменитомъ его Пале-Роялѣ, о его веселыхъ бульварахъ; и всякій разъ, когда принимаюсь за перо, каждый изъ этихъ предметовъ влечетъ за собой столько воспоминаній. Эти кривыя, запачканныя улицы Парижа имѣютъ на себѣ такъ много великихъ, вѣковыхъ слѣдовъ, что въ головѣ подымается цѣлый хаосъ событій. Во Франціи настоящее такъ тѣсно слито съ сорокалѣтними событіями, что даже одно названіе улицъ Парижа приведетъ васъ въ недоумѣніе, если станете читать надписи ихъ, не зная исторіи Парижа. Вся исторія Франціи девятнадцатаго столѣтія сосредоточена здѣсь. Такъ, начиная говорить о Пале-Роялѣ, невольно думаю я о томъ времени, когда Камиллъ-Демуленъ, заткнувъ себѣ въ шляпу вѣтку липы, заговорилъ народу на широкомъ дворѣ его; стулъ, на который сталъ онъ тогда, былъ родоначальникомъ трибуны. И потомъ воображаю я балъ, блестѣвшій, въ іюлѣ 1830 г., въ этомъ дворцѣ, балъ свѣтлый, беззаботный, и мрачную толпу народа, глухо волнующуюся передъ окнами дворца и разражающуюся въ дикій напѣвъ національной пѣсни, заглушившей оркестръ, смутившей ясныя лица веселыхъ гостей. А сколько грустныхъ и вмѣстѣ важныхъ мыслей возбуждаетъ эта обширная площадь, обставленная прекрасными зданіями, съ которой такъ красуется величественная палата депутатовъ и мостъ съ колоссальными статуями знаменитыхъ людей старой Франціи; сколько крови разбрызгано по ней, сколько нѣмыхъ раскаяній нѣкогда приняла она,

увѣнчанная гильотиною! Парижъ надувалъ нашихъ добрыхъ стариковъ, прикидываясь гулякою, беззаботнымъ весельчакомъ; смотря въ тусклыя очки, старики наши не замѣчали подъ напудреннымъ парикомъ краснаго колпака, не разглядѣли лица, скрытаго подъ маскою. Теперь Парижъ ходитъ съ открытымъ лицомъ, и если еще шутливъ и веселъ, то только изъ добродушія. Однакожъ, я постараюсь сбросить съ себя тяжесть минувшаго: можетъ быть, мнѣ удастся дать вамъ нѣкоторое понятіе о Парижѣ, если поведу васъ на бульвары, кругомъ опоясывающіе его: тамъ онъ чистъ и свѣжъ. Ступайте по этимъ бульварамъ въ лѣтній вечеръ; что это за прелесть! Подъ густыми, высокими вязами, отѣняющими обѣ стороны улицы, безконечною, свѣтлою цѣпью тянутся магазины, лавки, кофейныя, ресторацiи, театры; и все это полно народомъ, кипитъ жизнію. Зелень, освѣщенная яркимъ газомъ, переливается какими-то серебристыми отливами; мѣстами цѣпь магазиновъ и кофейныхъ прерывается, но прелесть картины увеличивается тогда: въ этой тѣни все веселѣе, смѣхъ громче, остроты вольнѣе, это придаетъ колориту картины еще больше жизни. Подите на загородные балы Парижа, посмотрите на это милое, умное веселье, посмотрите на благопристойность тамъ царствующую, посмотрите, какъ работники веселятся съ своими гризетками. Или пойдемте въ ясный, теплый воскресный день въ завѣтныя Елисейскія-Поля: тамъ подъ высокими вязами настроено множество лавочекъ, лавокъ, комедій. Сколько артистовъ показываютъ искусство свое на чистомъ воздухѣ: барабанъ, скамейка, столъ, принадлежности бродячаго генія. Около насъ оркестры, танцы, фигляры. Здѣсь рыцарь мелкой промышленности вооружился огромными вѣсами: не угодно-ли вамъ узнать, сколько въ васъ пудъ? Возлѣ него другой предлагаетъ вамъ пробовать силу руки вашей. А вотъ лотереи, страсть парижанъ: въ одной разыгрываются пряники, въ другой картинки, въ той стаканы, рюмки, бутылки, все, что пригодно для домашняго обихода; можете выиграть въ лотерею, заплатя бездѣлицу—одно или два су. Вотъ стрѣльба въ цѣль изъ ружей и пистолетовъ; а этотъ добылъ толстую доску, пробилъ въ ней дыръ съ большое яблоко, сзади вставилъ стекла, и предлагаетъ вамъ деревяннымъ шаромъ разбивать ихъ. Вотъ физическіе и химическіе опыты: «тутъ, возвѣщаетъ химикъ, можете вы въ нѣсколько минутъ постигнуть всѣ таинства природы, и все это только за два су!» Вотъ академія собакъ, и ученый членъ ея говоритъ длинную рѣчь о трудности, системѣ и пользѣ образованія собакъ; а вотъ пѣніе, скрипка и

бубенъ: трое артистовъ поютъ куплеты изъ новыхъ водевилей, романсы и даже изъ оперъ. Тамъ дородная дама показываетъ образованность удава, обвиваетъ его около шеи, беретъ въ ротъ его голову и рекомендуетъ, что онъ по своему уму годится въ любые министры. Подойдемте къ этой толпѣ—что̀ тутъ? Человѣкъ съ рыжими усами, въ изношенномъ сюртукѣ, съ огромною медалью, стоитъ на столѣ; возлѣ него на стулѣ лежитъ ящикъ съ пакетцами и скляночками. Рекомендую вамъ: это зубной докторъ. Въ длинной рѣчи повѣствуетъ онъ о своихъ всемірныхъ путешествіяхъ и открытіяхъ на пользу зубовъ человѣчества. Этотъ порошокъ вывезъ онъ изъ южной Америки; онъ имѣетъ свойство исцѣлять самую жестокую зубную боль, предохранять зубы отъ гніенія; эликсиръ въ скляночкахъ ихъ крѣпитъ и дѣлаетъ бѣлыми, отъ прикосновенія порошка этого никакой червякъ не усидитъ въ зубу. Не вѣрите? Погодите. Пышную рѣчь свою докторъ оканчиваетъ словами: «Messieurs et mesdames, спѣшите исцѣлять зубы свои! Нѣтъ-ли у кого больного зуба? Вы на опытѣ увидите искусство мое, исцѣленіе будетъ не на часъ, а на цѣлую жизнь!»— Всѣ молчатъ. Вотъ выходитъ изъ толпы мальчикъ лѣтъ тринадцати, онъ давно страдаетъ зубами. Докторъ, съ приличною важностію осмотрѣвши ротъ его, кладетъ на больной зубъ порошокъ свой.—«Сожмите ротъ и садитесь». Снова распространяется докторъ о чудныхъ дѣйствіяхъ порошка. — «Покажите мнѣ зубъ! — Messieurs et mesdames, смотрите, какъ ползетъ червякъ изъ зуба: онъ не снесъ сокрушительнаго дѣйствія порошка моего». — И въ самомъ дѣлѣ вынимаетъ червяка изо-рта бѣднаго малаго. Кто же послѣ такого опыта не повѣритъ искусству доктора! Посмотрите, сколько тянется къ нему рукъ за зубными его порошками. А между тѣмъ ужъ и вечеръ: вездѣ блестятъ огни, все весело: это прежніе французы, безъ политики и революціи; это все еще водевиль, полный жизни и народныхъ типовъ, но въ которомъ, если вы пристально вглядитесь, уже проглядываетъ важное лицо драмы и игривые куплеты оканчиваются задумчивою мечтою о будущности общественной. Пойдемте по Парижу, посмотрите, какая во всемъ жизнь, пріемлемость впечатлѣній, понятій. Французъ умретъ безъ публичныхъ мѣстъ своихъ: посмотрите на тѣ тысячи кофейныхъ, онѣ всѣ полны; тамъ увидите вы семейства цѣлыя, женщинъ, дѣтей. Парижанинъ мало живетъ дома: ему необходимо это множество литературныхъ кабинетовъ, кофейныхъ, ресторацій. Ступайте въ Пале-Рояль, подъ прохладную тѣнь липъ и кашта-

новъ, тамъ во всякое время найдете вы сотни людей за журналами. Смышленая, мелкая промышленность построила тутъ нѣсколько избушекъ, запаслась журналистикой Парижа, накупила стульевъ, и за два су предлагаетъ вамъ то и другое. Но я въ жаркій день лучше люблю рощу Тюльери; тамъ блескъ и шумъ Парижа исчезаетъ, взоръ встрѣчаетъ только темную зелень вязовъ, народу мало, тихо; тамъ любилъ я въ знойный полдень читать остроумнаго «Корсера» и «Шаривари». Посмотрите общественныя заведенія Парижа: въ Парижѣ все публично, все открыто. Тогда какъ въ Лондонѣ англичанинъ съ угрюмымъ, холоднымъ лицомъ требуетъ съ васъ шиллингъ за взглядъ на всякую бездѣлицу, принадлежащую государству, французъ съ радостію отворяетъ вамъ двери, узнавши, что вы иностранецъ; онъ гордъ и доволенъ тѣмъ, что вы пріѣхали посмотрѣть на его «belle France». Ступайте въ какое хотите общественное заведеніе: съ васъ не потребуютъ ни одного су. А эти курсы наукъ, открытые для всякаго, эти тысячи средствъ научиться, образоваться, узнать, что̀ и какъ дѣлается на этомъ свѣтѣ!.. Скажите, дивиться-ли послѣ того разливу идей въ массѣ парижскаго народа, этому юношеству, преданному идеямъ отвлеченнымъ, стремящемуся въ дѣйствительности проявить фантастическія мечты свои?—Нѣтъ, вы ничему не подивитесь, смотря, какъ жадно читаетъ эта толпа, какъ алчно пожираетъ все, что выбрасываютъ ей типографіи. Парижъ — это жизнь народа, трепещущая всѣми своими нервами, прорывающаяся изъ каждаго отверстія своего; но этихъ отверстій ей недостаточно, и она работаетъ, рвется, борется, отыскивая себѣ новыя; это юность, кипучая, страстная, бѣшеная, увлекающаяся, вся преданная первому впечатлѣнію... Нѣтъ, я не промѣняю этихъ кривыхъ, запачканныхъ улицъ, этихъ разноцвѣтныхъ, закопченыхъ порохомъ домовъ, усѣянныхъ балконами, на опрятный, просторный Лондонъ, съ его угрюмою, дѣловою физіономіею и разсудительнымъ народомъ!

Погруженные въ безмѣрную коммерческую дѣятельность, обязанные работать ежеминутно, или преданные позорной праздности, размежеванные по количеству богатства, подверженные самовластію господствующей церкви, или слѣдующіе мелочнымъ и тѣснымъ правиламъ множества разнородныхъ сектъ, англичане мало ощущаютъ потребности въ идеяхъ общихъ. Каждый англичанинъ существо сложное: религія лежитъ у него на одной сторонѣ, политическія мнѣнія — на другой, правила нравственности и поведенія — на третьей. Заговорите съ англичаниномъ о религіи: онъ неохотно

станетъ отвѣчать вамъ. Его правила вѣры рѣшены съ дѣтства, и онъ крѣпко держится за нихъ. Можетъ быть онъ и атеистъ въ глубинѣ души, но по привычкѣ, по какому-то чувству почтенія къ всемощному вліянію, какое воспитаніе и нравы цѣлаго народа имѣютъ на отдѣльнаго члена общества, онъ притворится, или станетъ молчать. Онъ не чувствуетъ связи, соединяющей идеи религіозныя съ политическими. Въ этомъ народѣ чего-то не достаетъ. Его построеніе велико, огромно, но темно. Не таковъ французъ, не такова Франція, страна жизни бушующей, съ страстями и мнѣніями напряженными, которая кажется, чѣмъ больше тратитъ себя въ отчаянныхъ схваткахъ своихъ съ понятіями и предразсудками вѣковъ, тѣмъ больше снова вбираетъ въ себя жизни и снова бьетъ и кипитъ пѣною страстей и мыслей. Какой городъ, кромѣ Парижа, представляетъ вамъ больше жизни, идей, сектъ, мнѣній, этого стремленія проявить ихъ въ дѣйствительности, стремленія, выражающаго преимущественно характеръ Франціи! Давно-ли видѣли мы, какъ ученіе политической экономіи преобразовалось въ религію, изрекавшую обществу новые законы нравственности и гражданственности; давно-ли видѣли, какъ сектаторы публично, съ увлекательнымъ энтузіазмомъ, проповѣдывали свое ученіе, безденежно раздавали свои книги и журналы и тѣснимые правительствомъ избрали страну, которой не коснулась еще европейская цивилизація, и отправились сѣять ученіе свое на дѣвственной почвѣ ея? А эта фантастическая странность костюмовъ Парижа, эти прихоти самаго разстроеннаго и мечтательнаго воображенія, всѣ на яву въ лицахъ, этотъ хаосъ мнѣній, партій, сектъ, надеждъ, опасеній... прислушайтесь къ шуму его, у васъ закружится голова, отупѣетъ умъ, не достанетъ воображенія. Въ Германіи разлито и болѣе идей; но она спокойна; для нея идеи покуда существа отвлеченныя, принадлежащія только книгамъ: о приложеніи ихъ къ быту общественному тамъ покуда не думаютъ. Далеко еще не разрѣшила Франція вопросы ее обременяющіе; она исполнена сѣмянъ растенія огромнаго: Богу извѣстно, когда возрастетъ оно! — Пріѣзжайте въ Парижъ, какъ человѣкъ, желающій только пожить весело, бросить нѣсколько тысячъ рублей на его удовольствія и забавы, и вы уѣдете изъ Парижа, имѣя о немъ самое ложное понятіе. Тогда вы будете похожи на стариковъ нашихъ, которые толковали намъ о забавахъ Парижа, не обращая вниманія на внутреннюю жизнь его. Парижъ обманчивъ для поверхностнаго наблюденія. Видали-ли вы русскаго человѣка, у котораго въ раз-

гульную минуту становится послѣдняя копѣйка ребромъ, душа дешевле гроша, а черезъ часъ послѣ онъ удивляетъ васъ самою тонкою разсчетливостію, хладнокровіемъ, скупостію на необходимыя удобства жизни. Парижъ тоже имѣетъ эти противоположныя стороны. Онъ веселъ, разгуленъ, беззаботенъ, если хотите, по прежнему; иногда для него вся политика заключается въ модной идеѣ общественной; онъ, словно за женщиной, волочится за нею, льститъ ей, дерется за нее, и послѣ бросается за другою. Парижъ иногда надоѣстъ вамъ своими вздорными новостями, пустымъ болтовствомъ, странною поверхностностью; но не спѣшите изрекать ему приговоръ, вглядитесь пристальнѣе. Парижъ шалитъ по добродушію, потому что увѣренъ въ себѣ: это Генрихъ IV, дающій ѣздить дѣтамъ на спинѣ своей; это Гёте, который фанфаронитъ въ гостиной. Для того, чтобъ понять Парижъ, надобно намъ, людямъ Сѣвера, медленнымъ, хладнокровнымъ, привыкшимъ и думать и говорить: «время не ушло еще» —намъ, которыхъ торопитъ жить только отдаленный гулъ движенія европейскаго—надобно запасаться особенною дѣятельностію души. Тамъ прости наше dolce far niente! Парижъ охватитъ васъ своими бурными стихіями, втянетъ въ свой гражданскій омутъ; держитесь крѣпко: вы закружитесь; запаситесь дѣятельностію души и ума; васъ окружатъ мнѣнія страстныя, страсти метафизическія, васъ увлекать станутъ сотни партій, къ вамъ пристанетъ статья каждаго журнала, не отвяжется до тѣхъ поръ, пока вы не опредѣлите ея значенія; васъ изумитъ откровенное, громкое слово ума и страстей, вы услышите явственно шелестъ крыльевъ всемогущей современности, около васъ заструится эѳиръ девятнадцатаго вѣка; не дремлите: мимо васъ полетятъ имена, идеи, мнѣнія, знаменитости; если вы проспали вчера, для васъ непонятно будетъ завтра. Франція и Парижъ мучатся, безсознательно очищающіе себя для будущаго; чтобъ понять ихъ, надобно вамъ самимъ измучиться. Тяжко лежишь ты, таинственное будущее, надъ скептическимъ Парижемъ. Парижъ не вѣритъ ни во что и ничему. Страшное состояніе! Разрушить старое и не мочь ничего создать новаго! Смотрѣть на однѣ развалины, развалины и развалины! Чувствовать потребность вѣрить, и не находить, во что вѣрить!— Не дивитесь ужасному множеству самоубійствъ, случающихся въ Парижѣ: это непремѣнное слѣдствіе ужаснаго состоянія его. Парижъ стоитъ на рубежѣ между прошедшимъ и будущимъ, между вѣрою и безвѣрьемъ, смотритъ съ тоскливою задумчивостью впередъ, не зная, утро ли теперь или уже вечеръ настоящей граж-

данственности? Грустно видѣть, какъ этотъ скептицизмъ, которымъ дышетъ Парижъ, овладѣваетъ и могучими организаціями, талантами геніальными. Прочтите послѣднія сочиненія Гюго, вникните въ эту душу, размученную окружающими ее развалинами, сомнѣніемъ во всемъ: вы поймете тяжкое состояніе современной Франціи. Къ слову о Гюго; я разскажу вамъ о моемъ свиданіи съ нимъ. Уже слишкомъ мѣсяцъ жилъ я въ Парижѣ, и мнѣ не удалось еще видѣть ни одного изъ извѣстныхъ писателей. Дюма уѣзжалъ осматривать берега Средиземнаго моря, Бальзакъ въ Австрію, Ламартина и де-Виньи не было въ Парижѣ; тутъ оставался только Викторъ Гюго. Но что̀ за вѣсти разсказывали о немъ! На литературномъ вечерѣ у ***, люди, повидимому, образованные и занимающіеся литературою, увѣряли меня, что Гюго помѣшался, не выходитъ изъ комнаты, не принимаетъ никого къ себѣ. Общее мнѣніе всего литературнаго круга, сбиравшагося у ***, было то̀, что Гюго писатель съ нѣкоторымъ дарованіемъ, но уклонившійся въ дурную сторону и теперь уже потерявшій всякое вліяніе на современную литературу. Тутъ-же, я помню, одинъ прекрасно разодѣтый молодой поэтъ съ жаромъ доказывалъ, что «Notre-Dame de Paris» можетъ нравиться однимъ женщинамъ, и имъ однимъ одолженъ успѣхомъ своимъ. На меня, начавшаго съ глубокимъ уваженіемъ говорить о Гюго, смотрѣли, какъ на сѣвернаго варвара, спрашивающаго о предметѣ давно рѣшенномъ и нѣсколько пошломъ. Такія рѣзкія, окончательныя сужденія посыпались на вопросы мои о Гюго, что я не осмѣлился даже возражать, и замолчалъ съ грустію и недовольствомъ на душѣ. У *** сбиралось аристократическое общество извѣстнѣйшихъ, свѣтскихъ литераторовъ; тутъ читались разные сонеты, посланія къ тому, къ тому... Я былъ знакомъ съ нѣсколькими молодыми людьми мнѣній противоположныхъ обществу, сбиравшемуся у ***. Это были пламенные послѣдователи новыхъ идей, пылкіе энтузіасты, самоотверженные преобразователи настоящей цивилизаціи; тутъ обвиняли Гюго въ недостаткѣ положительныхъ политическихъ мнѣній, называли его поэтомъ, но поэтомъ слишкомъ матеріальнымъ; тутъ сказывали мнѣ, что Гюго ведетъ развратную жизнь, что ожесточенный критиками и ядовитыми статьями журналовъ, онъ отказался отъ своего поэтическаго призванія, впалъ въ совершенную матеріяльность, забылъ даже о семействѣ своемъ, живетъ съ одною актрисою театра St.-Martin, и никого къ себѣ не принимаетъ. Что мнѣ было дѣлать? Не смотря на все это, желаніе видѣть Гюго превозмогло, и я отыскалъ въ парижскомъ все-

общемъ адресъ-календарѣ квартиру его, рѣшился по русской пословицѣ: «спросъ не бѣда», написать къ нему письмо, въ которомъ просилъ у него позволенія быть у него и назначить мнѣ время. Письмо повезъ я самъ. Въ одной изъ отдаленныхъ частей Парижа живетъ Гюго: Place Royale, № 6. Пріѣзжаю, вхожу на лѣстницу во второй этажъ, звоню, мнѣ отпираетъ служанка чрезвычайно дурная собою. На вопросъ мой, дома-ли Гюго, она самымъ гнусливымъ, едва понятнымъ голосомъ отвѣчаетъ, что Гюго нѣтъ, а что онъ будетъ дома въ седьмомъ часу. Я отдалъ ей письмо, прося передать Гюго. Въ этотъ день на театрѣ St.-Martin давали «Marie Tudor»: я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи видѣть ее, и не поѣхалъ вечеромъ къ Гюго. На другой день послѣ обѣда, въ восьмомъ часу, порядочно пріодѣвшись, взялъ я кабріолетъ и съ трепещущимъ сердцемъ проговорилъ кучеру: «Place Royale, № 6». Пріѣзжаю. Знакомая безобразная служанка, отворившая мнѣ дверь, говоритъ, что Гюго обѣдаетъ. Опять неудача. Спрашиваютъ, какъ сказать обо мнѣ?—Русскій путешественникъ. — Жду. Не прошло минуты, входитъ въ переднюю человѣкъ невысокаго роста, съ полнымъ, здоровымъ лицомъ, волосами почти бѣлокурыми, лежащими просто. Онъ сталъ извиняться, просить меня войти въ гостинную и подождать, пока кончится обѣдъ. «Monsieur Hugo»? пробормоталъ я—и уставился на него. За нѣсколько дней ходилъ я съ «Notre-Dame de Paris» въ рукѣ, на башню собора: признаюсь, мнѣ хотѣлось отыскать какой-нибудь затерявшійся слѣдъ великой драмы, и я еще разъ, но съ какимъ новымъ, живымъ наслажденіемъ читалъ дивный романъ. Сколько разъ проникнутый огневыми описаніями, подходилъ я къ собору, смотрѣлъ на его угрюмую форму, vaste symphonie en pierre, взбирался на широкую его платформу; тутъ Квазимодо, Эсмеральда, Фролло — вся эта драма принимала объемъ огромный, охватывала собой все общество человѣческое, неразгаданно, мрачно кипѣла въ немъ подъ тысячью формъ; тогда романъ этотъ представлялся мнѣ не столько созданіемъ искусства, сколько теоріею автора, взглядомъ его на жизнь— и какою грустною, скептическою теоріею! Еще полный впечатлѣній «Notre-Dame de Paris», увидалъ я передъ собою Гюго, и вы поймете причину, отчего я уставился на него съ глупымъ любопытствомъ, разсматривая это полное, свѣжее лицо, это чело, ознаменованное печатію генія. Смѣйтесь надо-мною—но когда я увидѣлъ передъ собой великій талантъ, перваго поэта современной Франціи, неопредѣленное, доселѣ незнакомое мнѣ чувство напол-

нило меня. Долго-бъ простоялъ я: молча, еслибъ Гюго, улыбнувшись, не вошелъ первый въ комнату, пригласивши меня движеніемъ головы слѣдовать за нимъ, и указалъ мнѣ дверь прямо, прося подождать тамъ. Въ комнатѣ, куда мы вошли изъ передней, за круглымъ столомъ обѣдали двѣ дамы, мужчина и двое дѣтей. Гюго проводилъ меня въ гостинную, извиняясь въ безпорядкѣ ея; тому причиною приготовленіе его къ отъѣзду: онъ завтра утромъ ѣдетъ на два мѣсяца изъ Парижа. Гюго вышелъ, дверь въ столовую затворилась, и я остался на свободѣ разсматривать жилье знаменитаго писателя. Вездѣ видны были слѣды страсти къ зодчеству среднихъ временъ. На стѣнѣ висѣли прекрасные рисунки собора Антверпенскаго, отдаленнаго вида Страсбургской колокольни, видъ части Парижа съ готическою башнею St-Jaques de Boucherie, портретъ генерала въ мундирѣ временъ революціи, вѣроятно, портретъ его отца. Прямо у стѣны стоялъ диванъ съ прекрасною рѣзьбою a jour, произведеніе шестнадцатаго или семнадцатаго вѣка; налѣво софа съ штофнымъ малиновымъ балдахиномъ, временъ Людовика XIII или XIV; передъ ней фортепіано. Комната вся оклеена малиновыми обоями и очень высока; дверь въ кабинетъ была отворена; кабинетъ не великъ, весь увѣшанъ картинами; на столѣ, стоящемъ посреди, много книгъ и бумагъ. Я смотрѣлъ въ кабинетъ издали, считая неучтивостью войти туда. Немного спустя, вбѣжалъ въ комнату мальчикъ лѣтъ семи; я спросилъ его, не сынъ-ли онъ Гюго? — «Oui», отвѣчалъ онъ, и началъ разбирать географическія карты Франціи. У мальчика лицо очень смышленное. Минутъ черезъ пять вошелъ Гюго, извиняясь. Сѣли. Первымъ вопросомъ его было, дозволены-ли сочиненія его въ Россіи? Потомъ интересовался онъ знать, съ какой точки смотрятъ у насъ на «Notre Dame de Paris», спрашивалъ о народной нашей поэзіи. Я говорилъ ему о народныхъ пѣсняхъ нашихъ, старался объяснить характеръ ихъ, о бродячихъ семьяхъ нашихъ цыганъ, ихъ странномъ бытѣ. Послѣднее, казалось, очень занимало его. Вообще онъ даетъ Россіи высокую поэтическую будущность. Не болѣе получаса длился нашъ разговоръ, какъ вошла г-жа Гюго въ шляпкѣ и, казалось, ожидала его окончанія. Я видѣлъ, что я гость не во-время, всталъ и съ замѣшательствомъ попросилъ Гюго написать мнѣ на память свое имя. «Eh, avec un grand plaisir, M-r», отвѣчалъ онъ, вошелъ въ кабинетъ, и черезъ минуту вынесъ бумажку, на которой было написано: «Qui sperat vivit — Victor Hugo».

— «Черезъ мѣсяцъ я возвращусь и съ удовольствіемъ увижу васъ у себя; мнѣ очень интересно послушать о Россіи», сказалъ онъ мнѣ, когда я сталъ откланиваться, и проводилъ меня до дверей крыльца. Г-жа Гюго выше его ростомъ, съ прекраснымъ, выразительнымъ лицомъ. У Гюго лобъ болѣе широкій, нежели выпуклый; нижняя часть лба показалась мнѣ развитою больше верхней. Лицо очень пріятное, благородное, безъ рѣзкаго выраженія, но съ большимъ оттѣнкомъ меланхоліи и задумчивости. Общій характеръ лица преимущественно матеріальный, и это чувственное выраженіе, подернутое какою-то грустію и задумчивостію, дѣлаетъ лицо Гюго однимъ изъ самыхъ необыкновенныхъ. Виктору Гюго лѣтъ тридцать-пять. Отецъ его, отличный генералъ, бралъ его еще ребенкомъ съ собой въ походы. Воображеніе поэта должно было сохранить впечатлѣнія этой кочевой, бурной, военной жизни. Воспитываясь въ Мадритѣ, онъ почерпнулъ подъ небомъ этой Испаніи, по нравамъ своимъ болѣе близкой къ Африкѣ, нежели къ Европѣ, вдохновенія, какихъ не можетъ внушить ни одна изъ странъ Европы. Этотъ народъ, еще вѣрный стариннымъ обычаямъ своимъ, эта земля природы роскошной и живописной, эта отчизна архитектуры готической, усѣянная ея величественными памятниками—все должно было энергически дѣйствовать на поэта, быстро развивать его способности... Но жизнь поэта—поэма великая; ея борьба, ея муки, ея торжества, исполнены значенія глубочайшаго и обширнѣйшаго, нежели всѣ поэмы Индіи и Грековъ. Мнѣ ли разсказать вамъ внутреннюю жизнь Гюго? А начатая біографія не удовлетворитъ васъ. Лучше кончить...

II.

Отрывки изъ дорожныхъ замѣтокъ по Италіи.

1835.

Доѣхавъ до Brieg, маленькаго и довольно дурного городка южной Швейцаріи, лежащаго у подошвы Симплона (Simpione, такъ называется цѣпь Альпъ, отдѣляющихъ Швейцарію и часть Савои отъ Италіи), я, заранѣе переславши чемоданъ мой въ Миланъ, съ котомкою за плечами, на зарѣ пустился пѣшкомъ по симплонской дорогѣ. Вообще въ Альпахъ природа не роскошна, но въ сѣверной ихъ отрасли она изумляетъ величіемъ и разнообразіемъ картинъ: тамъ надъ цвѣтущимъ лугомъ видишь нависшіе льды; изъ мрачнаго ущелья неожиданно выходишь на свѣтлое поле. Но вся дикая угрюмость Альпъ, суровая, грозная, собралась и встала Симплономъ. Льды и снѣга покрываютъ даль, рѣдкая трава кроетъ блѣдною зеленью каменистыя массы, кое-гдѣ торчитъ одинокое, тонкое дерево, грустная ель, сосна. Страшно смотрѣть на скалы, перпендикулярно вставшія надъ пропастями; водопады шумятъ на каждомъ шагу. Широкою струею падая съ вершинъ, они брызгами разсѣваются, не долетая до низу, напрасно кропя гранитныя громады;—ни трава, ни дерево не живится ихъ влагою. Въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ прекрасный водопадъ — гора разсѣлась на двѣ огромныя скалы, и изъ глубины разсѣлины летѣлъ онъ, перескакивая черезъ утесы и камни. По скатамъ горъ ручьи тающихъ снѣговъ лежатъ словно ленты. Наконецъ, водопады эти образуютъ рѣку, и любо смотрѣть, какъ прокладываетъ она себѣ дорогу черезъ скалы и пропасти, то невидимая—слышишь только шумъ ея въ темной глубинѣ — то, гдѣ горы перемѣняютъ направленіе дороги, вдругъ видишь ее, прыгающую изъ глубокаго ущелья. И былъ-же человѣкъ, сказавшій, чтобъ была дорога чрезъ эти пропасти, сквозь эти скалы, громады горъ! Этотъ человѣкъ былъ На-

полеонъ. Ему стоило только сказать,—и она потянулась, послушная исполинской волѣ его, перепрыгивая мостами черезъ пропасти, взбираясь по отлогостямъ горъ, минуя каменныя массы скалъ, излучиваясь, змѣею извиваясь по крутизнамъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе. Скалы твердѣютъ, растутъ выше и выше, круто поднимаютъ гранитныя вершины свои.—Нѣтъ мѣста дорогѣ,—ни срыть ихъ, ни вскарабкаться по нимъ. Жалкія, можетъ быть, думали каменными своими твердынями поставить преграду волѣ человѣка,—онъ нѣдра ихъ прорвалъ порохомъ,—и дорога снова тянется подгорными галлереями, мѣстами сажень въ 20, а индѣ слишкомъ въ $^1/_2$ версты длиною; въ пробитыя отверстія для свѣта летятъ брызги водопадовъ, сверху падающихъ. Словомъ, чувство глубокаго удивленія наполняло меня, когда я шелъ по Симплонской дорогѣ; передо-мною было поле битвы человѣка съ природою, тверди и силы съ умомъ. День былъ пасмуренъ. Облака стлались по горамъ; часто бродячія семьи ихъ одѣвали меня своею воздушною влагою, смачивая холоднымъ инеемъ. На Симплонѣ всего деревни съ три, но по дорогѣ разсѣяны домики, называемые refuge въ нихъ можно найти вино и сыръ. Радостно вбѣжалъ я въ одинъ изъ такихъ домиковъ и велѣлъ развести огонь. Несмотря на половину августа, воздухъ былъ пронзительно холоденъ. Женщина, принесшая мнѣ вина, между прочимъ, самымъ скhouseh сквернымъ нѣмецкимъ нарѣчіемъ разсказывала, что дорога эта весною бываетъ очень опасна: часто огромныя глыбы снѣгу срываются съ вершинъ, увлекая съ собою все встрѣчное. Согрѣвшись, отправился я въ путь. Дикія громады при сумрачномъ вечерѣ сдѣлались еще угрюмѣе; закутавъ въ туманъ бока свои, черныя вершины ихъ приняли формы еще страшнѣе и неопредѣленнѣе. Переночевавъ въ деревенькѣ Simpione, съ восходомъ солнца я опять въ путь. Небо начинало понемногу голубѣть. Къ счастію, попутчиковъ никого со мною не было, я свободно могъ отдавать себя впечатлѣніямъ грозной, угрюмой роскоши природы. Дорога пошла подъ гору. Вообразите, что вы слышите унылый аккордъ:—это первый видъ Симплона. Съ тихимъ отзывомъ, въ которомъ умираетъ этотъ аккордъ, сливается другой, третій,—унылость ихъ начинаетъ дичать. Неслыханные звуки сливаются вмѣстѣ, аккорды переливаются все диче и угрюмѣе. Невыразимая тоска одолѣваетъ сердце, вздохъ вылетаетъ съ трудомъ. Эти аккорды говорятъ о чемъ-то страшномъ: словно переносятъ они въ предѣлы, гдѣ жизнь не красна, природа гибельна человѣку. Будетъ, перестаньте! — говорите вы

наконецъ, измученные, — и они начинаютъ стихать; томительное сочетаніе звуковъ ихъ проясняется; порою, какъ дальній громъ, еще прозвучитъ иной мимолетный гулъ:—вотъ тихая, сладостная мелодія поднимается въ воздухѣ, переливается, какъ весенній жаворонокъ, свѣтлѣе, радостнѣе,—бухъ!—оркестръ грянулъ веселымъ аккордомъ, живое, свѣтлое allegro наполняетъ душу невыразимымъ удовольствіемъ... Я вышелъ изъ стремнинъ Симплона: передо мною долина Domod'ossola. Изъ дикой пустыни горъ, гдѣ глаза, наконецъ, утомились мрачными красотами ихъ, сердце сжалось среди страшнаго безплодія природы,—вдругъ увидѣть передъ собою долину свѣтлую, по которой гирляндами стелется виноградъ, розовѣютъ персики, природа во всей роскоши юга,—я почувствовалъ, что передо мною была Италія, и надобно испытать такое чувство! Мнѣ стало легко, весело, я легъ на траву, и съ упоеніемъ нѣжилъ глаза на очаровательной долинѣ, которая, какъ чаша, лежала между горами, покрытыми темною, густою зеленью.—Италія, Италія,—я наконецъ вижу тебя! повторялъ я;—чудная, блаженная минута!..

Въ Бавено, деревеньку на берегу Lago-Magiore, пріѣхалъ я вечеромъ. Напившись чаю, вышелъ на террасу гостинницы. Озеро тихо лежало въ роскошныхъ берегахъ своихъ, острова чуть виднѣлись въ легкомъ голубомъ туманѣ. Ночь темнѣла, туманъ сдѣлался гуще. Утромъ, сказавши своему vetturino, чтобъ онъ ждалъ меня въ Sesto-Calende, я взялъ лодку и велѣлъ везти себя на острова. Нельзя налюбоваться на прелестный видъ Isola-Bella; его террасы, покрытыя лимонными, апельсинными деревами, сквозь темную зелень которыхъ ярко бѣлѣются мраморныя статуи, арки галлереи,—все придаетъ этому острову видъ чарующій. Тутъ есть два величайшіе, прекрасные лавра. Говорятъ, что на одномъ изъ нихъ Наполеонъ, въ первой Италіянской войнѣ,—гуляя по острову,—задумавшись, вырѣзалъ слово bataglia. Каждый путешественникъ поставляетъ за долгъ отломить кусочекъ отъ этого мѣста, и теперь слова не видать, его срѣзали совсѣмъ. Чудный человѣкъ! какой кусокъ земли въ Европѣ не говоритъ о тебѣ. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ я изъ окна заброшеннаго дворца на островѣ Isola madre. Прямо передо мной, далеко зеленѣло Lago-Magiore, влѣво городокъ Palanza живописно раскинулся по берегу у подошвы горы, вправо милая Isola-Bella, — какая природа, какая страна! Пароходъ привезъ меня въ Sesto-Calende,—и я въ австрійской Италіи. Кромѣ того, что на берегу отобрали наши паспорты,

всѣхъ путешественниковъ призывали въ полицію и списывали ихъ примѣты. Въ гостинницѣ, отъ скуки, сталъ я читать на стѣнахъ разныя надписи; большая часть ихъ по-французки и итальянски. Англичане ограничиваются четкимъ означеніемъ своего имени и фамиліи, французы пишутъ свои политическія мнѣнія, — отъ пустоты души бранятъ Людовика Филиппа, карлисты воспѣваютъ Генриха V. Италіянскія надписи дышатъ страстною любовію къ Италіи, любуются ею, горячо желаютъ ей счастія.

А вотъ и Миланъ. Наружность его мало отзывается италіянскимъ,—тутъ есть какая-то примѣсь французскаго характера. Сегодня все утро провелъ я, осматривая городъ. Хотя вамъ и скучно кажется ходить за мной, но вы простите моему любопытству и не посердитесь. Я началъ съ Bibliotecа Ambrosiana, которая содержитъ въ себѣ 60,000 томовъ печатныхъ и 40,000 рукописей. У меня не было ни особеннаго интереса, ни знанія разсматривать эту груду; любопытно только было взглянуть на Вергилія, списаннаго Петраркою. Почти съ благоговѣніемъ библіотекарь вынулъ изъ комода большую, толстую книгу и разложилъ ее передо мною съ словами: «Этому нѣтъ цѣны!» На пергаментѣ, четкимъ, прекраснымъ почеркомъ, съ величайшею чистотою, списаны сочиненія Вергилія. Почти каждый стихъ сопровожденъ замѣчаніями Петрарки, которыя писалъ онъ на поляхъ и внизу. Знатоки говорятъ, что замѣчанія и поясненія Петрарки весьма обыкновенны—оно такъ и должно быть; они полагаютъ, что это труды молодости его, когда отецъ вырывалъ у него изъ рукъ и бросалъ въ огонь Вергилія, надъ которымъ просиживалъ онъ цѣлыя ночи. Другой особенно замѣчательный манускриптъ—Іосифъ Флавій, переведенный Руфиномъ. Онъ писанъ на папирусѣ. Ему теперь, говорятъ, 1200 лѣтъ. Здѣсь-же видѣлъ я волосы Лукреціи Борджіа и письма ея къ карииналу Бембо; письма эти писаны ею уже въ то время, какъ она изъ чудовищно-развратной женщины сдѣлалась ханжею и призывала къ себѣ двухъ проповѣдниковъ въ день, утромъ и вечеромъ. Меня страннымъ образомъ интересовали эти письма и волосы Лукреціи Борджіа!—Александръ VI,—цезарь Борджіа,—Италія въ XVI вѣкѣ! какое время—какіе люди—и наконецъ, каковъ папа!.. Эта библіотека, кромѣ множества замѣчательныхъ рукописей, имѣетъ еще картинную галлерею.—Тутъ находится знаменитый картонъ аѳинской школы Рафаэля; нѣсколько очерковъ Микель-Анджелло. Картонъ нравится мнѣ лучше фреска. Послѣ обѣда пошелъ посмотрѣть на циркъ. Большое пространство, обнесенное

каменною стѣною. Съ одной стороны, широкая терраса, съ навѣсомъ, поддерживаемымъ 6 гранитными колоннами; налѣво двѣ башни для музыки. Циркъ сдѣланъ по волѣ Наполеона. Въ немъ бываютъ скачки, бой съ быками.—Посредствомъ трубъ, проведенныхъ изъ каналовъ, можно наполнить его водою въ нѣсколько часовъ, а потому лѣтомъ тутъ купаются, а зимою катаются на конькахъ. Зрителей можетъ помѣститься до 35 тысячъ. Я съ грустью смотрѣлъ на это широкое пространство, назначенное для забавы народа и свидѣтельствующее о знаменитости и величіи, какія хотѣлъ Наполеонъ придать столицѣ Италіянскаго королевства. Отсюда недалеко тріумфальныя ворота, начатыя тоже Наполеономъ. Теперь отдѣлываются они и окончатся года черезъ три. Они изъ разноцвѣтнаго мрамора; барельефы по сторонамъ очень хороши. Не могу выразить глубокаго наслажденія, которое чувствую я, глядя на Миланскій соборъ. Эта масса шпицовъ, восходящихъ къ небу, прозрачныхъ, унизанныхъ статуями, барельефами, рѣзьбою.—казалась мнѣ чѣмъ-то воздушнымъ. Это не готическій храмъ, гдѣ искусство покорено простотою религіознаго величія общности, гдѣ оно смиренно работало,—проникнутое стремленіемъ къ высокому и таинственному, расточая трудъ свой во славу величія Божія: въ архитектурѣ этого бѣлаго мраморнаго храма Милана нѣтъ величія,—она дышетъ нѣжностью. Видъ его не поселяетъ ни одной религіозной мысли. Здѣсь готическое искусство забыло свое стремленіе. «Не отъ міра сего царство мое!» говоритъ германскій храмъ среднихъ вѣковъ, таинственно указывая на небо одинокимъ шпилемъ своимъ. Такое стремленіе было несвойственно Италіи. Ей ли было отрицаться отъ міра, пренебрегать тѣлеснымъ среди роскошной, дышащей чувственностью природы! Подъ этимъ-ли небомъ не любить земли? Этому-ли народу, проникнутому обожаніемъ стихій ея, отвергать упоеніе, вливаемое природою въ страстное сердце его? Соборъ Миланскій начатъ былъ архитекторомъ Пеллегрино, въ стилѣ греческомъ, въ 1386. Заложилъ его Висконти, герцогъ миланскій, вслѣдствіе обѣта, даннаго имъ Божіей Матери. Послѣ перемѣнили греческій стиль на готическій, и храмъ лишился единства и полноты характера. Съ тѣхъ поръ онъ строился медленно, и окончаніе его было еще далеко въ 1806, когда Наполеонъ велѣлъ достроить его. Теперь возносится онъ во всей роскошной мечтательности архитектуры своей.

Вчера въ сумерки провелъ я въ соборѣ часа три съ невыразимымъ наслажденіемъ. Стало темнѣть, когда я вошелъ въ дивный храмъ.

Громадныя колонны тянулись передо мною бѣлыми своими массами и исчезали въ сумракѣ. Высокихъ сводовъ уже не было видно, и верхи колоннъ, казалось, простирались въ безконечность; сумракъ придалъ храму огромность необыкновенную. Колоссальныя статуи тускло бѣлѣлись во маркѣ и казались неземными богомольцами. Я сѣлъ и съ глубокимъ душевнымъ наслажденіемъ смотрѣлъ на храмъ, котораго гигантскія формы, одѣтыя сумракомъ, казались еще величественнѣе. Бываютъ минуты, когда сжатая жизнь города становится наконецъ невыносимою, когда душно въ этихъ улицахъ, между этими домами, въ этихъ стриженыхъ садахъ,—въ поле, въ лѣсъ, въ лѣсъ!—И съ какою отрадою впиваешь въ себя сладкій воздухъ поля, какъ весело въ густомъ, темномъ лѣсу! Какъ жадно прислушиваешься къ переливающемуся шуму его! Такъ вырываешься изъ нашей утонченной гражданственности, нашего стройнаго общественнаго быта и переносишься въ среднія времена, въ эту поэтическую эпоху броженія общественныхъ стихій, между этихъ желѣзныхъ характеровъ, среди обществa, чуждаго наукъ и просвѣщенія, отвергавшаго образованность древняго міра, какъ имя діавола. Любо тамъ смотрѣть на борьбу кастъ, общинъ, власти духовной и политической, любо воображенію бродить по этимъ развалинамъ, памятникамъ среднихъ временъ. Но развѣ храмы и зданія грековъ и римлянъ не изящнѣе этихъ темныхъ церквей съ ихъ кружевною рѣзьбою, шпилями, длинными колоннами, теряющимися въ мрачной высотѣ сводовъ? Что художественнаго въ этихъ поросшихъ травою замкахъ, выкладенныхъ на утесахъ, съ башнями, длинными, мрачными своими залами, гдѣ украшеніями служили не созданія искусства, а древнее оружіе, добыча охоты; что въ этомъ быту безъ гражданственности, цивилизаціи, въ этомъ почти дикомъ быту людей, все вѣсившихъ на тяжесть меча,—противу быта древнихъ, съ искусствомъ и законами, которымъ и теперь еще дивимся и подражаемъ мы?—Нѣтъ, среднія времена ближе моему сердцу; это было время юности обновившагося человѣка: долго томясь въ формахъ древняго міра, вырвался онъ наконецъ на свѣжій воздухъ новой жизни и отдался всему ея волненію. Потомъ я задумался о грозномъ, томительномъ католичествѣ среднихъ вѣковъ,—вообразилъ обѣдню того времени, въ этомъ храмѣ; епископа, совершающаго таинство среди поражающей торжественности, и толпу, тоскливо предстоящую, проникнутую величіемъ обряда... Меня вывелъ изъ задумчивости голосъ церковника, громко кричавшаго, что время запирать церковь.

Въ церкви Madonna della grazia видѣлъ Тайную Вечерю Леонардо да-Винчи. Это прежде былъ знаменитый монастырь, и въ огромной залѣ, нѣкогда трапезѣ, по стѣнѣ сохранились нѣкоторые остатки созданія да-Винчи. Французы, во время италіянской кампаніи, выгнали монаховъ, монастырь обратили въ казармы; трапеза, гдѣ находится высоко уважаемая знатоками Вечеря, служила конюшнею. Впослѣдствіи, въ стѣнѣ, на которой нарисована картина, прорубили дверь. Теперь ее едва можно разглядѣть, такъ она стерлась и полиняла отъ сырости. Входъ въ эту бывшую трапезу чрезъ внутренній дворъ монастыря, на который выходили окна келій. По стѣнамъ окружающихъ его галлерей сохранилась еще живопись, представляющая разныя мѣста изъ св. писанія, подвиги францисканобъ. Странно видѣть этотъ остатокъ религіознаго назначенія среди лагерныхъ и походныхъ снарядовъ, кузницъ, солдатъ. Теперь въ принадлежавшихъ монастырю корпусахъ устроены казармы.

Сегодня отъ души хохоталъ я въ театрѣ dei giardini publici· Представленіе даютъ днемъ; въ открытомъ деревянномъ амфитеатрѣ можетъ помѣститься до 2,000 зрителей. Это театръ для простого народа. Играли комедію Гольдони. Безпрестанныя ссоры и мировыя любовниковъ, судья, разбирающій ихъ жалобы—изъ этого состояли всѣ сцены. Зрители смѣялись до упаду. Національность была во всемъ разгулѣ. Италіянскіе актеры совсѣмъ иначе держатъ себя на сценѣ. Я говорю въ отношеніи національныхъ піесъ; въ италіянцѣ больше естественности, онъ развязенъ и живъ на сценѣ, съ грубостію; въ немъ не нѣжность, а страсть, поминутно вспыхивающая въ различныхъ чувствахъ. Комизмъ италіянскаго фарса вообще состоитъ не въ экивокахъ и простонародныхъ фарсахъ. Онъ любитъ личности, и дѣлается докторомъ, вѣчнымъ предметомъ насмѣшекъ, или, въ роли impresario, выводитъ наружу всѣ интриги и все смѣшное оперной труппы.

28 августа.

Сейчасъ слушалъ обѣдню въ Миланскомъ соборѣ. Звуки органа плавно носились по пространнымъ сводамъ. Съ главнаго входа видъ на большой алтарь удивителенъ. Въ дыму кадилъ тускло мерцаютъ свѣчи алтаря; священники въ бѣлыхъ ризахъ окружаютъ престолъ' около нихъ по сторонамъ два ряда пѣвчихъ и церковныхъ служителей. Нишъ алтаря освѣщенъ только однимъ огромнымъ окномъ; стекла прекрасно сохранили старинную живопись; лучи солнца слабо проницали сквозь нихъ. Толпы молящихся были почти не-

замѣтны между громадными колоннами. Я взялъ стулъ, отошелъ на самый конецъ церкви и сѣлъ. Передо мною длинными рядами подымались колонны, усыпанныя статуями и барельефами; пѣніе едва слышалось; органъ доносился до меня слабо, аккордовъ я не могъ разбирать—они то умирали, то звучали сильнѣе, переливались—это было эхо органа.—Громадные своды вторили его. Обѣдня кончилась, народъ вышелъ изъ церкви, а я еще сидѣлъ,—душа была въ безотчетномъ упоеніи.—Чтобы видѣть высшую сторону католичества, надобно быть въ Италіи, гдѣ народъ вѣритъ отъ всей души и такъ поэтически, гдѣ въ храмахъ его искусства расточили дары свои. Тутъ примиряешься съ нимъ за плодотворное вліяніе его на міръ, тутъ предстоитъ онъ во всемъ очарованіи минувшаго царства своего. Реформа не идетъ къ готическимъ храмамъ Германіи.

Здѣшній театръ la Scala—огромнѣйшій изъ всѣхъ театровъ Европы. Несмотря на величину его (онъ гораздо больше нашего Петровскаго), эхо не разноситъ звуковъ, пространство не поглощаетъ ихъ, и потому—какъ не подивиться искусству архитектора Pietro Marini, строившаго его, въ 1778 году. Театръ этотъ представляетъ родъ публичнаго гулянья. Во время представленія, по обширному партеру его, зрители преспокойно расхаживаютъ, громко разговаривая. Въ ложахъ его, которыя безъ преувеличенія можно назвать комнатами, принимаютъ визиты, мѣняются новостями. Меня удивила эта невнимательность, походившая на пренебреженіе. Я вспомнилъ тишину парижскихъ театровъ, бурное негодованіе зрителей на малѣйшій шумъ, постоянное вниманіе отъ начала до конца пьесы [1]). Труппа была посредственная.

Я стою въ albergo del falcone. Противъ окна моего, на другой сторонѣ улицы, по которой едва проѣдутъ двѣ кареты рядомъ, живетъ молодая дѣвушка, которая занимается мотаньемъ шелка. Она очень недурна,—черные волосы, черные глаза, блѣдное лицо. Нѣсколько дней я кланяюсь ей, она отвѣчаетъ; давеча рѣшился сказать ей «bon giorno», она проговорила «bon giorno, signor», засмѣялась и убѣжала. Иногда она поетъ, голосъ у ней чистый и высокій. Ея быстрыя движенія, игривые мотивы ея пѣнія, и это блѣдное страстное лицо—такъ все и говоритъ объ Италіи. Мнѣ

---

[1]) Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я снова посѣтилъ Миланъ. Тогда на театрѣ Scala пѣла Малибранъ. Тутъ я узналъ, что такое страсть италіянцевъ къ пѣнію, и что такое италіянскій энтузіазмъ. Въ этомъ вся жизнь его, и какъ въ то время прекрасна она!

нравится обычай здѣшнихъ женщинъ покрывать голову чернымъ кружевнымъ покрываломъ. Шляпокъ онѣ не носятъ. Это придаетъ еще болѣе выразительности прекраснымъ лицамъ ихъ.

Послѣзавтра выѣзжаю изъ Милана. Смотря на храмъ его, я ощущаю всегда такое внутреннее удовольствіе, такъ всегда весело мнѣ смотрѣть на него! Я разстаюсь съ нимъ какъ съ прекрасной мечтой, которая дышала нѣжностью, искусствомъ, задумчивостію. Сегодня хотѣлъ проститься съ нимъ, хотѣлъ въ послѣдній разъ послушать въ немъ обѣдню, потому что эхо органа разносится по сводамъ удивительно. Къ несчастію, пришелъ слишкомъ рано. Священникъ началъ проповѣдь. Я ждалъ, авось скоро кончитъ, и отъ скуки разсматривалъ обширную каѳедру, вылитую изъ бронзы, съ превосходно изваянными барельефами, и поддерживаемую четырьмя колоссальными бронзовыми изваяніями святыхъ. Нѣкогда съ нея неслось слово Карла Баромея, человѣка замѣчательнаго, страстнаго, энергическаго ревнителя католичества, котораго неусыпнымъ стараніямъ одолженъ храмъ этотъ своимъ настоящимъ великолѣпіемъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ Карлъ Баромей причисленъ къ лику святыхъ. Богатая фамилія Баромея, по стараніямъ которой сдѣлана была эта канонизація, думала-было сдѣлать то-же и съ братомъ его, Фредерикомъ, не менѣе замѣчательнымъ человѣкомъ. — Такимъ образомъ я продолжалъ смотрѣть и думать, а проповѣдникъ говорить, — наконецъ я не выдержалъ, и ушелъ.

Венеція. 2 ноября.

Я взялъ въ Падуѣ мѣсто въ дилижансѣ, который отправляется сюда три раза въ недѣлю. Почти вся дорога идетъ по лѣвому берегу Бренты, рѣки неширокой и тихой. Низкіе, ровные берега ея усѣяны дачами, садами,—изъ нихъ многіе прекрасны. Но деревни, люди и вообще картины, встрѣчаемыя по дорогѣ этой, едва, едва говорятъ, что вы въ Италіи. Но за то архитектура каждаго загороднаго дома дышетъ прелестью, граціею. Здѣсь нѣтъ роскоши природы Неаполя, въ народѣ нѣтъ художественной небрежности римлянъ, нѣтъ ихъ граціозности. Народъ угрюмъ. Бѣлые мундиры австрійцевъ на всякомъ шагу. Дилижансъ идетъ только до деревни Basino, стоящей на берегу моря; тамъ сѣли мы въ лодку и поѣхали въ Венецію. Отъ Basino считаютъ до нея пять миль. Я съ жадностью глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ была Венеція. Изъ моря вдали стала возвышаться куча домовъ, надъ ними вытягивались колокольни, верхи башенъ, церквей. Со всѣмъ

тѣмъ издали видъ Венеціи совсѣмъ не привлекателенъ; чѣмъ ближе подъѣзжали мы, тѣмъ больше простывала моя воспламененная фантазія,—я увидѣлъ передъ собою ряды домовъ грязныхъ, самой обыкновенной архитектуры, отдѣленныхъ отъ воды только тротуарами. Между тѣмъ лодка плыла, Венеція оставляла пошлую одежду свою,—вотъ тротуары исчезли, передо-мною льется улица воды между домами, которыхъ формы, архитектура, мнѣ незнакомы, никогда мною не виданы,—вотъ переулки,—заглядываю—вода и дома—въ туманной дали между домами круто перебросились мостики. Каналъ раздвигается шире и шире, передо мной разстилается улица воды, — и перспектива домовъ, усыпанныхъ колоннами, барельефами, чудныхъ, которымъ основаніемъ служитъ влага. Видъ единственный! Эти дома безъ земли, плавающіе по морю, соединенные мостиками; легкія, черныя гондолы, покрывающія даль канала и скользящія мимо; это множество народа—и тишина; но всего болѣе архитектура строеній, причудливая, игривая, роскошная,—я вскрикнулъ отъ удивленія и удовольствія. Венеція, Венеція, о какъ прекрасна ты! недаромъ я такъ давно, такъ страстно любилъ тебя, красавица! — громко повторялъ я. Вдали показался высокій мостъ, съ удивительною нѣжностію легко, граціозно, перекинувшійся черезъ каналъ — я спросилъ о немъ у гребца.—Rialto, signore.—Ріальто! — какъ давно знакомъ ты мнѣ, — здравствуй! Тутъ лодка наша пристала къ дому, гдѣ была контора дилижанса. Взявши fachino, я пошелъ въ гостинницу. Новая странность! Я шелъ по улицамъ шириною въ 4 шага, между рядами лавокъ и магазиновъ,—ни стуку экипажей, ни лошадей, — необыкновенное впечатлѣніе! Эти улицы безпрестанно прерывались, снова соединялись мостиками, ихъ перспектива воздушна, узкіе каналы извивались въ переулкахъ, по нимъ мелькали и тѣснились гондолы; тихій плескъ отъ веселъ, крикъ разнощиковъ, говоръ народа, — все это было мнѣ такъ явственно и странно слышно, не заглушаемое стукомъ экипажей, народъ такъ свободно наполнялъ узкія улицы, — я чувствовалъ, что нахожусь въ какомъ-то иномъ мірѣ...

5 ноября.

Здравствуй, милая, мраморная, удалая Венеція! Здравствуй, величественный левъ, заснувшій глубоко и непробудно! Здравствуй, прекрасная Венеція! Съ пламеннымъ желаніемъ спѣшилъ я къ тебѣ, и хожу по тебѣ, очарованный. Сегодня съ утра отправился ходить по городу и прежде всего къ площади S.-Marco. Надо

пройти по улицамъ, безпрестанно переходить мостики, видѣть около себя одни каналы, чтобъ понять впечатлѣніе, которое испытываешь вдругъ, видя передъ собою огромную площадь, обнесенную превосходными зданіями, и прямо—странный восточный фасадъ базилики S.-Marco. Портики окружаютъ всю площадь, подъ ними, во все пространство, тянутся лавки. Еслибъ этой площади дать аллеи Пале-Рояля, его фонтанъ и блестящіе магазины, освѣщенные газомъ, — это былъ-бы видъ единственный. Площадь S.-Marco—поразительна, огромна, но грустна; магазины ея небогаты, обширное пространство площади пусто, жизни не видать на немъ. По правую сторону идутъ кофейныя: но въ кофейныхъ Венеціи безжизненно, тихо, не слыхать громкаго разговора. Gazette de France, Galignan'Mesanger и нѣсколько итальянскихъ газетъ съ Аугсбургскою составляетъ вялую пищу венеціянскаго любопытства. Въ самомъ дѣлѣ, надобно читать италіянскіе журналы, чтобъ понять всю нравственную пустоту и ничтожность ихъ. Ихъ выписки изъ иностранныхъ журналовъ столь кратки и нерѣшительны, что, прочтя журналъ, италіянецъ долженъ остаться въ совершенномъ замѣшательствѣ, касательно событій, или положенія Европы. Базилика S.-Marco выстроена въ какомъ-то византійско-арабскомъ вкусѣ; общимъ характеромъ своимъ она нѣсколько похожа на Софійскій соборъ въ Кіевѣ, а темною внутренностью на московскіе соборы. Въ ея украшеніяхъ нѣтъ роскошнаго искусства римскихъ церквей, древнія мозаики ея грубы. Стѣны и колонны древняго разноцвѣтнаго мрамора; золотыя мозаики стѣнъ и куполовъ свидѣтельствуютъ о богатствѣ первыхъ временъ республики; но во всѣхъ украшеніяхъ этихъ нѣтъ и слѣда изящества. Впечатлѣніе, произведенное ею на меня, было холодно, непріятно. Ея размѣры и формы стѣсняютъ воображеніе, христіанство въ этихъ стѣнахъ имѣетъ какой-то характеръ угнетенія, печали, безнадежности, чуждо надежды и одушевленія. Эта оригинальность архитектуры—мертва, сочетаніе вкуса римскаго съ восточнымъ какъ-то неловко и нелѣпо. Это множество маленькихъ колоннъ, разсѣянныхъ по стѣнамъ и въ нишахъ, только пестритъ ихъ понапрасну. Какъ произведенія искусства, я лучше предпочту наши московскіе соборы, съ чистымъ одинакимъ характеромъ ихъ. Palazzo-ducale чудное, единственное зданіе. Тутъ не знаешь, чему болѣе дивиться — воздушности, или оригинальной прелести архитектуры. Кружевныя украшенія его, этотъ фасадъ столь легкій, роскошный — восточная повѣсть, разсказанная страстнымъ евро-

пейцамъ, полная образовъ чувственной мечтательности востока. Я очарованъ этимъ зданіемъ, любуюсь его нѣжною, свѣтлою формою. Наслажденіе мое сдѣлалось полнѣе, когда я вошелъ во внутренній дворъ и сталъ передъ главнымъ входомъ scala dei gigante, по которой всходили дожи въ свои комнаты.

Я былъ полонъ удивленія къ торжественному величію этой мощной республики, я видѣлъ этотъ очаровательный дворецъ и залы его, гдѣ сила правительства являлась столь свѣтлою и благородною, мое воображеніе мечтало о радостныхъ торжествахъ и побѣдахъ ея флотовъ: восторгъ мой охолодѣлъ, сердце сжалось, когда я вошелъ въ залу совѣта десяти. Тутъ предстала мнѣ сила республики мрачною и таинственною. Изъ старинныхъ украшеній этой залы остались только нѣкоторыя части плафона, работы Павла Веронеза. Маленькій корридоръ ведетъ изъ нея въ комнату государственныхъ инквизиторовъ, которая примыкаетъ къ Ponte de'sospiri. Въ задней части дворца. обращенной къ Ponte de'sospiri, находятся тюрьмы. Проводникъ мой и custode засвѣтили по факелу, и мы начали спускаться въ подземелье по узкой каменной лѣстницѣ. Тюрьмы раздѣлялись на три этажа. Первый въ нижнемъ этажѣ дворца, второй вровень съ моремъ, третій подъ водою. Первый назначенъ былъ для преступниковъ обыкновенныхъ, второй, и особенно третій, для политическихъ. Въ прошломъ столѣтіи вода прососала стѣны нижнихъ тюремъ и затопила ихъ, но два верхнія отдѣленія сохранились въ цѣлости. Всѣ тюрьмы малы; заключенный сидѣлъ въ темнотѣ и днемъ и ночью, кромѣ обѣденнаго часа, въ продолженіе котораго на маленькое оконцо ставилась ему лампа. Невозможно вообразить, какъ душенъ и тяжелъ воздухъ въ этихъ тюрьмахъ. Не могу понять, какъ не задыхались здѣсь отъ чрезвычайно малаго количества воздуха, кое-какъ достигавшаго сюда черезъ дальнія двери, потому что въ корридорѣ оконъ тоже нѣтъ. Каждый этажъ имѣлъ свою комнату казни и особенный родъ ея. Въ верхнемъ этажѣ удавливали. Сажая осужденнаго задомъ къ желѣзной рѣшеткѣ окна, надѣвали ему на шею веревку, которой оба конца были прикрѣплены къ колесу. Палачъ начиналъ вертѣть колесо, голова прижималась къ рѣшеткѣ, тѣло свѣшивалось — и несчастный умиралъ скоро. Однакожъ нѣкоторые противились, употребляли послѣднія усилія на защиту своей похищаемой жизни, и вѣроятно, такъ отчаянны бывали сопротивленія ихъ, что палачъ принужденъ бывалъ закалывать ихъ на мѣстѣ, что̀ свидѣтельствуютъ брызги и широкія пятна крови

на мраморной стѣнѣ, къ которой бывали прикованы они. На стѣнахъ тюремъ нижняго этажа можно еще разобрать нѣкоторыя надписи, хотя большая часть уничтожена сыростью. Я списалъ которыя могъ прочесть.

Non ti fidor d'alcuno, pensa e taci,
Se fugir vuoi d'espioni insidie e laci
Il pentirti, il lagnarti nulla giova
Ma ben del valor tuo la vera prova.
18 dec. 1677.

Бѣднякъ проговорился видно! Въ другой тюрьмѣ большими изломанными буквами начерчено:

Di chi mi fido guardo mi dio
Di chi non mi fido mi guardaro io.

Тутъ-же, на потолкѣ: Un parlar poco e un negar prouto e un pensar al fine pol dar la vita a noi altri meschini. 1605. Въ третьей, межъ множества стертыхъ надписей, можно разобрать: Maledectus homo qui confidet in homine.... Эти тюрьмы имѣли иной родъ казни. Къ нимъ примыкаетъ маленькая комнатка съ высокимъ камнемъ на порогѣ, такъ-что можно, ставши на колѣни, положить на него голову. Надъ камнемъ сверху устроенъ былъ въ родѣ гильотины широкій, тяжелый мечъ, быстро упадавшій на шею казнимаго. Окончивъ дѣло, палачъ оставлялъ тѣло въ этой комнаткѣ, въ полу которой сдѣланы три отверстія для стока крови. Кровь въѣлась въ мраморъ, и полъ почти багроваго цвѣта. Комнатка находится подъ самымъ Ponte de'sospiri; низкая дверь вела изъ нея въ каналъ; отсюда вывозили тѣло. Теперь дверь задѣлана, но мѣсто ея очень замѣтно. Тюрьмы, называемыя piombi, находятся подъ крышею дворца въ лѣвой сторонѣ. Онъ крытъ свинцомъ. Но туда не пускаютъ. Съ площади видно окно тюрьмы, гдѣ содержался Сильвіо-Пеллико. Прекрасенъ, роскошенъ снаружи дворецъ дожа—страшенъ, удушливъ внутри.

Сегодня утромъ взялъ гондолу, чтобъ осмотрѣть церкви Венеціи. Венеція богата церквами: однѣ онѣ сохранили прежнее великолѣпіе свое; архитектура, внутреннее украшеніе, картины славныхъ художниковъ дѣлаютъ ихъ самыми интересными предметами города. Церковь di'frari богатѣйшая и самая замѣчательная; здѣсь множество надгробныхъ памятниковъ дожей, изъ которыхъ иные величественны. Въ этой же церкви похороненъ Тиціанъ, умершій во время чумы. Сенатъ республики оказалъ честь трупу великаго человѣка, избавя его отъ сожженія, чему-бы долженъ подверг-

нуться онъ, вмѣстѣ съ прочими отъ чумы умершими. Краткая надпись, высѣченная на мраморѣ, свидѣтельствуетъ о мѣстѣ праха его. Всего замѣчательнѣе здѣсь памятникъ Кановѣ, великому скульптору, который, по общему гласу, воскресилъ греческое ваяніе. Смотря на многія произведенія его, я соглашался, что онъ въ самомъ дѣлѣ воскресилъ греческое ваяніе, но только такъ, какъ воскрешаютъ посредствомъ гальванизма.... Церковь Redemptore—одно изъ лучшихъ созданій великаго Палладія. Трудно описать легкость, простоту и изящество ея общности; она влечетъ къ себѣ художественной красотой своей... Но къ чему все это? Каждой церкви должно посвятить особенное описаніе, — а вамъ будетъ скучно читать эти описанія. Не стану разсказывать вамъ и о дворцахъ Венеціи. Что пріобрѣтаете вы, если я вамъ скажу, что Palazzo-Barberigo весь наполненъ произведеніями Тиціана. что̀ тамъ его Магдалина — вся чувство, молитва сердца, жажда неба; что въ Palazzo-Treviso не могъ я глазъ отвесть отъ благороднаго, унылаго лица Гектора Кановы; перебирать-ли вамъ все, что есть прекраснаго въ Palazzo-Manfrini, — говорить ли вамъ о чудесной архитектурѣ дворцовъ Венеціи, напоминающихъ ея былое величіе? Нѣтъ, я скажу вамъ только, что всѣ эти памятники силы и славы республики, строенные знаменитыми архитекторами, чуть-ли не скоро обратятся въ развалины: въ нихъ никто не живетъ, они преданы запустѣнію. Я долго стоялъ передъ заброшеннымъ Palazzo-Foscari. Погода была сумрачна, небо покрыто сѣрыми облаками, порывистый вѣтеръ колыхалъ мою гондолу, природа дышала грустью, мнѣ стало жаль Венецію, нѣкогда столь роскошную, могучую,—и теперь увялую, дряхлѣющую. Народонаселеніе ея уменьшается, торговля вяла и почти ничтожна; ея дома съ каждымъ годомъ болѣе пустѣютъ и разрушаются, о праздникахъ ея никто не запомнитъ, отъ огромныхъ флотовъ, какіе высылала въ море республика, не осталось и духу; — porto-franco, уже четыре года открытый, мало прибавилъ ей жизни и дѣятельности, доставя только облегченіе потребленію жителей, въ бездѣйствіи проживающихъ капиталы свои. Можетъ быть, porto-franco современемъ и увеличитъ ея народонаселеніе, но богатства, промышленности онъ не воротитъ ей. Bella povera Venezia! сказалъ я, задумавшись.—Duovero povera,—проговорилъ мой гондольоръ—я оглянулся на него. Онъ уныло смотрѣлъ въ воду, колыша ее длиннымъ весломъ своимъ. Я вспомнилъ стихи Байрона:

In Venice Tasso's echoes are no more
Ant silent rous the songless gondolier,

Her palaces are crumbling to the shore,
And music meets not always non the ear;
Those days are gone—but Beauty still is here...

Спѣшите, спѣшите насмотрѣться на красавицу; скоро отцвѣтетъ она: смертная болѣзнь точитъ ея сердце. Красота ея грустна, но въ ея томныхъ, заплаканныхъ очахъ сверкаетъ еще страсть, пламенные порывы еще волнуютъ болѣзненную грудь эту, еще въ нѣгѣ ея объятій вы забудете и великій Римъ, и упоительный Неаполь.

5 ноября.

Вчера я былъ очарованъ Венеціею. Гостинница, гдѣ живу я, выходитъ къ морю. Передъ окнами моей комнаты устье большого канала и прямо на противоположномъ берегу, — превосходной архитектуры церковь Maria della salute. Я сидѣлъ у камина и читалъ; было около 12 часовъ, и я ужъ хотѣлъ было лечь спать, и какъ-то нечаянно подошелъ къ окну. Ночь была чудная. Полная луна ярко лила свѣтъ на море, отражаясь въ безконечной полосѣ. переливавшейся огнемъ и золотомъ. Ночной туманъ придалъ прелестнымъ формамъ церкви Maria della salute воздушность; по широкому каналу—ни гондолы. Можно-ли въ такую ночь сидѣть въ комнатѣ? Я пошелъ на площадь S. Marco. Полная очарованія и мечтательности, лежала она, покрытая голубоватымъ туманомъ ночи; огромный palazzo reale, съ двухъ сторонъ ее окружающій, только половину ея давалъ на волю лучамъ мѣсяца, оставляя другую въ темнотѣ; подъ арками дворца темно и пусто; вдали свѣтилась только кофейная florian, отпертая всегда, день и ночь. Изъ тѣни площади видъ на дворецъ дожей, стоящій къ морю и весь облитый свѣтомъ мѣсяца, удивителенъ. Съ арками, барельефами, прозрачными кружевными рубцами своими, онъ казался мнѣ воздушнымъ. Я стоялъ, очарованный необыкновеннымъ видомъ. Воображеніе рисовало картины минувшей жизни венеціанской; я вспомнилъ Марино Фальеро и Гофмана, моего волшебнаго Гофмана, съ его нѣжною Аннунціатою и удалымъ гондольеромъ. Сколько жизни, страсти, любви кипѣло на этой площади, теперь тихой, пустынной...

У пристани стояло нѣсколько гондолъ. Я разбудилъ одного гондольера, и велѣлъ везти себя по каналамъ Венеціи,—и тутъ-то показалась она мнѣ совсѣмъ иною. Свѣтъ луны выбѣлилъ всѣ дома, скрылъ запустѣніе ихъ, далъ всему новый, фантастическій видъ, помолодилъ Венецію. Игривая, полувосточная архитектура дворцовъ ея, съ ихъ безконечными колоннами и балконами, сквозь

дымковый туманъ ясной ночи, покрылась какими-то чудными цвѣтами; этотъ туманъ снесъ съ Венеціи слѣды пролетѣвшихъ столѣтій, закрылъ воздушнымъ своимъ покровомъ слѣды запустѣнія. Я плылъ по большому каналу. Какъ описать эту единственную картину! Вода какъ зеркало! Перспектива домовъ, возвышающихся изъ нея, ярко отразилась въ каналѣ, словно дома выросли внизъ. Въ переулкахъ ряды перекинувшихся между домами мостиковъ образовали какія-то воздушныя галлереи, терявшіяся въ туманѣ. Какъ тихо! Можно-бы слышать легчайшій вздохъ съ этого балкона, но дворцы эти пусты. Въ разбитыя стекла оконъ свободно льются лучи полнаго мѣсяца. Ни полетъ вѣтра, ни шелестъ шаговъ не нарушаютъ странной, волшебной тишины. Эти дворцы, вставшіе изъ влаги, съ восточными, причудливыми своими формами, эти ряды домовъ, теряющіеся въ воздушной дали воды и неба, пустынные, темные переулки съ своими прозрачными мостиками, это повсюдное отсутствіе земли и тверди—привели въ замѣшательство мое воображеніе. Что̀ такое передо мною? Не видѣнія-ли ночи? Они улетятъ, снесутъ съ воды эти кружевные дворцы, эти нѣжно перекинувшіеся мостики, вотъ ужъ они заколебались, дрожатъ, исчезаютъ, нѣтъ... это всколыхалась вода, разрѣзанная зубчатою кормою гондолы, прямо противъ меня выплывшей изъ переулка. Быстро пронеслась она мимо, дальше, дальше тонетъ въ туманѣ, чуть слышенъ плескъ воды отъ весла гондольера. Снова тишина! Вотъ показался Rialto; мраморный, онъ бѣлѣлъ надъ воздушною влагою. Но гондола эта, быстро выплывшая и исчезнувшая вдали, произвела на меня странное впечатлѣніе; вся покрытая чернымъ, она походила на плавающій гробъ. Гондольеръ мой повернулъ въ узкій переулокъ. Смотрю—надо мной Ponto de'sospiri. Быстро исчезло нѣжное впечатлѣніе Венеціи. Ponto de'sospiri страшный мостъ вздоховъ: проходившіе по немъ уже не возвращались въ міръ сей. Это мрачное, высокое зданіе, съ желѣзными у оконъ рѣшотками, неужели это дворецъ дожей? Это задняя часть его. Бѣда, кто ввѣрялся его нѣжной наружности. Внутри его темницы, куда не проникалъ никогда свѣтъ дневной; тамъ пытка и казни совершались среди этой томной, полной мечтательности нѣги; вотъ дверь, откуда вывозили казненнаго, — вотъ сюда стекала кровь его... но—чу!—несутся звуки, звуки мандолины—ближе, ближе, вонъ въ море тихо плыветъ гондола, въ ней нѣжный женскій голосъ поетъ канцонету: La notte che bella.....

III.

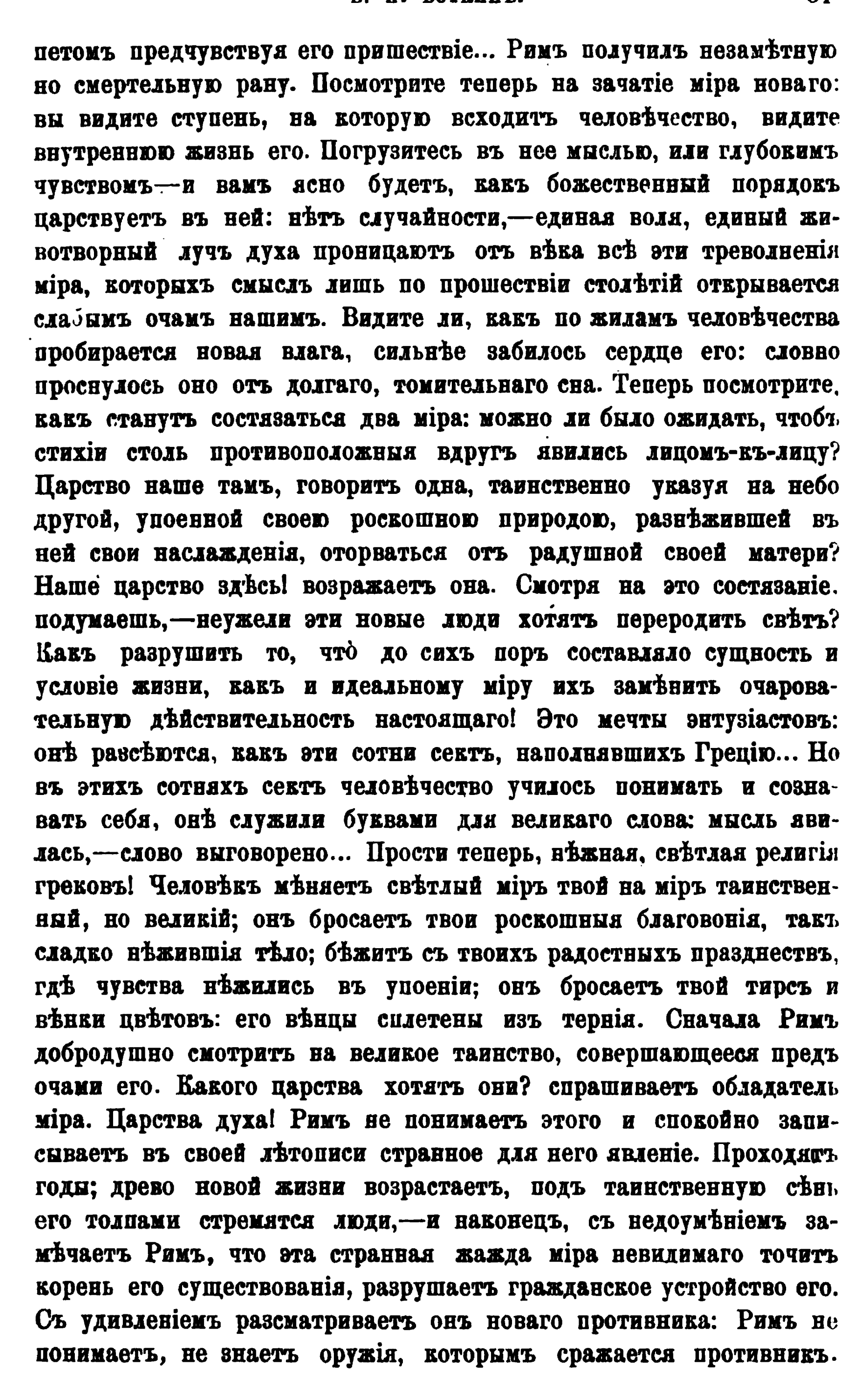
Письмо изъ Италіи.

1835.

Римъ. 29-е октября.

...Въ Римъ въѣхалъ я съ самымъ обыкновеннымъ чувствомъ. Прежде часто и много думалъ я о немъ; но по мѣрѣ моего къ нему приближенія, глаза, встрѣчая по Италіи столько прекраснаго, невольно отвлекли воображеніе къ настоящему—и оно уже какъ-то охладѣло къ воспоминаніямъ минувшаго; притомъ и папскій солдатъ въ изношенномъ голубомъ мундирѣ, подошедшій у заставы къ дилижансу спрашивать паспортъ, кажется, охолодилъ-бы и дѣйствительное поэтическое одушевленіе. Въѣзжаемъ. Я увидѣлъ передъ собою обширную площадь; среди ея стоялъ египетскій обелискъ, окруженный четырьмя прелестными фонтанами; по краямъ площади бѣлѣлись колоссальныя группы мраморныхъ статуй. «Piazza del Popolo», сказалъ кто-то въ дилижансѣ. Площадь народная!.. Все, что воображеніе прежде мечтало о древнемъ Римѣ, все при этомъ видѣ и словѣ вдругъ закипѣло въ немъ. «Я въ Римѣ, я въ Римѣ!» твердилъ я себѣ съ недовѣрчивостью. Да и гдѣ же, кромѣ Рима, можетъ быть такая площадь? Нигдѣ не встрѣчалъ я площади столь торжественно-величавой, такъ дышащей искусствомъ. Восторгъ мой понемногу простывалъ, когда дилижансъ ѣхалъ по длинному Corso; съ жаждою къ древностямъ, ища ихъ повсюду глазами, я безъ вниманія смотрѣлъ на превосходные palazzi, какими обставлены узкія улицы Рима. Немного оправившись въ гостинницѣ, я тотчасъ же спросилъ себѣ cicerone и велѣлъ вести себя на Foro romano. Видите это широкое поле; на немъ нѣтъ ни домовъ, ни пашенъ:—словно растутъ одни обломки, его покрывающіе. И было время, когда за право стоять на этомъ полѣ бывали кровавыя войны; народы, сосѣдніе Риму, рѣшались

или погибнуть, или стать римскими гражданами. Не быть римскимъ гражданиномъ значило быть ничѣмъ. Для подачи голосовъ цѣлые города спѣшили на forum; площадь становилась тѣсною; толпы взбирались на колонны храмовъ, на крыши окружныхъ зданій. Гдѣ дано было слову человѣческому больше силы, гдѣ больше могло оно дать человѣку, какъ не на этомъ форумѣ? Началъ здѣсь жить Римъ—и умеръ здѣсь. Никогда не былъ онъ такъ могучъ, какъ въ эпоху гражданскихъ междоусобій своихъ: въ жаркихъ схваткахъ ораторовъ, въ борьбѣ общественныхъ стихій республика расправляла свои мышцы. Если народу суждена великая миссія въ исторіи человѣчества,—всѣ преграды, встрѣчающіяся ему въ его развитіи, обращаетъ онъ только въ питаніе своего могучаго организма. Теперь, видите направо восемь колоссальныхъ колоннъ, поддерживающихъ остатки карниза и архитравы: — это былъ храмъ Счастія; возлѣ, пониже, стоятъ три колонны превосходной работы; на кускѣ большого, прелестнаго карниза, уцѣлѣвшаго на нихъ, можно еще прочесть: «tonante»; это былъ храмъ Юпитера Громовержца. Недалеко отъ нихъ вышла въ половину изъ земли роскошная арка Септимія-Севера. Тамъ подальше въ полѣ—одиноко стоятъ три колонны: онѣ поддерживаютъ широкій, величественный карнизъ самой изящной работы: это остатки зданія, въ которомъ принимала республика чужестранныхъ пословъ. Далѣе, всю правую сторону горизонта заслоняетъ длинная гора мусора, кирпича и мраморныхъ обломковъ, заросшихъ густою травою. Это было зданіе, котораго великолѣпіе недоступно нашему воображенію,—это былъ дворецъ цезарей. Около развалинъ этихъ глядятъ въ пустынное поле великолѣпная, почти вся уцѣлѣвшая, но чуждая древняго изящества, арка Константина и нѣжная тѣнь арки Титовой. Наконецъ, обращаясь влѣво, глаза останавливаются на громадной, полуразрушившейся массѣ, поднявшейся широкими арками въ 5 величайшихъ рядовъ. Это Коллизей... Сурово стоишь ты, памятникъ величія римскаго! Но не битвы гладіаторовъ, не ристалища, не представленія занимаютъ въ немъ меня,—нѣтъ, здѣсь защищалъ Римъ свое существованіе отъ неслыханнаго и послѣдняго противника своего: тысячи христіанъ замучены на широкой аренѣ этого амфитеатра. Когда мрачный Тиверій, обладатель міра, смотря изъ дворца, думалъ о безграничномъ могуществѣ своей имперіи, въ то время, въ одной дальней ничтожной провинціи его имперіи, совершилось великое таинство, къ принятію котораго народы приготовлялись цѣлые вѣка, съ тре-

петомъ предчувствуя его пришествіе... Римъ получилъ незамѣтную но смертельную рану. Посмотрите теперь на зачатіе міра новаго: вы видите ступень, на которую всходитъ человѣчество, видите внутреннюю жизнь его. Погрузитесь въ нее мыслью, или глубокимъ чувствомъ—и вамъ ясно будетъ, какъ божественный порядокъ царствуетъ въ ней: нѣтъ случайности,—единая воля, единый животворный лучъ духа проницаютъ отъ вѣка всѣ эти треволненія міра, которыхъ смыслъ лишь по прошествіи столѣтій открывается слабымъ очамъ нашимъ. Видите ли, какъ по жиламъ человѣчества пробирается новая влага, сильнѣе забилось сердце его: словно проснулось оно отъ долгаго, томительнаго сна. Теперь посмотрите, какъ станутъ состязаться два міра: можно ли было ожидать, чтобъ стихіи столь противоположныя вдругъ явились лицомъ-къ-лицу? Царство наше тамъ, говоритъ одна, таинственно указуя на небо другой, упоенной своею роскошною природою, разнѣжившей въ ней свои наслажденія, оторваться отъ радушной своей матери? Наше царство здѣсь! возражаетъ она. Смотря на это состязаніе, подумаешь,—неужели эти новые люди хотятъ перeродить свѣтъ? Какъ разрушить то, что до сихъ поръ составляло сущность и условіе жизни, какъ и идеальному міру ихъ замѣнить очаровательную дѣйствительность настоящаго! Это мечты энтузіастовъ: онѣ разсѣются, какъ эти сотни сектъ, наполнявшихъ Грецію... Но въ этихъ сотняхъ сектъ человѣчество училось понимать и сознавать себя, онѣ служили буквами для великаго слова: мысль явилась,—слово выговорено... Прости теперь, нѣжная, свѣтлая религія грековъ! Человѣкъ мѣняетъ свѣтлый міръ твой на міръ таинственный, но великій; онъ бросаетъ твои роскошныя благовонія, такъ сладко нѣжившія тѣло; бѣжитъ съ твоихъ радостныхъ празднествъ, гдѣ чувства нѣжились въ упоеніи; онъ бросаетъ твой тирсъ и вѣнки цвѣтовъ: его вѣнцы сплетены изъ тернія. Сначала Римъ добродушно смотритъ на великое таинство, совершающееся предъ очами его. Какого царства хотятъ они? спрашиваетъ обладатель міра. Царства духа! Римъ не понимаетъ этого и спокойно записываетъ въ своей лѣтописи странное для него явленіе. Проходятъ годы; древо новой жизни возрастаетъ, подъ таинственную сѣнь его толпами стремятся люди,—и наконецъ, съ недоумѣніемъ замѣчаетъ Римъ, что эта странная жажда міра невидимаго точитъ корень его существованія, разрушаетъ гражданское устройство его. Съ удивленіемъ разсматриваетъ онъ новаго противника: Римъ не понимаетъ, не знаетъ оружія, которымъ сражается противникъ.

Помогутъ ли тутъ мечи, когда онъ, слабый, беззащитный, съ радостью даетъ убивать себя и, умирая, говоритъ о любви и вѣчной жизни! Взволновался Римъ. Борьба кипитъ,—необыкновенная, неслыханная,—борьба величайшей силы съ величайшею слабостью. Какъ тяжело прокладываетъ себѣ дорогу свѣтъ, возрождающій человѣчество,—тяжело, но онъ торжествуетъ съ каждымъ днемъ. Посмотрите же, какъ судорожно мечется древній міръ, какъ умираетъ онъ. Напрасно уливаешь ты амфитеатры свои кровью христіанъ, напрасно скликаешь народъ рукоплескать гибели ихъ! Народъ плещетъ,—а выходитъ изъ театра въ задумчивости: божественная тайна уже смутно предчувствуется имъ... Напрасно ты, изнуренный міръ, утомясь, наконецъ отворяешь противнику врата своего города, напрасно возводишь его на тронъ своихъ императоровъ,—онъ неумолимъ: онъ разрушитъ тебя и прахъ твой развѣетъ по землѣ... Досадовать ли, дивиться ли, что нельзя здѣсь найти даже слѣдовъ множества превосходныхъ памятниковъ древности, видя храмы ея перестроенными для другого назначенія, украшеннаго обломками ихъ древняго великолѣпія? Конечно, разрушеніе древняго міра было необходимымъ условіемъ христіанства; а въ жаркой битвѣ достанетъ ли вниманія беречь прекрасное кольцо врага, или драгоцѣнный поясъ его. Впослѣдствіи невѣжество и время довершили остальное. Но для меня это повсюдное сліяніе язычества съ христіанствомъ составляетъ дивное неописанное очарованіе Рима. Эта окаменѣлая вражда двухъ міровъ съ неодолимою силою овладѣла умомъ моимъ. Уныло-таинственнымъ взоромъ смотритъ она здѣсь въ безконечное будущее... Необыкновенное чувство объемлетъ душу, когда стоишь на этомъ рубежѣ двухъ міровъ, видя трупъ стараго и уже дряхлѣющую жизнь новаго... Сколько торжественныхъ, возвышающихъ ощущеній проходитъ по душѣ, когда бродишь по Риму, по этому звену, которымъ соединило человѣчество двѣ великія и только однѣ намъ извѣстныя эпохи жизни своей! Но и независимо отъ древностей своихъ, Римъ имѣетъ свой особенный глубокій характеръ, о которомъ не можетъ дать ни малѣйшаго понятія ни одинъ изъ городовъ Европы. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, Римъ можно сравнить съ поэтомъ или художникомъ, у котораго, среди самыхъ простыхъ явленій обыкновенной ежедневности, безпрестанно проблескиваетъ этотъ неподражаемый взглядъ на предметы, эта молніеносность мысли, невольно поражающая васъ и заставляющая глубоко чувствовать, или задумываться. Такъ въ Римѣ: идете по узкой, нечистой улицѣ,—

вдругъ предъ вами прекрасная площадь съ знаменитымъ памятникомъ; изъ сумрачнаго переулка выходишь къ роскошнѣйшему фонтану. И эта безпрестанная неожиданность, съ какою встрѣчаешь здѣсь произведенія искусства, кажется, еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе ихъ. Въ день моего пріѣзда сюда, бродя въ сумерки по городу,—какъ изумился я, когда запачканная, узкая улица вывела меня на площадь, и передъ собою увидѣлъ я мостъ, св. Ангела, по берегамъ бѣднаго Тибра живописно-толпящіеся домики, въ зелени кипарисовъ и акацій; влѣво вырѣзавшійся на вечернемъ розовомъ небѣ куполъ Петра, и прямо—величественный памятникъ Адріана, обращенный въ замокъ св. Ангела. Но изумленіе, мое было иное, когда на другой день, изъ улицы вонючей, наполненной мясными лавками, пекарнями, мастерскими, вышелъ я къ Ватикану. Передо мной была обширная площадь, обнятая колоннадою въ четыре ряда; посреди египетскій обелискъ; по обѣимъ сторонамъ ея густыми снопами бьющіе фонтаны. Длинные ряды колоннъ служили словно двумя колоссальными крылами храму, нѣжно, легко поднимающемуся надъ ними своимъ воздушнымъ куполомъ. Впечатлѣніе было для меня тѣмъ необыкновеннѣе, что на площади раннимъ утромъ нѣтъ никого: тишина увеличивала торжественность впечатлѣнія. Видъ очаровательный! Послѣ я не разъ думалъ: отчего эта площадь такъ влечетъ меня къ себѣ? Эти колонны очень обыкновенны,—да и къ чему тянутся онѣ? Фонтаны? въ Римѣ есть лучше. Фасадъ церкви? не скажу, чтобъ очень нравился мнѣ. Нѣтъ, очарованіе состоитъ въ цѣломъ: эти разрозненныя части, такъ, повидимому, обыкновенныя, если разсматривать ихъ порознь, соединены между собою воздушною симпатіею, живутъ только общею жизнію, и разрозненныя умрутъ, утратятъ свое таинственное очарованіе; глаза, разъ устремившіеся на нихъ, не могутъ оторваться. Говорить ли вамъ о величіи храма Петра, его куполѣ, древнихъ мраморахъ, мозаикахъ, картинахъ? Говорить ли вамъ о великолѣпныхъ церквахъ Рима? Слишкомъ бы много заняло времени. Одно замѣчу только, что, глядя на чувственный характеръ и роскошныя формы ихъ и думая о таинственномъ значеніи христіанства, о стремленіи его совлечь съ человѣка чувственность и поработить себѣ элементы ея,—чувствуешь, что здѣсь христіанство возросло на чуждой ему почвѣ: здѣсь оно благоухаетъ античностью. Тогда становится понятно, что истинное христіанское зодчество долженствовало явиться только у народовъ новыхъ и дѣвственныхъ, цѣломудренно и исключительно принявшихъ въ себя

символъ христіанства,—между тѣмъ, какъ здѣсь они слились съ чувственными симпатіями древняго, прекраснаго міра. Всѣ эти изящныя церкви, даже и самый храмъ Петра, по мнѣ, также напоминаютъ собою духовную религію Христа, какъ Campo vaccino—древній Капитолій. Скажу нѣсколько словъ объ окрестностяхъ. Середи широкаго, пустыннаго поля стоитъ Римъ: кругомъ его безмолвіе и пустота: ни птицъ, ни стадъ, ни деревень. Слѣды римскихъ дорогъ уцѣлѣли еще на мѣстахъ, гдѣ теперь никто не ходитъ,—рѣдко, кое-гдѣ увидишь дерево—нѣжную римскую пинну. Не видно слѣдовъ плуга на поляхъ. Вдали, по южному горизонту, синѣютъ гряды Аппенинъ. По полю всюду разсыпаны развалины. Высоко тянутся арки древнихъ водопроводовъ,—и, полуразрушенныя, индѣ уцѣлѣвшія, поросли мхомъ и травою. Вечеромъ, это пустынное поле облекается торжественнымъ величіемъ и какою-то задумчивою, меланхолическою красотою. Я часто здѣсь смотрю захожденіе солнца. Послѣдніе его лучи обливаютъ развалины яркимъ, огненно-пурпурнымъ свѣтомъ; поле оживляется какою-то унылою жизнью; далеко кругомъ тихо и пусто... Вдали вечерніе пары сливаютъ вершины горъ съ небомъ; закатъ покрылъ отлогости ихъ чудесными лилово-розовыми отливами... Въ эти минуты поле имѣетъ для меня очарованіе неизъяснимое...

IV.

Письма объ Испаніи.

Предисловіе къ изданію 1857 года.

«Письма» эти—результатъ путешествія по Испаніи въ 1845 году—были уже напечатаны въ «Современникѣ». Они издаются теперь безъ перемѣны и неоконченными, по разнымъ обстоятельствамъ. Многое желалъ-бы теперь авторъ исправить въ нихъ, многое прибавить, многое совсѣмъ измѣнить; но это повело бы за собой ихъ совершенную передѣлку, а передѣлывать по полузабытымъ впечатлѣніямъ—невозможно. Авторъ счелъ излишнимъ ссылаться на газетныя статьи, путешествія и историческія сочиненія, которыя служили ему пособіемъ при составленіи этихъ «Писемъ». Многимъ изъ прочитаннаго воспользовался онъ, имѣя единственно въ виду уясненіе предмета для читателей. Къ сожалѣнію, въ европейской литературѣ нѣтъ еще классическаго сочиненія объ Испаніи, которое-бы совершенно вѣрно отражало въ себѣ описываемую страну. Поэтическая прелесть народныхъ нравовъ Испаніи и постоянныя политическія смуты, ее волнующія, представляютъ такую взаимную противоположность, такой дикій контрастъ, которые всего болѣе мѣшаютъ путешественнику составить себѣ отчетливое понятіе объ этой странѣ, а испанская литература, за исключеніемъ немногихъ историческихъ сочиненій, можно сказать, вся сосредоточивается въ политическихъ газетахъ, раздѣленныхъ на непримиримо враждующія партіи. Единственною цѣлью автора предлагаемыхъ «Писемъ» было—сколько нибудь познакомить русскихъ читателей съ этой вообще мало знаемой страной, которая до сихъ поръ продолжаетъ представлять одну изъ печальнѣйшихъ политическихъ задачъ нашего времени.

I.

Мадритъ. Май.

Нечего вамъ говорить, съ какимъ любопытствомъ переѣзжалъ я границу Испаніи, съ какимъ жаднымъ вниманіемъ встрѣтилъ я Ирунъ (Yrun), первый пограничный испанскій городъ, гдѣ дилижансъ нашъ остановился завтракать. Здѣсь-же была и послѣдняя станція на французскихъ лошадяхъ. Въ Ирунѣ нашъ испанскій дилижансъ получилъ испанскую упряжь: десять красивыхъ, сильныхъ муловъ. Весело смотрѣть, какъ ихъ холятъ испанцы: вся задняя половина выбрита, грива въ лентахъ, на головѣ высокій букетъ изъ разноцвѣтной шерсти. Здѣсь-же верхъ нашего дилижанса нагрузили дюжиною ружей и trabucos (родъ мушкетоновъ), между которыми помѣстились двое солдатъ, чтобъ отстрѣливаться, въ случаѣ нападенія разбойниковъ. Какъ ни будьте недовѣрчивы ко всѣмъ слухамъ и разсказамъ о разбойникахъ, но когда дилижансъ вооружаютъ, какъ подвижную крѣпость, поневолѣ иногда подумаешь о нихъ. Мои товарищи въ дилижансѣ совѣтовали мнѣ, путешествуя по Испаніи, имѣть при себѣ наличными деньгами столько, сколько нужно отъ одного большого города до другого,— франковъ 200 или 300, а остальныя деньги въ векселяхъ; эти 300 франковъ необходимы еще и для того, чтобъ избавиться отъ *дурного обращенія* разбойниковъ, которые, если при путешественникѣ не окажется вовсе или очень мало денегъ, вымѣщаютъ на немъ свое неудовольствіе побоями. Ирунъ познакомилъ меня и съ испанскою кухнею: весь завтракъ приготовленъ былъ на дурномъ оливковомъ маслѣ, которое воняло, какъ то, которое называется у насъ обыкновенно деревяннымъ. Впрочемъ, товарищи мои, испанцы, обрадовались ему, говоря, что они не могли ѣсть оливковаго масла во Франціи: оно не пахнетъ масломъ. Здѣсь-же увидѣлъ я и классическій плащъ испанскій (capa); угрюмо и спокойно, завернувшись въ свои коричневые плащи, смотрѣли мужики на проѣзжавшій дилижансъ. Ни въ движеніяхъ, ни во взглядахъ не обнаруживалось у нихъ того живого любопытства, съ какимъ житель юга, напримѣръ, итальянецъ, встрѣчаетъ всякую проѣзжую телѣгу и тотчасъ обступаетъ ее. Эти спокойныя, величавыя манеры особенно поражаютъ послѣ французской подвижности и увертливости. Il n'y a plus de Pyrénées Людовика XIV показываетъ только, что такъ называемый великій король не имѣлъ никакого понятія объ

Испаніи. Никогда природа и нравы не раздѣляли двѣ страны съ большею рѣзкостью!

Теперь, между главными городами Испаніи (не всѣми) и Мадритомъ, хотя изрѣдка, ходятъ дилижансы; но когда первый дилижансъ, назадъ тому лѣтъ двадцать, отправился изъ Мадрита,—за нѣсколько миль отъ Мадрита онъ былъ остановленъ толпою народа и сожженъ вмѣстѣ съ чемоданами путешественниковъ. Второй провожали два взвода кавалеріи до самой границы. Это продолжалось цѣлый мѣсяцъ, пока народъ не привыкъ къ этому нововведенію, которое, между прочимъ, отбивало доходъ у погонщиковъ муловъ и лошадей (arrieros), верхомъ на которыхъ обыкновенно путешествовали по Испаніи. Испанскіе дилижансы по ночамъ не ѣздятъ; какъ у итальянскихъ vetturini, у нихъ назначены мѣста для ночлеговъ. День оканчиваютъ они въ 3 и 5 часовъ вечера, выѣзжая на другой день рано утромъ. Разумѣется, такого рода ѣзда ведется изъ осторожности, и для путешественника она пріятна, во-первыхъ тѣмъ, что имѣешь время взглянуть на города, а во-вторыхъ, можно часа три уснуть на постели (хотя здѣсь онѣ очень плохи). Дорога до Витторіи печально-живописна: селеній мало; изрѣдка по горамъ виднѣются одинокіе дома, большіе, полуразвалившіеся. Испанецъ не любитъ съеживаться: онъ живетъ сально, бѣдно, но широко. И какъ все это заброшено, какъ всюду еще видны слѣды междоусобной войны! Въ иныхъ селеніяхъ есть дома наскоро укрѣпленные,—на нихъ слѣды ядеръ и пуль; другіе стоятъ съ полуразрушенными крышами. Сальные, одинокіе постоялые дворы (ventas) нисколько не измѣнились со времени странствованія донъ-Кихота: та-же большая комната, въ родѣ сарая, подпертая толстыми колоннами, вмѣсто стульевъ каменная скамья, вдѣланная въ стѣну; посреди громадный каминъ, дымъ котораго выходитъ въ отверстіе, продѣланное въ коническомъ потолкѣ. Я ничего не рѣшался спрашивать тамъ, кромѣ вина, да и то нестерпимо воняло своимъ кожанымъ мѣшкомъ... Франція только за 30 миль,—можно подумать, что она за 2,000!

Въ Витторіи мы ночевали. Я часа три бродилъ по городу и не нашелъ его нисколько интереснымъ. На одной площади увидѣлъ я очень красивую церковь,—вошелъ въ нее... она служила амбаромъ для складки хлѣба. Бывшій тутъ человѣкъ объяснилъ мнѣ, что церковь эта принадлежала къ монастырю. Когда монастыри въ Испаніи были упразднены и монахи изъ нихъ *выведены*, монастыри вмѣстѣ съ ихъ землями поступили въ государственное

владѣніе и продавались съ аукціоннаго торга. Такимъ образомъ, и та монастырская церковь кончила свое земное поприще тѣмъ, что стала сараемъ. Ея теперешній владѣтель не потрудился даже очистить ее: онъ только сложилъ въ уголъ раскрашенные бюсты святыхъ. Ради Бога, есть-ли возможность думать и мечтать о старой католической Испаніи, объ Испаніи романсеровъ, когда современная Испанія, при первомъ шагѣ на ея почву, такъ ярко мечется вамъ въ глаза! Кстати замѣтить, что здѣсь протестанты и теперь еще лишены права имѣть свою церковь, и кромѣ католическаго храма, никакой другой не можетъ быть въ Испаніи. Это одно изъ множества тѣхъ дикихъ противорѣчій, которыя могутъ нѣсколько служить ключемъ для понятія настоящаго положенія Испаніи.

До Витторіи дорога идетъ самыми живописными мѣстами. Чудная и унылая природа! Селенія рѣдки, и вы представить не можете, что за угрюмый видъ этихъ селеній. По городамъ у рѣдкаго дома нѣтъ огромнаго герба на входѣ: рѣдкій васконгадецъ не считаетъ себя дворяниномъ. Витторія главный городъ провинціи Алава, которая съ Бискаей и Гипускоей составляютъ такъ называемыя провинціи васконгадскія. Эти-то провинціи съ такимъ мужествомъ поддерживали донъ Карлоса. Но собственно до донъ Карлоса имъ было весьма мало нужды, а чтобъ показать вамъ, до какой степени могла простираться ихъ привязанность къ монархическому началу, я попрошу у васъ позволенія сказать нѣсколько словъ объ ихъ политическомъ устройствѣ.

Вся Испанія съ Карла V сдѣлалась неограниченной монархіей, кромѣ трехъ васконгадскихъ провинцій; однѣ онѣ сохранили свои прежнія республиканскія формы и по прежнему продолжали собирать свои національные конгрессы. Маленькія общины присылали свои депутаціи; сами общины собственно назывались республиками. Эти конгрессы завѣдывали администраціею провинцій, назначали налоги, распредѣляли общественные расходы. Провинціи сами платили своимъ чиновникамъ, содержали милицію; у нихъ былъ свой бюджетъ, свой кредитъ, и кредитъ до такой степени цвѣтущій, что, напримѣръ, до послѣдняго возстанія четырехъ-процентныя бумаги провинціи Алавы ходили по 93 франка. Кромѣ того, провинціальныя хунты (juntas) вмѣстѣ выбирали одного общаго депутата, въ рукахъ котораго сосредоточивалась власть исполнительная и который сносился съ испанскимъ правительствомъ почти какъ равный съ равнымъ. Алава и Гипускоа вмѣстѣ выбирали себѣ

одного такого депутата, который былъ, нѣкоторымъ образомъ, президентомъ двухъ маленькихъ республикъ. Но Бискайя, самая демократическая изъ трехъ, выбирала себѣ трехъ, составлявшихъ нѣчто похожее на директорію. Во все это испанскій король не могъ вмѣшиваться ни съ какой стороны; онъ имѣлъ только въ каждой провинціи своего corregidor. Хотя Наварра далеко не имѣла подобнаго устройства, но и ея права (fueros) были значительны. Конституція, обнародованная послѣ смерти Фердинанда VII, лишила всѣ эти сѣверныя провинціи ихъ отдѣльныхъ правъ— fueros и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ старинной самостоятельности. Вотъ гдѣ должно искать истинной причины ихъ возстанія и той энергіи, съ какою поддерживали онѣ войну противъ Христины и конституціонистовъ. Тутъ дѣло шло собственно не объ Rey neto (неограниченный король), не о правахъ донъ Карлоса: провинціи хотѣли сохранить свою независимость отъ конституціоннаго уровня. Это была война не за убѣжденія, не междоусобная война, но война за муниципальныя права; онѣ хотѣли rey neto, донъ Карлоса, для того, чтобъ самимъ оставаться свободными, при своемъ республиканскомъ устройствѣ. Кромѣ того, васконгадцы говорятъ между собою особеннымъ языкомъ, который не происходитъ ни отъ латинскаго, ни отъ цельтическаго, и въ которомъ ученые рѣшились найти нѣкоторое сходство съ однимъ финикійскимъ; вѣрно то, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ испанскимъ. Алава и Гипускоа не платили государству никакихъ податей, но *покупали покровительство* Испаніи за извѣстную сумму, которая не измѣнялась впродолженіе трехъ-сотъ лѣтъ. Гипускоа, напримѣръ, платила королю ежегодно 42,000 реаловъ (около 10,000 рублей асс.). Биская же, самая демократическая изъ трехъ, избавила себя отъ всякаго рода подати, какъ заключающей въ себѣ, по ея мнѣнію, понятіе вассальства и зависимости. Она считала себя ничѣмъ не обязанною Испаніи, и только по временамъ дѣлала добровольныя приношенія (donativas). Сумма ихъ мѣнялась, смотря по нуждамъ короля и по щедрому расположенію провинціи.

Красота Испаніи давно вошла въ пословицу; съ давнихъ поръ поэты воспѣваютъ ея апельсинныя и лимонныя рощи... увы! это также одно изъ заблужденій, существующихъ на счетъ Испаніи. Впрочемъ, можетъ статься, за нѣсколько сотъ лѣтъ оно было и иначе, теперь же ничего нельзя себѣ представить унылѣе этой природы. Но унылость эта необыкновенно величава. Представьте себѣ, что нигдѣ не встрѣчаешь дерева, по окраинамъ полей одни

только кусты розмарина; изрѣдка маленькія деревни, безъ зелени, выкрашенныя темно-глинистою краскою, — и деревни эти такъ рѣдки, что, встрѣчая одну, давно забылъ уже о предшествовавшей. Глаза свободно пробѣгають пространство въ 8, 10 верстъ, не встрѣчая на немъ ни одного жилья, ни одной малѣйшей рощицы оливъ, ничего, кромѣ душистыхъ кустовъ розмарина; все это объято самою прозрачною, чистѣйшею атмосферой. Вѣроятно, на этой почвѣ могли бы расти и дубъ, и липа, и каштанъ; въ Испаніи богатство лежитъ у ногъ человѣка,—стóитъ только наклониться за нимъ; но испанцы еще не любятъ наклоняться.

Въ Pancarvo, гдѣ дорога вдругъ углубляется въ ущелье горъ, вышло шестеро солдатъ охранять дилижансъ отъ разбойниковъ· На прошлой недѣлѣ тутъ была ограблена почта. Теперь одному только войску платитъ правительство, чиновники получаютъ за годъ половину жалованья. За то однимъ войскомъ и держится настоящее министерство. Надобно видѣть, что такое для испанца его правительство и съ какимъ презрѣніемъ онъ говоритъ о немъ. сохраняя въ то-же время самое страстное почтеніе къ своей Изабеллѣ. Испанія прежде всего страна муниципальныхъ привычекъ и особенностей; для испанца темно понятіе о государственномъ единствѣ, объ одинаковости правъ и обязанностей. Каталонія и провинціи васконгадскія до сихъ поръ смотрятъ на конституціонный уровень, какъ на деспотизмъ. «Намъ хорошо, а вамъ худо», говорятъ они испанцамъ; «вы хотите лишить насъ довольства и заставить дѣлить съ вами вашу бѣдность. Не лучше ли вамъ подражать намъ? По крайней мѣрѣ, оставьте насъ въ покоѣ и не думайте заставить насъ отказаться отъ нашихъ правъ». Съ мѣсяцъ назадъ, каталонцы взбунтовались за то, что съ нихъ правительство требовало рекрутъ на основаніи общаго закона о рекрутствѣ, тогда какъ, по провинціальнымъ правамъ своимъ, городовыя и сельскія общины, вмѣсто рекрутъ, вносили извѣстную сумму денегъ. Въ подобныхъ случаяхъ испанецъ не разсуждаетъ, соотвѣтствуетъ ли его дѣло справедливости и общему праву; ему нисколько не кажется страннымъ деньгами платить тотъ налогъ, который другіе платятъ кровью; онъ вытаскиваетъ свое ружье, дѣлаетъ pronunciamiento, дерется и часто умираетъ героемъ. Правительство, испугавшись энергіи, съ какою каталонцы взялись за дѣло, объявило прощеніе всѣмъ, которые отдадутъ ему оружіе, и въ то же время отмѣнило конскрипцію, Возмущеніе тотчасъ утихло. Впрочемъ, у каталонцевъ, о которыхъ мой сосѣдъ въ дилижансѣ гово-

рилъ, что они tienen mucho valor y gran gusto por las batalias (очень храбры и большіе охотники до сраженій),—это выходитъ изъ физическаго положенія ихъ мануфактурной и промышленной провинціи, нуждающейся всего болѣе въ рабочихъ рукахъ

Въ Бургосѣ, унылой и пустѣющей столицѣ старой Кастильи. осмотрѣлъ я его великолѣпный соборъ и сдѣлалъ визитъ дому, гдѣ родился Сидъ. Страна историческихъ преданій! Какой другой народъ съ такою привязанностью хранитъ память своихъ героевъ· Имя Сида, символа феодальной и рыцарской Испаніи, этого castellano à los derechos (прямого кастильянца), пройдя восемь вѣковъ, съ энтузіазмомъ еще повторяется въ гимнѣ, гдѣ духъ новыхъ временъ взываетъ къ старой Испаніи: «Спокойные, веселые, мужественные и смѣлые, запоёмъ, солдаты, пѣснь битвы! Да подвигнется земля на наши голоса, и да узнаетъ въ насъ міръ дѣтей Сида!» (himno de Riego). Что касается до собора, это одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ; никогда не встрѣчалъ я такого удивительнаго сліянія итальянскаго стиля съ готическимъ. Внутри не оставлено ни одного малѣйшаго мѣста безъ украшеній—изящныхъ, грандіозныхъ, фантастическихъ. Изъ этого соединенія итальянской граціи съ готическою важностью выходитъ *нѣчто* удивительно-привлекательное, хотя въ этомъ *нѣчто* сильно предчувствуется вкусъ, извѣстный впослѣдствіи подъ страннымъ именемъ рококо. Послѣдняя перестройка собора—не далѣе конца XVI вѣка.

Ничего не можете себѣ представить унылѣе старой Кастильи: однообразная пустыня постоянно разстилается передъ глазами; ни одного дерева по всѣмъ этимъ нескончаемымъ полямъ,—нѣтъ даже и прежнихъ кустарниковъ розмарина. Между тѣмъ, тутъ много рѣкъ, земля прекрасна. И представьте: причина такой пустынности не въ лѣности и безпечности, а въ предразсудкѣ. Кастильцы твердо убѣждены, что птицы сильно истребляютъ рожь, деревья же привлекаютъ птицъ и служатъ имъ убѣжищемъ. Отсюда ихъ неопреодолимое отвращеніе ко всякаго рода деревьямъ. Несмотря на степной видъ свой, поля Кастильи, тамъ, гдѣ трудятся хотя слегка обработывать ихъ, необыкновенно плодородныя; не болѣе какъ на два фута глубины почва влажна и даже водяниста, такъ что, несмотря на постоянные жары и на страшную сухость атмосферы, хлѣбъ здѣсь постоянно въ урожаѣ. Но при дороговизнѣ и трудности сообщеній, даже при урожаяхъ, Кастильцу не на что купить сапоговъ. Деревни встрѣчаются, какъ рѣдкіе оазисы—и какіе унылые оазисы! Вдали по горизонту тянутся скалистыя горы.

Среди этой-то уныло-страстной природы и выработался типъ испанскаго характера, медленный, спокойный снаружи, раскаленный внутри, упругій и сверкающій, какъ сталь,—африканскій дикарь и рыцарь.

«Нѣтъ больше Пириней!» говорилъ, Людовикъ XIV,—а эта масса высокихъ горъ, всею роскошью растительности обращенныхъ къ Франціи и показывающихъ Испаніи только свои голыя скалы; эта трудность сообщеній, поставленная природою между Франціею и Испаніею; и далѣе, эта почва, плодородная и заброшенная, эта пустыня, у самыхъ воротъ Франціи созданная безпечностію и лѣностію,—этотъ народъ столь благородный, прекрасный, исполненный достоинства, такъ роскошно надѣленный природою всѣми благами,—и нищенскій; эта страшная упрямость характера, эта страстная приверженность къ прошедшему; этотъ духъ исключительности и уединенія въ эпоху, когда все стремится къ сближенію... и наконецъ, эта такъ называемая революція, которая такъ же мало походитъ на революцію, какъ вооруженіе рыцаря на нашъ фракъ,—все это здѣсь необыкновенно дѣйствуетъ на душу, на воображеніе, а главное, возбуждаетъ самый страстный интересъ къ этой благородной странѣ, имя которой каждый сынъ ея не произноситъ, не прибавивъ: «несчастная»!

Вотъ я и въ Мадритѣ! Но до сихъ поръ что за унылая страна эта Испанія! Отъ Бургоса до Мадрита тѣже пустынныя поля. Сколько разъ говорилъ я про себя: да это наши безконечныя равнины Россіи—только дальняя синяя полоса горъ разрушала сходство. По пустыннымъ равнинамъ подъѣзжаешь, наконецъ, къ Мадриту, который стоитъ тутъ Богъ знаетъ зачѣмъ, потому что среди этихъ пыльныхъ. совершенно обнаженныхъ полей рѣшительно нѣтъ никакой причины стоять не только столицѣ даже ничтожному городишкѣ. Окрестности Мадрита состоятъ изъ пустого поля; бѣдный Мансанаресъ высыхаетъ еще весною, и отъ него теперь остался маленькій ручей; палящее солнце и сухая, песчаная почва истребляютъ всякую растительность; словомъ, вы ничего не можете себѣ представить печальнѣе этой природы.

Въ числѣ моихъ рекомендательныхъ писемъ были два къ высшимъ чиновникамъ настоящаго министерства, потомъ къ одной жаркой карлисткѣ, дочери бывшаго министра при Фердинандѣ; кромѣ того. на квартирѣ, куда я тоже рекомендованъ, товарищемъ

у меня don Vicente, капитанъ фрегата при Эспартеро—жаркій прогрессистъ; и я, какъ видите, нахожусь между озлобленными, непримиримыми партіями, и тотчасъ же былъ поставленъ au courant надеждъ, опасеній, намѣреній каждой. Какъ бы вы ни были расположены къ созерцательной, художнической жизни, какъ бы вы ни чуждались политики, въ Мадритѣ—вы брошены насильно въ нее. Съ кѣмъ бы ни заговорили вы, слово el gubierno (правительство) будетъ если не первымъ, то ужъ вѣрно вторымъ, которое вы услышите. Кромѣ политики, нѣтъ разговора; если она наводитъ на васъ скуку, вы осуждены на самыя вялыя бесѣды о театрѣ, и тому подобное. El gubierno для испанца не есть какое-нибудь отвлеченное понятіе: нѣтъ! Здѣсь каждый чувствуетъ его на себѣ, ибо каждый принадлежитъ къ какой либо партіи. «Кто не за меня, тотъ противъ меня!» восклицаетъ партія, овладѣвая кормиломъ правленія, и передъ этимъ лозунгомъ нѣтъ пощады ни уму, ни знаніямъ, ни убѣжденіямъ, ни долгимъ заслугамъ. Терпимость есть слово, которое въ Испаніи не имѣетъ еще смысла. Въ нѣсколько дней я былъ посвященъ въ la situacion, какъ называется здѣсь вообще положеніе правительства въ данное время; это барометръ, на которомъ безпрестанно отражается волненіе политической атмосферы. Свадьба Христины съ Муньосъ еще сильно волнуетъ умы. Впрочемъ, напрасно называютъ Испанію политическою загадкою, что будто все здѣсь случается Богъ знаетъ какъ и почему, безъ причины и смыслу, и что одинъ слѣпой случай владычествуетъ здѣсь. Правда, все здѣсь живо и быстро; но всѣ событія совершаются логически, то есть, всѣ событія непремѣнно вытекаютъ одно изъ другого. Говоря о политическихъ партіяхъ Испаніи, я, можетъ быть, коснусь этого; но Европа такъ мало знаетъ Испанію, ея журналы судятъ ее съ точки общихъ европейскихъ формъ и еще больше затемняютъ дѣло, указывая въ ней только на тѣ пружины, которыя пригодны для духа политическихъ партій; да и какъ понять это странное явленіе! Вотъ ужъ 30 лѣтъ Испанія постоянно находится въ судорожныхъ конвульсіяхъ. Она хочетъ оторваться отъ своего прошедшаго и хочетъ въ то-же время сохранить всѣ свои старыя, завѣтныя преданія; дѣлаетъ и передѣлываетъ на иностранный ладъ свои конституціи—и хранитъ всю свою старую, ужасающую администрацію. Война съ карлистами тянулась безъ убѣжденія, безъ страсти, безъ энтузіазма. Наконецъ, случились деньги, Маротто купленъ, и лучшіе солдаты донъ-Карлоса кладутъ оружіе; за возмутившимися провинціями оставлены

многіе изъ ихъ fueros, онѣ усмиряются, а судьба Испаніи не улучшилась нисколько... тяжело сказать.... эти страшныя, тяжкія страданія не породили до сихъ поръ ровно ничего....

Испанія полна унынія; народъ ея словно находится въ томъ тяжкомъ забытьи, какое испытываетъ человѣкъ, долго находясь на морозѣ. Не въ настоящемъ должно искать причинъ этимъ тяжкимъ политическимъ страданіямъ: онѣ въ прошедшемъ, онѣ далеко назади. На междоусобную войну въ Испаніи смотрѣли, какъ на событіе необыкновенное и неожиданное. Но развѣ эта война не есть результатъ золъ предшествовавшихъ? это та-же самая болѣзнь, только вышедшая наружу. И прежде наваррскаго возстанія, въ Испаніи была междоусобная война, предпринятая инквизиціею противъ всякой живой, благотворной мысли, противъ всякаго развитія человѣческихъ способностей. Настоящее положеніе Испаніи есть только преобразованіе этой внутренней, душевной борьбы въ борьбу съ оружіемъ въ рукахъ, уготованную тремя вѣками невѣжественной, фанатической, безнравственной администраціи.

Ни новое политическое устройство Испаніи, ни даже прежнее причиною несчастій ея. Правда, инквизиція, монахи были для нея страшнымъ зломъ; но вѣдь феодальное устройство Испаніи было общее съ Европою; отчего-же оно только на Испаніи оставило такіе гибельные слѣды? Не оттого-ли, что въ Европѣ при дурномъ устройствѣ было всегда правительство, которое хотя иногда было также дурно, но всегда болѣе или менѣе вращалось въ кругу идей современной себѣ цивилизаціи. Въ Испаніи ни въ какое время ни въ какой формѣ не было правительства: былъ только одинъ произволъ со всѣми своими заблужденіями и личными страстями никогда администрація не имѣла другихъ законовъ, кромѣ собственнаго каприза и своихъ личныхъ интересовъ. Такъ было прежде, тоже и теперь. Три вѣка правительственнаго безумства не прошли даромъ: тяжко легли они на благородной странѣ. Мудрено-ли, что народъ ея теперь равнодушно смотритъ на всѣ эти конституціи, говоря про себя свое любимое que importa (что за нужда). Онъ знаетъ, что надъ всѣми этими конституціями есть иная высшая власть—анархія.

Съ чего начать, говоря о Мадритѣ, какъ не съ Puerta del Sol этого форума Мадрита и новой Испаніи. Puerta del Sol вовсе не ворота, а небольшая площадь, называющаяся такъ отъ прежде бывшихъ тутъ городскихъ воротъ солнца. Здѣсь центръ Мадрита сюда сходятся всѣ его главныя улицы. На площади, съ ранняго

утра до поздняго вечера, толпится масса всякаго народа, безпрестанно возобновляющаяся, ибо всякій вышедшій зачѣмъ-бы то ни было изъ дому, непремѣнно зайдетъ послушать новостей; точно также, если пахнетъ въ воздухѣ бунтомъ, онъ непремѣнно начнется на Puerta del Sol. Политика здѣсь—занятіе постоянное, потому что тревога, смута составляютъ здѣсь нормальное положеніе общества. Всѣ эти посѣтители Puerta del Sol важно бесѣдуютъ, завернувшись въ свои широкіе плащи. По временамъ изъ плаща выставляются руки, которыя вертятъ маленькую папироску, слышится обычное: hagame Uste el fabor, папироска закуривается, и разговоры идутъ съ тѣмъ серьёзнымъ, изящнымъ достоинствомъ, съ тою flema castillana, которыми изъ всѣхъ народовъ Европы владѣютъ одни только испанцы. Плащъ здѣсь и зиму и лѣто составляетъ необходимую принадлежность одежды,—только высшее гражданство и чиновники носятъ обыкновенный европейскій костюмъ.—La capa, говоритъ кастильянецъ, abriga en invierno y preserva en verano del ardor del sol (Плащъ укрываетъ зимой и предохраняетъ лѣтомъ отъ жара солнца),—и вслѣдствіе этого, онъ закутывается въ него и въ іюлѣ и въ декабрѣ. Такъ-какъ la capa закрываетъ всю остальную одежду, то кастильянецъ не слишкомъ заботливъ о ней. Безъ capa въ Кастиліи считается неприличнымъ войти въ Ayuntamiento (засѣданіе городового правленія), идти въ процессіи, присутствовать на свадьбѣ, сдѣлать визитъ важному лицу: это своего рода народный мундиръ.

Casa de correos (почтовый домъ) занимаетъ одну изъ сторонъ площади; выстроенный квадратомъ, огромный и съ самыми массивными стѣнами, онъ легко можетъ служить надежною крѣпостью, и не мудрено, что при военныхъ возмущеніяхъ Мадрита всегда стараются, та или другая сторона, овладѣть почтовымъ домомъ и укрѣпиться въ немъ. Собственно народъ занимаетъ обыкновенно середину Puerta del Sol; насупротивъ Casa de correos сходятся обыкновенно военные и чиновники,—los hombres de la situacion (люди, приверженные къ настоящему правительству). Послѣ трехъ часовъ у входа его собираются банкиры и биржевые маклера. Каждая прилежащая кофейная имѣетъ свой политическій колоритъ. Эспартеристы и exaltados, снова сближенные общимъ гоненіемъ, сходятся у cafe nuevo, возлѣ почтового дома; cafe de los amigos посѣщаютъ «умѣренные», или, какъ ихъ теперь называютъ, los situacioneros; потому что названіе moderado не шло болѣе къ партіи, которая прошлаго года разстрѣливала десятками и сотнями.

Изъ моихъ знакомыхъ каждый вѣренъ кофейной своей партіи, и въ какихъ-бы дальнихъ сторонахъ Мадрита они ни жили, каждый приходитъ непремѣнно въ свою кофейную ѣсть мороженое или сорбетъ, или просто выпить стаканъ воды. Ни одинъ exaltado не пойдетъ въ cafe de los amigos. Кстати о кофейныхъ: ихъ здѣсь безчисленное множество, и конечно, ни въ одной странѣ нѣтъ такого разнообразія bebidas heladas (замороженнаго питья), какъ въ Испаніи: bebida de naranja (изъ апельсина), bebida de limon (изъ лимона), bebida de fusos (изъ земляники), bebida de guindas (изъ вишенъ), bebida de almendra blanca (изъ сладкаго миндаля—и самый освѣжительный),—всѣ они удивительно сохраняютъ ароматъ своего плода. Кромѣ этого, подаютъ еще слегка замороженное молоко. Раннимъ утромъ, когда мороженое не готово, можно пить agraz, питье, сдѣланное изъ неспѣлаго винограда, чрезвычайно пріятное. Мадритское мороженое (quesitas) далеко хуже неаполитанскаго,—но за то spumas здѣшніе превосходны: это взбитая и слегка замороженая пѣна шоколада, кофе, сливокъ и т. п., чуть посыпанная корицею.

Кромѣ кофеенъ, Puerta del Sol обставлена магазинами и цирюльнями. El barbier, кажется, не потерялъ еще здѣсь своей старинной народной важности. Каждая лавка, каждая цирюльня имѣетъ своихъ посѣтителей, которые сходятся тутъ бесѣдовать; иногда эти сходки такъ велики, что покупателямъ нѣтъ возможности пробраться въ лавку. Вслѣдствіе этого, къ нѣкоторымъ лавкамъ привѣшена бумага съ надписью: «aqui no se tienen tertulias» (здѣсь не держатъ собраній). При такомъ всеобщемъ расположеніи къ бесѣдамъ, иностранцу очень легко ознакомиться съ положеніемъ общественныхъ дѣлъ. Мнѣніе о скрытности и молчаливости испанцевъ совершенно ложно; можетъ быть, оно и справедливо относительно ихъ частныхъ дѣлъ, можетъ быть, они скрытны въ дѣлахъ сердца и страсти, но что касается до дѣлъ общественныхъ, то нѣтъ народа прямодушнѣе и открытѣе. Садитесь въ кофейной къ любому столу, къ любой группѣ разговаривающихъ,—къ какой-бы націи вы ни принадлежали,—ваше присутствіе никогда не мѣшаетъ разговору. Смѣло вмѣшивайтесь въ разговоръ; эта изящная испанская вѣжливость, узнавши, что вы иностранецъ, становится еще деликатнѣе. Если тутъ читается иногда интересное письмо изъ провинціи, оно вамъ передается для прочтенія; покажите только участіе или даже просто любопытство, всякій испанецъ счелъ-бы за величайшую невѣжливость не удовлетворить имъ. Въ

мадритскихъ кофейняхъ видно несравненно болѣе женщинъ, нежели въ кофейняхъ Парижа. Особенно вечеромъ—рѣшительно всѣ столы заняты однѣми женщинами.

Мадритъ не есть столица, созданная исторіею; не далѣе XVI вѣка онъ былъ небольшою деревнею. Самостоятельное положеніе провинцій и потомъ совершенно особое отъ прочей Европы развитіе монархической власти въ Испаніи не позволило королямъ испанскимъ имѣть себѣ столицу въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Постоянная война съ маврами заставляла ихъ имѣть свою резиденцію сообразно съ военными движеніями. Фердинандъ и Изабелла избрали было себѣ постоянною резиденціею Толедо. Но послѣ нихъ Карлъ V (испанцы называютъ его Карломъ I-мъ) въ Испаніи почти не жилъ. Филиппъ II какъ-то случайно обратилъ вниманіе на мѣстечко Мадритъ; вѣроятно, ему понравилось его унылое мѣстоположеніе; онъ полюбилъ отдыхать здѣсь во время охоты, наконецъ, выстроилъ тутъ себѣ дворецъ и рѣшительно поселился въ Мадритѣ. Наслѣдники не вздумали измѣнять его выбора, и такимъ образомъ Мадритъ сдѣлался столицею Испаніи. Впрочемъ, одинъ уже видъ этого города говоритъ, что никогда народный инстинктъ не выбралъ бы себѣ столицею такого во всѣхъ отношеніяхъ бѣднаго мѣстоположенія. Къ несчастію Испаніи, не прозрительному взору генія выпалъ жребій избрать ей столицу, а монарху мрачному, эгоистическому, болѣе занятому своими капризами и личными интересами, нежели счастіемъ своей страны. Чѣмъ болѣе разсматриваешь Мадритъ, его положеніе, его средства,—тѣмъ болѣе убѣждаешься въ пагубномъ вліяніи, какое этотъ несчастный выборъ имѣлъ на испанскій народъ. Я не люблю столицъ, поглощающихъ въ себѣ всю жизнь націи, но нельзя не согласиться, что напр., Парижъ, резиденція короля, парламента, сорбоны, наукъ, и вслѣдствіе этого—литературы, роскоши, вкуса, имѣлъ самое благодѣтельное вліяніе на національное единство Франціи. Ничего подобнаго въ Испаніи. Выборъ Филиппа II вызвалъ изъ ничтожества столицу,—и выборъ этотъ, который могъ бы до извѣстной степени поправить ошибку историческаго воспитанія Испаніи, возрастилъ, напротивъ, во всей свободѣ сѣмена раздѣленія, существовавшія въ старой Испаніи. И Мадритъ, посреди пустынныхъ равнинъ Кастильи, вдали отъ всѣхъ большихъ рѣкъ, между народонаселеніемъ, можетъ быть, самымъ неподвижнымъ изъ всей Испаніи, не могъ пріобрѣсти себѣ ни богатства торговаго, ни дѣятельности и вліянія, всегда его сопровождаю-

щихъ; знаменитые университеты Алкалы и Саламанки отвлекали къ себѣ все его лучшее юношество; бѣдному Мадриту оставалось одно преимущество: быть резиденціею короля и двора. Даже теперь иногда мадритцы, говоря о своемъ городѣ, называютъ его не столицею, не городомъ, а дворомъ, esta corte. Съ Филиппа V испанскій дворъ сдѣлался рабскимъ подражателемъ двора французскаго (только въ сохраненіи инквизиціи состояла его испанская національность); вслѣдствіе этого, Мадритъ не могъ даже сдѣлаться и столицей національнаго испанскаго вкуса, искусства. Все, какъ бы нарочно, соединилось, чтобы сдѣлать Мадритъ городомъ безъ всякаго національнаго значенія, безъ всякаго вліянія на провинціи. Это обстоятельство достаточно поясняетъ, почему въ Испаніи всякое движеніе выходитъ всегда изъ провинцій, почему все здѣсь дѣлается провинціями, и почему Мадриту не остается ничего другого, какъ говорить «аминь» на все, что дѣлаютъ онѣ Торговля Мадрита ограничивается однимъ Мадритомъ; учебныя заведенія его (исключая атеней,—нѣчто въ родѣ парижской Collège de France) безъ всякаго значенія. Мадритъ живетъ однимъ дворомъ; переѣдетъ дворъ въ другой городъ—и Мадритъ опустѣетъ. Послѣ здѣшняго народнаго бунта въ 1766 году, поднявшагося вслѣдствіе королевскаго повелѣнія обрѣзывать длинныя поля *національныхъ* шляпъ, Карлъ III рѣшился было непремѣнно перенести въ Севилью резиденцію двора; только благодаря стараніямъ министра его, графа Аранда, который отклонилъ короля отъ его намѣренія. Мадритъ остался столицею. Но я забылъ было сказать.... Мадритъ имѣетъ въ себѣ сокровище великолѣпное, поразительное: это его картинный музеумъ; по величинѣ, разнообразію и богатству первый изъ музеумовъ Европы, онъ весь состоитъ изъ chef d'oeuvres. Его безчисленныя сокровища такъ еще мало знаетъ Европа!

Послѣ Puerta del Sol, самое интересное мѣсто въ Мадритѣ есть его загородное гулянье, Prado: широкое шоссе, по обѣимъ сторонамъ котораго идутъ аллеи каштановъ; но деревья такъ бѣдны, что подъ ними невозможно укрыться отъ солнечнаго жару. Prado есть мѣсто свиданія всего лучшаго общества Мадрита. Тутъ прогуливаются, раскланиваются, представляютъ своихъ друзей, говорятъ, курятъ; сюда надобно ходить смотрѣть на мадритскихъ красавицъ. Prado есть и своего рода политическій салонъ: здѣсь можно видѣть политическихъ людей Испаніи. Являться на Prado есть для нихъ такая же необходимость, какъ, наприм., въ Парижѣ являться въ извѣстные политическіе салоны. Женщины высшаго

свѣта иногда катаются въ колясках, иногда прогуливаются пѣшкомъ, рядомъ съ manolas (мадритскими гризетками), чиновницами и куртизанками, которыя играютъ на Prado не послѣднюю роль. Впрочемъ, испанская аристократія не считаетъ для себя неприличнымъ мѣшаться съ *толпою*, и меня всего болѣе поражаетъ здѣсь это тонкое чувство приличія, эта изящная вѣжливость, чуждая всякой приторности, которая царствуетъ безъ исключенія между всѣми классами народа. Сколько разъ случалось мнѣ видѣть, какъ на Prado простолюдинъ въ своемъ плащѣ останавливалъ гранда или генерала, прося у него сигары закурить свою,— и тѣ всегда вѣжливо подавали ее ему. Но надобно также видѣть и то, съ какою деликатною осторожностью берутъ испанцы сигару для закурки! Собственно мадритскія женщины некрасивы; если меня поражало прекрасное лицо и особенная грація въ походкѣ, онѣ большею частію принадлежали андалузкамъ или валенсіянкамъ, по увѣренію моихъ пріятелей. И потомъ, увы! французскія моды, el estilo de Paris (парижскій вкусъ) свели съ ума мадритянокъ до того, что убили въ нихъ всякій эстетическій инстинктъ въ одеждѣ: шляпка начинаетъ у нихъ смѣнять мантильи. Мантилья, сквозь которую такъ очаровательно просвѣчиваетъ могучая чорная съ синью коса, мантилья, которая, слегка прикрывая свѣжіе цвѣты на лѣвой сторонѣ головки, прозрачно падаетъ на открытыя грудь и руки,—увы! эта чудесная мантилья оставляется для убора, придуманнаго для безволосыхъ старухъ. Вы не можете представить себѣ, какъ печально видѣть эти матовыя, горячо-блѣдныя лица, эти яркія физіономіи заключенными въ ужасныя шляпки «по парижской модѣ» (al estilo de Paris)! Я былъ бы, конечно, равнодушнѣе къ нимъ, еслибъ онѣ не показывались возлѣ мантильи. Вы знаете великолѣпный эффектъ, производимый на московскихъ гуляньяхъ костюмами провинціальныхъ барынь и русскихъ купчихъ; но тамъ безвкусіе костюма гармонируетъ, по крайней мѣрѣ, съ неподвижностью физіономій, тупостью чертъ или лимфатическою тучностью, а здѣсь подъ этою противною шляпкою блестятъ огненные глаза, и матовая, прозрачная, свѣжая блѣдность лица исполнена такой сверкающей игры. Многія носятъ мантилью сверхъ шали!! Національная короткая basquina (юбка), которая выказывала изящныя ножки, смѣнилась длиннымъ французскимъ платьемъ. Любимый испанскій цвѣтъ—чорный—оставляется для какихъ-то дурныхъ пестрыхъ цвѣтовъ. Слава Богу, что онѣ хоть сберегли свой національный abanico (веерь). Веерь

рѣшительно никогда не выходитъ у нихъ изъ рукъ, у самой бѣдной крестьянки, какъ у королевы, и искусство владѣть имъ дано только испанкамъ. На Прадо, въ театрѣ, въ церкви постоянно слышится шумъ и щелканье вейеровъ; онѣ кланяются ими, привѣтствуютъ, дѣлаютъ знаки, наконецъ, говорятъ ими, потому-что меня увѣряли, что женщина можетъ сказать вейеромъ все, что захочетъ. Въ этомъ пламенномъ климатѣ, словно по какому-то женскому капризу, чорный цвѣтъ есть единственный цвѣтъ національнаго женскаго костюма. Если встрѣчаешь толпу женщинъ, одѣтыхъ со всѣмъ испанскимъ изяществомъ, то непремѣнно андалузки. Эти чорныя, иногда бѣлыя покрывала на головахъ, падающія на плеча и руки, молодымъ придаютъ видъ какихъ-то фантастическихъ монахинь, волнуемыхъ *свѣтскими* страстями, старымъ—видъ древнихъ прорицательницъ. Да, я долженъ сказать еще, что здѣсь рука объ руку могутъ идти мужъ съ женою или братъ съ сестрой,—для прочихъ это считается неприличнымъ.

Въ Мадритѣ есть нѣсколько улицъ, выстроенныхъ великолѣпно, но онѣ болѣе или менѣе похожи на улицы всѣхъ европейскихъ городовъ; только безчисленные балконы съ опущенными пестрыми завѣсами придаютъ имъ оригинальный характеръ. Во всемъ остальномъ Мадритъ не имѣетъ никакой особенности ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ. Это городъ народонаселенія наѣзжаго. Каждая провинція приноситъ сюда свой характеръ, свой костюмъ и свои обычаи. Говорятъ еще, къ чести Мадрита, что изъ всѣхъ испанскихъ городовъ, въ немъ всего менѣе предразсудковъ и всего болѣе терпимости въ нравахъ. Народонаселеніе Мадрита главное состоитъ изъ чиновниковъ и торговцевъ всякаго рода. Торговля предметами потребленія вся производится или пріѣзжими изъ провинцій, или иностранцами. Куаферы, портные, парфюмеры, магазины модныхъ вещей,—всѣ имѣютъ французскія имена и вывѣски. Воздухъ Мадрита (возвышенность его почвы—600 метровъ надъ поверхностью моря) чрезвычайно раздражителенъ для нервическихъ организацій; кромѣ того, несмотря на ясность и тишину свою, онъ такъ сухъ и рѣзокъ, что большая часть здѣшнихъ жителей умираетъ отъ болѣзни легкихъ. Здѣсь есть пословица, что мадритскій воздухъ не задуетъ свѣчи, а убиваетъ человѣка. Мнѣ одинъ moderado говорилъ, что сильный прогрессивный духъ мадритцевъ происходитъ отъ раздражающаго здѣшняго воздуха—въ чемъ я съ нимъ, разумѣется, согласился.

Изъ всѣхъ здѣшнихъ улицъ самая интересная Calle de Toledo.

Вся она наполнена постоялыми дворами (paradores и posadas), трактирами, харчевнями, мастеровыми. Это самая населенная и оживленная часть Мадрита. Благодаря моему здѣшнему пріятелю, г. Вильамилю *), который вызвался показывать мнѣ Мадритъ, наша прогулка по Calle de Toledo была для меня самая любопытная. Здѣсь вся Испанія въ миніатюрѣ: разнообразные костюмы провинцій, ихъ нарѣчія, особенности, манеры, физіономіи лицъ,—ни одна въ мірѣ страна не представляетъ такого живого разнообразія. Г. Вильамиль, истинный испанецъ въ душѣ, нѣсколько разъ изъѣздилъ верхомъ всю Испанію и знаетъ ее въ подробности. Онъ безпрестанно заговаривалъ, спрашивалъ о чемъ-нибудь, чтобъ показать мнѣ особенность нарѣчія каждой провинціи. Безпрерывный шумъ и гамъ стоятъ на улицѣ, торговля и промышленность Мадрита сосредоточиваются здѣсь. Разумѣется, вся эта жизнь начинается только къ вечеру, потому что днемъ какъ высшій и средній классы, такъ и простой народъ дѣлаютъ сіесту (siesta), или, говоря проще, сидятъ отъ жару дома. Къ вечеру все народонаселеніе выходитъ на улицу. Тутъ громадныя galeras **) валенсіянцевъ въ ихъ полуафриканской одеждѣ и щеголей андалузцевъ выѣзжаютъ въ дорогу, чтобъ къ ночи поспѣть на ночлегъ въ венту; цирюльники у дверей цирюленъ публично брѣютъ своихъ кліентовъ, кружокъ андалузцевъ (вѣчно веселый народъ), сидя у входа кузницы, напѣваютъ la cana; возлѣ—дѣвочки подъ кастаньеты пляшутъ fandango; толпа полуодѣтыхъ, бронзоваго цвѣта мальчиковъ играютъ на улицѣ, представляя corrida de toros; ватага удалыхъ cigarreras (женщинъ, работающихъ на сигарной фабрикѣ: еще особенный испанскій типъ) расходится по домамъ, окруженная своими любезными; въ харчевняхъ и у входа ихъ толпы народа ужинаютъ сардинами и салатомъ. Los arrieros (перевощики товаровъ на мулахъ) разныхъ провинцій, во всей особенности своихъ про-

---

*) Архитектурный живописецъ съ большимъ талантомъ. Любителямъ искусствъ я особенно рекомендую его великолѣпное изданіе «Espana artistica y monumental», заключающее въ себѣ снимки всѣхъ замѣчательныхъ архитектурныхъ зданій Испаніи. Оно еще далеко не кончено. Жаль, что по высокой цѣнѣ своей оно не многимъ можетъ быть доступно. Его поддерживаютъ нѣсколько испанскихъ капиталистовъ.

**) Это нѣчто въ родѣ широкихъ и длинныхъ телѣгъ, обтянутыхъ холстомъ, очень похожихъ на тѣ экипажи, въ которыхъ польскіе жиды ѣздятъ на шабашъ. Галеры эти служатъ для дальнихъ переѣздовъ женщинъ, дѣтей и простого народа.

винціальныхъ костюмовъ, пріѣзжаютъ на постоялые дворы, гоя передъ собою длинныя цѣпи муловъ, всегда выхоленныхъ и раз крашенныхъ перевязями и букетами изъ разноцвѣтной шерс (здѣсь товары не перевозятъ иначе, какъ на спинахъ муловъ. Нищій проситъ милостыни, распѣвая подъ аккомпаниментъ свое гитары: Senores caballeros, una limosina por el profesiero.

A la paz de Dios, caballeros (Миръ вамъ Божій, кавалеры). го воритъ, пробираясь между нами, высокій, сухощавый arriero.

De que parte del paraiso? (Изъ какой части рая).

De Jaen (Изъ Хаэна).

Buen tierra si non se estuviera tan cerca de Castilla (Хороша была-бы земля, еслибъ не лежала такъ близко къ Кастильи).

По поводу выраженія «рай», смысла котораго я не понялъ чичероне мой разсказалъ мнѣ слѣдующій народный разсказъ: Санъ Яго (народный святой въ Испаніи) по смерти своей предсталъ предъ Богомъ, который, довольный его земными подвигами, говоритъ ему, что исполнитъ все, о чемъ онъ будетъ просить. Санъ-Яго проситъ, чтобы Богъ даровалъ Испаніи богатство, плодотворное солнце, изобиліе во всемъ.—Будетъ, былъ отвѣтъ.—Храброст и мужество народу, продолжалъ Санъ-Яго:—славу его оружію.— Будетъ, былъ отвѣтъ.—Хорошее и мудрое правительство...—Эт невозможно: если ко всему этому въ Испаніи будетъ еще хороше правительство, то всѣ ангелы уйдутъ изъ рая въ Испанію.

А вотъ пробираются двѣ красивыя manolas.

A donde van las reynas? (А куда идутъ эти королевы?) кричатъ имъ нѣсколько молодыхъ погонщиковъ муловъ.

A perderlos de vista (Туда, гдѣ бы васъ не видно было). отвѣчаютъ онѣ со смѣхомъ, кокетливо поправляя на головахъ свои цвѣты, нѣсколько помятые небрежно накинутою тафтяною мантильею.

Si necesitan un hombre al estribo? (Не нуженъ-ли мужчина в провожатые?)

Y son asi los hombres en su tierra? Jesus,—que miedo! (Та такіе-то все мужчины въ вашей землѣ?—Христосъ,—какой страхъ

Que salero! раздалось въ толпѣ во слѣдъ веселымъ manolas.

Слово *salero* отъ *sal* (соль) непереводимо. Это самое лестн выраженіе, какимъ только мужчина можетъ похвалить женщину. Оно выражаетъ вмѣстѣ и гранію, и ловкость, и уда... что парижане называютъ chic.

Ни одна улица въ мірѣ не представляетъ такого

рочнаго разнообразія; около насъ раздавалось тысяча криковъ разныхъ разнощиковъ и продавцовъ, надъ которыми господствовалъ крикъ—«холодная вода, сейчасъ изъ фонтана!» Agua fria de la fuente la traigo!

Фонтановъ въ Мадритѣ много, но всѣ они очень бѣдны водою (она проходитъ въ нихъ изъ горъ Guadarrama). Несмотря на мраморныхъ дельфиновъ и бронзовыхъ черепахъ, желающихъ выбрасывать ее широкими струями, она только сочится изъ нихъ тонкими струйками. Множество водоносовъ сидятъ вокругъ фонтановъ съ своими боченками и жестяными трубками и проводятъ въ нихъ бѣдныя струи фонтана. Очередь наблюдается свято, и у фонтановъ никогда нѣтъ замѣшательства. Право на ремесло aguador (продавца воды) дается корехидоромъ, и для этого надобна репутація особенной честности; кромѣ того, полученіе права стоитъ денегъ, какъ все въ Испаніи. При постоянныхъ девятимѣсячныхъ жарахъ Мадрита, при этомъ постоянномъ жгучемъ потокѣ солнца, какой испытываешь здѣсь, расходъ на воду долженъ быть ужасный; а при недостаткѣ ея,—она дорога. Кувшинъ воды, не очень большой, стоитъ почти гривенникъ. Днемъ спасаются отъ жару тѣмъ, что сидятъ, затворя ставнями всѣ окна и балконы, въ темнотѣ; въ эти часы малѣйшее движеніе воздуха обдаетъ зноемъ. Есть особеннаго рода вазы изъ красной американской глины, которыя съ водою ставятъ въ комнатѣ для прохлажденія ея. Онѣ удивительно вбираютъ въ себя теплоту, и комната скоро охлаждается; но за то въ ней начинаетъ пахнуть сыростью.. Но пора кончить.

Мадритъ. Іюнь.

Мадритъ въ волненіи; всѣ лавки заперты. Площадь Puerta del Sol занята солдатами и артиллеріею. Со вчерашняго вечера караулъ въ Casa de correos подкрѣпленъ цѣлымъ полкомъ. Толпы народа, показавшіяся съ вечера на Puerta del Sol, съ [illegible] палками, вытѣснены въ окрестныя улицы. [illegible] генералъ капитана, запрещающее останавливаться [illegible] улицахъ; всѣ улицы, ведущія [illegible] часовыми, такъ-что я не могъ [illegible] los amigos завтракать. Сегодня съ [illegible] народа стояли по улицамъ, при [illegible] Sol, раздавались крики: viva la [illegible] Mon! (министръ [illegible] про-чищали у[illegible] перу[illegible]

камъ, но потомъ снова сбирались. Между народомъ иные сильно, со страстью говорили,—и махая палками, блѣдные, призывали толпы къ нападенію; но видно было, что присутствіе значительной военной силы отнимало у безоружныхъ всякую бодрость. Надо вамъ сказать, съ чего началась эта попытка pronunciamiento. Теперешнее правительство держится войскомъ. Въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ городѣ только присутствіе военной силы сдерживаетъ народное недовольство; для этого правительство принуждено имѣть подъ ружьемъ до 160 т. человѣкъ. Для этого нужны деньги; въ займы же больше не даютъ, а всѣ государственные пріиски отданы давно подъ залогъ. Осталось одно средство: увеличеніе налоговъ. Послѣдніе кортесы, въ выборѣ которыхъ участвовали только люди, преданные Христинѣ, называющіе себя «умѣренными»,—передѣлали конституцію; между прочимъ, ими же принятъ былъ законъ и объ увеличеніи прямыхъ налоговъ съ лавокъ, разныхъ заведеній и проч. Торговый и промышленный классъ, видя, что по новому закону онъ долженъ будетъ платить почти вдвое противъ прежняго, просилъ королеву остановить исполненіе закона до слѣдующаго собранія кортесовъ, объявляя, что въ противномъ случаѣ онъ долженъ будетъ запереть лавки и прекратить работы. Отвѣта *никакого* не было. Уже нѣсколько дней Мадритъ былъ въ тревогѣ, и наконецъ, ни одна лавка не отворилась. Генералъ-капитанъ приказалъ полиціи отворять лавки насильно, объявивъ, что всякаго ослушника будутъ брать и судить какъ нарушителя *спокойствія и закона*. И полиція принялась разбивать двери запертыхъ лавокъ и сажать въ тюрьмы хозяевъ, но потомъ, сообразивъ, что тюрьмъ недостаточно для такого множества, объявила, что она будетъ брать только главныхъ зачинщиковъ. Многіе, во избѣжаніе убытка отъ разломанныхъ дверей, прибили къ своимъ лавкамъ объявленіе: «эта лавка переносится».

Don Vicente давно ужъ говорилъ мнѣ, что въ Мадритѣ будетъ возмущеніе. Съ таинственностью исчислялъ онъ мнѣ силы, которыми располагаютъ прогрессисты, число ружей, скрытыхъ во время послѣдняго обезоруженія національной гвардіи (ее здѣсь называютъ милиціею), говорилъ, что часть мадритскаго гарнизона на ихъ сторонѣ, что, наконецъ, если въ такомъ живомъ вопросѣ народъ не покажетъ энергіи и рѣшимости, то все пропало, и проч. Изъ всего этого можно было ждать чего-нибудь серьезнаго. Но дѣло показало, что силы прогрессистовъ заключались въ однѣхъ надеждахъ. Въ толпахъ не показалось ни одного ружья... Утромъ,

когда Мадритъ явился съ затворенными лавками, дѣйствительно можно было ожидать чего-то важнаго, но скоро потомъ оказалось, что во всемъ этомъ не было ни порядка, ни твердости, ни обдуманности. Черезъ три дня волненіе утихло; лавки понемногу растворились. Съ тяжкимъ уныніемъ Мадритъ покорился новымъ налогамъ.

А вотъ одна черта изъ здѣшнихъ нравовъ, которая меня поразила: въ то время, когда на площади толпы народа и солдаты ежеминутно готовы были броситься въ драку, — одинъ простолюдинъ въ плащѣ проходилъ по площади, свертывая свою папироску. Поровнявшись съ полковникомъ, который съ обнаженною шпагою командовалъ постомъ, онъ съ достоинствомъ кивнулъ ему головою, прося закурить свою папироску у его сигары, которую тотъ курилъ. Полковникъ тотчасъ подалъ ее ему. Поблагодаривъ легкимъ наклоненіемъ головы, простолюдинъ спокойно продолжалъ свою дорогу.

Возстанія и возмущенія противъ правительства вообще называются здѣсь pronunciamientos; *прононсируются противъ* министерства, противъ конституціи или *за* такого-то человѣка, за такую-то конституцію. При этомъ законность нисколько не нарушается, потому-что всѣ pronunciamientos дѣлаются при крикахъ: viva Isabel Segunda! Разсказываютъ, что это дѣлается въ городахъ слѣдующимъ образомъ: когда дѣло слажено между главными зачинщиками, изъ которыхъ многіе всегда принадлежатъ къ муниципалитету или милиціи (она съ прошлаго года обезоружена), нѣсколько десятковъ человѣкъ являются на площадь передъ ратушею. Такъ какъ всякій испанецъ заранѣе въ воздухѣ чуетъ наступающее движеніе, то скоро вся площадь покрывается народомъ. Принадлежащіе къ партіи зачинщиковъ начинаютъ говорить о положеніи общественныхъ дѣлъ. Наконецъ, когда умы нѣсколько приготовлены, является ораторъ и говоритъ къ народу рѣчь, безпрестанно повторяя: свобода, деспотизмъ, героическая нація, измѣна, отечество и проч. и оканчиваетъ крикомъ muera и viva, то есть, viva то̀, чего желаетъ pronunciamiento, muera — противное ему. Главные зачинщики отправляются потомъ въ ратушу, гдѣ уже городовое управленіе (ayuntamiento) засѣдаетъ. Ораторъ возвѣщаетъ, что народъ этого города прононсировался. Присутствующіе члены, заранѣе все знавшіе, возносятъ патріотизмъ гражданъ (въ Испаніи за эпитетами дѣло не стоитъ) и составляютъ pronunciamiento, въ формѣ прокламаціи. Тутъ же учреждается

junta de salvacion y gubierno (хунта спасенія и управленія), отставляются всѣ прежнія власти и назначаются новыя, забираютъ городскую казну, вооружаютъ милицію и отправляютъ отрядъ въ ближній городъ, съ приглашеніемъ и ему также сдѣлать свое pronunciamiento. Очень часто случается, что возмутившіеся города бываютъ такъ слабы, такъ неспособны, до того лишены дѣльныхъ и умныхъ начальниковъ, что ничего лучшаго не находятъ, какъ снова просить отставленныя власти принять управленіе городомъ на счетъ pronunciamiento. Бываетъ, что городское управленіе прононсируется само отъ себя, дѣлая правительству представленіе противъ принятыхъ имъ мѣръ и распоряженій, или представляя ему тѣ, которыя оно считаетъ лучшими. Правительство обыкновенно отвѣчаетъ декретомъ, воспрещающимъ городовымъ правленіямъ мѣшаться въ политику, объявляетъ хунты и всѣ ихъ распоряженія противозаконными. Тогда хунта и городовое правленіе объявляютъ себя безсмѣнными, публикуютъ съ своей стороны декреты противъ правительства, называя бунтовщиками всѣхъ, которые продолжаютъ повиноваться ему. Большею частію pronunciamientos дѣлаются гарнизономъ, подъ предводительствомъ сержантовъ и офицеровъ; собственно народъ спокойно смотритъ. Иногда гарнизонъ остается сначала зрителемъ, потомъ присоединяется къ pronunciamiento, при восклицаніяхъ: viva la reyna, viva la constitucion! Когда партія, сдѣлавшая его, оказывается малочисленною, или противная получаетъ вспоможеніе, является новое pronunciamiento и дѣлается точно въ тѣхъ же формахъ.

Политическая Испанія есть какое-то царство призраковъ. Здѣсь никакъ не должно принимать вещи по ихъ именамъ, но всегда искать сущности подъ кажимостью, лицо подъ маскою. Сколько уже лѣтъ говорятъ въ Европѣ объ испанской конституціи, о партіяхъ, о журналистикѣ, разныхъ политическихъ доктринахъ, о волѣ народа и т. п.; все это слова, которыя въ Европѣ имѣютъ извѣстный, опредѣленный смыслъ,—приложенныя же къ Испаніи, имѣютъ свое особое значеніе. Прежде всего надо убѣдиться въ томъ, что массы, народъ, здѣсь совершенно равнодушны къ политическимъ вопросамъ, которыхъ онѣ, къ тому же, нисколько не понимаютъ. Кастильцу-простолюдину нужно работать, можетъ быть, только двѣ недѣли въ году, чтобъ вспахать свое поле и собрать хлѣбъ, да еще большею частію приходятъ жать его валенсіянцы: остальное время онъ спитъ, куритъ, ѣстъ и нисколько не заботится о всемъ томъ, что лично до него не касается. Можетъ

быть, въ душѣ онъ и за донъ-Карлоса, потому-что его приходскій священникъ проповѣдуетъ ему въ этомъ духѣ. Не надобно забывать, что, несмотря на всѣ послѣднія событія, духовенство имѣетъ еще большое вліяніе въ деревняхъ. Испанскіе священники не ведутъ уединенную и затворническую жизнь: ихъ безпрестанно встрѣчаешь по дорогамъ, они пьютъ и курятъ съ крестьянами на постоялыхъ дворахъ, разговаривая о всякихъ мѣстныхъ происшествіяхъ. Вѣроятно, они въ глазахъ народа и не много имѣютъ нравственнаго достоинства, но тѣмъ не менѣе вліяніе ихъ несомнѣнно.

Испанія, удушенная тремя вѣками самой ужасной администраціи, подпавшая двумъ чужестраннымъ династіямъ, изъ которыхъ первая начала жестокостію, насиліемъ и кончила рѣшительнымъ идіотизмомъ,—другая почти безпрерывно занималась одними дворцовыми интригами,— бѣдная Испанія силится разбить теперь эту кору невѣжества, подъ которою столь долго томилась она. Глубоко ошибаются тѣ, которые судятъ объ Испаніи по французскимъ идеямъ, по французскому общественному движенію. Кромѣ множества радикальныхъ различій, не должно забывать, что Франція была приготовлена пятидесятью годами философской литературы. Въ Испаніи, послѣ писателей ея «золотого вѣка», въ продолженіи двухъ вѣковъ не было другой литературы, кромѣ проповѣдей духовенства, которое, конечно, всѣми силами старалось о поддержаніи стараго общественнаго устройства, въ которомъ само господствовало. Посмотрите теперь на испанскіе журналы всѣхъ партій! Меня больше всего поражаетъ въ нихъ рѣшительное отсутствіе всякой разсудительной теоріи, даже всякой практической мысли. Идей нѣтъ, — есть одни лица и имена; ни одинъ вопросъ государственнаго устройства не подвергается анализу. Перевороты въ Испаніи не могутъ выйти изъ массъ, которыя даже не имѣютъ о нихъ понятія. Здѣсь самый бѣдный, послѣдній мужикъ всегда вдоволь имѣетъ хлѣба, вина и солнца, здѣсь у самаго нищаго есть на зиму и шерстяныя панталоны и теплый шерстяной плащъ, тогда какъ французскій мужикъ, напримѣръ, и зиму и лѣто прикрывается одною тощею холстинною блузой. Кромѣ того, этотъ народъ одаренъ удивительнымъ чувствомъ повиновенія: лучшій примѣръ—все царствованіе Фердинанда VII. Испанцу словно недоступна никакая общая идея, хотя отвлеченное понятіе объ общемъ дѣлѣ.

Странная участь Испаніи! Между тѣмъ, какъ въ средніе вѣка

каждая европейская нація направляетъ всю жизненную силу свою на образованіе своего единства, Испанія, разчлененная семисотлѣтней войною съ маврами, вдругъ, безъ приготовленія приводится въ единство силою Карла V и Филиппа II. Съ обычною своею безпечностію предается она этому новому направленію, пока, наконецъ, въ дни страданій и смутъ начинаетъ припоминать о своей прежней жизни и неожиданно находитъ, что сохранила глубокіе слѣды ея. Посмотрите на самое возстаніе 1808 года: не удивительно ли все это безсиліе «совѣта Кастильи», этой центральной хунты, наконецъ, всего того, что хотѣло придать этому возстанію характеръ общности и единства? Жизнь и сила Испаніи были въ ея guerillas; ея герои всегда начальники летучихъ отрядовъ. Въ дни опасности другіе соединяются; испанцы, напротивъ, раздробляются, сила ихъ въ отдѣльности, въ одиночествѣ. Право, единство въ Испаніи мнѣ до сихъ поръ кажется призракомъ. Валенсіянецъ говоритъ языкомъ, котораго андалузецъ не понимаетъ; каталонецъ и кастилецъ почти имѣютъ надобность въ переводчикѣ, интересы раздѣлены; и какъ только обстоятельства становятся важными, всякій тотчасъ спѣшитъ разорвать связь, которая мѣшаетъ, не помогая, и замедляетъ только свободу движеній.

Несмотря на то, что слово «конституція» здѣсь есть лозунгъ всего, что, не будучи карлистомъ, недовольно правительствомъ, ни одна конституція не была приведена здѣсь въ исполненіе. Не отъ того ли это, что здѣсь у народа нѣтъ чувства законности,— что онъ съ прежнею безпечностію даетъ себя судить своимъ пристрастнымъ алькальдамъ, наконецъ, что попеременно апатическій и страстно-стремительный геній этого народа ничего не разумѣетъ въ дѣлѣ политики. И въ Испаніи постоянно дѣлаютъ и передѣлываютъ конституціи — и никто въ нихъ не вѣритъ; составляютъ законы — и никто имъ не повинуется; издаютъ прокламаціи — ихъ никто не слушаетъ; наконецъ, есть двѣ Испаніи: одна—земля примѣрная, народъ могущественный, героическій, народъ великихъ людей, предводимый еще болѣе великими людьми, которые во всемъ успѣваютъ: это Испанія журналовъ, ораторскихъ и министерскихъ рѣчей и прокламацій; но вглядитесь пристальнѣе, проникните глубже, и вы ощутите тогда Испанію настоящую. Испанію разоренную, распустившуюся, безъ администраціи, безъ финансовъ, безъ общественнаго духа, Испанію, изнуряемую постоянно внутреннею войною, усталую отъ всѣхъ этихъ дипломатическихъ интригъ, фантастическихъ конституцій.

Едва ли какой народъ въ Европѣ одаренъ этою стойкостью, этою способностью свыкаться съ своимъ бѣдственнымъ положеніемъ, какъ испанцы. Арабы завоевали Испанію въ два года,—испанцы употребили почти 800 лѣтъ на освобожденіе страны своей отъ чуждаго ига. Читая о безпрерывныхъ смутахъ арабовъ, о ихъ внутреннихъ раздорахъ, дивишься, какъ испанцы такъ долго не могли отбросить это африканское племя. Но знать и тогда было то-же, что теперь. Почти каждое лѣто испанцы одерживали верхъ; но вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать свою удачу,—они спокойно расходились на зиму по домамъ проживать пріобрѣтенную добычу, въ ожиданіи слѣдующей кампаніи. Непріятель, между тѣмъ, возстановлялъ свои силы, и на лѣто снова начиналось дѣло. Лишь гораздо позже, когда все арабское царство сосредоточивалось уже въ одной Гранадѣ, испанцамъ пришло въ голову быстро стѣснить и покорить его: и это стоило одного легкаго похода. Война противъ невѣрныхъ вошла въ нравы, въ нужды Испаніи; набѣги на арабовъ возобновлялись періодически. Въ продолженіе всѣхъ этихъ вѣковъ не встрѣчаешь никакого плана, никакого соображенія, преслѣдуемаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; грозная близость непріятеля не мѣшала въ лагерѣ испанцевъ ни распрямъ, ни ссорамъ за наслѣдство, ни междоусобнымъ войнамъ, ни даже тому, чтобы, соединясь съ арабами, воевать противъ своихъ же. Нѣчто изъ этихъ бродячихъ нравовъ, изъ этой привычки къ похожденіямъ сохранилось и теперь; отсюда отсутствіе одной постоянной воли, безпечность, которая все оставляетъ на долю случайности. Во многихъ отношеніяхъ Испанія столько же принадлежитъ къ среднимъ вѣкамъ, сколько къ нашему времени; многое въ ней странно, но не безсмысленно. Она много назади, но далеко не поражена тою нравственною окаменѣлостію, которая заставляетъ отчаяваться за будущность народа.—Скорѣе должно дивиться, соображая исключительныя, роковыя обстоятельства, которыя такъ долго сдерживали политическую жизнь Испаніи, какъ она еще не болѣе назади, какъ еще успѣла она сохранить въ себѣ эти энергическія сѣмена жизни!

Всего болѣе заставляетъ вѣрить въ будущность Испаніи рѣдкій умъ ея народа. Когда имѣешь дѣло съ людьми изъ простого народа, совершенно лишенными всякаго образованія, невольно изумляешься ихъ здравому смыслу, ясному уму, легкости и свободѣ, съ какими они объясняются. Въ этомъ отношеніи, они, напримѣръ, далеко выше французскихъ крестьянъ. Въ нихъ нѣтъ

ихъ грубости, ихъ умственной тяжелости. Умственная сфера испанца невелика, но то, что онъ понимаетъ, онъ понимаетъ вѣрно; и если воспитаніе и здравыя идеи разовьютъ ихъ умственныя способности, испанцы внесутъ тогда и въ высшія сферы жизни это прямодушіе, эту отчетливость, которыя, кажется, врожденныя имъ, и которыя теперь прилагаются у нихъ только къ самымъ мелкимъ интересамъ. Среди этихъ безчисленныхъ смутъ, раздирающихъ Испанію, чувствуешь какую-то необходимость безпрестанно оглядываться назадъ, хотя бы для того, чтобъ сколько нибудь облегчить настоящее отъ ошибокъ и несчастій, завѣщанныхъ ему прошедшимъ, для того, чтобъ сохранить вѣру въ народъ, который, несмотря на три несчастныхъ вѣка, умѣлъ сберечь въ себѣ свои природныя качества, столь прекрасныя и драгоцѣнныя.

Вы не можете представить себѣ, какъ отрадна здѣсь прохлада; надо испытать зной здѣшняго дня, чтобъ чувствовать, что такое свѣжесть утра. Вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ небо здѣсь постоянно безоблачно. Каждое утро наслаждаюсь я свѣжестью за своимъ скромнымъ завтракомъ. Надобно вамъ сказать, что испанскій завтракъ состоитъ обыкновенно изъ самой маленькой чашки густого шоколада на водѣ, къ которому подаютъ нѣсколько тонкихъ ломтиковъ хлѣба. Этотъ неотразимый завтракъ вамъ равно даютъ и въ послѣдней, уединенной вентѣ такъ-же, какъ и въ первой гостинницѣ Мадрита. Утромъ кофе испанцы не пьютъ, и очень рѣдкіе пьютъ его послѣ обѣда. На меня особенно пріятно дѣйствуетъ здѣсь естественность женщинъ. Вамъ, можетъ быть, эти слова покажутся неясными, но чтобъ понять ихъ, надобно долго жить въ Парижѣ, гдѣ женщина искусственна съ головы до ногъ. Правда, что француженки очень граціозны, но правда также и то, что большею частію эта грація — изученная. Разумѣется, вездѣ есть натуры, такъ сказать, счастливыя, потому-что естественная грація—своего рода талантъ; ей нельзя выучиться, съ нею надобно родиться. Испанки не граціозны въ смыслѣ французскомъ, но онѣ естественны, и надо также признаться, что естественность эта сначала жостко поражаетъ глаза, привыкшіе къ тонкой французской жеманности. Только въ этомъ отношеніи между итальянками и испанками есть сходство. Испанка не обдумываетъ ни манеръ своихъ, ни походки: онѣ у ней прямо и смѣло выходятъ изъ ея природы, и хоть часто отрывисты, рѣзки, но за-то живы,

оригинальны, выразительны и плѣнительно просты. Француженка — кокетка по природѣ, умѣетъ съ удивительнымъ искусствомъ выставить все, что въ ней есть красиваго; она глубоко изучила всѣ позы, всѣ движенія; это воинъ страшно вооруженный, бдительный и лукавый. Испанка какъ будто не знаетъ о красотѣ своей; по глубокому чувству стыдливости, она скорѣе скроетъ, нежели обнаружитъ красоту своихъ формъ. Женщинамъ въ Испаніи не оказываютъ тѣхъ въ сущности пустыхъ знаковъ приторной вѣжливости, какими осыпаютъ женщинъ во французскихъ обществахъ. Замѣчательно, что не такъ еще далеко то время (лѣтъ 15), когда дѣвущекъ здѣсь учили только *читать*, изъ опасенія, чтобъ онѣ не писали любовныхъ записокъ. Это я слышалъ отъ одной очень умной и пожилой дамы хорошаго общества. Политическія волненія еще болѣе уединили здѣсь женщину. Въ борьбѣ партій здѣсь женщина не принимаетъ участія, а семейная жизнь, конечно, всего меньше можетъ развить потребность образованія.

Чтобъ вполнѣ оцѣнить прекрасныя качества испанцевъ, надобно видѣть ихъ въ домашнемъ быту, въ ихъ частныхъ отношеніяхъ: только здѣсь становятся они сами собою. По какому-то особенному счастію, на испанцахъ ни сколько не замѣтно слѣдовъ вліянія системы шпіонства, введенной инквизиціею. Вѣрно, у испанцевъ основной закалъ былъ такъ твердъ, что ихъ старыя, рыцарственныя качества остались доселѣ совершенно чистыми. Случилось одно только, что хорошія и дурныя стороны существуютъ какъ-то вмѣстѣ, не касаясь другъ съ другомъ, словно раздѣленныя какою-то стѣною. Чиновникъ—взяточникъ и продажный, торгующій правосудіемъ судья здѣсь въ частныхъ отношеніяхъ непремѣнно деликатны и вѣрны. Общественный духъ, общественныя чувства здѣсь находятся еще подъ спудомъ, но загляните съ другой стороны, зайдите за стѣну, и вы будете поражены благородствомъ, простотою, прямодушіемъ. Даже у тѣхъ, которые здѣсь со всѣхъ сторонъ запачканы политическою грязью, вѣрьте, частная сторона, на зло всему, осталась прекрасною.

Иностранцу, пріѣзжающему въ Мадритъ, больше всего бросается въ глаза то особенное вниманіе, которое обращаютъ испанцы на рекомендательныя письма. Въ этомъ отношеніи французъ, можетъ быть, наговоритъ больше любезностей, англичанинъ будетъ кормить частыми обѣдами, но у однихъ только испанцевъ можно найти эту неутомимую, добродушную привѣтливость, эту обязательную готовность всячески быть вамъ полезнымъ. Разъ

рекомендованные испанцу, вы можете располагать имъ, его временемъ, его связями. La casa està a la disposicion de usted (мой домъ въ вашемъ распоряженіи), говоритъ вамъ прежде всего испанецъ, и это не одна пустая фраза, вы можете прійти туда, когда хотите, и всегда будете радушно приняты. Вообще испанецъ учтивъ и привѣтливъ съ достоинствомъ, безъ предупредительности: при обычномъ спокойствіи своемъ, онъ не расточителенъ на любезности, но будьте увѣрены, вы никогда не будете ему въ тягость, никогда не обойдется онъ съ вами холодно. Въ Испаніи никогда не употребляютъ слова *ты*, развѣ между самыми близкими друзьями. Если генералъ обращается къ солдату, онъ говоритъ ему—usted, ваша милость. То-же самое съ слугами; дѣти, играя на улицѣ, говорятъ другъ другу — mira usted, посмотри ваша милость.

Лѣтняя жизнь въ Мадритѣ не разнообразна: прогулка на Prado съ сигарой, мороженое, поѣздки въ Аранхуесъ, въ Лагранху составляютъ здѣсь всѣ удовольствія лѣта. Вечера въ домахъ рѣдки. Есть два рода вечеровъ—tertulias: на однихъ танцуютъ подъ фортепіано, играютъ Герца и Черни, поютъ итальянскія аріи; вообще музыкальная сторона тертулій не блестяща. Испанскія дамы, къ которымъ такъ чудесно идетъ ихъ національный костюмъ, въ обществахъ всѣ одѣты въ костюмъ французскій — и почти всегда неудачно; испанскихъ танцевъ не танцуютъ; фанданго и болеро (о качучѣ уже нечего и говорить) въ обществахъ считаются неприличными, и я никакъ не могъ упросить двухъ дочерей хозяйка дома, съ которымъ я очень хорошо знакомъ, рѣшиться протанцовать какой-нибудь испанскій танецъ; онѣ отговариваются отъ этого, какъ отъ вещи совершенно невозможной. Здѣсь танцуютъ вальсъ и контрдансъ. «Порядочное» общество здѣсь національность предоставляетъ народу. Равнымъ образомъ, въ этомъ обществѣ болѣе говорятъ по-французски... Мнѣ кажется, смотря на всѣхъ этихъ «образованныхъ» испанцевъ, что Испанія собственно раздѣлена на двѣ партіи: на Испанію старую и неподвижную, и на Испанію, преданную идеямъ и учрежденіямъ Франціи и Англіи. Одной не достаетъ народности, національныхъ корней, другой—чувства будущности и новыхъ государственныхъ интересовъ.. Если здѣсь народъ съ такою враждебностію глядитъ на всѣ цивилизующія начала, это, главное, потому, что они приходятъ отъ иностранцевъ. Трудно представить себѣ то глубокое презрѣніе, какое оказываетъ народъ къ los afrancesados (офранцуженнымъ), но съ

другой стороны, и республиканскіе exaltados нисколько не пользуются народностію... Эта тяжкая борьба, столько лѣтъ изнуряющая Испанію, не выходитъ-ли она изъ безсилія этихъ двухъ партій? Одна чужда своей страны, другая—своей эпохи; одна состоитъ изъ жителей Франціи и Англіи, забывшихъ Испанію, другая — изъ готѳовъ и кантабровъ XI вѣка, не понимающихъ ни промышленности, ни источниковъ народнаго богатства, которые на единство смотрятъ съ враждебностью и которые ничего не видятъ далѣе своей деревенской колокольни и своихъ общинныхъ правъ. Одни хотятъ воротиться въ средніе вѣка, другіе—слѣпить Испанію по образцу Франціи и Англіи, — партіи равно пустыя и химерическія, равно безсильныя, порождающія однѣ безпрестанныя реакціи. Не здѣсь-ли причина этимъ постояннымъ и безтолковымъ переворотамъ, этому смѣшенію слабости и кровожадности?..

Но возвратимся къ нашимъ вечерамъ. Я забылъ сказать, что они еще замѣчательны тѣмъ, что какъ-бы жарко ни было въ комнатахъ, и какъ-бы долго ни продолжался вечеръ, вамъ не предложатъ никакого прохладительнаго питья. Благодаря простотѣ привычекъ своихъ, испанцы, кажется, не чувствуютъ въ этомъ никакой надобности, и одной водой веселятся на своихъ тертуліяхъ отъ всей души. Эту простую, природную веселость, это ясное расположеніе можно видѣть только въ обществѣ испанскомъ. О простотѣ здѣшнихъ мебелей и уборки комнатъ вы не можете составить себѣ понятія. Тотъ комфортъ, какимъ окружаетъ у насъ себя всякій чуть-чуть не бѣдный человѣкъ, здѣсь можно найти развѣ въ домѣ богатаго гранда, да и то afrancesado. Вообще, стѣны комнатъ выкрашены обыкновенно бѣлой известью, каменный полъ устланъ ковромъ изъ плетеной соломы, стулья самые простые и Богъ знаетъ какихъ древнихъ формъ; стеариновыя свѣчи здѣсь роскошь. Я говорилъ о танцовальныхъ вечерахъ, но для меня еще интереснѣе здѣшніе вседневные вечера, составленные изъ однихъ общихъ пріятелей дома. Только на такихъ вечерахъ можно узнать всю любезность испанскаго характера. Трудно понять, какъ при однообразіи мадритской жизни, семь, восемь человѣкъ близкихъ знакомыхъ находятъ средство безпрестанно оживлять разговоръ остроумными замѣчаніями, смѣшными разсказами, наконецъ, этимъ постояннымъ, неистощимо-веселымъ расположеніемъ духа. Ахъ, если-бы испанцы могли взамѣнъ того, что они такъ неловко заимствуютъ у Европы, сообщить ей хоть немного своей кроткой, доброй, беззаботной веселости, о какой Европа не имѣетъ поня-

тія! На этихъ вечерахъ учтивость чрезвычайная, даже нѣсколько церемонная, освѣдомленія о здоровьи всегда продолжительны и повторяются съ одинаковою обстоятельностью каждый день; но кромѣ нѣкоторыхъ этого рода формальностей, обращеніе очаровательно-фамильярно. Здѣсь дамы и дѣвушки называютъ мужчинъ просто по именамъ: don Antonio, don Esteban, — мужчины, съ своей стороны, также пользуются этимъ обычаемъ: dona Dolores, dona Matilda... и этотъ обычай, повидимому, самый незначительный, придаетъ разговорамъ и отношеніямъ какой-то дружественный колоритъ, такъ-что въ испанскомъ обществѣ тотчасъ чувствуешь себя свободнымъ.

Въ Мадритѣ нѣтъ народныхъ баловъ, и вообще въ Мадритѣ народъ танцуетъ мало; можетъ быть, la flema Castillana (кастильянская флегма) тому причиною, тѣмъ болѣе, что изъ всей Испаніи Кастилья самая непѣвучая и нетанцовальная провинція. Только по воскресеньямъ, за королевскимъ дворцомъ, внизу, подъ тѣнью каштановъ, случаются танцы. Оркестръ состоитъ изъ двухъ гитаръ и тамбурина, къ нимъ танцующіе присоединяютъ свои palillos (кастаньеты); одинъ изъ гитаристовъ поетъ,—здѣсь всѣ танцы суть вмѣстѣ и пѣсни,—и балъ идетъ съ большою живостью. Меня особенно поражаетъ въ нихъ ловкость и отличныя манеры мужчинъ, ихъ изящная вѣжливость съ женщинами: это свобода безъ наглости, увлеченіе безъ всякой грубости. Больше всего танцуютъ bolero и jota aragonese. Арагонская хота очень проста и болѣе состоитъ въ прыжкахъ, нежели въ движеніяхъ стана, которыми отличаются почти всѣ испанскіе танцы, но она очень жива, весела и танцуется въ восемь и больше паръ. Здѣсь можно любоваться и на мадритскихъ manolas; это здѣсь то-же, что въ Парижѣ гризетки. Но manolas.... увы!... вытѣсняется французскимъ вліяніемъ: это типъ уже исчезающій, но въ высшей степени оригинальный, исполненный страннаго соединенія прелести и буйной дикости, цѣломудренной красоты формъ и откровенной наглости, происходящей не отъ разврата, а отъ стремительно вспыхивающихъ страстей, не знающихъ себѣ никакого предѣла, и на которыя ни религія, ни общественныя формы не имѣли никакого вліянія. Это природа, во всей своей цѣлости. Лица ихъ почти всѣ блѣдно-коричневыя, взглядъ большихъ черныхъ глазъ смѣлый и удалой, массивная коса, собранная въ одинъ огромный узелъ, слегка прикрыта мантильею, короткое платье... но вамъ лучше меня опишетъ манолу эта народная пѣсня о манолѣ; жалѣю, что не могу здѣсь передать вамъ ея увлекательной и живой мелодіи:

Ancha franja de veludo
En la terciada mantilla,
Aire recio, gesto crudo,
Soberana pantorilla

Alma atroz, sal espanola,
Alza, hola!
Vale un mundo mi manola!

Que caliá, y como cruje
Si baila jota ó fandango
Y que brio en cada empuje!
Y que gloria de remango
En la mas leve cabriola!
Alza etc. etc.

Con primor se calza el pié
Digno de regio tapiz:
Y que dulce no sé que
En aquella cicatriz,
Que tiene junto à la gola—
etc. etc.

«Широкая бархатная кайма на перевязанной крестомъ мантильи, станъ сильный, жестъ рѣзкій, дивная икра, душа хищная, испанская ловкость... стоитъ цѣлаго міра моя манола!

«Какъ горитъ она, какъ хруститъ, когда танцуетъ хоту или фанданго; какая энергія въ каждомъ взмахѣ,—и что за удивленье, какъ встряхивается у ней платье, при самомъ легкомъ прыжкѣ... стоитъ цѣлаго міра моя манола!

«Деликатно обута ножка, достойная царскаго ковра, и не знаю, что за прелесть въ этомъ рубцѣ, что на шеѣ у ней... стоитъ цѣлаго міра моя манола!»

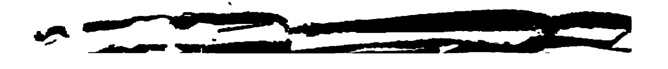
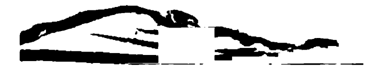
Испанцы народъ гостепріимный по преимуществу; кромѣ того привѣтливаго вниманія, какое обращаютъ они на рекомендательныя письма, знакомства въ Испаніи чрезвычайно легки: одного разговора въ кофейной достаточно, чтобъ иностранецъ былъ приглашенъ въ домъ, при обычной фразѣ: mi casa esta a la disposicion de usted. Кромѣ того, если испанецъ находится въ кофейной, въ обществѣ иностранца, онъ считаетъ для себя непремѣннымъ долгомъ не допускать его платить за себя, и они дѣлаютъ это съ такою ловкостью, такъ искусно даютъ знакъ прислугѣ взглядомъ или жестомъ, что иностранцу, при всемъ его желаніи, никакъ не удастся заплатить въ кофейной, когда онъ находится въ

обществѣ испанцевъ. Этотъ обычай поставилъ меня однажды въ загадочное положеніе. Разъ приглашаю я одного моего пріятеля съ женою, у котораго въ домѣ я очень близокъ, отобѣдать въ ресторацію, предварительно заказавъ обѣдъ. Нашъ обѣдъ былъ веселъ, говорливъ, словомъ, прошелъ какъ нельзя лучше; но когда спросилъ я у слуги счетъ, вдругъ слышу, что счетъ уже заплаченъ. Меня это разсердило. Мой испанецъ оправдывался своими обычаями, говоря, что, конечно, я воленъ сердиться, но что онъ, съ своей стороны, не можетъ измѣнить долгу испанца, по которому рекомендованный ему иностранецъ есть *всегда* гость его. Даже находясь между собою, въ кофейной, испанцы какъ-бы пикируются, кому удастся заплатить за другихъ. Эта черта тѣмъ болѣе поразительна, что здѣсь средства у всѣхъ ограничены. Но испанецъ прежде всего caballero. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Мадритъ, я отыскивалъ одну улицу, гдѣ мнѣ надобно было сдѣлать визитъ. Улица была далеко, и я разспрашивалъ о ней у прохожихъ. Между прочимъ, отнесся я къ одному бѣдно одѣтому человѣку. «Если хотите, я провожу васъ туда», отвѣчалъ онъ. Мы пошли. Дорогой вздумалъ я сдѣлать еще нѣсколько визитовъ, и, намѣреваясь заплатить этому человѣку за трудъ его, просилъ дожидаться меня на улицѣ. Визиты мои продолжались часа три; вожатый мой говоритъ мнѣ, наконецъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться со мною. Я подаю ему дуро (5 руб. асс.), благодаря его за одолженіе. «No, senor, no, muchissima gracia!» (Нѣтъ, сударь,—нѣтъ, покорнѣйше благодарю!) — Но почему-же вы не хотите получить за ваши труды, я отнялъ у васъ время... «No, senor, gracias, soy pobre, pero soy caballero». (Нѣтъ, сударь, благодарю—я бѣденъ, но я кавалеръ),—и раскланявшись, кастильянецъ ушелъ отъ меня, оставивъ меня въ замѣшательствѣ и съ деньгами въ рукѣ. Никогда не случалось мнѣ, давая за труды прислугѣ, встрѣтить недовольную мину. Если слуга испанскій очень доволенъ, это выражается только тѣмъ, что онъ прибавитъ къ своему обычному «gracias» (благодарю),—gracias, caballero (благодарю, кавалеръ). Вообще чувство личнаго достоинства въ этомъ народѣ поразительно; не даромъ существуетъ у него пословица: «Король можетъ дѣлать дворянами, одинъ Богъ дѣлаетъ кавалерами».

Мнѣ не придется видѣть въ Мадритѣ боя быковъ—corrida de toros: они уже здѣсь прекратились до весны; но мнѣ обѣщаютъ, что я еще застану ихъ въ Андалузіи. Здѣсь мнѣ случилось видѣть

только corrida de novillos. Novillos называются здѣсь молодые быки, и забава состоитъ въ томъ, что ихъ пускаютъ поиграть съ молодыми людьми. Это самая любимая забава молодежи; ни одинъ деревенскій праздникъ, ни одна маленькая ярмарка не обходится безъ corrida de novillos; они замѣняютъ здѣсь фокусниковъ и комедіянтовъ. Въ Караванчелѣ, деревнѣ верстахъ въ четырехъ отъ Мадрита, случился приходскій праздникъ, и мнѣ сказали, что непремѣнно будетъ и corrida de novillos. Дѣйствительно, на скорую руку была сдѣлана арена, окруженная заборомъ изъ досокъ, складенныхъ такъ, чтобъ въ щели можно было пролѣзть человѣку; вокругъ подмостки для зрителей; за входъ по два реала (около 50 коп. асс.). Каждый заплатившій имѣетъ право идти на арену играть съ быкомъ. Игра эта состоитъ въ томъ, что молодые люди (ни оружія, ни палки имѣть при себѣ не дозволяется) дразнятъ быка своими красными кушаками или снятыми съ себя куртками; быкъ безпрестанно бросается на нихъ, они разсыпаются; во всемъ этомъ—легкость, увертливость, ловкость поразительны. Смѣющаяся, шумливая ватага соблюдаетъ удивительный тактъ въ своихъ движеніяхъ; нѣтъ въ ней ни замѣшательства, ни столкновеній; она знаетъ всѣ пріемы и взгляды быка, — все въ ней живо, внимательно; она разсыпается и собирается снова, безпрестанно развлекая вниманіе быка, наблюдая другъ за другомъ. Глупое животное не знаетъ, въ какую сторону броситься, дѣлаетъ прыжки, обороты, — молодежь разливается вокругъ него, какъ вода. Вдругъ быкъ замѣтилъ одного молодого человѣка, который больше всѣхъ вертѣлся около него съ своимъ широкимъ краснымъ распущеннымъ поясомъ; быкъ бросился на него, тотъ увернулся. Быкъ за нимъ; молодой человѣкъ, замѣтивъ рѣшимость раздраженнаго животнаго, въ одинъ прыжокъ очутился у забора и уже пролѣзалъ въ него... но быкъ тоже въ одинъ прыжокъ подскочилъ къ забору; еще одно мгновеніе—и молодой человѣкъ внѣ опасности, но бокъ чуть-чуть оставался еще наружѣ, и одинъ рогъ быка уловилъ его за ребра, съ страшною силою вырвалъ изъ забора и съ бѣшенствомъ побѣжалъ съ нимъ по аренѣ... Это была минута страшная. Смѣхъ и крики мгновенно утихли, тяжкая, томительная тишь пробѣжала по зрителямъ. Ha matado, ha matado—(убилъ, убилъ!) раздалось со всѣхъ сторонъ. Обѣжавши два раза арену, быкъ сбросилъ съ рогъ молодого человѣка; между тѣмъ, впустили рабочихъ воловъ, чтобъ въ ихъ сообществѣ вывесть быка изъ арены. Молодой человѣкъ лежалъ безъ движенія, съ посинѣлымъ лицомъ...

5*

Эта сцена такъ потрясла мои непривычные нервы, что я не въ силахъ былъ оставаться ни минуты долѣе, и въ страшномъ волненіи тотчасъ-же отправился въ Мадритъ. Когда я садился въ коляску, на аренѣ раздавались снова смѣхъ и крики; значитъ тѣло убрали, впустили новаго быка и молодежь снова принялась играть съ нимъ. Страшная смерть была уже забыта.

II.

Мадритъ. Іюнь

Я все еще въ Мадритѣ, несмотря на его удушающіе жары и знойный воздухъ, несмотря на его безпрестанныя смуты. Чѣмъ больше всматриваюсь здѣсь въ людей и событія, тѣмъ больше убѣждаюсь, что для сужденія объ Испаніи и волнующихъ ее смутахъ должно прежде всего отложить въ сторону всякое сравненіе ея съ Европою. Обще-европейская точка зрѣнія, приложенная къ Испаніи, можетъ вести только къ ложному о ней понятію. Развѣ Европа не считала Испаніи страною самыхъ прочныхъ монархическихъ учрежденій, развѣ она не считала народъ испанскій типомъ самой щекотливой и обидчивой національности? — А этотъ народъ съ совершеннѣйшимъ хладнокровіемъ смотрѣлъ, какъ Фердинандъ, лишивъ инфанта Д. Карлоса законнаго наслѣдственнаго престола Испаніи, отказалъ его иностранкѣ, Маріи-Христинѣ, равнодушно смотрѣлъ, какъ испанскій инфантъ бродилъ скитальцемъ въ горахъ Наварры! Европа считала Испанію страною самою католическою въ мірѣ, а испанскій народъ рѣзалъ или по крайней мѣрѣ далъ рѣзать своихъ монаховъ, далъ свѣтской власти обобрать свои церкви и монастыри и, наконецъ, съ тѣмъ-же равнодушіемъ смотрѣлъ, какъ уничтожили его монастыри, и нисколько не тревожится тѣмъ, что уже лѣтъ десять папа прекратилъ всѣ духовныя сношенія съ Испаніею. Право, страна эта—живая загадка, для которой Европа до сихъ поръ никакъ не можетъ найти разрѣшенія. Брошенная въ революцію, она движется въ ней какъ раба высшихъ инстинктовъ, которые насильно стремятъ ее къ совершенію судебъ своихъ. Но какія это судьбы? Испанія сама не знаетъ ихъ. Она идетъ, не зная, куда приведетъ ее дорога ея, идетъ безъ опредѣленной цѣли, безъ всякаго плана и въ совершенномъ незнаніи о завтрашнемъ днѣ. Никогда Европѣ не представлялось еще такого зрѣлища!

Если насчетъ Испаніи такъ часто ошибаются, и если такъ трудно не ошибиться на счетъ ея, не оттого-ли это, что на Испанію смотрятъ не изъ нея самой, не изъ ея собственной исторіи, а изъ общей исторіи Европы, тогда какъ при наружности, почти совершенно сходной со всѣми неограниченными монархіями, Испанія на самомъ дѣлѣ имѣла историческое развитіе совершенно различное отъ остальной Европы; кромѣ того, элементы, изъ которыхъ сложилось испанское общество, и по началу своему, и по направленіямъ, совершенно различны отъ тѣхъ, которые лежатъ въ основѣ прочихъ европейскихъ государствъ. Посмотрите, напримѣръ, на положеніе и значеніе дворянства испанскаго? Во Франціи—странѣ равенства, народъ враждебно смотритъ на дворянство и аристократію; въ Испаніи, гдѣ чувство равенства гораздо сильнѣе, аристократія не только не возбуждаетъ противъ себя ни ненависти, ни зависти, но пользуется въ народѣ уваженіемъ. Мнѣ кажется это обстоятельство довольно любопытнымъ, и я, имѣя теперь подъ рукою нѣкоторые матеріалы, хочу воспользоваться ими, чтобъ сказать нѣсколько словъ о дворянствѣ въ Испаніи и объ отношеніи его къ народу. Мнѣ кажется, что, уяснивъ себѣ эти отношенія, мы будемъ лучше понимать современныя событія Испаніи и еще болѣе извинимъ народъ ея за его равнодушіе къ нимъ.

Послѣ паденія римской имперіи (простите, что я начинаю такъ издалека), вся Европа была завоевана и занята варварами; племя побѣдившее и племя побѣжденное поселились на одной и той-же землѣ, одни какъ властители, другіе какъ вассалы. Вѣдь исторія Франціи и Англіи есть не что другое, какъ постепенное освобожденіе племени завоеваннаго. Казалось-бы, что французская революція, провозгласивъ политическое, гражданское и религіозное равенства, должна была заглушить самое воспоминаніе о прежней взаимной борьбѣ и ненависти; но такова глубина этой ненависти, что она пережила даже и самую причину ссоры. До сихъ поръ случается во Франціи слышать возгласы на аристократію; и какъ ни безсмысленны, какъ ни пусты эти возгласы, они еще пробуждаютъ въ народѣ смутное раздраженіе. Знать, воспоминаніе вѣковъ не изглаживается въ одинъ день! Но оставимъ эту простительную щекотливость молодого общества и обратимся къ Испаніи.

Въ Испаніи не найдете вы ничего подобнаго; здѣсь дворянинъ не гордъ и не спѣсивъ, простолюдинъ къ нему не завистливъ; между ними одно только различіе—богатство, и нѣтъ никакого другого. Здѣсь между сословіями царствуютъ совершенное равенство

тона и самая деликатная короткость обращенія. И не только гражданинъ, но мужикъ, чернорабочій, водоносъ обращаются съ дворяниномъ совершенно на равной ногѣ. Если имъ открытъ входъ въ домъ испанскаго гранда, они пойдутъ туда, придутъ, сядутъ и говорятъ съ своимъ благороднымъ хозяиномъ въ тонѣ совершеннѣйшаго равенства. Причина такихъ удивительныхъ для насъ отношеній должна заключаться въ самой исторіи Испаніи, и именно въ томъ, что въ Испаніи никогда не было плебейства, простонародья, что испанскій мужикъ не принадлежитъ къ племени завоеванному, а дворяне—къ племени завоевательному. Новая Испанія началась съ изгнанія мавровъ; только съ этого времени здѣсь ведутъ свое начало права на владѣніе землею. Но самое это изгнаніе показываетъ, что въ Испаніи остались одни только побѣдители. Извѣстно, какъ послѣ завоеванія маврами всей Испаніи горсть смѣлыхъ и непреклонныхъ людей, укрѣпившихся въ горахъ Астуріи, сдѣлалась впослѣдствіи спасителемъ и знаменосцемъ національной независимости. По мѣрѣ того, какъ силы ихъ увеличивались, завоевали они постепенно провинціи Леонъ, Кастилью. Арагонъ, оттѣсняя мавровъ далѣе и далѣе, и наконецъ взятіе Гранады уничтожило политическое значеніе мавровъ въ Испаніи. Тогда духовенство принялось истреблять самые слѣды исламизма. Инквизиція приняла побѣжденныхъ арабовъ въ свое вѣдомство, предавала ихъ пыткамъ, принуждала отказываться отъ своей одежды. языка, наконецъ изгнала ихъ всѣхъ изъ Испаніи. Быть низкаго происхожденія, по понятіямъ испанца, значило имѣть въ своихъ жилахъ кровь арабскую, кровь племени вдвойнѣ презираемаго. какъ невѣрное и какъ побѣжденное. По той-же самой причинѣ дворянство испанца состоитъ прежде всего въ томъ, чтобъ быть стариннымъ христіаниномъ; и это одно достоинство стариннаго христіанина,—если его считаетъ за своимъ родомъ самый послѣдній носильщикъ, онъ гордится имъ, и въ глазахъ его оно равняетъ его съ самыми важными лицами въ государствѣ. Между здѣшними aguadores (водоносцами), которые всѣ почти изъ Астуріи, много дворянъ; они знаютъ это и величаются своимъ происхожденіемъ. Jo soy mejor que mi amo (я больше дворянинъ, я благороднѣе моего хозяина), говоритъ aguador, принявъ гордый видъ и держа свое ведро воды на плечѣ. И дѣйствительно, самыя старыя и благородныя фамиліи стараются отыскивать начало своихъ родовъ преимущественно въ Астуріи. А такъ какъ въ прочихъ провинціяхъ всѣ равно участвовали въ изгнаніи арабовъ, то

всякій гордится на свой манеръ, и всѣ обращаются между собой на равной ногѣ, потому что, повторяю, самое великое и главное событіе испанской исторіи есть борьба противъ исламизма; отъ нея ведутъ начало свое и собственность и дворянство, и только изъ нея можно объяснить политическое могущество духовенства въ Испаніи и огромныя владѣнія дворянства.

Причина того всеобщаго уваженія, которымъ всегда пользовалось въ народѣ дворянство, заключалась въ томъ, что предки его были первоначальными освободителями Испаніи отъ ига арабовъ. Тогда какъ народъ занимался земледѣліемъ, дворянство билось съ невѣрными и расширяло границы испанскаго христіанства. Отсюда происходитъ почтеніе, оказываемое ему народомъ, но опять въ этомъ почтеніи не было ничего подданническаго именно потому, что между дворяниномъ и самымъ послѣднимъ мужикомъ здѣсь не лежала бездна завоеванія, какъ въ остальной Европѣ, а только одна различная степень дѣятельности и храбрости. Теперь нѣсколько словъ о владѣніяхъ дворянства.

Короли Кастильи и Арагона обыкновенно награждали за услуги, оказанныя имъ въ войнахъ противъ арабовъ, частью завоеванныхъ земель. Иногда эти маленькіе владѣтели, имѣя деньги, прикупали себѣ новые участки; случалось также, что иной caballero строилъ себѣ крѣпость вблизи арабской границы и держался въ ней съ своимъ гарнизономъ; крестьяне приходили селиться подъ защитою крѣпости, и когда испанская граница распространялась дальше, владѣтель крѣпости естественно становился и владѣтелемъ земли, которой онъ долго покровительствовалъ и защищалъ отъ нападеній арабовъ. Такимъ образомъ, владѣнія дворянства въ источникѣ своемъ, какъ видите, ничего не имѣли ненавистнаго для народа. Духовенство, проповѣдуя истинную вѣру, и дворянство, защищая ее мечомъ, естественно должны были собрать всѣ лучшіе плоды побѣды надъ невѣрными, побѣды, которая была вмѣстѣ и національной, и религіозной. Кромѣ того, майоратство, учрежденіе чисто феодальное, безпрестанно сосредоточивало и безъ того значительныя владѣнія въ однихъ лицахъ, которыя чрезъ это становились по могуществу своему почти независимыми отъ короля,— такъ что теперь, при всемъ своемъ жалкомъ состояніи, при всей разоренности своей, дворянство испанское, послѣ уничтоженія монастырей и конфискаціи ихъ имѣній, составляетъ въ Испаніи классъ самыхъ большихъ владѣтелей и имѣетъ въ своихъ рукахъ самыя лучшія земли.

Но по этой же самой причинѣ, по феодальной значительности своей, дворянство испанское никогда не было въ милости у королей. Во многихъ случаяхъ, когда тяжкія войны истощали денежныя средства королей, они принимались повѣрять дарственныя грамоты своихъ предшественниковъ, по которымъ дворянство владѣло землями, и если эти грамоты оказывались неточными (а въ этомъ случаѣ придирались ко всему), ихъ объявляли недѣйствительными, и отобранныя имѣнія поступали снова въ королевскую казну. Но совершенный упадокъ испанскаго дворянства начался со вступленія на испанскій престолъ Бурбоновъ. Когда, по интригамъ Людовика XIV, слабоумный Карлъ II, распорядившись Испаніею, какъ своею частною собственностію, завѣщалъ ее внуку Людовика XIV, дворянство испанское было противъ этого завѣщанія и держало сторону австрійскаго дома. Этого Бурбоны, разумѣется, не забывали, и съ тѣхъ поръ прекратилось политическое значеніе дворянства въ Испаніи. Бурбоны, кромѣ упомянутыхъ повѣрокъ прежнихъ дарственныхъ грамотъ, постоянно держали дворянство вдали отъ правительства. Съ тѣхъ поръ не встрѣчается уже въ исторіи Испаніи ни одно изъ старыхъ дворянскихъ именъ, знаменитыхъ при прежней испанской монархіи; вмѣсто ихъ являются на сцену иностранцы, дворянство второстепенное или вовсе новое.

Удаленная отъ правительства, аристократія испанская, наконецъ, постепенно утратила и свои преданія, и способности. Дѣти ея, владѣя, подобно англійской аристократіи, огромными состояніями, но не имѣя передъ собою никакого поприща для политической дѣятельности, совершенно пренебрегали всякимъ основательнымъ образованіемъ и, наконецъ, даже въ Испаніи отличались своимъ невѣжествомъ; забавы, безпутство и расточительность были ихъ единственными занятіями. Слѣдствіемъ этого сдѣлалось то, что дворянство испанское стало еще бѣднѣе. Большая часть знатныхъ фамилій обременена долгами; и какъ большіе землевладѣльцы, они чрезвычайно пострадали въ войну за независимость, съ 1808 по 1814 годъ, а уничтоженіе майоратства теперь нанесло послѣдній ударъ и ихъ значенію большихъ земельныхъ владѣтелей.

Впрочемъ, и другія причины способствовали къ разоренію дворянства. Кромѣ политики королей бурбонскаго дома, которые постоянно держали его въ отдаленіи отъ государственныхъ дѣлъ, дворянство въ Испаніи обложено было огромными налогами. Каждый дворянинъ, при полученіи отцовскаго наслѣдства, обязанъ былъ

испрашивать у короля позволенія на вступленіе во владѣніе если не имѣніемъ, то титломъ, принадлежавшимъ его отцу, и при прошеніи должна была прилагаться значительная сумма, въ видѣ приношенія королю. Кромѣ этого, дворянство должно было платить большія пошлины за каждое свое титло, а какъ нѣкоторые изъ дворянскихъ домовъ имѣютъ ихъ до 20 и 30, то легко понять, что пустая почесть именоваться грандомъ Испаніи, герцогомъ, маркизомъ и графомъ и оставаться въ шляпѣ въ присутствіи короля не доставалась даромъ. Въ послѣднихъ событіяхъ почти все дворянство стало на сторонѣ конституціонной монархіи и признало Изабеллу. И это понятно: въ большей части европейскихъ государствъ дворянство и королевская власть, ведя свое начало изъ феодальныхъ временъ, обыкновенно опирались другъ на друга и шли рука объ руку. Дворянство казалось необходимымъ и естественнымъ спутникомъ королевской власти. Въ Испаніи, гдѣ ни королевская власть, ни дворянство не основаны были на завоеваніи, гдѣ жители деревень никогда не имѣли надобности освобождаться отъ угнетенія, и гдѣ духовенства, вооруженнаго инквизиціею, вполнѣ достаточно было для искорененія новыхъ идей, которыя большею частію ходятъ въ городахъ, королевская власть, какъ замѣчено было, давно отдалила отъ себя дворянство, какъ несовсѣмъ удобнаго подданнаго, обременила его разными поборами и уничтожила его политическое значеніе. Во всѣхъ послѣднихъ событіяхъ дворянство испанское блистало только своимъ ничтожествомъ.

Я говорилъ выше о равенствѣ тона и обращенія, которое установила здѣсь между дворянствомъ и народомъ одинаковость племени; но если отъ отношеній чисто нравственныхъ перейдемъ къ интересамъ положительнымъ, матеріальнымъ, къ отношеніямъ землевладѣльца и наемщика земли, то еще становится понятнѣе, какъ это національное единство, выработанное въ Испаніи своеобразнымъ историческимъ развитіемъ, имѣло вліяніе не на одну только всеобщую вѣжливость обращенія, но и на собственность,—этотъ общій источникъ всѣхъ политическихъ ссоръ,—такъ что и собственность здѣсь носитъ на себѣ глубокіе слѣды этого урожденнаго равенства.

Собственность въ Испаніи—двухъ родовъ: собственность земли и собственность десятиннаго сбора. Дворянство изстари чрезвычайно кротко обращалось съ наемщиками своихъ земель; есть крестьянскія семейства, которыя въ продолженіе 200 и 300 лѣтъ имѣютъ въ

наймѣ ту же землю, такъ что давность этихъ отношеній придала имъ особенный характеръ. Кромѣ того, большія земельныя собственности владѣльца, продолжительность и прочность, которую майоратство вводило во взаимные интересы, часто позволяли собственнику отсрочивать плату за наемъ, что почти невозможно въ тѣхъ странахъ, гдѣ дробность и безпрестанное движеніе собственности заставляютъ всякаго скорѣе самому искать кредита, нежели давать его. Самые законы особенно покровительствовали наемщика. Хотя здѣсь въ каждой провинціи свои обычаи и законы, и можно ихъ изучать только на мѣстахъ, но есть изъ нихъ нѣкоторые, общіе всѣмъ среднимъ и южнымъ провинціямъ и которые особенно замѣчательны. Напримѣръ, если наемщикъ дурно платитъ, то владѣлецъ не можетъ принуждать его къ исправнѣйшему платежу; если онъ вовсе не платитъ, владѣлецъ можетъ отказать ему, но долженъ предувѣдомить объ этомъ за годъ впередъ, въ иныхъ провинціяхъ за два года. Если другой наемщикъ предлагаетъ владѣльцу дороже, прежній, давши такую же цѣну, имѣетъ право остаться, даже противъ воли владѣльца. Въ Андалузіи и Эстремадурѣ наемщикъ можетъ, несмотря на заключенное условіе, требовать послѣ жатвы перецѣнки земли; а такъ какъ оцѣнщики всегда берутся изъ класса земледѣльцевъ, то наемщикъ никогда не остается въ накладѣ отъ перецѣнки. Вы видите, что если здѣсь кто и терпитъ, то уже вовсе не крестьянинъ. Кромѣ этого, здѣсь еще существуетъ слѣдующаго рода наемъ: землевладѣлецъ уступаетъ свою землю на условіи ежегодной и разъ навсегда опредѣленной платы; и съ сей минуты наемщикъ, платя исправно условную сумму, пользуется землею, какъ своею полною и неограниченною собственностію; онъ можетъ на ней строить, садить, — удесятерять цѣнность земли: владѣлецъ никогда не смѣетъ требовать съ него ничего больше условной платы. Упадокъ цѣнности въ деньгахъ нисколько не измѣняетъ силу разъ навсегда сдѣланнаго условія, такъ что есть много семействъ, владѣющихъ значительнымъ количествомъ земли за самую, по теперешнимъ цѣнамъ, ничтожную плату.

Десятинная подать вовсе не возбуждаетъ въ испанскомъ народѣ той враждебности, съ какою смотрѣли на нее въ Германіи, во Франціи и теперь смотрятъ въ Ирландіи. Она принадлежитъ къ самымъ старымъ обычаямъ Испаніи. Начало десятинной подати здѣсь относятъ къ временамъ кареагенянъ. Даже римляне не сами ввели его, а только приняли, слѣдуя въ своихъ многочи-

сленныхъ и различныхъ владѣніяхъ вообще правилу — оставлять завоеванные народы управляться своими законами, съ обязанностію платить Риму подать. По крайней мѣрѣ здѣсь полагаютъ, что именно распредѣленіе этой подати на каждаго гражданина и составляло десятинный сборъ. Готеы наслѣдовали его отъ римлянъ, арабы, принесшіе съ востока тотъ же обычай, нашли его уже съ давнихъ поръ установившимся въ Испаніи. Послѣ изгнанія арабовъ десятина была сохранена, какъ налогъ, платимый коронѣ на военныя издержки. Корона, съ своей стороны, при нуждѣ въ деньгахъ, продавала десятину дворянству; въ другихъ случаяхъ давала ее духовенству, соборамъ, монастырямъ, въ видѣ даровъ. Съ давняго времени въ Испаніи десятина была продаваема и покупаема, какъ всякая другая собственность; ежели же она теперь находится большею частію въ рукахъ дворянства, то не потому, что оно дворянство, а потому, что дворянство, владѣя большими собственностями, было прежде очень богато и покупало ее, какъ теперь покупаютъ государственные векселя. Вы видите, что десятинная подать въ Испаніи не есть феодальная подать, происшедшая отъ завоеванія, какою была она въ остальной Европѣ; здѣсь она не болѣе какъ форма поземельной подати. Но вотъ что замѣчательно: если наемщикъ земли вводилъ на ней новую обработку, то избавлялся на 10 лѣтъ отъ платежа десятинной подати; то-есть, выходитъ, что владѣлецъ десятиннымъ сборомъ платилъ собственно за земледѣльческое нововведеніе; наконецъ, капиталъ, представляемый десятинною податью, всегда включается въ оцѣнкѣ земли, такъ что она вовсе не посторонній налогъ, а просто наемная плата за землю.

Послѣ всего этого возможенъ ли въ испанскомъ народѣ духъ революціонный? Можно ли опасаться здѣсь такихъ народныхъ движеній, какія нѣсколько разъ потрясали Германію, Англію, Францію? Можно ли бояться изверженій народнаго волкана въ странѣ, гдѣ, какъ я сказалъ уже, у самаго бѣднѣйшаго мужика есть всегда вдоволь хлѣба, вина и солнца, и гдѣ даже у нищаго есть на зиму и шерстяные штаны, и шерстяной плащъ! Вотъ почему здѣсь народъ такъ равнодушно смотритъ на политическія событія. Какъ нація, онъ безъ всякаго сомнѣнія безконечно выиграетъ отъ возрожденія Испаніи, но собственно какъ народъ, въ своихъ отношеніяхъ къ дворянству, къ среднему сословію,—ясно, что не онъ именно здѣсь особенно нуждается въ освобожденіи. Если здѣсь что дѣйствительно страдаетъ, такъ это интересы

средняго сословія—просвѣщеніе, торговля, промышленность... но объ этомъ до другаго письма; а теперь сбираюсь на югъ Испаніи.

Кордова.

Я уже въ Андалузіи! Но сначала нѣсколько словъ о дорогѣ. Отъ Мадрита она идетъ прежними пустыми полями; по дальнимъ окраинамъ ихъ — синѣютъ горы; по полямъ — ни одного дерева. Восемь или десять превосходныхъ муловъ, запряженныхъ попарно. быстро везутъ низкій дилижансъ; всегда равнодушный и молчаливый кондукторъ сидитъ на передкѣ, рядомъ съ кучеромъ, или точнѣе—мѣсто кучера рядомъ съ кондукторомъ; самъ же кучеръ ни минуты не остается на своемъ мѣстѣ: онъ безпрестанно вьется около муловъ, погоняетъ ихъ, ободряетъ, бранитъ, зоветъ по кличкамъ—capitana, coronela, pulia, gitana, и каждый мулъ отзывается на свою кличку движеніемъ ушей. Только развѣ на крутую гору мулы идутъ шагомъ, кромѣ этого или сильною рысью, или вскачь; тогда кучеръ (zagal) прицѣпляется сзади дилижанса или вспрыгиваетъ на свое мѣсто; но только что мулы начинаютъ умедлять бѣгъ, онъ снова вертится уже около нихъ, бичь хлопаетъ, и дилижансъ постоянно скачетъ, несмотря ни на какую дорогу, ни на толчки, которые достаются путешественникамъ. Но въ этомъ отношеніи, испанцы—самые веселые товарищи: въ дорогѣ они совершенно оставляютъ свою обычную важность и серьезность, становятся шутливы, говорливы; толчки, всѣ неудобства здѣшнихъ путешествій возбуждаютъ только шутки и веселость: никто не жалуется ни на что. Если обѣдъ дуренъ, онъ дѣлается предметомъ насмѣшливыхъ шутокъ и остротъ; я никогда не слыхалъ, чтобъ кто-нибудь изъ испанцевъ серьёзно пожаловался на что-нибудь въ дорогѣ. Нѣтъ народа болѣе уживчиваго и терпѣливаго, да и нѣтъ страны менѣе избалованной удобствами, какъ Испанія. Путешествуя верхомъ по горнымъ дорогамъ или по пустыннымъ, ненаселеннымъ равнинамъ (despoplados), останавливаясь въ одинокихъ вентахъ, поневолѣ забудешь претензіи на разныя удобства и привыкнешь довольствоваться необходимымъ. Около вечера пріѣхали мы въ Аранхуэсъ (Aranjuez). Садъ его, который воображалъ я нѣкогда раемъ, читая первую сцену «Донъ Карлоса» Шиллера, оказался просто садомъ, какой только можетъ быть въ окрестностяхъ Мадрита. Тахо (Tajo), протекающій по парку, живитъ эту изсушенную солнцемъ испанскую землю, но чудно-богатую питатель-

ными соками. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, среди этихъ пустынь, гдѣ кромѣ покрытыхъ пылью кустовъ розмарина не видать никакой зелени, вдругъ встаютъ гигантскіе платаны, тополи, великолѣпнѣйшіе дубы. Эта почва, за нѣсколько шаговъ совершенно безплодная, пріобрѣтаетъ отъ живительной влажности рѣки растительность удивительную, невиданную. Дворецъ очень обыкновененъ; въ немъ всего замѣчательнѣе (по богатству отдѣлки, но нисколько не по хорошему вкусу) небольшой павильонъ Карла IV (Casa de labrador), на который онъ, разсѣяваясь отъ своихъ всяческихъ несчастій (кто не слыхалъ о похожденіяхъ его супруги съ извѣстнымъ княземъ мира и съ другими?), употребилъ милліоны, распоряжаясь по своему доброму королевскому усмотрѣнію налогами съ своей бѣдной Испаніи.

За Аранхуэсомъ тотчасъ же начинается прежняя пустыня; но послѣ небольшого городка Оканья характеръ ея измѣняется. Мы въ Ла-Манчѣ. Эта унылая провинція вся состоитъ изъ равнины, на которой нигдѣ нѣтъ воды, ни одного холма, ни одного дерева. Глазъ свободно уходитъ въ даль, не встрѣчая ничего, кромѣ красно-сѣрой почвы и темно-голубого, чистаго неба; только къ югу, словно густой туманъ, что-то виднѣется въ этой пустынѣ: это Сіерра-Морена; изрѣдка, черезъ два, три часа ѣзды, встрѣчаются по дорогѣ не деревни, а одинокія венты; по краямъ дороги нѣтъ ни кустарника, ни даже травы. Я не знаю, что есть еще въ мірѣ печальнѣе этой пустыни! Представьте при этомъ мертвомъ молчаніи ослѣпительную яркость жгучаго солнца, отъ котораго трескается обнаженная земля.—Это дѣйствительно пустыня, но только самая прозаическая, безъ Африки, безъ моря песку, безъ могучаго вѣтра, взвѣвающаго его. Кое-гдѣ попадаются небольшіе городки, которыхъ дома сподрядъ покрыты этою вѣчною сѣро-кирпичною краскою; только около рѣдкихъ селеній видишь небольшія рощи оливъ и виноградники, которые тотчасъ же смѣняются прежнимъ безплоднымъ, пустыннымъ полемъ. Здѣсь и на людяхъ отразилась суровость природы: житель Ла-Манчи, которому нечего ждать отъ своего труда, вслѣдствіе этого, лѣнивъ, бѣденъ саленъ, бродяга. Въ каждомъ селеніи дилижансъ окружали толпы нищихъ, дѣти въ лохмотьяхъ, дѣти вовсе голыя, старый и малый,—всѣ просятъ милостыни. Манчеги на видъ хилы и вялы, одежда ихъ самая неживописная: темно-коричневая, всегда съ заплатами, длинная куртка, такіе же короткіе штаны и такіе же длинные штиблеты. Кромѣ всего этого жители Ла-Манчи имѣютъ въ Испаніи самую скверную

репутацію: изъ нихъ будто бы все состоятъ мелкія шайки пѣшихъ воровъ, rateros, грабящихъ и большею частію убивающихъ одинокихъ путешественниковъ, въ противоположность всѣмъ уважаемымъ caballistas, разбойникамъ коннымъ, которые только грабятъ. а убиваютъ лишь по необходимости. Кстати прибавлю, что въ послѣднюю войну шайки карлистовъ, грабившія по большимъ дорогамъ, преимущественно состояли изъ манчеговъ. Да, я забылъ сказать, что вино Ла-Манчи пользуется въ Испаніи большою извѣстностью, особливо изъ виноградниковъ около города Val de Penas: оно непохоже на всѣ испанскія вина; некрѣпко и очень пріятно; это единственное вино въ Испаніи, которое можно пить за столомъ безъ воды.—Если бы оно не воняло кожаннымъ мѣшкомъ своимъ!

Но самая громкая слава Ла-Манчи—ея безсмертный Донъ-Кихотъ! Здѣсь, въ этой печальной странѣ, родился и умеръ рыцарь печальнаго образа съ своимъ знаменитымъ конюшимъ, и народъ до сихъ поръ показываетъ мѣста ихъ подвиговъ. За нѣсколько миль отъ города Quintor de la Orden мнѣ показали Toboso, отечество Дульцинеи, а потомъ тотъ постоялый дворъ (venta), гдѣ Донъ Кихотъ былъ посвященъ въ рыцари. Простой народъ даже вѣритъ дѣйствительному существованію Донъ Кихота! «Слыхали вы о Донъ Кихотѣ?» спросилъ я въ одной деревнѣ мужика. «Да, senor, онъ былъ манчего и очень храбрый caballero.» — «Давно ли онъ жилъ?» — «Давно: больше тысячи лѣтъ.» Хозяинъ одной венты, гдѣ мы останавливались пить воду, съ гордостію сказалъ мнѣ, что въ его вентѣ останавливался и ночевалъ Донъ Кихотъ.

Во всю Ла-Манчу меня преслѣдовали разсказы объ ограбленномъ за нѣсколько дней дилижансѣ. Всѣхъ приводило въ негодованіе не то, что онъ былъ ограбленъ: это казалось совершенно въ порядкѣ вещей; а то, что разбойники начали свое нападеніе тѣмъ, что выстрѣлили изъ trabuco въ купѐ дилижанса: къ счастію, зарядъ упалъ ниже окна. Намъ въ первый разъ разсказали объ этомъ въ Оканьи, и вдругъ лица у всѣхъ приняли озабоченный видъ. Такъ какъ я рѣшился уже за удовольствіе встрѣчи съ разбойниками поплатиться тремя стами франковъ, то ожидалъ ея не безъ пріятнаго ощущенія, очень похожаго на то, съ какимъ ждешь поднятія занавѣса новой и интересной пьесы.

Кромѣ нѣкоторыхъ приморскихъ мѣстъ и немногихъ частей Андалузіи и сѣверныхъ провинцій, Испанія земля природы унылой, суровой и пламенной: голыя скалистыя горы да пустынныя поля; если гдѣ-нибудь на нихъ и встрѣчаются деревья, они скорчились

отъ зноя и засухи, бѣдны и приземисты. Мертвая тишина по пустыннымъ полямъ; пѣнья птицъ не услышишь; одни орлы да коршуны виднѣются въ небѣ, перелетая между горами. Утомленные пустынею глаза лишь изрѣдка встрѣчаютъ небольшія бѣдныя деревни, да обвалившіяся башни и стѣны укрѣпленій, оставшихся отъ арабовъ или отъ старыхъ внутреннихъ войнъ. Пустынныя картины Кастильи и Ла-Манчи исполнены какой-то пламенной, страстной меланхоліи. Иногда встрѣчаешь на нихъ пастуха дикаго вида, со стадомъ; неподвижно опершись на окованную желѣзомъ палку или на ружье, лѣниво и равнодушно взглянетъ онъ на проѣзжихъ; иногда по пустынной дорогѣ тянутся гусемъ мулы, навьюченные товаромъ, на которомъ сидятъ хозяева съ ружьями, или попадается путешествующій hidalgo верхомъ, съ своимъ неразлучнымъ escopetto (ружьемъ); а кромѣ этихъ рѣдкихъ встрѣчъ — яркое, знойное, голубое небо, пустое степное поле, пустая дорога. Но эти же причины дѣлаютъ одинокія венты очень интересными: такъ какъ во время жару весь этотъ странствующій людъ не ѣдетъ, а останавливается въ вентахъ, то онѣ принимаютъ чрезвычайно живописный и оживленный видъ. Сведя муловъ и лошадей въ конюшню, проѣзжіе обыкновенно располагаются подъ длиннымъ сводомъ въѣзда. Я уже говорилъ, что въ Испаніи каждая провинція имѣетъ свой костюмъ, а здѣсь ихъ 40 провинцій! Можете представить, какой маскарадъ встрѣчаешь въ иной вентѣ. Кастильянецъ носитъ куртку какого-нибудь степеннаго цвѣта, короткія съ пуговицами штаны и непремѣнный плащъ. Манчего весь одѣтъ въ темнокоричневый цвѣтъ, куртка его длиннѣе кастильской и сшита на другой покрой. Валенсіянецъ носитъ обыкновенно голубую бархатную куртку, короткія до колѣнъ, ужасно широкія бѣлыя шаровары, съ широкимъ краснымъ поясомъ, на ногахъ сандаліи (alpargatas), вмѣсто плаща кусокъ пестро-полосатой шерстяной ткани (manta). Они обыкновенно садятся на землю, поджавъ ноги калачомъ, голова всегда острижена у нихъ подъ гребенку, лишь на затылкѣ оставляютъ нѣсколько длинныхъ локоновъ; шляпъ не носятъ, а голову повязываютъ платкомъ, на манеръ тюрбана. У кастильцевъ видъ всегда серьезный и важный, они пользуются въ Испаніи отличной репутаціею, и конечно, не даромъ существуетъ пословица: honrado como un Kastallano (честенъ, какъ кастильянецъ). Валенсіянца узнаешь по арабскому типу бронзоваго лица, бодрымъ, легкимъ движеніямъ и по дикому огню, глазъ. Но всѣхъ удалѣе андалузецъ въ своей шитой арабесками курткѣ, съ

шолковымъ цвѣтнымъ платкомъ на шеѣ, концы котораго продѣты въ золотое или серебряное кольцо, въ своей низенькой съ загнутыми полями шляпѣ, всегда надѣтой на бекрень и изъ-подъ которой висятъ сзади длинные концы пестраго шолковаго платка, обвязывающаго голову. Особенно поражаетъ своею оригинальностію одежда марагатовъ: это какое-то самостоятельное племя съ своими обычаями, нравами, характеромъ. Они живутъ въ горахъ леонской провинціи, около Astorga. Замѣчательно, что особенности ихъ выходятъ у нихъ вовсе не изъ религіозныхъ причинъ; они живутъ только между собою, чуждаясь всего, что не марагато. Всѣ они исключительно занимаются перевозомъ товаровъ на мулахъ и честности необыкновенной. Это самые вѣрные люди въ цѣлой Испаніи; посылка денегъ, напримѣръ, особенно въ значительныхъ суммахъ, повѣряется здѣсь не почтѣ, а марагатамъ, и не было еще примѣра, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ обманулъ своихъ довѣрителей. Вообще эти люди характера серьезнаго и молчаливаго. У всѣхъ погонщиковъ муловъ (arrieros) дорогой не проходитъ ни минуты безъ пѣнья, одни марагаты никогда не поютъ. Ихъ лица имѣютъ нѣсколько сухое и строгое выраженіе, какое встрѣчаешь обыкновенно на лицахъ сектаторовъ. Еще въ Мадритѣ всегда поражала меня ихъ одежда XVII вѣка (очень похожая на ту, въ какой обыкновенно рисуютъ Кромвеля), и я даже надоѣлъ своимъ мадритскимъ пріятелямъ разспросами о нихъ. Но, несмотря на это, ничего не могъ узнать о нихъ положительнаго. Живя въ горныхъ деревняхъ, марагаты связаны между собой обычаями: напримѣръ, никто изъ нихъ не долженъ носить платья другого покроя и другого цвѣта, кромѣ чернаго; женятся они только между собою; въ одеждѣ женщинъ очень много восточнаго. Въ одномъ обществѣ, въ Мадритѣ, какой-то ученый каноникъ, ссылаясь на историка Маріану, разсказывалъ мнѣ о происхожденіи марагатовъ цѣлую и презапутанную исторію.

Я уже говорилъ, что перевозчики товаровъ на мулахъ здѣсь называются arrieros; для безопасности, они обыкновенно по дорогамъ присоединяются другъ къ другу. Вы поймите, какъ интересно встрѣтить въ иной вентѣ соединеніе всѣхъ этихъ разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ лицъ и одеждъ. Весь этотъ людъ небрежно отдыхаетъ на своихъ пестрыхъ коврахъ, которыми обыкновенно покрываютъ товары на мулахъ, и куритъ свои неразлучныя сигары или папироски. Народъ да и вообще всѣ испанцы всегда сами вертятъ себѣ сигаретки, и съ удивительнымъ искус-

ствомъ. Онѣ обыкновенно чрезвычайно малы, не болѣе какъ для двухъ, трехъ хорошихъ глотковъ дыму. Здѣсь сигара играетъ большую роль: она завязываетъ разговоръ, служитъ изъявленіемъ учтивости, и кстати предложенная сигара доставляла мнѣ не разъ самое обязательное знакомство. Испанскій мужикъ исполненъ достоинства; видъ его гордъ, всѣ манеры знатнаго барина. Онъ говоритъ съ кѣмъ бы то ни было тономъ совершеннаго равенства. И немудрено! знаете ли, что еще не далѣе какъ въ 1621 году ужасное запустѣніе полей заставило Филиппа IV давать дворянское достоинство тѣмъ, которые станутъ заниматься обработываніемъ земли! Не знаю, многіе ли старались этимъ путемъ достигнуть дворянства, но во всякомъ случаѣ и это обстоятельство, между многими другими, о которыхъ я уже говорилъ, имѣетъ слѣдствіемъ то, что испанскій мужикъ нисколько не считаетъ себя хуже кого бы то ни было или занятія свои сколько-нибудь унизительными. А вотъ еще одна изъ оригинальностей Испаніи: въ образованныхъ странахъ Европы праздность считается порокомъ, въ Испаніи — нисколько. Въ Европѣ всякій старается разбогатѣть, чтобъ выйти изъ своего низшаго положенія, — испанецъ богатѣетъ для того, чтобъ остаться тѣмъ, что онъ есть. Можетъ быть, во всемъ мірѣ нѣтъ работника лучше испанца, но онъ работаетъ только для того, чтобъ имѣть самое необходимое; а все остальное время онъ предпочитаетъ по цѣлымъ днямъ стоять, завернувшись въ плащѣ, на городской площади, разговаривать о разныхъ новостяхъ или молча вертѣть и курить свои papelitos (папироски). Каждый водоносъ, наконецъ нищій, такъ искренно убѣждены въ своемъ равенствѣ со всѣми, что никогда не считаютъ за нужное доказывать словами или поступками, чѣмъ бы то ни было, это равенство, полученное ими при рожденіи, и слѣпой нищій, желая закурить свою сигару, скажетъ, чему *я* не разъ былъ свидѣтелемъ, гранду Испаніи: «Tiene Usted lumbre, Marques?» (есть у васъ огонь, маркизъ?) и маркизъ подаетъ ему свою сигару безъ малѣйшаго удивленія, но зато и нищій никогда не перестанетъ оставаться нищимъ, сынъ мужика никогда не подумаетъ сдѣлаться владѣльцемъ или маркизомъ. Въ Испаніи никто, кромѣ офранцуженнаго средняго сословія, не старается стать выше своего званія. Не въ этомъ ли и причина, что наука, искусство, промышленность, торговля, — все, что служитъ стимуломъ для честолюбія людского, находятся здѣсь въ такомъ небреженіи?

Ничего не можетъ быть ужаснѣе кухни, которая преслѣдовала

меня въ вентахъ Ла-Манчи: это полное царство того дурного оливковаго масла, называемаго у насъ деревяннымъ: его примѣшиваютъ и въ супъ, и въ яичницу, въ немъ подаютъ и маринованные рябчики, жарятъ рыбу. По вечерамъ даютъ еще здѣсь нѣчто въ родѣ нашей окрошки; эта холодная похлебка состоитъ изъ салада, испанскаго перцу, луку, томатовъ, уксусу, масла, воды, соли, хлѣба и называется gaspacho. Я принужденъ былъ обѣдать шоколатомъ и яйцами въ смятку, заѣдая все это саладомъ съ однимъ уксусомъ. Плодовъ въ Ла-Манчѣ нѣтъ; а сливочное масло—рѣдкость даже и въ большихъ городахъ Испаніи; счастье еще, если въ иномъ селеніи можно отыскать свиного сала.

Чѣмъ болѣе приближались мы къ Сіеррѣ Моренѣ, тѣмъ ровная почва Ла-Манчи становилась волнистѣе. За этою массою лиловыхъ горъ лежала Андалузія! Постепенно холмы становились пригорками, наконецъ горами, утесы, скалы,—выше и выше, и въ Puerto de los perros (собачьи ворота), гдѣ темныя, голыя, громадныя скалы встаютъ страшными массами, я уже съ уваженіемъ смотрѣлъ на Сіерру Морену, вспоминая сотни романовъ, читанныхъ мною въ дѣтствѣ о ея знаменитыхъ разбойникахъ. А дѣйствительно, еще недалѣе какъ въ половинѣ прошлаго вѣка переѣздъ чрезъ Сіерру Морену былъ ужасомъ путешественниковъ. Черезъ эти нависшія одна на другую скалы пролегала лишь тропинка, по которой съ трудомъ взбиралась лошадь; зимою вовсе не было проѣзда отъ стай волковъ; шайки разбойниковъ жили тутъ постоянно, какъ въ неприступныхъ крѣпостяхъ. Если въ 1831 году Фердинандъ VII принужденъ былъ договариваться съ знаменитымъ атаманомъ разбойниковъ—Хозе Маріа,—убѣдясь, послѣ многихъ лѣтъ, что всѣ преслѣдованія войскъ и полиціи рѣшительно не могутъ остановить его грабежей, можно представить, что было въ Сіеррѣ Моренѣ за сто лѣтъ до насъ, при ея непроходимыхъ дебряхъ! Теперь превосходное шоссе проходитъ черезъ Сіерру Морену, красивые мосты перекинуты чрезъ пропасти; вмѣсто прежнихъ заброшенныхъ въ горной глуши, одинокихъ вентъ, притоновъ разбойничьихъ шаекъ и ловушекъ путешественниковъ, теперь встрѣчаются небольшія веселыя селенія съ воздѣланными вокругъ полями. Эти дороги, селенія, это завоеваніе страшной Сіерры цивилизаціею суть плоды философіи восемнадцатаго вѣка. Да, и она на что̀ нибудь пригодилась въ этомъ прекрасномъ мірѣ—хоть на проложеніе дороги чрезъ Сіерру-Морену.

Въ половинѣ прошлаго вѣка небольшая горсть испанцевъ, страст-

ныхъ послѣдователей философіи своего времени, приняла на себя подвигъ преобразовать закоснѣлую въ старыхъ обычаяхъ своихъ католическую и монашескую Испанію. Умный Карлъ III понялъ, оцѣнилъ ихъ, но не въ силахъ былъ защитить отъ ненависти духовенства и преслѣдованій инквизиціи.

Философія энциклопедистовъ въ Испаніи, и еще въ королевскомъ совѣтѣ! Запирайтесь послѣ этого отъ духа своего вѣка! Въ этой классически-католической Испаніи, въ самомъ отечествѣ Доминика и Лойолы, инквизиціи и іезуитизма, въ странѣ, навсегда, казалось, отрѣзанной ими отъ Европы, недоступной ея вліянію, чуждой ея идеямъ, движеніямъ, интересамъ, — и въ эту околдованную темными силами страну добралась философія XVIII вѣка! Таможни не замѣтили ея,—даже сама инквизиція проглядѣла. Она пробралась духомъ вѣка, самою силою вещей, этою таинственною необходимостію, стремящею родъ человѣческій къ совершенію судебъ своихъ.

До Карла III (1750) все вліяніе Европы на Испанію состояло почти въ одной только одеждѣ. Филиппъ V только что усѣлся на своемъ престолѣ, стоившемъ столько крови и денегъ Испаніи и Франціи, какъ тотчасъ же объявилъ войну національной испанской одеждѣ. И въ Испаніи новая исторія началась съ преобразованія платья! Говорятъ, будто Филиппъ V даже сочинилъ латинскую сатиру на какую-то испанскую народную одежду, называемую Golilla. Впрочемъ, всѣ его преобразованія ограничились однимъ введеніемъ французскаго кафтана, который далѣе придворныхъ не распространился. Но если Бурбоны привезли съ собой въ Испанію очень мало ума и таланта, зато привезли они французскій языкъ, который всего лучше могъ тогда познакомить испанцевъ съ Европою и ея движеніями. Съ этой стороны восшествіе Бурбоновъ на испанскій престолъ было для Испаніи дѣйствительно великимъ событіемъ; этой всячески изнуренной, задыхавшейся въ своемъ средневѣковомъ невѣжествѣ странѣ открыто было, наконецъ, окно въ Европу; сѣмя новой жизни было брошено на испанскую почву, хотя о немъ, разумѣется, вовсе не думали ни великолѣпный Людовикъ XIV, ни ограниченный внукъ его. Новыя понятія, сначала робко пробираясь между мадритскими академиками, вдругъ неожиданно находятъ себѣ покровительство у Карла III (сына Филиппа V) и, наконецъ, становятся правительствомъ въ лицѣ министра, графа Аранды, Кампоманеса, графа Олавиде.

Чтобъ показать, съ какими трудностями должна была бороться эта горсть новыхъ людей, эти реформаторы монашеской и средневѣковой Испаніи, стоитъ только напомнить судьбу, постигшую строителя и колонизатора этой превосходной дороги черезъ роковую Сіерру Морену,—графа Олавиде. Онъ былъ правителемъ Севильи. Но еще прежде, принужденный для поправленія своего разстроеннаго состоянія жениться на богатой вдовѣ и заниматься торговыми спекуляціями, долженъ былъ онъ по дѣламъ своимъ живать часто въ Парижѣ. Тутъ онъ познакомился съ Вольтеромъ, со всѣмъ, что было тогда въ Парижѣ замѣчательнаго въ философскомъ и литературномъ отношеніяхъ. Въ его домѣ играли Заиру, Меропу, весь репертуаръ того времени, переводимый на испанскій языкъ самимъ хозяиномъ; актерами были молодые испанцы, любители французской литературы. Въ это время графъ Аранда, сдѣлавшись министромъ, вызвалъ къ себѣ Олавиде. Въ ихъ мысляхъ и чувствахъ было большое сходство; они подружились: Олавиде принялъ горячее участіе въ новой администраціи и назначенъ былъ правителемъ Севильи. Сіерра-Морена тогда, какъ я сказалъ, была словомъ, возбуждавшимъ ужасъ, да и недаромъ называлась она Черною горою. Олавиде задумалъ ввести цивилизацію въ этотъ вертепъ, колонизировать его. Но никакія выгоды не могли туда заманить испанцевъ; Олавиде вызвалъ колонистовъ изъ Франціи, Швейцаріи, Германіи. Не было воды, а Олавиде утверждалъ, что она непремѣнно есть въ горныхъ лѣсахъ, потому что эти мѣста были же нѣкогда заселены арабами, и дѣйствительно вода была найдена. Олавиде самъ устроивалъ колонистовъ, заботился о нихъ неусыпно. Аранда, бывшій тогда въ большой силѣ, всячески содѣйствовалъ ему; Кампоманесъ, сообразуясь съ мыслію основателя, составилъ fueros (учрежденія и статуты) для его колоній. Олавиде запретилъ въ нихъ основаніе монастырей и даже такъ называемыхъ страннопріимныхъ братьевъ, подъ видомъ которыхъ заводились всегда монастыри. Даже одинъ находившійся тутъ старый монастырь былъ срытъ, и на его мѣстѣ Олавиде выстроилъ домъ для себя. Все это были вещи неслыханныя въ Испаніи! Но Олавиде пошелъ далѣе: въ числѣ колонистовъ иные были протестанты; Олавиде воспротивился усиліямъ духовенства обращать ихъ въ католичество или заставлять присутствовать при католическихъ процессіяхъ; онъ даже позволилъ имъ работать въ нѣкоторые изъ безчисленныхъ испанскихъ праздниковъ. А сверхъ всего этого Олавиде былъ правою рукою графа Аранды въ дѣлѣ изгнанія іезуитовъ изъ Испаніи.

Въ десять лѣтъ своего управленія Олавиде преобразилъ дикую и страшную Сіерру-Морену въ населенную, промышленную, веселую страну, самъ проложилъ прекрасныя дороги, построилъ города. Правда, отъ всѣхъ этихъ трудовъ осталось немногое; теперь въ главной колоніи, Каролинѣ, мало жителей, городъ пустъ и тѣмъ болѣе кажется пустымъ, что выстроенъ съ самою скучною правильностію, длинными широкими улицами, однообразными домами. Но въ этомъ запустѣніи не виноватъ Олавиде: послѣ его паденія бѣдные колонисты не знали куда дѣваться отъ всяческихъ притѣсненій духовенства.

Жена Олавиде, какъ всѣ испанки того времени, не получила никакого воспитанія. Она вовсе не понимала характера мужа, не понимала его видовъ, его вражды къ предразсудкамъ, его любви къ человѣчеству и приписывала его дѣйствія совсѣмъ иной причинѣ—какой-то тайной страсти. Любя своего мужа, она сдѣлалась ревнива, подозрительна: его враги воспользовались болтовствомъ ея. Злоба монаховъ собиралась грозою надъ смѣлымъ нововводителемъ: орудіемъ ихъ былъ Ромуальдъ, нѣмецкій капуцинъ, пришедшій съ баварскими колонистами и вкравшійся въ довѣренность къ женѣ Олавиде. Онъ обвинилъ Олавиде передъ инквизиціею въ еретичествѣ. Около этого времени Карлъ III захотѣлъ лично узнать Олавиде, пригласилъ его въ Мадритъ и самъ объявилъ ему, что для него приготовляется медаль въ награду за услуги, оказанныя имъ отечеству.

Въ продолженіе этой поѣздки Олавиде узналъ о козняхъ монаха Ромуальда, о доносѣ его инквизиціи. Чтобъ какъ-нибудь отклонить отъ себя грозу, онъ рѣшился самъ явиться къ великому инквизитору, говорилъ съ нимъ прямо, даже вызвался ему сдѣлать публичное отреченіе отъ нѣкоторыхъ слишкомъ смѣлыхъ мыслей, сознаваясь въ необдуманномъ слѣдованіи имъ. Но это не могло удовлетворить инквизиціи. 14 ноября 1776 года графъ Мора де-Фуэнтесъ, верховный альгвасилъ инквизиціи, арестовалъ его; заключенный въ тюрьмѣ инквизиціи, Олавиде исчезъ: ни жена, ни дѣти, ни друзья не знали два года о существованіи его; всѣ думали, что его уже нѣтъ въ живыхъ.

24 ноября 1778 года шестьдесятъ высшихъ сановниковъ Мадрита были собраны въ восемь часовъ утра въ одной изъ залъ инквизиціи. Созванные по приглашенію великаго инквизитора (а такія приглашенія были повелѣніями), присутствовавшіе совершенно не знали о цѣли ихъ созванія: то были герцоги, гранды.

генералы, высшіе чиновники всѣхъ совѣтовъ, всей администраціи. Ихъ ввели въ самое судилище инквизиціи—длинную, темную залу; въ ней былъ столъ, два стула для инквизиторовъ, еще два стула для стражей неизвѣстнаго подсудимаго и деревянная скамья для нихъ. Прямо на черной стѣнѣ возвышалось грозное, колоссальное распятіе. Герцогъ Абрантесъ, графъ Мора и другіе гранды, какъ верховные альгвасилы инквизиціи, были тутъ безъ шляпъ и безъ шпагъ, въ качествѣ слугъ. Наконецъ монахи, въ черной одеждѣ и съ босыми ногами, ввели подсудимаго. На немъ было платье жолтаго цвѣта—цвѣта преступниковъ, въ рукахъ была зажженная свѣча; его посадили на приготовленный для него табуретъ. То былъ графъ Олавиде.

Началось чтеніе обвиненій; въ числѣ ихъ были и найденныя въ бумагахъ его разныя замѣтки. Собственно онѣ не заключали въ себѣ уликъ ни въ какомъ преступленіи, но въ нихъ были неблагопріятные отзывы о монахахъ и духовенствѣ. Потомъ обвиняли его въ отрицаніи непреложности папы въ дѣлахъ вѣры, въ томъ, что онъ велѣлъ нарисовать себя среди разныхъ предметовъ греческой миѳологіи. Долго исчислять всѣ обвиненія; упомяну только объ особенно замѣчательныхъ, напримѣръ, что Олавиде допустилъ въ свою библіотеку столь гнусныя и вредныя книги, какъ энциклопедіи, лексиконъ Бэля (Bayle), духъ законовъ Монтескье, сочиненія Вольтера, Руссо. Касательно Вольтера преступленіе Олавиде увеличивалось еще тѣмъ, что онъ искалъ съ нимъ личнаго знакомства, ѣздилъ нарочно для этого въ Ферне, даже получалъ отъ него письма, изъ которыхъ въ одномъ была слѣдующая фраза: «Надобно желать, чтобъ въ Испаніи было побольше такихъ людей, какъ вы». Еще обвиняли его въ неуважительныхъ отзывахъ о монахахъ и образахъ, въ предпочтеніи Марка Аврелія испанскимъ королямъ и даже отцамъ церкви, въ неисполненіи внѣшнихъ обрядовъ католической вѣры, въ разныхъ вредныхъ мысляхъ и проч. и проч. Всѣ дѣйствія и поступки Олавиде перебраны были поодиночкѣ, вся жизнь съ самаго дѣтства, всѣ брошенныя мимоходомъ слова,—ничто не ускользнуло изъ инквизиціоннаго изслѣдованія. Въ заключеніе прочтенъ былъ приговоръ: несчастный былъ осуждаемъ, какъ еретикъ, на восьмилѣтнее заточеніе въ одинъ изъ монастырей Ла-Манчи; тамъ ежедневно долженъ былъ исполнять наложенное на него покаяніе, учить наизусть катихизисъ и читать слѣдующія книги: «Символъ вѣры» соч. fray Luis de Grenada и «Невѣрующему нѣтъ прощенія» соч. отца Се-

гера, и сверхъ того каждый мѣсяцъ исповѣдываться. Послѣ восьмилѣтняго заточенія, Олавиде запрещалось подъѣзжать на тридцать миль къ столицѣ, къ Севильи и къ Сіеррѣ-Моренѣ; онъ лишался своего званія, объявлялся неспособнымъ занимать впредь какую-либо должность; долженъ былъ во всю свою жизнь ходить пѣшкомъ; ему воспрещалось ѣздить верхомъ или въ экипажѣ, равно какъ и носить платье изъ золотой, серебряной или шелковой ткани, его одежда долженствовала быть самая грубая и простая. Только изъ уваженія къ пожалованному ему ордену св. Іакова, избавлялся онъ отъ ношенія веревки на шеѣ, которую бы долженъ былъ носить во всю свою жизнь, какъ еретикъ.

Олавиде упалъ безъ чувствъ, услышавъ такой приговоръ. Когда пришелъ онъ въ себя, ему велѣли стать на колѣни, отрещись отъ своихъ заблужденій; потомъ вошли четыре священника въ стихаряхъ, съ розгами, начали пѣть Miserere и били его по плечамъ, пока продолжалось пѣніе. Послѣ этого осужденнаго снова отвели въ тюрьму, и инквизиторы молча вышли, поклонясь присутствовавшимъ. Приглашенные были большею частію старые друзья графа. Инквизиція нарочно созвала ихъ, желая дать имъ косвенный урокъ. Еслибы не особенное заступничество Карла III, Олавиде былъ бы непремѣнно осужденъ на сожженіе.

Въ свое время эта исторія надѣлала много шуму въ Европѣ, и особенно во Франціи. Послѣ двухлѣтняго заточенія Олавиде, Карлъ III исходатайствовалъ ему у инквизиціи позволеніе полѣчиться водами въ Каталоніи; оттуда Олавиде бѣжалъ во Францію. Но инквизиція принудила короля требовать его выдачи, такъ что Олавиде долженъ былъ уѣхать въ Женеву и уже воротился въ Парижъ при началѣ революціи. Конвентъ, желая изъявить страдальцу за дѣло просвѣщенія свое высокое уваженіе, призналъ его принятымъ гражданиномъ французской республики. Это была въ Испаніи послѣдняя жертва религіозной нетерпимости и преслѣдованія.

Если такія дѣла случались въ Испаніи въ то время, когда уже царствовала у насъ Екатерина II, мнѣ нисколько не кажется сомнительнымъ и слѣдующій анекдотъ, разсказываемый о Филиппѣ III. Этотъ почтенный сынъ и наслѣдникъ Филиппа II, воспитанный имъ въ монастырѣ, до того былъ преданъ духовенству, что съ подобострастіемъ цѣловалъ руку всякому встрѣчному монаху. Онъ любилъ присутствовать при autos da fe святой инквизиціи. Однажды сжигали на кострѣ какого-то еврея; тогда евреевъ

считали проклятымъ племенемъ. Еврей шелъ на костеръ съ покойною торжественностью, съ яснымъ, сіяющимъ лицомъ. Это поразило Филиппа. «Какъ жаль, что этотъ человѣкъ долженъ умереть!» сказалъ Филиппъ:—«вѣрно у него совѣсть чиста, если съ такимъ безстрашіемъ онъ идетъ на смерть». Эти слова были переданы великому инквизитору: въ нихъ заключалось оскорбленіе святости и справедливости священнаго судилища. Такія преступленія наказывались сожженіемъ преступника. Но особа короля такъ-же священна, какъ и инквизиція! Въ такомъ затруднительномъ вопросѣ великій инквизиторъ произнесъ слѣдующее рѣшеніе: «Палачъ долженъ пустить королю кровь изъ руки—и кровь эта должна быть сожжена». Филиппъ III покорился рѣшенію инквизиціи и исполнилъ его.

Послѣ скалъ Сіерры-Морены природа начинаетъ значительно измѣняться: рощи оливъ, виноградники встрѣчаются чаще и чаще, и чѣмъ ближе къ Андалузіи, тѣмъ растительность сильнѣе. По краямъ дороги показывается наконецъ бирюзовая зелень алоэ,—мѣстами попадаются кактусы: характеръ пейзажа измѣнился; чувствуешь, что находишься уже подъ другимъ небомъ; климатъ, архитектура строеній, одежда, обычаи,—все говоритъ, что находишься въ другой странѣ. Вышитая пестрыми арабесками куртка смѣняетъ темные ламанчскіе камзолы; народъ бойчѣе и опрятнѣе, селенія живописнѣе, женщины красивѣе и щеголеватѣе. Ихъ чудные черные волосы широкими клубами связаны на затылкѣ. Завѣтный испанскій балконъ исчезаетъ; дома низенькіе, почти безъ оконъ на улицу; внутри дома квадратный съ деревьями и цвѣтами дворикъ, окруженный галлереею и тонкими мавританскими колоннами: на этотъ дворъ выходятъ окна и двери комнатъ. На всемъ лежитъ мавританскій колоритъ и этотъ колоритъ такъ силенъ, что до сихъ поръ городки и деревни Андалузіи имѣютъ восточный характеръ.

Кордова—совершенно мавританскій городъ. Невысокіе бѣлые дома безъ балконовъ и оконъ, узкія вьющіяся улицы, по которымъ ходишь словно между двумя стѣнами, оконъ нѣтъ, однѣ двери. Но если иная дверь отворена, то невольно остановишься и засмотришься. Садовъ въ городѣ нѣтъ, и нигдѣ не встрѣтишь зелени; кое-гдѣ, правда, изъ-за бѣлой стѣны поднимается вершина пальмы; при этомъ дневномъ безлюдьи, тишинѣ и однообразіи улицъ, какъ красиво и задумчиво рисуется вершина пальмы на темноголубомъ безоблачномъ небѣ и яркой бѣлизнѣ домовъ! Ничто тутъ

не напоминаетъ о нравахъ и обычаяхъ европейскихъ. Каждая случайно отворенная дверь открываетъ очаровательный садикъ—тутъ и апельсинныя деревья, и рѣдкіе цвѣты; онъ обыкновенно обнесенъ высокою стѣною, за которою скрыта вся зелень. За садомъ квадратный дворикъ; тонкія мавританскія колонны разноцвѣтнаго мрамора поддерживаютъ арабскіе своды окружающей его галлереи, на которую выходятъ окна и двери жилыхъ комнатъ; посреди шумитъ фонтанъ въ мраморномъ бассейнѣ. Крыша этого двора (patio) состоитъ или изъ винограда, котораго густая зелень не пропускаетъ сквозь себя лучей солнца, или изъ холста. Въ этомъ прохладномъ дворѣ всегда сидитъ семейство. Ходя по улицамъ, которыхъ дома—высокія, сплошныя стѣны, вдругъ увидишь иную растворенную дверь, и невозможно не засмотрѣться въ нее! Одинъ житель Кордовы, съ которымъ я познакомился въ кофейной, водилъ меня въ нѣкоторые богатые дома: въ иныхъ по два сада, фруктовый и цвѣточный. Его же привѣтливости одолженъ я посѣщеніемъ и нѣкоторыхъ отличныхъ конюшенъ. Извѣстно, что Кордова славится своими заводами андалузскихъ лошадей. Что это за красивое, благородное животное! Андалузскіе кони развиваются очень медленно и входятъ во всю свою силу только на седьмомъ году, но зато и долго сохраняютъ ее: здѣсь часто двадцатилѣтнія лошади бодры и съ огнемъ. Это позднее развитіе, можетъ быть, происходитъ и отъ образа ихъ воспитанія: до трехлѣтняго возраста ихъ постоянно держатъ въ полѣ, не даютъ стойловаго корма: онѣ предоставлены вольному, полудикому состоянію. Послѣ этого срока ихъ ловятъ; я видѣлъ нѣкоторыхъ, пойманныхъ на дняхъ: онѣ чрезвычайно пугливы и дики, косматы, худы, такія дрянныя, что трудно повѣрить, какъ изъ нихъ становятся впослѣдствіи эти сильные, превосходные андалузскіе кони. Но эта же превосходная форма отчасти причиною и ихъ главнаго недостатка, который заключается въ устройствѣ заднихъ ногъ: онѣ слишкомъ круто согнуты и отъ этого слишкомъ далеко шагаютъ; въ скорой рыси заднія копыта безпрестанно задѣваютъ за переднія. Въ одной конюшнѣ я видѣлъ удивительнаго жеребца: только голова (какъ вообще у андалузской породы) была нѣсколько велика; шея гнулась крутой дугою; длинная грива висѣла словно крупный шелкъ, густой хвостъ почти касался земли; у него былъ гордый, крупный шагъ, который такъ цѣнятъ испанцы; а галопъ такъ могучъ и порывистъ, что словно ему хотѣлось разбить землю подъ ногами. Хозяинъ цѣнилъ его въ 1,500 duros (тысячъ 6 асс.). Отличныя и

крупныя лошади въ Испанія очень дороги и рѣдки. Кстати: мнѣ случилось видѣть въ Мадритѣ скачку: онѣ введены тамъ въ подражаніе англійской модѣ; и такъ какъ испанская лошадь по самому устройству своему всего менѣе способна къ скачкѣ, то въ ней участвовали однѣ только лошади англійской породы, и вы не можете вообразить, какую каррикатурную противоположность представляли онѣ передъ красивыми андалузскими конями нѣкоторыхъ зрителей.

Я нанялъ себѣ красиваго андалузскаго коня, чтобъ посмотрѣть на окрестности. Кордова стоитъ въ полѣ, окруженная зубчатыми мавританскими стѣнами. Я былъ пораженъ невообразимою прозрачностію этого воздуха, его ярко-золотистымъ, сверкающимъ тономъ. Далеко извиваясь по полю, терялся Гвадалквивиръ, между густыми кустами олеандровъ, которые купами сбираются у воды, ища освѣженія отъ удушающаго жара; алоэ принимаетъ совершенно африканскіе размѣры; на широкомъ полѣ одни только дерева пустыни—пальмы поднимаютъ свои изящныя, нагнувшіяся вершины; вправо—Сіерра-Морена; ея отлогіе, послѣдніе холмы покрыты густою зеленью; тутъ рощи оливъ и виноградники. Мили за три отъ Кордовы, въ одной долинѣ между горами, видѣлъ я чудесныя. крупныя, душистыя розы, которыя растутъ тутъ сами собой,—наслѣдство мавровъ! Роза была ихъ любимымъ цвѣткомъ, и они всюду разводили ее. По отлогостямъ горъ расположены загородные дома кордованцевъ, окруженные апельсинными, лимонными деревами. И въ Кордовѣ и въ окрестностяхъ безпрестанно встрѣчаешь молодыхъ людей верхомъ; лицо у нихъ обыкновенно блѣдно-кофейнаго цвѣта и безъ малѣйшаго румянца, черные сверкающіе глаза, станъ гибкій, движенія быстры и легки; ихъ щеголеватый костюмъ тѣмъ болѣе поражаетъ, что здѣсь все кромѣ одежды въ забросѣ и небреженіи. Эти majos (щеголи) верхомъ—заглядѣнье. Голова и грива лошади обыкновенно убраны лентами того же цвѣта, какъ куртка сѣдока, сѣдло и стремена восточныя; на ѣздокѣ цвѣтная, вышитая пестрыми арабесками куртка, синіе или коричневые въ обтяжку короткіе штаны съ множествомъ металлическихъ пуговицъ по боковымъ швамъ; высокія до колѣнъ кожаныя штиблеты (polaina), узорчато прошитыя шелкомъ, кисточками связанныя сверху и снизу икръ и открытыя въ срединѣ, такъ чтобъ видѣнъ былъ тонкій, бѣлый чулокъ à jour; низкая съ загнутыми полями набекрень надѣтая шляпа. Мнѣ, вѣроятно, случится неразъ говорить объ андалузскомъ костюмѣ: несмотря на свою обще-

принятую форму, онъ удивительно разнообразенъ, каждый слѣдуетъ въ немъ своей фантазіи. И возлѣ такого щегольскаго caballero, у какого-нибудь мавританскаго портика, надъ которымъ раскинулись вѣтви пальмы, нѣсколько оборванныхъ нищихъ укрывались отъ солнца и съ гордымъ достоинствомъ смотрѣли на проѣзжаго иностранца. Я не знаю, какъ эти люди живутъ, но изъ всѣхъ нищихъ на свѣтѣ испанскій всѣхъ менѣе докучливъ и никогда не теряетъ своего достоинства.

Въ Андалузіи женщины выходятъ изъ домовъ только по вечерамъ, съ 8 и 9 часовъ; днемъ ихъ видно очень мало; у всѣхъ, которыя мнѣ попадались, были въ волосахъ съ боку свѣжіе цвѣты. Какія тонкія черты, что за чудный очеркъ головы и лица, какая невыризимая живость физіономій! Въ манерахъ и движеніяхъ андалузянокъ есть какая-то ловкость, какая-то удалая грація... это-то и называютъ испанцы своимъ непереводимымъ sal española (соль испанская). Я уже говорилъ объ этомъ народномъ выраженіи, но и теперь все-таки не умѣю опредѣлить его... Это не французская грація, не наивность и простодушіе нѣмецкія, не античное спокойствіе красоты итальянской, не робкая и скучающая кокетливость русской дѣвушки... это въ отношеніи внѣшности то-же, что остроуміе относительно ума. Разумѣется, не всѣ женщины отличаются этою sal española, но зато у всѣхъ увлекательно дерзкій взглядъ и горячо-блѣдныя лица.

Кордова недаромъ была столицею самой блестящей эпохи мавританскаго владычества въ Испаніи: они выстроили здѣсь свою знаменитую мечеть. На этой прекрасной, исполненной классическихъ воспоминаній землѣ, развился одинъ изъ самыхъ лучшихъ цвѣтовъ магометанской жизни. Постоянная борьба съ христіанскими владѣтелями обнаружила въ испанскихъ арабахъ какой-то особенный рыцарственный характеръ, далеко превосходившій своими доблестями ихъ христіанскихъ соперниковъ. Еслибъ въ исторіи всегда побѣждали не смѣлость, сила и хитрость, а честность, образованность и трудолюбіе, то, конечно, арабы и теперь еще оставались бы владѣтелями Испаніи! Исторія не знаетъ никакого другого права, кромѣ силы и хитрости.

Я не знаю ничего фантастичнѣе въ исторіи человѣчества, какъ это внезапное явленіе, этотъ чудный блескъ и исчезновеніе мавританскаго племени! Давно кочевали арабы въ Азіи бродячими племенами, занимаясь скотоводствомъ, земледѣліемъ и разбоемъ или нанимаясь въ службу у азіятскихъ и африканскихъ владѣтелей.

Въ 610 году по Р. Х., вдругъ просыпаются они на голосъ Магомета. Неслыханный доселѣ энтузіазмъ потрясъ дикія племена пустынь; до того времени неподвижныя, они встаютъ, какъ неотразимый вихрь, разносятъ по всей землѣ слово пророка. Въ нѣсколько лѣтъ исламизмъ владѣетъ уже отъ береговъ Атлантическаго океана до Гангеса. Но тутъ же совершается и перерожденіе ихъ воинственнаго духа: вдругъ овладѣваетъ ими страсть къ ученью, къ знаніямъ, и тѣ же самые люди, которые въ пылу фанатизма сожгли великолѣпную библіотеку Александріи, начинаютъ теперь съ жадностію отыскивать и собирать памятники греческой и римской мудрости и распространять ихъ во множествѣ переводовъ. Знаменитый въ восточныхъ сказкахъ Арунъ-аль-Рашидъ принимаетъ въ Багдадѣ ученыхъ всѣхъ земель, безъ различія вѣры, ободряетъ и награждаетъ ихъ; сынъ его Аль-Мамунъ посвящаетъ всю свою жизнь, все свое богатство на служеніе наукамъ, дѣлаетъ изъ двора своего академію, всюду заводитъ у себя школы и, побѣдивши греческаго императора Михаила III, заставляетъ его купить миръ данью, состоящею изъ греческихъ книгъ!.. Самая исторія этого благороднаго племени походитъ на сказку тысячи одной ночи. Ученыя путешествія, которыя впослѣдствіи предпринимали арабскіе ученые, безпрестанно увеличивали массу сочиненій, вызванныхъ этимъ всеобщимъ направленіемъ къ знаніямъ и ученію. Всѣ сочиненія, какъ свои, такъ и переводныя, тщательно собираемы были въ библіотеки, входъ въ которыя открытъ былъ всякому. Въ одной арабской Испаніи было семьдесятъ публичныхъ библіотекъ. Калифъ Аль-Амедъ, наприм., поручалъ управленіе главной библіотеки въ Кордовѣ брату своему: это была самая почетная должность въ государствѣ. Библіотека Кордовы была такъ велика, что одинъ каталогъ ея имѣлъ 44 тома, въ 50 листовъ каждый. Арабы занимались астрономіею, медициною, математикою, ботаникою, музыкою, поэзіею; отъ нихъ переняли испанцы и рыцарство, и свою поэзію романсовъ, передавъ ее потомъ провансальскимъ труверамъ...

И всѣ сокровища знанія арабовъ погибли съ ихъ могуществомъ. Этотъ блестящій, поэтическій народъ исчезъ съ лица земли, не оставивъ по себѣ почти никакого слѣда, кромѣ немногихъ памятниковъ и кой-какихъ отрывковъ. Дикій, безумный фанатизмъ духовенства испанскаго хотѣлъ истребить даже самую память объ этомъ народѣ, разжигая противъ него и политическую, и религіозную ненависть. Можно-ли повѣрить теперь, что, послѣ взятія Гре-

нады католическими королями въ 1492 г., духовенство испанское сожгло съ величайшею торжественностію груды книгъ, принесенныхъ сюда со всѣхъ сторонъ Испаніи на этотъ бѣдственный праздникъ; современные историки считаютъ число томовъ, погибшихъ въ этотъ день въ огнѣ, до милліона. Достаточно было, чтобъ рукопись заключала въ себѣ арабскія буквы: проклятое имя корана, которое давали безъ всякаго разбора, тотчасъ же осуждало ее на сожженіе.

Читая исторію арабовъ, и особенно исторію ихъ покоренія и изгнанія изъ Испаніи, нельзя безъ глубокой скорби видѣть, какъ умный, исполненный терпимости народъ, въ высшей степени промышленный, многосторонняя образованность котораго начинала уже измѣнять строгую и сухую догму исламизма, побѣждается и изгоняется варварскими, фанатическими испанцами,—какъ обработанная, богатая, населенная страна предается въ жертву инквизиціи и становится пустынею. А съ другой стороны, если подумать, что это блестящее арабское племя, за 1000 лѣтъ до насъ совершившее столько доблестныхъ подвиговъ, возвысившееся до такой образованности и оставившее по себѣ столь изящные памятники, теперь погружено въ такое глубокое варварство,—то, право, трудно не усомниться въ этомъ такъ называемомъ безконечномъ совершенствованіи, особенно, когда еще видишь, что на мѣстѣ исчезнувшей цивилизаціи владычествуютъ дикость, невѣжество и изувѣрство.

Но обратимся къ старымъ арабамъ.

Новая религія принесла съ собой особый родъ богопочитанія. а оно создало новую форму искусства. Но тогда арабы, какъ и германцы, нахлынувшіе на римскую имперію, не имѣли никакой самостоятельной образованности, и слѣдовательно невольно должны были взять въ образецъ тѣ формы искусства, которыя нашли въ завоеванныхъ ими странахъ. То были большею частію зданія временъ упадка римскаго зодчества, и притомъ еще въ томъ искаженномъ видѣ, какой придало имъ древне-христіанское искусство. Должно замѣтить, что ихъ-то преимущественно исламизмъ и долженъ былъ взять себѣ въ образецъ:—онъ, такъ-же какъ и христіанство, былъ врагомъ языческаго богослуженія. Къ этому присоединился еще и собственно восточный художественный элементъ. Даже на римскихъ постройкахъ въ Азіи и Африкѣ лежалъ всегда болѣе или менѣе ощутительный восточный колоритъ, и весьма естественно, что этотъ восточный элементъ еще болѣе развивался у

арабовъ въ завоеваніяхъ, при соприкосновеніи ихъ съ старыми оброзованными народами Азіи. А такъ какъ потомъ арабы начали уже развиваться самостоятельно, то изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ наконецъ образовалось то, что теперь обыкновенно зовется мавританскимъ стилемъ.

По своему источнику, искусство магометанское находится въ близкой связи съ древне-христіанскимъ искусствомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно отличается отъ него въ одномъ, и это одно такъ важно, что черезъ него именно задушено было въ самомъ зернѣ своемъ все дальнѣйшее совершенствованіе мусульманскаго искусства. Магометъ до такой степени боялся, чтобъ арабы не воротились къ своему прежнему идолопоклонству, что непремѣннымъ догматомъ корана запретилъ правовѣрнымъ представлять въ живописи и ваяніи людей и животныхъ. Вотъ причина, почему эти оба искусства были совершенно пренебрежены арабами. Ихъ искусство самое любимое, самое задушевное—была поэзія. Изъ представительныхъ же искусствъ оставалась имъ одна архитектура; въ ней одной принуждена была въ внѣшнихъ формахъ разыгрываться пламенная фантазія ихъ. Но архитектура неразрывно связана съ религіозными идеями. Религіозныя же идеи арабовъ кружились около: «нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его; Богъ единъ, Богъ всемогущъ, накажетъ злыхъ, наградитъ добрыхъ». При такомъ, однакожъ, догматѣ, негдѣ было разыгрываться религіозному воображенію; при этомъ ни миѳовъ, ни религіозныхъ преданій,—одно голое, сухое единство. Вотъ отчего архитектурные памятники арабовъ далеко не соотвѣтствуютъ ихъ образованности. Архитектура ихъ имѣетъ характеръ однообразный и совершенво чужда развитія, какое мы видимъ въ архитектурахъ древнихъ и новыхъ народовъ, которыхъ религіозныя понятія по разнообразію своему и многосторонности непремѣнно должны были принять миѳологическую форму и съ нею поэтическое содержаніе, а слѣдовательно и развитіе.

Итакъ, тогда какъ христіанство давало созданіямъ своихъ художниковъ новое, разнообразное и глубокое содержаніе, исламизмъ видѣлъ въ этихъ созданіяхъ одно только преступное подражаніе божественной творческой силѣ. И народу, одаренному самою пламенной фантазіей, магометанство навсегда закрыло высшую сферу искусства, ту, гдѣ художникъ свободно воплощаетъ индивидуальную мысль свою! На мѣстѣ образнаго представленія, которое въ религіяхъ и искусствахъ всѣхъ народовъ даетъ такое характери-

стическое значеніе памятникамъ, у арабовъ выступаетъ самый отвлеченный изъ всѣхъ символовъ, самое противохудожественное средство—писаніе, коранъ. Впрочемъ, навсегда оставшись при однѣхъ формахъ древне-христіанскаго зодчества, арабская архитектура запечатлѣла ихъ своимъ особеннымъ характеромъ. Я имѣю здѣсь въ виду высшее выраженіе мусульманской архитектуры—ея религіозные памятники—мечети. Въ нихъ особенно замѣтны два стиля: одинъ принадлежитъ древнехристіанской базиликѣ, другой болѣе приближается къ стилю византійскому. Памятники перваго находятся въ Европѣ; второй, сдѣлавшійся потомъ общимъ мусульманскимъ, принадлежитъ Востоку. Но этимъ первообразамъ своей архитектуры арабская фантазія слѣдовала не рабски, она преобразила ихъ по-своему, примѣшавъ еще къ нимъ нѣкоторыя формы архитектуры индѣйской. Всего болѣе оригинальность арабской фантазіи выразилась въ украшеніяхъ, въ подробностяхъ, гдѣ надобно было избѣгать всякихъ опредѣленныхъ формъ и образовъ, находящихся въ природѣ. То была задача, достойная арабской фантазіи, и она чудно разрѣшила ее, создавъ свои безконечно клубящіяся и перевивающіяся вереницы линій и фигуръ, извѣстныхъ теперь подъ названіемъ арабесковъ.

Мечеть въ Кордовѣ принадлежитъ къ самымъ древнѣйшимъ постройкамъ арабовъ: она начата была въ концѣ восьмого вѣка, вскорѣ послѣ завоеванія Кордовы. Первымъ дѣломъ арабовъ при завоеваніи всякаго города было тотчасъ-же построить мечеть и завести школу. Въ противоположность всѣмъ народамъ, арабы какъ въ своихъ колоссальныхъ памятникахъ, такъ и въ простыхъ домахъ, не только пренебрегали наружностію, но словно съ намѣреніемъ дѣлали ее какъ можно проще, какъ можно обыкновеннѣе, сосредоточивая всю роскошь украшеній на одну внутренность зданія. Такъ наружность мечети (она до сихъ поръ удержала свое названіе mezquita) нисколько не приготовляетъ къ тому поразительному впечатлѣнію, которое испытываешь, войдя въ нее. Вдругъ вступаешь въ лѣсъ мраморныхъ колоннъ, глаза разбѣгаются въ безчисленныхъ рядахъ ихъ, теряющихся въ сумрачной дали; рѣдкія, маленькія окна едва пропускаютъ свѣтъ, такъ что полу-сумракъ, царствующій здѣсь, еще болѣе увеличиваетъ необыкновенность впечатлѣнія. Верхъ этого огромнѣйшаго храма состоитъ изъ полукруглыхъ (подковою) аркъ (прорѣзанныхъ такой же формы маленькими арками), опирающихся на колонны изъ бѣлаго, желтаго, зеленаго мрамора, яшмы, порфира. Самымъ любимымъ укра-

шеніемъ испанскихъ мавровъ была эта арка подковою; они расточали ее всюду. Спокойная и мягкая форма полукруга, употребляемая античнымъ и древнехристіанскимъ искусствомъ, словно не удовлетворяла ихъ: тревожный духъ восточныхъ племенъ требовалъ формы, которая представляла бы глазамъ живую игру силы; и дѣйствительно, въ арабской аркѣ есть что-то кокетливое, смѣлое, игривое. Не стану говорить о прежнихъ украшеніяхъ мечети; довольно сказать, что и теперь еще, несмотря на христіанскую передѣлку средины ея, здѣсь осталось болѣе 900 колоннъ! При арабахъ храмъ днемъ и ночью освѣщался висячими лампадами; ихъ было нѣсколько тысячъ.

Словно ходишь по густому лѣсу колоннъ, разросшихся въ безчисленные, переплетающіеся своды. Онѣ не очень высоки, но чрезвычайно легки, изящны и безъ пьедесталей,—кажется, словно растутъ изъ земли. Колонны большею частію взяты изъ античныхъ зданій, частію сдѣланы по ихъ образцу, но съ примѣсью арабской фантазіи. Надъ ними и подъ навѣсомъ главныхъ аркъ находятся еще небольшія четырехугольныя колонки, соединенныя межъ собою полукруглыми маленькими дугами, и сверхъ плоская дубовая крыша, нѣкогда украшенная роскошными рѣзными, золочеными арабесками. До 1528 года мечеть оставалась нетронутою, хотя и обращенною въ церковь, но тогда духовенство Кордовы, несмотря на сопротивленіе городового совѣта, выпросило у Карла V позволеніе продѣлать окно, и вмѣсто окна сдѣлало въ самой срединѣ мечети огромный придѣлъ, по величинѣ своей настоящій храмъ въ готическомъ стилѣ. Умный Карлъ V, узнавши объ этомъ, очень жалѣлъ, что не сохранили вполнѣ такого колоссальнаго и единственнаго въ Испаніи памятника арабскаго религіонаго зодчества. Христіанская пристройка удивительно грандіозна: испанскій готизмъ отличается отъ германскаго своими великолѣпными, широкими формами, торжественностію и ясностію, но переходъ изъ этого высоко и свѣтло вскинутаго свода въ низкіе, разсыпающіеся и уходящіе въ сумрачную даль своды мечети производитъ непріятное впечатлѣніе. Вездѣ въ другомъ мѣстѣ эта пристройка составила бы превосходной соборъ (особенно замѣчательны тутъ деревянные рѣзные хоры испанскаго художника Pedro duque Cornejo, надъ которыми трудился онъ десять лѣтъ—работа истинно мастерская), но здѣсь она нарушаетъ только впечатлѣніе зодчества восточнаго. Кромѣ этого, маленькіе придѣлы обезображиваютъ невыразимую простоту арабскаго храма, въ ко-

торомъ все дышало единствомъ Бога и отвращеніемъ къ идолопоклонству. Къ счастію, остались возлѣ алтарей нѣкоторые слѣды богослуженія мечети: три или четыре фонтана, служившіе для омовенія, и mirhab, часовня созерцанія: довольно большая нишь, означавшая во всѣхъ мечетяхъ ту сторону, гдѣ находится Мекка; сюда должны были обращаться правовѣрные въ своихъ молитвахъ. Надобно видѣть, съ какою изящною роскошью украсила ее арабская фантазія! Вся она изъ самаго чистаго бѣлаго мрамора съ маленькими колонками, окруженными мозаикою изъ цвѣтныхъ кристалловъ; всюду разбросаны изрѣченія корана; буквы изъ золоченыхъ кристалловъ, и около всего этого вьются самыя роскошныя, самыя капризныя арабески.

Почти въ одно время съ мечетью, за пять миль отъ Кордовы, на берегу Гвадалквивира, выстроенъ былъ арабами дворецъ. По сказаніямъ арабскихъ историковъ, это было зданіе великолѣпія удивительнаго, съ 4,300 колоннами. Теперь отъ него не осталось ни малѣйшаго слѣда. Да и сама Кордова при мавританскомъ владычествѣ имѣла 200,000 домовъ, 90,000 дворцовъ и 900 бань; 12,000 деревень служили ей предмѣстьями. Теперь въ Кордовѣ едва ли есть 30,000 жителей, городъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Къ невѣжеству и фанатизму испанцевъ присоединилось еще и землетрясеніе, которое въ 1589 году разрушило большую часть города.

Гостинница, въ которой стою я, есть вмѣстѣ и кофейная; хозяинъ—французъ, оставшійся въ Испаніи послѣ 1823 г. Ея мавританскій съ тонкими, изящными колоннами дворъ (patio), густо покрытый виноградомъ съ огромными темными кистями, даетъ днемъ самую отрадную прохладу, которую еще увеличиваетъ бьющій посереди фонтанъ, обсаженный криномъ; по вечерамъ эти великолѣпные цвѣты имѣютъ запахъ упоительный, страшно раздражающій нервы и воображеніе... Днемъ patio обыкновенно пустъ, вечеромъ наполняется женщинами и мужчинами, приходящими освѣжаться апельсиннымъ, слегка замороженнымъ сокомъ (naranjada). Я, по обыкновенію, гдѣ можно, завтракаю и обѣдаю почти одними плодами; теперь время разнаго рода фигъ, дынь, гранатовъ, винограда; но.. увы! здѣшніе плоды такъ сладки, что нѣтъ возможности ихъ ѣсть, и я тоскую по арагонскимъ персикамъ. Жители Кордовы теперь заняты на дняхъ разстрѣляннымъ здѣсь атаманомъ разбойниковъ, и я по этому случаю наслышался много подробностей о разбойникахъ испанскихъ. Но объ этомъ классическомъ предметѣ

надобно говорить обстоятельно. Сегодня вечеромъ долженъ проѣхать здѣсь дилижансъ, въ которомъ я авось найду мѣсто до Севильи. Вотъ уже недѣля, какъ живу въ этой унылой Кордовѣ, и еслибъ не это длинное письмо къ вамъ, я давно бы смертельно соскучился. Зато вы потерпите за меня.

Посылаю къ вамъ его изъ Севильи, куда пріѣхалъ вчера и засталъ великолѣпнѣйшую corrida de toros (бѣгъ быковъ); семь быковъ и 22 лошади остались на мѣстѣ; но эта corrida такъ поразила и взволновала меня, что я рѣшительно не въ состояніи теперь писать. До слѣдующаго письма.

СЕВИЛЬЯ.

Іюнь.

Находясь въ самомъ сердцѣ Андалузіи, могу наконецъ положительно сказать: красота испанской природы, о которой столько наговорили намъ поэты, есть не болѣе, какъ предразсудокъ. Я разумѣю здѣсь красоту природы въ томъ смыслѣ, какъ представляютъ ее себѣ видѣвшіе Италію. Правда, на югѣ Испаніи растительность такъ величава и могущественна, что передъ ней растительность самой Сициліи кажется сѣверною, но это только рѣдкими мѣстами; африканское солнце, такъ сказать, насквозь прожигаетъ эту землю: въ Алмеріи, напримѣръ, уже три года какъ не было дождя, и жители южныхъ береговъ Испаніи безпрестанно переселяются во французскія владѣнія Африки. Здѣсь часто случается, что на три мили въ окружности невозможно найти воды. Не думайте, однакожъ, чтобъ эта пламенная природа не имѣла своей особенной, только ей одной свойственной красоты. Она здѣсь не разлита всюду, какъ въ Италіи; въ ней нѣтъ мягкихъ, ласкающихъ итальянскихъ формъ: здѣсь она или уныла и дика, или поражаетъ своею тропическою, величавою роскошью. По дорогѣ изъ Кордовы въ Севилью, напримѣръ, возлѣ иного cortijo *) нѣтъ ничего, кромѣ одинокаго апельсиннаго дерева; но надобно видѣть, что это за могучій стволъ, и какъ широко раскинулось оно своими густыми вѣтвями: апельсинныя деревья Сициліи покажутся передъ нимъ не болѣе, какъ отростками. Здѣсь каждую минуту чувствуешь, что имѣешь подъ ногами огненную землю, не любящую золотой средины, на которой

---

*) Такъ называются здѣсь маленькія фермы (дворики).

или корчится отъ зноя всякое растеніе, или тамъ, гдѣ влагѣ удается охладить жгучіе лучи солнца, растительность вырывается на воздухъ съ такою полнотою красоты и силы, съ такою роскошью, что здѣсь, особенно въ горахъ, эти чудные оазисы среди каменистыхъ пустынь производятъ совершенно особенное, электрическое впечатлѣніе, о которомъ не можетъ дать понятія кроткая и ровная красота Италіи. Здѣсь и пустыня (despoplado), и голыя, рдѣющія на солнцѣ скалы, и растительность дышатъ какою-то сосредоточенной, пламенной энергіей.

По дорогѣ изъ Кордовы сюда, все напоминало мнѣ, что я нахожусь на другой почвѣ, между другимъ народомъ. Несмотря, что лѣтнее солнце жгло здѣсь уже четыре мѣсяца, мѣстами могучая растительность сохранила еще свою густую, темную зелень. Въ 4 часа дилижансъ нашъ остановился обѣдать въ Эсихѣ, и такъ какъ въ дорогу мы должны были отправиться поздно вечеромъ, то я тотчасъ же послѣ обѣда пошелъ бродить по городу и нечаянно вышелъ на площадь. Мавританскій элементъ не только оставилъ глубокіе слѣды въ Андалузіи: онъ сроссе здѣсь со всѣмъ, его чувствуешь и въ народныхъ напѣвахъ фанданго, и въ языкѣ, и въ обычаяхъ, и въ привычкахъ. Одежда, домà, улица, физіономія,—все носитъ на себѣ мавританскій типъ. Площадь этого городка окружена домами въ арабско-испанскомъ вкусѣ, ярко расписанными. День былъ воскресный, и площадь была полна народу въ праздничныхъ платьяхъ. Разноцвѣтныя андалузскія куртки съ пестрыми арабесками, короткіе, въ обтяжку триковые штаны, синіе, зеленые, коричневые съ шелковыми кистями. падающими на бѣлые чулки à jour, цвѣтные башмаки, пестрый, шелковый платокъ на шеѣ, повязанный одинъ разъ, съ концами, продѣтыми въ кольцо, низенькая, набекрень шляпа,—весь народъ состоялъ изъ щеголей. Въ этомъ, ловко, въ обтяжку сидящемъ платьѣ, андалузцы сохраняютъ всю свободу, всю непринужденную грацію движеній. Начинало уже темнѣть; я зашелъ въ первую попавшуюся кофейную освѣжиться отъ удушливаго жара (Эсиха считается самымъ жаркимъ мѣстомъ Андалузіи) и нашелъ тамъ своихъ дорожныхъ товарищей испанцевъ; они пригласили меня сѣсть съ ними. Часа полтора незамѣтно прошло въ разговорахъ; нѣсколько стакановъ слегка замороженнаго апельсиннаго сока (naranjada) совершенно освѣжили меня; время было отправляться къ дилижансу. Я отдаю слугѣ деньги—esta pagado, caballero (заплачено), отвѣчаетъ онъ. Я взглянулъ на моихъ трехъ товарищей, никто изъ нихъ не подавалъ

виду, что заплатилъ за меня, даже некого было мнѣ поблагодарить за эту привѣтливость. Это одинъ изъ множества случаевъ, которые встрѣчаются здѣсь со мной безпрестанно, и какъ повидимому ни ничтожны они, но могутъ встрѣчаться въ одной только Испаніи. Простите, если я надоѣдаю моими мелкими замѣтками и повтореніями: въ странѣ, нравы и обычаи которой такъ рѣзко разнятся отъ обще-европейскихъ, всякая мелочь невольно какъ-то становится предметомъ особеннаго вниманія.

Я писалъ уже, что въ самый день моего пріѣзда засталъ я здѣсь великолѣпный бѣгъ быковъ—corrida de toros (испанцы не называютъ боемъ, а бѣгомъ быковъ). «Какъ кстати вы пріѣхали: сегодня день быковъ!» (dia de toros,—такъ называется день, въ который дается бѣгъ.) Этими словами встрѣтилъ меня хозяинъ гостинницы, въ которой остановился я. «Надобно заранѣе взять мѣсто, послѣ не достанешь; ваша милость охотникъ (aficionado)?»— Я никогда еще не видалъ.—«Прекрасно! Нигдѣ въ Испаніи нѣтъ такихъ бѣговъ, какъ въ Севильѣ; сегодня шпагой будетъ Чикланеро, ученикъ славнаго Монтеса.»—Наскоро пообѣдавъ, отправились мы въ циркъ. Дорогой встрѣтилъ я моихъ дорожныхъ товарищей севильянъ—и едва узналъ ихъ: въ дилижансѣ они были въ сюртукахъ, а теперь въ щегольскихъ андалузскихъ костюмахъ.

Наконецъ увидѣлъ я эти знаменитыя корриды! Двѣ корриды въ теченіе двухъ недѣль,—это было слишкомъ для моихъ неопытныхъ нервовъ! Съ усиліемъ беру перо, чтобъ разсказать о моихъ впечатлѣніяхъ.

Ничто не можетъ дать такого полнаго понятія о наслажденіяхъ, страстяхъ, характерѣ и физіономіи испанскаго народа, какъ corrida de toros, самое высшее, самое любимое изъ его удовольствій. Никакая заманчивая афиша, никакая новая пьеса не возбудятъ въ народѣ такого живого любопытства, какъ это простое и всегда однообразное объявленіе о бѣгѣ быковъ; извощикъ, cigarrera *), водоносъ пообѣдаютъ кускомъ хлѣба съ чеснокомъ или даже вовсе не будутъ обѣдать, но ужъ ни-за-что не пропустятъ бѣга. За четыре дня красныя афиши извѣщаютъ объ имѣющемъ быть corso de toros; тутъ же подробно объявляется, сколько быковъ будутъ поодиночкѣ выпущены въ циркъ, съ означеніемъ, съ какого каждый пастбища и кому принадлежитъ; затѣмъ слѣдуютъ имена picadores (сражаю-

*) Женщина, работающая на сигарной фабрикѣ.

щихся на лошади съ копьями) и matadores (убивающихъ быка шпагами), участвующихъ въ боѣ.

Plaza de toros находится за городомъ: это большой циркъ, выстроенный амфитеатромъ и окруженный ступенями, безъ крыши, вслѣдствіе чего мѣста въ тѣни дороже мѣстъ на солнцѣ; для высшаго общества назначена верхняя галлерея: это самыя дорогія мѣста. Деревянный барьеръ, укрѣпленный толстыми столбами, отдѣляетъ отъ поля сраженія пространство шага въ два ширины: здѣсь убѣжище toreros,—общее названіе каждаго участвующаго въ циркѣ въ боѣ съ быкомъ. Когда быкъ сильно тѣснитъ или настигаетъ ихъ, они, поставя ногу на уступъ, сдѣланный въ заборѣ, прыгаютъ черезъ него съ удивительною быстротою и ловкостію.

Больше десяти тысячъ зрителей занимаютъ ступени и галлерею амфитеатра, и, смотря на всѣ эти оживленныя лица, на страстность движеній, разговоровъ, физіономій, намъ бы трудно было узнать здѣсь тѣхъ испанцевъ, которыхъ вы считаете такимъ важнымъ и серьёзнымъ народомъ. Никакой театръ въ мірѣ не можетъ дать малѣйшаго понятія о томъ страстномъ ожиданіи, объ этомъ тревожномъ одушевленіи, какихъ исполнена публика передъ начатіемъ бѣга: да и дѣло здѣсь, правда, идетъ не о Рубини, не о Гризи или Фредерикѣ Леметрѣ, а о Севильѣ-Пикадорѣ, и Чикланеро, la primera espada de Espana (первая шпага Испаніи), послѣ знаменитаго Монтеса, а наконецъ и сами дикіе быки: это тоже трагедіи очень почтенныя! Докторъ и хирургъ прибыли, священникъ съ дарами занялъ мѣсто въ кулисахъ театра, пикадоры уже на лошадяхъ въ аренѣ; коррехидоръ (начальникъ города) подалъ знакъ изъ своей ложи, труба заиграла, ворота барьера отворились.

Быкъ, выходя изъ своего темнаго стойла, ослѣпленъ свѣтомъ, оглушенъ криками толпы: бодро выбѣгаетъ онъ на арену, съ любопытствомъ поднимаетъ голову, осматривается. Онъ пошелъ въ сторону—это плохой быкъ: хорошій быкъ долженъ тотчасъ-же броситься на пикадора. Быкъ снова останавливается, съ удивленіемъ смотритъ вокругъ, понурилъ голову и сталъ взметывать песокъ передними ногами. По всему видно, что онъ не хочетъ биться; надобно будетъ раздражить его. Chulos подбѣгаютъ, размахивая своими капами *); пикадоръ подъѣзжаетъ, становится передъ нимъ: быкъ долженъ биться.

---

*) Capa на языкѣ цирка называется кусокъ красной ткани, махая которою chulos раздражаетъ быка.

Пикадоръ сидитъ на скверной лошади, глаза у ней завязаны. Онъ вооруженъ копьемъ, котораго остріе, длиной съ булавку, можетъ только уколоть, но не ранить быка; одежда его состоитъ изъ широкихъ замшевыхъ панталонъ, подбитыхъ желѣзомъ и деревомъ, которые защищаютъ ноги отъ ударовъ роговъ; отъ этого пѣшкомъ онъ едва можетъ передвигать ноги и когда бываетъ опрокинутъ вмѣстѣ съ лошадью, то не въ силахъ подняться безъ пособія chulos: на немъ андалузская куртка и сѣрая съ большими полями шляпа. Сѣдла у нихъ высокія, турецкой формы, стремена желѣзныя, на манеръ высокихъ галошъ; только съ помощію длинныхъ и острыхъ шпоръ управляютъ они своими бѣдными клячами. Пикадоръ становится всегда такъ, чтобъ имѣть быка съ правой стороны: когда быкъ бросается на лошадь и нагибаетъ голову для удара, пикадоръ долженъ остановить этотъ взмахъ упоромъ копья непремѣнно въ затылокъ и въ ту-же минуту отъѣхать влѣво. Если лошадь легка и поворотлива, а пикадоръ силенъ и искусенъ, то ударъ минуетъ лошадь; но это случается очень рѣдко. Если-же пикадоръ не умѣлъ хорошо стать, если ударъ копья сдѣланъ неловко и немѣтко—горе ѣздоку, а главное — горе лошади! Быкъ поднимаетъ ее на рога и опрокидываетъ вмѣстѣ съ ѣздокомъ. Но въ это мгновеніе chulos окружаютъ ихъ: одни поднимаютъ пикадора, другіе, махая красными капами передъ глазами быка, стараются отвлечь его вниманіе отъ пикадора: глупое животное бросается на нихъ, chulos мгновенно разсыпаются въ стороны. Но разъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, съ знаменитымъ пикадоромъ Хуаномъ Севилья случилось слѣдующее: выпущенный въ арену быкъ былъ превосходной андалузской породы, силы и легкости неимовѣрной. Грозно выбѣжавши на арену, онъ тотчасъ-же напалъ на пикадора, нанесъ лошади страшный ударъ рогами и опрокинулъ ее вмѣстѣ съ сѣдокомъ. Chulos по обыкновенію бросились отвлекать его въ сторону; но быкъ, противъ обыкновенія, не обращая на нихъ вниманія, устремился на пикадора, съ дикою яростью началъ его топтать, бодать рогами въ ноги; и вдругъ замѣтя, что удары его только скользили по нимъ, онъ перескакиваетъ на другую сторону и наклоняетъ голову: ударъ рога приходился пикадору прямо въ грудь. Хуанъ Севилья, мгновенно приподнявшись съ отчаяннымъ усиліемъ, одною рукою схватываетъ быка за ухо, а другою запускаетъ пальцы свои въ ноздри быку и въ тоже время прижимаетъ свою голову къ головѣ бѣшенаго животнаго... Напрасно быкъ его трясъ, топталъ ногами, билъ объ

землю: никакими усиліями не могъ онъ освободиться отъ пикадора, и наконецъ, побѣжденный человѣкомъ въ этой страшной борьбѣ, обратился на chulos. Севилья отпустилъ его; всѣ думали, что его подымутъ замертво; но только что поставили его на ноги, какъ взбѣшенный Севилья выхватываетъ у одного chulos капу и, едва переступая ногами, отъ тяжести своихъ подбитыхъ желѣзомъ панталонъ, хочетъ снова привлечь къ себѣ быка. Насильно вырвали у него капу. Ему подвели лошадь: дрожа отъ гнѣва, бросается онъ съ копьемъ своимъ на быка, середи цирка, не разсчитывая своего положенія. Сшибка двухъ противниковъ была ужасна, и быкъ и лошадь пали на колѣни...

Согласитесь, что здѣсь слава не пріобрѣтается даромъ.

Обыкновенно въ циркѣ два пикадора; два и три другихъ ждутъ за барьеромъ, чтобы замѣнить ихъ въ случаѣ смерти, раны или сильнаго ушиба. Двѣнадцать chulos разсыпаны на аренѣ; они всѣ пѣшкомъ и должны безпрестанно помогать другъ другу. Одни изъ нихъ, какъ я сказалъ, отвлекаютъ быка, другіе поднимаютъ пикадора и раненую лошадь: рога быка цѣликомъ проткнули ей животъ... Вы думаете, что она не двинется уже съ мѣста!—Напротивъ: что нужды, что бѣдное животное ранено на смерть, что кровь льется изъ двухъ его зіяющихъ ранъ, что внутренности его висятъ и влачатся по землѣ, что его ноги путаются въ нихъ,—ничего: пока лошадь можетъ держаться на ногахъ, она годится еще для одного удара. Если лошадь подняться не въ состояніи, пикадоръ выходитъ съ арены и тотчасъ-же въѣзжаетъ на нее на свѣжей лошади.

Андалузскіе быки знамениты своею дикою яростію: они невысоки, съ ногами очень тонкими и такъ легки, что догоняютъ лошадь на бѣгу и иногда перепрыгиваютъ черезъ трехъ-аршинный барьеръ; шерсть у нихъ гладкая и лоснящаяся, рога длинные и заостренные. Если быкъ хорошъ,—на языкѣ цирка это значитъ нетрусъ,—то одинъ оставляетъ на мѣстѣ пять и шесть лошадей и какъ мячи катаетъ пикадоровъ по землѣ. Тогда-то раздаются страстныя рукоплесканія:—bravo, bravo, toro! кричатъ со всѣхъ сторонъ. Но не умеръ-ли пикадоръ? не ушибся-ли, не раненъ-ли? Э! объ этомъ никто не заботится; это дѣло священника и хирурга. Правда, что это не часто случается, да главное въ томъ, что объ этомъ никто не думаетъ. Но какъ хорошъ, какъ красивъ быкъ, когда, опрокинувъ трехъ, четырехъ пикадоровъ, онъ одинъ гордо бѣгаетъ по завоеванной имъ аренѣ! chulos не смѣютъ болѣе раз-

дражать его; его бѣшеные, налившіеся кровью глаза исполнены дикаго торжества; арена пуста, на ней лежатъ только трупы убитыхъ имъ лошадей; въ ярости онъ снова поднимаетъ ихъ на окровавленные рога свои, взбрасываетъ, раздираетъ...

Подаютъ знакъ бандерильерамъ.

Ловкіе, быстрые, увертливые, одѣтые великолѣпно, на манеръ Фигаро въ Севильскомъ цирюльникѣ,—шолковые чулки, башмаки, атласная съ шитьемъ куртка и штаны, — бандерильеры (banderilleros) выбѣгаютъ на арену, держа въ рукахъ двѣ коротенькія палочки, или, точнѣе, стрѣлки съ загнутымъ остріемъ, обернутыя цвѣтной разрѣзанной бумагою. Бандерильеро прямо бѣжитъ къ быку, который, удивленный такою дерзостію, вскачь бросается на него. Ужъ быкъ держитъ его почти между рогами, но въ ту самую минуту, когда онъ наклоняетъ голову, чтобъ поднять его на рога, бандерильеро втыкаетъ ему двѣ свои стрѣлки, по обѣимъ сторонамъ шеи, быстрымъ, мгновеннымъ, невѣроятно увертливымъ движеніемъ корпуса уклоняется отъ удара и убѣгаетъ. Замѣтьте, что онъ не можетъ воткнуть свои стрѣлки иначе, какъ ставши совершенно близко и прямо передъ быкомъ, почти между рогами его. Какое-нибудь развлеченіе, малѣйшая нерѣшимость, сомнѣніе тотчасъ могутъ погубить его. За однимъ бандерильеро, при мнѣ, быкъ бросился въ погоню; ужъ бандерильеро поднималъ одну ногу на барьеръ, какъ быкъ настигъ его и взбросилъ на воздухъ... бандерильеро всталъ невредимъ, только атласная куртка на лѣвомъ боку была разорвана: онъ попалъ между рогами. Если бандерильеро, втыкая стрѣлки, по несчастію упалъ, то долженъ лежать безъ движенія. Быкъ рѣдко бьетъ лежачаго, не изъ великодушія, а потому, что, нанося ударъ, онъ большею частію закрываетъ глаза и такимъ образомъ пройдетъ по человѣку, не замѣтя его. Но иногда онъ останавливается, начинаетъ его обнюхивать, точно-ли онъ мертвъ, и потомъ, отойдя нѣсколько, наклоняетъ голову, чтобъ поднять его на рога. Но chulos и товарищи бандерильеро тотчасъ-же отвлекаютъ его въ сторону.

Надобно видѣть быка, который, чувствуя въ шеѣ боль отъ воткнутыхъ крючковъ стрѣлокъ, носится съ ними по аренѣ, трясетъ ихъ, прыгаетъ, яростно мычитъ; тутъ прибѣгаетъ другой бандерильеро и втыкаетъ ему двѣ другія стрѣлки, потомъ третій, четвертый. Если же быкъ не изъ храбрыхъ, если онъ не тотчасъ же нападаетъ на пикадоровъ, а болѣе отходитъ отъ нихъ въ сторону,—fuego, fuego! (огня, огня!) раздается со всѣхъ сторонъ,—

надобно раздражить быка огнемъ. Тогда бандерильеры втыкають ему стрѣлки, обвитыя фейерверкомъ съ фитилемъ изъ тлѣющаго трута. Фейерверкъ загорается, трещитъ, хлопаѣтъ, жжетъ шею быка,—и что за прыжки, что за удивительные скачки тогда дѣлаетъ быкъ, и что за безумный хохотъ овладѣваетъ зрителями!

Наконецъ ярость животнаго достигла высшей степени, и теперь только должна начаться настоящая битва, битва одинъ на одинъ:—звукъ трубы вызываетъ матàдора. Бѣшеное животное мечется по аренѣ, chulos и banderilleros скрылись, арена пуста. Тогда входитъ на нее матàдоръ въ самомъ великолѣпномъ андалузскомъ костюмѣ, красный плащъ небрежно накинутъ на лѣвое плечо, въ правой рукѣ держитъ онъ короткую шпагу, въ лѣвой красное покрывало (muleta). Онъ идетъ съ важностію, каждый шагъ его обдуманъ и разсчитанъ. Онъ шпагой отдаетъ честь коррехидору, городовому правленію и останавливается.

Тутъ наступаетъ минута торжественная. Быкъ, задыхаясь отъ бѣшенства, завидя матадора, бѣжитъ на него—и, словно почуя страшнаго врага, вдругъ останавливается, наблюдаетъ его, разсчитываетъ свой ударъ. Чикланеро молодъ, прекрасенъ, одѣтъ въ атласъ, бархатъ и золото, гибокъ, сложенъ удивительно. Онъ сбрасываетъ съ плеча красный плащъ; каждое движеніе его исполнено рѣшительности и хладнокровія. Подумайте объ игрѣ, которую играетъ этотъ человѣкъ, подумайте, что рѣдкій матадоръ умираетъ въ постели, а почти всѣ оканчиваютъ жизнь свою на полѣ битвы! и отчего зависитъ его жизнь? отъ одного невѣрнаго шага, отъ одного чуть-чуть уклончиваго движенія быка, отъ малѣйшаго камешка, который покатится у него подъ ногами. Ошибка въ разсчетѣ на одинъ шагъ,—и его ждетъ неизбѣжная смерть; онъ сдѣлаетъ два круга по аренѣ—на рогахъ у быка, какъ это случилось съ Ромеро, въ свое время «первой шпагой Испаніи». Удалясь на старости лѣтъ на родину, честно жилъ онъ плодами своихъ прежнихъ подвиговъ, какъ, не знаю по случаю какого-то торжества, Марія Луиза, жена Карла IV и мать покойнаго короля, желая придать этому торжеству больше блеска, непремѣнно захотѣла, чтобъ Ромеро участвовалъ въ «бѣгѣ быковъ», назначенномъ по этому случаю. Ромеро отказался:—«я ужъ состарѣлся—говорилъ онъ—Богъ сохранилъ меня отъ столькихъ опасностей, не должно искушать милосердіе Божіе». Но тутъ замѣшался капризъ женщины и королевы, надобно было сдѣлать по ея желанію, и глава матадоровъ погибъ жертвою своей сговорчивости. Неизвѣстно, что

именно, какой неожиданный случай обманулъ его опытность и обычную ловкость: быкъ уловилъ его, поднялъ на рога и, словно зная, какого врага побѣдилъ онъ, бѣшено помчался съ нимъ по аренѣ.

Но въ корридахъ есть свои законы, какъ въ дуэли; нарушить ихъ такъ-же постыдно, какъ постыдно измѣннически убить своего противника; напримѣръ, матадоръ долженъ наносить быку ударъ не иначе, какъ въ то мѣсто, гдѣ оканчивается шея и начинается спинной хребетъ. Ударъ долженъ быть сверху внизъ. Въ тысячу разъ почетнѣе для матадора умереть, нежели нанести ударъ снизу, сбоку или сзади. Шпага матадора не длинна, но широка, толста и остра съ обѣихъ сторонъ; рукоять ея очень мала. для того, чтобъ при ударѣ можно было упирать ее въ ладонь. Но чтобъ убить быка матадоръ долженъ сперва узнать въ подробности его характеръ. Отъ этого знанія зависятъ не только слава и мастерство, но самая жизнь матадора. Каждый быкъ имѣетъ свой особенный характеръ, который необходимо узнать. Быки вообще раздѣляются на прямыхъ, простыхъ, ясныхъ (trancos, seneillos, claros), на раздражительныхъ (de sentido) и хищныхъ (abantos); на тѣхъ, которые легко поддаются обману мулеты (кусокъ красной ткани на деревѣ, которую держитъ матадоръ въ лѣвой рукѣ), и на такихъ, которые, напротивъ, не упускаютъ изъ виду движеній человѣка. Есть быки коварные (cobardes), которые наносятъ удары неожиданные, не подавая о нихъ прежде ни малѣйшаго вида. Кромѣ этого бываютъ быки, которые хорошо видятъ вблизи и дурно вдали, и наоборотъ, наконецъ такіе, которые хорошо видятъ однимъ глазомъ и дурно другимъ, и проч. Всѣ эти особенности каждаго быка долженъ всякій torero, а тѣмъ болѣе матадоръ, изучить тутъ же на мѣстѣ, въ аренѣ, потому что первое и необходимое условіе бѣга, чтобъ быки никогда прежде не были въ циркѣ, даже для шутки, какъ это случается на деревенскихъ праздникахъ съ молодыми быками (novillos), о чемъ я уже говорилъ. Такого рода опытный быкъ дѣлается очень опаснымъ.

Нельзя представить себѣ ничего увлекательнѣе этого страшно волнующаго зрѣлища, когда матадоръ и быкъ приближаются другъ къ другу; каждый наблюдаетъ за своимъ противникомъ. Безпрестанно мѣняютъ они свои маневры, словно отгадывая взаимныя намѣренія. Иногда быкъ не тотчасъ устремляется на матадора, а подходитъ медленно, чтобъ взять себѣ больше пространства и напасть на своего противника только тогда, когда онъ будетъ къ

нему такъ близко, что не можетъ уклониться отъ натиска. Словно по какому-то предчувствію, быкъ не вдругъ бросается на матадора: или, можетъ быть, это спокойное, грозное по своему хладнокровію ожиданіе его удара внушаетъ быку нѣкоторую робость. Почти всегда онъ останавливается передъ матадоромъ и всматривается въ него; съ видомъ угрозы трясетъ головою, скребетъ копытомъ землю и не хочетъ двинуться впередъ; иногда начинаетъ медленно отступать, стараясь привлечь матадора на средину цирка, гдѣ онъ не въ состояніи отъ него уйти. Иной быкъ, вмѣсто того, чтобъ по обыкновенію нападать прямо, подходитъ съ боку медленно, прикидываясь усталымъ, и, разсчитавъ удобное для удара разстояніе, вдругъ, мгновенно бросается на матадора. Но это исключеніе; бо̀льшею частію быкъ останавливается прямо передъ нимъ. Оба стоятъ какъ вкопанные; каждый слѣдитъ за движеніями своего противника. Малѣйшее движеніе головою, ухомъ, взглядъ въ сторону, все это для опытнаго и искуснаго матадора вѣрные признаки намѣреній его врага. Матадоръ взмахиваетъ мулетой и опускаетъ ее, закрывая ею отъ быка свои ноги. Это движеніе раздражило быка, онъ бросается на матадора; сила взмаха такова, что ударъ, кажется, разбилъ бы цѣлую стѣну.... легкимъ, почти незамѣтнымъ движеніемъ тѣла уклонился матадоръ отъ удара, подставивъ ему свою мулету и поднявъ ее надъ рогами бѣшенаго животнаго.

Но матадоръ только еще изучаетъ своего врага; нѣсколько разъ повторяетъ онъ эти такъ называемыя pases de muleta, и, уже вполнѣ узнавши быка, располагается нанести ему смертельный ударъ. Онъ становится прямо противъ него и ждетъ. Эти минуты надобно видѣть, надобно испытать ихъ: восклицанія, остроты умолкаютъ; десять тысячъ зрителей словно каменѣютъ; ни одинъ вздохъ не прерываетъ мертвой томительной тишины. Въ эти минуты юное, прекрасное лицо Чикланеро покрывалось матовою блѣдностью, изъ которой ярко сверкали его большіе, черные глаза, ноздри расширялись. Быкъ дѣлаетъ шагъ впередъ и снова останавливается; они такъ близко другъ къ другу, что матадоръ уже прицѣливается шпагою.... еще секунда — и быкъ бросается.... но въ то самое мгновеніе, какъ быкъ дѣлаетъ головой размахъ, чтобъ поднять матадора на рога, онъ, чрезъ его наклоненную голову, вонзаетъ ему всю шпагу въ то мѣсто, гдѣ оканчивается шея и начинается хребетъ... быкъ вдругъ прерываетъ свой взмахъ, нѣсколько капель крови брызнули ему

на шею, ноги его дрожатъ, подгибаются, быкъ падаетъ безъ движенія. Надобно видѣть, что за минута бѣшенаго восторга слѣдуетъ за томительными, невыносимо-тяжкими минутами битвы. Словно каждый избавился отъ давившаго его кошемара; дикій, необузданный энтузіазмъ овладѣваетъ зрителями, какъ будто каждый празднуетъ свое избавленіе отъ смертной опасности. Что передъ этимъ восторгомъ всѣ возможные восторги театральной публики! никогда никакой актеръ въ мірѣ не получалъ себѣ такой награды. Съ лицомъ, на которомъ медленно исчезаетъ блѣдность, обходитъ матадоръ циркъ, привѣтствуемый зрителями. Къ нему летятъ шляпы, его встрѣчаютъ восторженныя рукоплесканія:— bravo, bravo, Chiclanero! понятно, что для такихъ минутъ обожанія рискуютъ жизнію.

Но отличный ударъ случается не всегда; на двѣнадцати убитыхъ быкахъ я видѣлъ его только четыре раза. Если ударъ вѣренъ, то есть, если лезвее, пройдя между шеей и хребтомъ, достало до сердца, быкъ тотчасъ падаетъ, словно пораженный молніею; но чаще всего матадоръ принужденъ раза два, иногда три, повторять свой ударъ. Можетъ быть, въ энтузіазмѣ зрителей за отличный ударъ участвуетъ и благодарность за избавленіе ихъ отъ непріятнаго зрѣлища смертныхъ страданій быка; чрезвычайно тяжело видѣть, какъ сильно раненый быкъ начинаетъ шататься по аренѣ, пренебрегая капами chulos, жалобно мычитъ, захлебываясь своею кровью, ищетъ мѣста умереть, сгибаетъ переднія ноги, ложится, протягиваетъ голову и умираетъ; если же смертныя судороги продолжаются, къ нему сзади подкрадывается cachetero и даетъ ударъ кинжала въ затылокъ, чтобъ покончить его страданія. Замѣчательно, что у быка всегда есть любимое мѣсто въ аренѣ,—это то, на которомъ онъ остановился тотчасъ по выходѣ изъ стойла въ арену. Иногда съ трудомъ можно заставить его съ него сойти. Бóльшею частію онъ идетъ умирать на это мѣсто или ложится возлѣ убитой имъ лошади. Послѣ этого отворяются одни изъ воротъ барьера, выѣзжаетъ пара роскошно убранныхъ муловъ и вывозятъ постепенно трупы убитыхъ лошадей и быка; на кровавые слѣды посыпаютъ песку и впускаютъ новаго быка; такъ продолжается до шести и даже до восьми быковъ. Это называется полубѣгомъ (media corrida); въ прежнее время полная коррида состояла изъ 16 быковъ.

Я не въ состояніи описать того мучительнаго, невыносимаго волненія, которое овладѣло мною при боѣ матадора съ первымъ

быкомъ, при второмъ, третьемъ, четвертомъ оно все усиливалось. Бой каждаго быка не есть одно только повтореніе предъидущаго: я ужъ сказалъ, что каждый быкъ имѣетъ свои особенности, свой характеръ, и потому бой съ каждымъ представляетъ свои случайности, свои неожиданности, каждый бой есть отдѣльная, новая драма. А этотъ красивый, великолѣпный юноша съ своею маленькою шпагою противъ животнаго, разъяреннаго до бѣшенства,— юноша, котораго жизнь зависитъ отъ малѣйшей невѣрности руки, потому что во время удара одинъ рогъ быка проходитъ у него подъ мышкою и разъ даже вырвалъ у него платокъ, выставившійся изъ кармана на груди.... волненіе мое сдѣлалось невыносимымъ, но я не въ силахъ былъ отвести свои глаза отъ цирка, въ головѣ у меня мутилось, я готовъ былъ упасть въ обморокъ и не могъ дождаться смерти пятаго быка. Когда я вышелъ изъ цирка, солнце закатывалось, въ воздухѣ разливался чудный золотистый паръ, вечерній прохладный вѣтерокъ напоенъ былъ запахомъ апельсинныхъ деревьевъ.

При второмъ бѣгѣ я былъ уже нѣсколько покойнѣе и хотя въ страшномъ волненіи, но могъ досмотрѣть его до конца. Послѣ него выпущенъ былъ въ циркъ молодой быкъ (novillo) для забавы зрителей: толпы бросились въ арену. На рогахъ у быка надѣты были деревянные шары, обтянутые кожей, чтобъ удары его не могли быть смертельны. Боже мой! всякій наперерывъ старался раздражить быка плащами, поясами, шляпой; сколько плащей разлетѣлось въ куски, сколько въ этой свалкѣ истопталъ быкъ народу! нѣсколько человѣкъ вынесены были безъ чувствъ. Но зато и сколько смѣху, остротъ, радостнаго хохота....

Не думайте, впрочемъ, что достаточно только смѣлости и ловкости, чтобъ избѣгать ударовъ раздраженнаго животнаго: для этого необходима особенная наука. Передо мною лежитъ книга знаменитаго Франсеско Монтеса, теперь «первой шпаги Испаніи», подъ названіемъ: Tauromaquia completa, o' sea el arte de torear en plaza tanto a pie como a caballo (Полная тавромахія, или искусство биться съ быками въ аренѣ пѣшимъ и на конѣ). Я совѣтую всякому путешествующему по Испаніи прочесть ее: бой съ быками получитъ для него особенный интересъ, именно интересъ искусства. Книга начинается историческимъ обозрѣніемъ этой забавы въ Испаніи и защитою ея отъ нападокъ иностранцевъ. Прежде бой съ быками былъ исключительною забавою высшаго дворянства, даже самъ Карлъ V убилъ копьемъ нѣсколько быковъ на празднествѣ, быв-

шемъ въ Вальядолидѣ, по случаю рожденія его сына Филиппа II. Всѣ прежніе короли Испаніи были страстными любителями этой забавы, въ числѣ матадоровъ находятся имена первыхъ испанскихъ фамилій. Это была дворянская забава, въ которую простой народъ не мѣшался: онъ бывалъ только зрителемъ. Такъ продолжалось до восшествія на испанскій престолъ Бурбоновъ. Филиппъ V терпѣть не могъ боя съ быками; Карлъ III презиралъ людей, въ немъ участвующихъ, и наконецъ вовсе запретилъ эту забаву. Но въ концѣ прошлаго вѣка она снова воскресла въ прежнемъ блескѣ и перешла уже отъ дворянства къ простому народу. Покойный Фердинандъ VII до того былъ страстенъ къ ней, что основалъ въ Севильѣ королевскую школу тавромахіи, въ которой—говоритъ мой авторъ—преподавалась какъ теорія, такъ и практика этого искусства самыми опытными профессорами (par los mas esperimentados profesores). Теперь эта забава всеобщая, только гранды стыдятся выходить на арену, хотя въ одной изъ севильскихъ corridas нынѣшней весны и участвовалъ какой-то маркизъ. Школа тавромахіи и теперь еще существуетъ здѣсь и каждое утро осаждена толпою любителей и зрителей.

«El torero—говоритъ Монтесъ—долженъ имѣть отъ природы нѣкоторыя особенныя качества, которыя не очень часто встрѣчаются соединенными въ человѣкѣ. Условія, необходимыя для torero. суть: храбрость, легкость и совершенное знаніе своего дѣла. Два первыя родятся съ человѣкомъ,—послѣднее пріобрѣтается. Храбрость такъ необходима для torero, что безъ нея онъ никогда имъ не будетъ. Не должно простирать эту храбрость до безразсудной отваги или тѣмъ болѣе трусливо уклоняться отъ ударовъ быка: въ обоихъ случаяхъ можетъ постигнуть несчастіе и даже смерть. Если torero, чтобы показать свою храбрость, станетъ дѣлать что-нибудь съ быкомъ, тогда какъ быкъ не находится *въ должномъ положеніи*,—покажетъ одно только безразсудство, незнаніе и случайно развѣ избѣгнетъ отъ удара роговъ. Равнымъ образомъ и тотъ. кто отъ робости упуститъ должную минуту представить быку капу (красную ткань) или не разочтетъ подхода быка,—какъ ни будетъ онъ легокъ на ноги, но подвергнется опасности получить ударъ роговъ (cogida), потому-что нужно *знаніе* для избѣжанія этого удара. Этого рода крайностей надобно особенно стараться избѣгать. Подъ словомъ храбрость разумѣю я такую, которая поддерживаетъ насъ передъ быкомъ въ той душевной ясности и спокойствіи, какъ бы его вовсе не было передъ нами, — я разумѣю то

настоящее *хладнокровіе*, которое дозволяетъ въ минуту опасности съ достовѣрностію размышлять о томъ, что должно дѣлать съ животнымъ. Тотъ, кто владѣетъ такой храбростью, имѣетъ самое важное качество torero и пріобрѣтетъ легко всѣ другія. Онъ будетъ *играть* съ быками безъ малѣйшей опасности. Легкость также въ высшей степени необходима тому, кто хочетъ заниматься этимъ искусствомъ (torear). Но легкость torero не въ томъ, чтобъ быть въ безпрестанномъ движеніи, перебѣгать съ мѣста на мѣсто: это признаки дурного torero. Легкость, о которой говорю я, состоитъ въ томъ, чтобъ бѣгать скоро, прямо, съ величайшею быстротою останавливаться и оборачиваться, измѣнять направленіе. Torero долженъ умѣть прыгать; но всего лучше узнается его легкость—въ движеніяхъ, въ уклоненіяхъ отъ удара роговъ на самомъ близкомъ разстояніи. Должно замѣтить касательно этого рода легкости, что владѣющій ею torero, даже состарѣвшись, можетъ играть съ быками, и между матадорами случались такіе, которые, имѣя болѣе 70 лѣтъ, но обладая быстротою движенія, убивали быковъ съ легкостію не вѣроятною».

Боясь наскучить дальнѣйшими выписками изъ книги Монтеса, я замѣчу только, что въ этомъ искусствѣ все разсчитано, все предусмотрѣно: каждое положеніе быка, привычки, свойственныя породѣ, законы его движеній и мускуловъ. Монтесъ—разсказывалъ мнѣ здѣсь одинъ его близкій пріятель — смолоду долго посѣщалъ бойни быковъ, для изученія анатоміи этого животнаго, и безпрестанно водился съ горными пастухами для узнанія его характера. При знаніи движеній быка—говоритъ Монтесъ—опасность дѣлается ничтожною; правда, что на правильности движеній быка разсчитано и все искусство torero, но иногда случаются быки, которые не подходятъ подъ эти общія правила, и тогда всякое такого рода исключеніе есть почти всегда—смерть человѣка. Недаромъ Монтесъ требуетъ отъ torero хладнокровія. Находчивость и хладнокровіе этихъ людей въ самыхъ крайнихъ опасностяхъ — поразительны. Монтесу случалось имѣть дѣло съ быками, которые вмѣсто *мулеты* бросались прямо на него, но никогда это не было для него неожиданнымъ, потому что всѣ движенія, которыя намѣревается дѣлать животное, можно видѣть въ глазахъ его, но иногда эти движенія были исполнены съ такою быстротою, что Монтесъ едва успѣвалъ поставить ногу между наклоненными рогами быка и перепрыгнуть ему черезъ голову, въ то самое мгновеніе, какъ быкъ хотѣлъ вскинуть его на рога. Часто думали зрители, что

онъ дѣлаетъ это съ намѣреніемъ показать свою ловкость, но въ дѣйствительности это было единственное средство для спасенія своей жизни.

Немногіе изъ toreros доживаютъ до старости; если они не умираютъ въ циркѣ, на рогахъ у быка, то по причинѣ ранъ и сильныхъ ушибовъ принуждены рано отказываться отъ своего ремесла. Знаменитый въ свое время матадоръ Пепе Ильо получилъ въ жизнь свою 25 ударовъ роговъ, 26-й покончилъ его. При такой опасности плата матадору и его кадрили *) за бѣгъ, т. е. за бой съ шестью или семью быками, ничтожна: матадоръ получаетъ 1,000 реаловъ (250 р. асс.), пикадоръ 80 руб. асс., каждый бандерильеро по 50 руб. асс. Но въ томъ-то и дѣло, что деньги всего меньше входятъ въ разсчетъ этихъ людей. Матадоръ есть всегда матадоръ по страсти; Монтесъ, напримѣръ, не можетъ присутствовать при боѣ съ быками безъ того, чтобъ не принять въ немъ участія; а потомъ—энтузіазмъ тысячъ, рукоплесканія, слава,— вотъ что заставляетъ ихъ безпрестанно рисковать своею жизнію. Но въ то же время циркъ не прощаетъ ничего ради этой славы. онъ бываетъ и мстителенъ, неумолимъ къ своимъ героямъ. Малѣйшій признакъ робости возбуждаетъ свистъ, насмѣшки; самыя грубыя остроты сыплются со всѣхъ сторонъ на матадора; говорятъ даже, что если робкая медленность матадора возбуждаетъ сильное негодованіе зрителей, то, по ихъ требованію, алгвазилъ заставляетъ матадóра, подъ опасеніемъ тюремнаго заключенія, тотчасъ же напасть на быка. Самъ Монтесъ, слава и гордость Андалузіи. былъ страшно освистанъ и обруганъ въ Малагѣ, назадъ тому два года, за то, что убилъ быка не по правилу; этотъ быкъ при необыкновенной дикости, легкости и силѣ былъ самымъ темнымъ и коварнымъ. Монтесъ нанесъ ему ударъ въ голову, шпага коснулась мозга, и быкъ упалъ мгновенно,—ударъ, строго запрещенный законами тавромахіи. Зрители знать не хотѣли, что Монтесъ принужденъ былъ къ этому удару самою крайнею необходимостію; нѣтъ! свистъ и ругательство посыпались со всѣхъ сторонъ:—мясникъ, убійца, разбойникъ, каторжникъ, палачъ! самое горячее участіе было къ убитому быку и все презрѣніе къ Монтесу.

*) Каждый матадоръ подбираетъ себѣ своихъ пикадоровъ, бандерильеровъ и chulos; всѣ вмѣстѣ называются они кадрилью матадора. Бои съ быками даются администраціею городскихъ больницъ, но говорятъ, что она отъ этого не въ барышахъ, потому что число больныхъ очень умножается послѣ каждаго боя.

При этихъ страшно потрясающихъ зрѣлищахъ присутствуютъ не одни мужчины, но и женщины, даже дѣти; вѣроятно, вслѣдствіе привычки,—зрѣлище крови, этотъ отвратительный видъ раненыхъ въ животъ лошадей, влачащихъ свои падающія внутренности, наконецъ эта томящая душу опасность матадора, кажется, не производятъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на чувствительность испанокъ. На ихъ прекрасныхъ лицахъ видно одно только страстное вниманіе; мнѣ разсказывали, что когда одинъ французъ при видѣ смертельно раненой лошади не могъ удержать жалобнаго восклицанія,—одна очень хорошенькая женщина, оборотясь, бросила на него презрительный взглядъ, прибавивъ: corazon de manteca (сердце изъ сливочнаго масла)!

Вотъ corso de toros! Простите, если въ описаніи моемъ не найдете ничего новаго, ничего драматическаго: бой съ быками описанъ былъ столько разъ, что всѣ не видавшіе его имѣютъ о немъ уже ясное понятіе. Впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, поразительно, необыкновенно. Вѣрьте, ни одинъ актеръ, никакая драма не могутъ дать и тѣни такого необычайнаго потрясенія, которое здѣсь овладѣваетъ душою и давитъ своею кровавою дѣйствительностію. Я хотѣлъ было закрыть глаза, чтобъ перевести духъ,—невозможно: въ этомъ зрѣлищѣ есть что-то магнетическое, обаятельное, противъ воли приковывающее къ себѣ глаза, и только тутъ можно понять разсказъ блаженнаго Августина о страсти друга его, Алипа, къ цирку римскихъ гладіаторовъ. Алипъ, по совѣтамъ Августина, давно пересталъ посѣщать эти зрѣлища, но разъ товарищи насильно увлекли его. Алипъ не могъ отклониться, но рѣшился присутствовать въ циркѣ съ закрытыми глазами. «О еслибъ «онъ зажалъ себѣ уши!—говоритъ блаж. Августинъ—потому-что «во время одного боя, потрясенный внезапнымъ восклицаніемъ «всего народа, онъ, забывшись, открылъ глаза: въ эту минуту «одинъ изъ гладіаторовъ получалъ смертельную рану. Только что «Алипъ увидалъ текущую кровь, ненасытная жадность крови овла-«дѣла имъ; онъ не въ силахъ былъ уже снова закрыть своихъ глазъ, «устремивъ ихъ въ циркъ, такъ сказать, медленно впивая въ себя, «самъ не замѣчая того, бѣшенство и жестокость, наслаждаясь этими «ужасными играми и опьяняясь этимъ кровавымъ сладостра-«стіемъ.... *)».

Видъ самаго цирка, эти тысячи головъ, волнующихся, какъ

*) Исповѣдь бл. Августина, глава VIII, книга VI.

море, эти страстныя движенія, эти крики, рукоплесканія, свистъ,— все это живо, одушевлено, величаво, напоминаетъ объ играхъ римскаго цирка. Въ самомъ дѣлѣ трудно предположить, чтобы мавры съ своими рыцарственными, утонченными нравами могли завѣщать Испаніи эти дикія игры; скорѣе—это темное преданіе, оставшееся въ Испаніи отъ римскаго цирка. Эта кровавая забава, въ которой человѣкъ играетъ своею жизнію, это равнодушіе толпы къ гладіатору, котораго она за минуту осыпала восторженными рукоплесканіями, этотъ энтузіазмъ толпы къ бѣшеному животному и холодность къ раненому человѣку,—развѣ это не римское, не языческое? А христіанскій священникъ, приходящій съ Дарами присутствовать при этихъ варварскихъ забавахъ, которыя онъ, такъ сказать, освящаетъ своимъ присутствіемъ—не свидѣтельствуетъ ли это, какъ законъ милосердія и любви безсиленъ еще надъ дикими инстинктами этого энергическаго и благороднаго племени, великолѣпнаго и кровожаднаго, изящнаго и еще столь глубоко варварскаго.

III.

Quien no vió a Sevilla,
No vió maravilla.

(Кто не видалъ Севильи, не видалъ чуда).

Андалузская поговорка.

Севилья, іюль.

Я зажился въ Севильѣ; но какъ иначе! Если въ Испаніи сохранился еще городъ, въ которомъ отражается вся прежняя романтическая Испанія съ своей гитарой, дуэньями, низкими балконами и ночными свиданіями у оконъ, то это, конечно, Севилья. Мнѣ бы слѣдовало говорить прежде всего о великомъ Мурильо, который жилъ и умеръ здѣсь, о дивномъ севильскомъ соборѣ, о мавританскомъ дворцѣ, который, не смотря на передѣлку испанскихъ королей, сохраняетъ еще всю свою арабскую физіономію; но настоящая Севилья интересуетъ меня теперь болѣе всей прошлой Испаніи. Я уже говорилъ о Кордовѣ: этотъ городъ до сихъ поръ сохраняетъ весь свой восточный характеръ; въ Севильѣ, напротивъ, испанскій элементъ слился съ мавританскимъ и изъ этого

слiянiя вышло нѣчто необыкновенно привлекательное, оригинальное, поэтическое,—словомъ, вышла Севилья. Но въ то-же время я не знаю, какъ передать вамъ эту особенную прелесть ея: у ней нѣтъ великолѣпнаго мѣстоположенiя, какъ у Неаполя, нѣтъ роскошной итальянской природы. Севилья стоитъ середи широкаго поля, окруженная ветхими мавританскими стѣнами; даже ея Гвадалквивиръ бѣжитъ не черезъ нее, и въ немъ отражаются не «дивныя ножки», продѣтыя въ желѣзныя перила, а грязные дома предмѣстья Трiана, наполненнаго цыганами, да зубчатыя арабскiя башни старинныхъ укрѣпленiй Севильи. Красота ея не отъ природы и не отъ искусства: ея улицы узки и извилисты, дома чужды всякаго архитектурнаго стиля; очарованiе Севильи заключается въ ея жителяхъ, въ обычаяхъ, въ нравахъ.

Дома здѣсь, усѣянные балконами, почти всѣ въ два этажа; двери домовъ желѣзныя, рѣшетчатыя, сквозь нихъ видны мавританскiе внутреннiе дворы (patios) съ ихъ тонкими, грацiозными колоннами, фонтанами и цвѣтами. Эти дворы составляютъ щегольство севильянъ. Дверь нарочно дѣлается большая, чтобъ сквозь рѣшетку ея дворъ весь былъ видѣнъ съ улицы. Его украшаютъ какъ только возможно: тутъ и картины, и фонтаны, и зеркала, и цвѣты, и деревья. Днемъ дверь завѣшивается отъ жару. Здѣсь, какъ извѣстно, спасаются отъ дневного зноя только тѣмъ, что закрываютъ всѣ отверстiя, въ которыя можетъ проникать на дворъ или въ комнаты жгучiй воздухъ, и днемъ здѣсь въ комнатахъ царствуетъ постоянный сумракъ. Если нѣтъ натуральной крыши изъ винограда, то дворъ на день задергивается сверху полотномъ. Днемъ Севилья пуста; окна и балконы закрыты ставнями, будто изъ всѣхъ домовъ хозяева выѣхали. Севилья, словно ночная нервическая красавица, оживляется лишь тогда, какъ становится темно. Занавѣсы дверей тогда отдергиваются, каждый дворъ освѣщенъ лампами, фонтаны блещутъ; ставни балконовъ и оконъ открыты, въ каждомъ окнѣ сверкаетъ нѣсколько паръ темныхъ глазъ. Это пробужденiе Севильи имѣетъ въ себѣ что-то чарующее. Здѣсь экипажи не ѣздятъ, и какъ ѣздить по этимъ улицамъ шириною въ 5 и 6 шаговъ! Кромѣ старинныхъ, уродливыхъ *колесинъ*, стоящихъ за городомъ и нанимаемыхъ только въ окрестности, я не видалъ здѣсь никакихъ экипажей. Эти улицы, пустынныя днемъ, вечеромъ полны толпами гуляющихъ. Tomar fresco, брать прохладу,—можетъ быть вполнѣ понято только въ южной Испанiи, гдѣ дневной вѣтеръ лишь жаромъ пышетъ въ лицо, деревья кор-

чатся отъ палящихъ лучей солнца, отражаемыхъ камнями мосто выхъ, и гдѣ сумрачный день такое рѣдкое счастіе, гдѣ небо неумолимо постоянно въ своей темноголубой яркости, и только одна ночь съ своей сильной росой приноситъ нѣкоторую прохладу. И вся Севилья выходитъ «брать прохладу». Черныя толпы женщинъ словно съ какою-то жадностью высыпаютъ на улицы. Шляпка не проникла еще въ Севилью, разнообразія костюмовъ нѣтъ: черная кружевная мантилья, черное шелковое платье, черные волосы, черные глаза, и на этомъ черномъ фонѣ голыя до плечъ руки, открытая шея и сладострастно-гибкій станъ просвѣчиваютъ сквозь складки мантильи, прозрачными фестонами окружающей тонкую, нѣжную бѣлизну лица или его смуглую, горячую блѣдность. Въ Андалузіи часто встрѣчается у женщинъ особенный цвѣтъ кожи—бронзовый. Эти темныя женщины (morenas) составляютъ здѣсь аристократію красоты; романсы и пѣсни андалузскіе всегда предпочитаютъ морену: и дѣйствительно этотъ африканскій колоритъ, лежащій на нѣжныхъ, изящныхъ чертахъ андалузскаго лица, придаетъ ему какую-то особенную, дикую прелесть. У испанокъ румянца нѣтъ; матовая, прозрачная блѣдность: вотъ обыкновенный цвѣтъ ихъ лица. Но южная испанка (андалузка) есть существо исключительное. Поэтическую особенность ихъ породы уловилъ одинъ Мурильо: въ его картинахъ самыя яркія, тяжелыя для глазъ краски проникнуты воздушностью, и, мнѣ кажется, эту дивную красоту своего колорита взялъ онъ съ женщинъ своего родного города. Эти чудныя головки, которыя, можно сказать, гнутся подъ густою массою своихъ волосъ—самой изящной формы; какъ бѣдна и холодна кажется здѣсь эта условная, античная красота! Невыносимая яркость и блескъ этихъ черныхъ глазъ смягчены обаятельною нѣгою движеній тѣла, дерзость и энергія взгляда—наивностію и безъискусственностію, которыми проникнуто все существо южной испанки. И какая прозрачность въ этихъ тонкихъ и вмѣстѣ твердыхъ чертахъ! Рука самой ослѣпительной формы и маленькая, узкая ножка, обутая въ изящнѣйшій башмачокъ, который едва охватываетъ пальцы. Вся гордость андалузки состоитъ въ ея ногахъ и рукахъ, и потому онѣ носятъ только полуперчатки à jour, чтобъ виднѣе было тонкое изящество ихъ рукъ. Походка ихъ обыкновенно медленна, движенія быстры, живы и вмѣстѣ томны: эти крайности слиты въ севильянкахъ, какъ въ опалѣ цвѣта.

Только смотря на этихъ женщинъ, понимаешь колоритъ Мурильо: въ Россіи, въ Германіи, во Франціи онъ долженъ казаться

изысканнымъ. Если вы сколько-нибудь любите живопись, если какая-нибудь картина хоть разъ въ жизни тронула вашу душу и дала вамъ одну изъ тѣхъ минутъ, которыя остаются навсегда въ памяти и лучше всѣхъ эстетикъ въ мірѣ вдругъ раскрываютъ для васъ значеніе искусства—поѣзжайте въ Севилью, поѣзжайте смотрѣть великаго Мурильо!—Я знаю, какъ скучно читать впечатлѣнія картинъ, которыхъ мы никогда не видали, и, зная эту скуку по опыту, я все-таки не въ силахъ удержаться, чтобъ не сказать вамъ о томъ новомъ, никогда не испытанномъ мною наслажденіи, какое доставилъ мнѣ этотъ геніальный художникъ. Не думайте, что, изучивъ мастеровъ итальянской и фламандской школъ, зная Рафаэля, П. Веронеза и Рубенса, вы уже извѣдали все очарованіе кисти; если вы не знаете Мурильо, если вы не знаете его именно здѣсь, въ Севильѣ, вѣрьте, цѣлый міръ, исполненный невыразимаго очарованія, еще неизвѣстенъ вамъ. Этому человѣку все доступно: и самая глубокая, сокровенная мистика души, и простая, вседневная жизнь, и самая грязная природа: все представляетъ онъ въ поразительной истинѣ и реальности. У Мурильо сила и воздушность колорита, запечатлѣннаго африканскимъ солнцемъ, слиты со всею нѣжностью и деликатностью фламандской школы. Никто въ мірѣ не выражалъ лучше его религіознаго экстаза, мистическаго стремленія души къ божеству. Это единственный религіозный живописецъ, какого только я знаю, но религіозный не въ символическомъ смыслѣ, не въ наивномъ и безхарактерномъ смыслѣ старыхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ, а въ самомъ свѣтломъ, поэтическомъ, въ самомъ страстномъ смыслѣ этого слова.

Настоящая католическая живопись развилась только въ Испаніи. Въ Италіи она всегда была проникнута преданіями античнаго искусства; даже въ мастерахъ, предшествовавшихъ въ Италіи XVI вѣку, христіанство является гораздо болѣе въ формѣ, нежели въ чувствѣ и содержаніи искусства. Въ искусствѣ итальянцевъ идеалы древняго міра такъ перемѣшаны съ идеалами христіанства, что трудно рѣшить, къ какимъ изъ нихъ художники итальянскіе чувствовали больше влеченія. Мнѣ кажется, они преимущественно брали формальную сторону христіанства: его внутренняя, страстная, мистическая сторона осуществилась въ живописи испанской. Я думаю такъ не потому только, что испанскіе художники не писали картинъ миѳологическаго содержанія, но потому, что въ этой школѣ рѣшительно прекращается вліяніе античнаго міра, разливающаго такое равнодушное и величавое спокойствіе въ со-

зданіяхъ итальянскихъ мастеровъ, которыхъ главною цѣлью были прекрасная форма, изящная природа. Въ Испаніи живопись развилась на почвѣ, воздѣланной фанатизмомъ и инквизиціею (которые такъ отразились въ мрачномъ, кровавомъ Риберо), подъ вліяніемъ духовенства самаго невѣжественнаго и варварскаго. Итальянскіе художники, изучая прекрасную форму въ произведеніяхъ древнихъ. нечувствительно приняли въ себя и ихъ пантеистическій духъ. Испанія, издавна враждебная къ римлянамъ и прежде всѣхъ европейскихъ странъ сдѣлавшаяся вполнѣ христіанскою, еще болѣе была отрѣзана отъ античныхъ преданій завоеваніемъ арабовъ. Семивѣковая борьба съ исламизмомъ сохранила испанскому католицизму страстный, восторженный характеръ, знаменовавшій первые вѣка христіанства, между тѣмъ, какъ въ Европѣ онъ давно уже былъ ослабленъ, съ одной стороны, изученіемъ древнихъ и ихъ пантеистическимъ вліяніемъ, съ другой—критическимъ направленіемъ умовъ. Испанія, занятая своею семивѣковою борьбою съ маврами, и послѣ покоренія ихъ,—открытіемъ и завоеваніемъ Америки. осталась чуждою всѣхъ движеній европейской цивилизаціи, постепенно освобождавшейся отъ средневѣковаго варварства. Короли испанскіе въ началѣ XIV вѣка лично предсѣдательствуютъ при казняхъ инвизиціи; въ концѣ XV инквизиторъ Торквемада сжигаетъ ежегодно по двѣ тысячи человѣкъ и, кромѣ того, слишкомъ по 15-ти тысячъ осуждаетъ на разныя муки. Въ продолженіе восемнадцати лѣтъ этотъ человѣкъ губитъ въ Испаніи Богъ знаетъ сколько тысячъ жертвъ, жжетъ всѣ книги, кажущіяся ему еретичными, и наконецъ доходитъ до такого фанатическаго неистовства. что самъ гнусный Александрь Борджіа (папа Александръ VI) смущается отъ его подвиговъ во славу и преуспѣяніе вѣры и хочетъ лишить его сана великаго инквизитора; но между тѣмъ временемъ Торквемада преспокойно умеръ. Доминиканецъ Деса, сдѣланный послѣ его верховнымъ инквизиторомъ, въ восемь лѣтъ своего предсѣдательства «святого Трибунала» осудилъ до 40 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 2,600 были сожжены. Въ то время, какъ Карлъ V наполнялъ Европу своею пустою славою, кардиналъ Хименесъ, намѣстникъ его въ Испаніи и верховный инквизиторъ. осудилъ 52,522 испанца, изъ нихъ 3,564 были сожжены...

Вотъ на какой почвѣ возросла испанская живопись, и понятно, что среди всемогущаго, фанатическаго, варварскаго духовенства, подозрительный глазъ котораго проникалъ всюду, среди общества, одурѣлаго отъ страха и невѣжества, можно ли было художникамъ

лелѣять себя игривыми фантазіями древняго міра, которыя въ Испаніи считались порожденіемъ діавола. Для испанцевъ, какъ для первыхъ христіанъ, миѳическіе идеалы грековъ и римлянъ были образами грѣховными, созданными нечистою силою. Если въ 1782 году инквизиція вмѣнила въ преступленіе графу Олавиде то̀, что онъ велѣлъ нарисовать себя между миѳологическими изображеніями,— что́ же было за полтораста лѣтъ прежде? Живопись испанская, сосредоточенная въ одномъ католицизмѣ, изъ одного его принуждена была черпать свое вдохновеніе, могучій духъ испанцевъ бросился въ него со всею стремительностью своей огненной природы и создалъ свою исключительную, единственную въ Европѣ религіозную школу живописи. Два предмета оставались испанскимъ художникамъ—природа и религія. Никто въ мірѣ не уловилъ природы во всей ея животрепещущей дѣйствительности, какъ Веласкесъ: портреты итальянцевъ и фламандцевъ блѣдны и мертвы передъ его портретами. Въ Мурильо воплотилась страстная, любящая, поэтическая сторона католицизма. Ни одинъ художникъ не представляетъ такого глубочайшаго слiянія самой живой реальности, съ самымъ мистическимъ идеализмомъ. Всѣ сокровенныя ощущенія религіозной души Мурильо осуществилъ въ своихъ картинахъ. Никогда поэзія болѣе мистическая, восторженная, идеальная не являлась на полотнѣ въ такой яркой дѣйствительности, облеченная въ такую живую форму, доступную самому простому смыслу. Чтобы чувствовать величіе Мурильо, не нужно быть знатокомъ: этотъ художникъ дастъ откровеніе живописи и такимъ, которые не почувствовали его при Рафаэлѣ и Тиціанѣ. Но и гробовая, мертвящая сторона католицизма нашла себѣ также великаго представителя: это мрачный Сурбаранъ. Онъ писалъ однихъ кающихся монаховъ: что это за зловѣщіе образы! Какой адъ невыразимыхъ мукъ носятъ они въ душѣ! Съ какимъ убійственнымъ, тяжкимъ раскаяніемъ рвутся они къ небу! Что за свирѣпый, кровожадный фанатизмъ дышетъ въ этотъ раскаяніи!

Мурильо родился въ Севильѣ въ началѣ 1618 года; родители его были бѣдны и не дали ему никакого воспитанія; неизвѣстно, какъ провелъ онъ свои молодые годы. Страсть къ живописи обнаружилась въ немъ съ самой ранней юности. Нѣкто Хуанъ дель Кастильо, артистъ вовсе неизвѣстный, изъ сострадавія давалъ ему кой-какіе совѣты. Безъ дѣльнаго руководителя, безъ всякаго серьезнаго изученія, принужденный кистью добывать себѣ пропитаніе, бѣдный Мурильо лишенъ былъ всякой возможности усовершенство-

ваться. Онъ писалъ на маленькихъ дощечкахъ образа Божіей Матери и дюжинами продавалъ ихъ корабельщикамъ, отправлявшимся въ Америку, которые сбывали ихъ новообращеннымъ мексиканцамъ. Мурильо было 24 года, когда привелось ему увидѣть въ первый разъ портретъ, писанный Веласкесомъ; этотъ портретъ рѣшилъ судьбу его. Съ небывалымъ рвеніемъ принялся онъ за свои образа, наготовилъ ихъ нѣсколько дюжинъ, собралъ себѣ денегъ на дорогу и пѣшкомъ отправился въ Мадритъ—учиться у Веласкеса. Веласкесъ принялъ его ласково, доставилъ ему входъ въ королевскую галлерею; три года работалъ Мурильо подъ его руководствомъ. Но картины, написанныя имъ въ Мадритѣ, не имѣютъ еще той высокой оригинальности, какою отличаются его позднѣйшія произведенія: лишь по возвращеніи своемъ въ Севилью, послѣ 1646 года, Мурильо является во всей своей силѣ, и всѣ его лучшія картины принадлежатъ къ этому времени. У Мурильо было три манеры: испанцы называютъ ихъ холодною, горячею и воздушною (frio, càlido, vaporoso); замѣчательно, что всѣ его мальчики и нищіе—въ манерѣ холодной, экстазы и видѣнія святыхъ—въ горячей, а всѣ мадонны и особенно вознесенія—въ воздушной. Иногда, впрочемъ, соединялъ онъ вмѣстѣ горячую и воздушную. Но вообще колоритъ каждой картины у него соотвѣтствуетъ содержанію ея.

До 1837 года въ 68 монастыряхъ Севильи разсѣяны были картины Мурильо; послѣ уничтоженія монастырей городовое правленіе обратило одинъ изъ нихъ въ музеумъ, передѣлало кельи въ залы, и теперь въ одной изъ нихъ находится 16 большихъ картинъ Мурильо, самой лучшей манеры. Невозможно представить себѣ бо̀льшей красоты въ выборѣ красокъ: ни одинъ колористъ въ мірѣ не былъ столь яркимъ, пламеннымъ и вмѣстѣ столь воздушнымъ; это природа со всею своею плотію и кровью, и вмѣстѣ провѣянная какою-то невыразимою идеальностію. Въ природѣ тѣни прозрачны, и именно своими тѣнями, проникнутыми свѣтомъ, Мурильо превосходитъ всѣхъ колористовъ; въ его кисти сосредоточилось все, что̀ только итальянцы и фламандцы имѣли высокаго и мастерского. Объ очарованіи, какое производитъ онъ особеннымъ, одному ему свойственнымъ расположеніемъ свѣта и тѣни, невозможно дать даже приблизительнаго понятія. Мистическій сумракъ облекаетъ всегда картины его, но глаза свободно уходятъ въ самыя темныя части ихъ; свѣтъ падаетъ у него только на главныя фигуры, такъ что тотчасъ чувствуешь мысль картины. Въ этой кроткой, возду-

шной яркости свѣта, въ этомъ прозрачномъ мракѣ тѣней дышетъ какая-то преображенная поэтическая жизнь. Прибавьте къ этому особенную, принадлежащую одному Мурильо неопредѣленность контуровъ, сливающихся съ воздухомъ, и нѣжащую глаза гармонію красокъ: это истинно очарованіе!

Я знаю, что есть эстетики и критики, которые упрекаютъ Мурильо въ невѣрности рисунка, въ излишней натуральности, наконецъ въ недостаткѣ высокаго классическаго стиля. Я не знатокъ въ живописи, и потому не знаю, до какой степени первый упрекъ справедливъ. Упрекъ въ излишней натуральности—смѣшонъ; что же касается до недостатка классическаго стиля, то именно въ этомъ-то недостаткѣ, по моему мнѣнію, и является геніальность Мурильо. Вліяніе древняго міра было благотворнымъ противодѣйствіемъ средневѣковому воззрѣнію, запутавшемуся въ своихъ фантасмагоріяхъ, оно было необходимо, чтобъ снова навести человѣка на прекрасную форму и матерію, попранныя имъ во имя такъназываемаго духа. Но эта античная форма, которая дала итальянскимъ художникамъ ихъ классическій стиль, съ одной стороны, заслонила собой отъ нихъ ихъ современность и исторію, а съ другой, придала ихъ христіанскимъ представленіямъ несвойственный имъ характеръ.... Мурильо не былъ знакомъ съ древними, никогда не видалъ созданій античнаго искусства, въ которыхъ, по моему мнѣнію, есть всегда нѣчто условное, типическое. Образцомъ и идеаломъ Мурильо были природа и его собственное чувство. Фантазія его никогда не производила ничего болѣзненнаго, нравственно-страдальческаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда чувственности и того пантеистически-равнодушнаго элемента, который непремѣнно болѣе или менѣе входилъ въ созданія итальянскихъ мастеровъ. Въ этомъ отношеніи это единственный религіозный живописецъ, какого только я знаю. Замѣчательно, что въ Испаніи, гдѣ нравы были всегда такъ свободны, живопись отличается величайшимъ цѣломудріемъ. Въ образахъ Мурильо нѣтъ ничего сверхчеловѣческаго: это не обожественные, а въ высшей степени облагороженные люди. Въ его мадоннахъ нѣтъ той неземной, холодной святости, того неопредѣленно-изящнаго выраженія, какими отличаются мадонны итальянскихъ мастеровъ: мадонны Мурильо— увлекательно-прелестныя севильянки, со всею живостію и выразительностію своихъ физіономій; въ нихъ нѣтъ рафаэлевской серьезной и неестественной наивности и того китаизма, какимъ отличаются мадонны его первой манеры. Мадонны Мурильо или

прекрасныя андалузки, во всей своей яркой, характеристической индивидуальности, или воздушны, въ родѣ фантастическаго видѣнія. Но геніальность Мурильо особенно обнаруживается въ искренности выраженія, какой исполнены лица его святыхъ; въ изображеніи религіознаго экстаза: здѣсь онъ не имѣетъ себѣ соперника. Религіозность Мурильо страстная, пламенная, замирающая въ восторгѣ мистическихъ видѣній, и въ то-же время не чуждая, не враждебная міру, нѣжная и любящая. Въ лицахъ его нѣтъ зловѣщей блѣдности монаховъ Сурбарана: это все свѣжіе, бодрые, далеко не старые люди. Любимые предметы его—религіозный экстазъ, благодатныя видѣнія, сила и чудо молитвы.

Но Мурильо равно великъ и въ своихъ картинахъ милосердія. Между прочими, въ музеѣ особенно поразила меня въ этомъ родѣ одна: св. Ѳома, раздающій милостыню нищимъ, покрытымъ самыми ужасными рубищами. На переднемъ планѣ дряхлая старушка съ мальчикомъ съ торопливою радостію разсматриваютъ монету, только что полученную ими отъ святого; около нихъ больной мальчикъ тревожно дожидается своей очереди подойти къ нему. Св. Ѳома стоитъ на небольшомъ возвышеніи у стола; полунагой нищій, съ изнуреннымъ, но прекраснымъ лицомъ, принимая милостыню, сталъ на колѣни; святой слегка наклонился къ нему, отъ этого глазъ его не видать: но чувствуешь его взглядъ, исполненный кротости и состраданія; на губахъ его мелькаетъ грустная улыбка; въ лицѣ святого нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ изнуренности или старости. но это благородное лицо дышетъ невыразимою кротостію и самымъ искреннимъ участіемъ. Подобная же картина Милосердія находится въ мадритскомъ музеумѣ: св. Елисавета, обмывающая головы прокаженнымъ мальчикамъ, покрытымъ гніющими ранами. Мурильо представилъ Елисавету прекрасной женщиной, вовсе не чуждою физическаго отвращенія отъ принятаго на себя подвига, но отвращеніе побѣждается въ ней — это читаешь на лицѣ ея — глубокимъ, искреннимъ желаніемъ помочь бѣднымъ страдальцамъ. Равнодушіе молодыхъ, красивыхъ женщинъ, сопровождающихъ Елисавету, придаетъ особенную силу главной идеѣ картины: между этими прекрасными лицами и выраженіемъ лица Елисаветы—цѣлая бездна: уже одно это даетъ картинѣ характеръ глубокой мистической драмы. На переднемъ планѣ одна старушка смотритъ на святую съ такимъ чувствомъ нищеты, благодарности и безотвѣтной преданности, что нѣтъ возможности равнодушно видѣть это лицо. Въ одномъ домѣ мнѣ удалось здѣсь видѣть кар-

тину Мурильо слѣдующаго содержанія: середи горныхъ дебрей разбойникъ бросается къ ногамъ идущаго монаха съ моленіемъ принять его исповѣдь. Лицо монаха удивленное, кроткое, отражающее ясную, чистую душу; лицо разбойника страшно-энергическое, запечатлѣнное преступленіями и дикою необузданностію страстей; но оно проникнуто такимъ неутолимымъ, сердечнымъ рыданіемъ, такою жаждою спасенія, такимъ энтузіазмомъ раскаянія, что ясное лицо монаха, никогда не возмущаемаго земными страстями, кажется возлѣ него лицомъ ребенка...

Можете представить себѣ, какое наслажденіе испытываешь передъ картиною такого мастера! Въ Мурильо невообразимое отсутствіе всего условнаго, типическаго, рутиннаго, это такая свобода и смѣлость, о которыхъ итальянская школа не имѣла понятія; словомъ, это природа во всей своей индивидуальности, яркой жизни, проникнутая поэзіею сердца, идеальностію, но не условною, не теоретическою или сверхъестественною, а глубоко-человѣческою идеальностію, понятною всякому простому, неопытному глазу, идеальностію восторженнаго чувства, экстаза. Въ церкви городской больницы (de la Caridad), бывшемъ монастырѣ, есть между прочими картинами Мурильо одна колоссальная: Моисей, въ пустынѣ источающій воду изъ скалы, или, какъ здѣсь называютъ ее: el quadro de las aguas. Никогда не видалъ я на полотнѣ такого вдохновеннаго лица, какъ лицо Моисея. Картина состоитъ изъ 28 фигуръ въ натуральную величину и исполнена поразительной истины. Моисей посреди картины, чудо только-что совершилось, вода такъ живо стремится изъ скалы, что хочется прислушаться къ журчанью ея; голова Моисея обращена кверху: руки воздѣты къ небу, лицо горитъ вдохновеніемъ; въ эту минуту изъ черныхъ облаковъ падаетъ необыкновенный свѣтъ, освѣщая собой главную сцену. Ааронъ стоитъ вправо отъ Моисея въ созерцательномъ удивленіи. Эта главная группа окружена людьми и животными, стремящимися утолить жажду: каждая фигура есть отдѣльная картина, исполненная истины, драматизма и высочайшаго мастерства.

Но наконецъ не покажется-ли вамъ мой энтузіазмъ къ Мурильо подозрительнымъ или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ наивнымъ? Да и не пора-ли мнѣ пощадить вашу снисходительность: самъ же я сначала заговорилъ о скукѣ читать описанія картинъ, а теперь разсказываю на нѣсколькихъ страницахъ о Мурильо... Въ оправданіе свое скажу только одно: мнѣ хотѣлось раздѣлить

съ вами мое наслажденіе. Въ этой-же церкви de la Caridad похороненъ донъ Хуанъ-де-Марини, сдѣлавшійся впослѣдствіи въ Европѣ такимъ знаменитымъ, фантастическимъ лицомъ, благодаря поэтамъ. Такова всегда исторія образованія мифическихъ представленій! Этотъ веселый caballero жилъ въ Севильѣ (въ XVI вѣкѣ), былъ большой гуляка, имѣлъ много любовныхъ похожденій, но подъ старость раскаялся въ своихъ грѣхахъ и умеръ самымъ прозаическимъ образомъ въ постели, изъявивъ желаніе быть похороненнымъ въ дверяхъ церкви de la Caridad, чтобъ набожные люди проходили по его могилѣ. А въ уваженіе раскаянія дона Хуана монахи похоронили его внутри церкви. Здѣсь-же видѣлъ я странную картину Хуана Вальдеса: художникъ хотѣлъ, конечно, изобразить переходимость земного величія и представилъ трупы королей и папъ въ полномъ гніеніи, покрытые толстыми бѣлыми червями, которые словно копошатся въ рыхлыхъ тѣлахъ, приподнимая свои красныя головки. Все это написано превосходно, съ такою поразительною натуральностію, что глаза сами собой отворачиваются, и странное впечатлѣніе остается на душѣ передъ этою гадкою, но неизбѣжною перспективой...

Въ Севильѣ въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ нѣсколькихъ отличныхъ картинъ; но самое замѣчательное собраніе принадлежитъ дому Анисето Браво; этотъ страстный диллетантъ купилъ домъ, въ которомъ жилъ и умеръ Мурильо, и собралъ въ немъ превосходную галлерею картинъ исключительно одной севильской школы. Онъ водилъ меня по ней съ самымъ обязательнымъ радушіемъ, наслаждаясь моимъ удивленіемъ. Я видѣлъ тутъ превосходныя картины художниковъ, имена которыхъ совершенно неизвѣстны въ Европѣ. Донъ Анисето самый ревностный испанецъ, и для него весь міръ существуетъ только въ Испаніи. Впрочемъ, всѣ испанцы таковы. Нѣтъ народа, который-бы съ бóльшимъ негодованіемъ бранилъ, всячески порицалъ свою страну, видѣлъ въ ней только одно дурное, и въ то-же время я не знаю народа болѣе гордящагося своею національностію. Особенно иностранцу надобно быть осторожнымъ при этомъ негодованіи испанцевъ, если онъ хочетъ сохранить себѣ радушіе своихъ здѣшнихъ пріятелей: пусть только присоединитъ онъ свой голосъ къ ихъ страстнымъ порицаніямъ, то при всей изящной вѣжливости испанцевъ, онъ тотчасъ-же увидитъ, съ какою враждебностію смотрятъ они на все иностранное, и какъ каждый здѣсь отъ всей души убѣжденъ, что все, что ни пишутъ въ Европѣ объ Испаніи — есть вздоръ и ложь. По ихъ словамъ,

Испанія и богата, и сильна, и промышленна: стоитъ только устроить хорошее правительство, и Испаніи некуда будетъ дѣваться отъ благоденствія. Но при словѣ правительство тотчасъ же начинаются разногласія. «Умѣренные» ненавидятъ правительство прогрессистовъ, прогрессисты правительство умѣренныхъ. Трудно представить, до какой степени сильны здѣсь политическія ненависти: одинъ адвокатъ въ Мадридѣ признавался мнѣ, что теперь въ кофейныхъ нельзя ни о чемъ другомъ говорить, какъ о театрѣ и самыхъ пустыхъ предметахъ; всякій разговоръ, касающійся политики, ведетъ къ ссорамъ и непріятностямъ, и самые искренніе друзья становятся врагами. И къ сожалѣнію, должно сказать, что причина этому не столько убѣжденія, сколько мѣста и жалованья. Здѣсь не только каждое новое министерство, т.-е. каждая торжествующая партія, но просто каждый новый министръ непремѣнно отставляетъ чиновниковъ своего предшественника и помѣщаетъ на ихъ мѣсто своихъ. Замѣчательно, что испанскій министръ не опредѣляетъ отъ своего имени ни одного даже самаго мелкаго чиновника, а все это дѣлается по прежнему, отъ имени королевской власти. Казалось бы, что утвержденіе королевы должно упрочивать чиновниковъ на занимаемыхъ ими мѣстахъ? Нисколько; первый новый министръ однимъ почеркомъ пера перемѣняетъ весь свой департаментъ; но такъ какъ, по испанскимъ привычкамъ, все, что дѣлается отъ имени королевы, должно оставаться непремѣннымъ, то выключенные чиновники (здѣсь, разумѣется, чиновъ нѣтъ, я употребляю это названіе для ясности здѣсь чиновникъ есть empleado, т.-е. имѣющій должность, мѣсто), все-таки сохраняютъ свое званіе чиновниковъ, empleados, съ правомъ на половинное жалованье, между тѣмъ какъ мѣста ихъ заняты другими чиновниками, получающими жалованье. Вслѣдствіе этого здѣсь два класса чиновниковъ: cessantes, отставные, и jubilados, находящіеся въ дѣйствительной службѣ съ жалованьемъ, изъ котораго, сказать мимоходомъ, въ иной годъ они получаютъ половину, а въ иной треть. Можете представить, какую огромную массу составляетъ здѣсь классъ чиновничій! Иной былъ въ должности мѣсяца два, три, и остается на всю жизнь чиновникомъ, empleado, съ правомъ на половинное жалованье. Конечно оно, при ужасномъ разстройствѣ финансовъ, никогда имъ не выдается, и право это въ сущности ничего не значитъ, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ по закону. При наслѣдованномъ испанцами отъ ихъ среднихъ вѣковъ пренебреженіи къ торговлѣ и промышленно-

честву къ безусловной независимости, долженъ былъ надолго сохранить къ ней охоту. Трудно было сдержать въ опредѣленныхъ границахъ это вторженіе грубыхъ и вооруженныхъ пролетаріевъ, а тогдашнее правительство, вмѣсто того, чтобъ употребить въ пользу эти руки, усталыя отъ битвы, принялось гнать воскресавшій общественный духъ и патріотизмъ, предводившій этими руками, а усмиреніе простого народа взяли на себя монастыри.

Отсюда ведутъ свое начало нынѣшнія смуты Испаніи, здѣсь источникъ ея междоусобной войны. Защищая престолъ своего плѣннаго короля, простой народъ, не видя передъ собой никакой отрадной будущности, осужденный на безвыходную нищету, привыкъ насильственно добывать себѣ значеніе и пропитаніе. Имена начальниковъ guerillas, достигшихъ высшихъ военныхъ чиновъ, остались въ памяти народа живыми трофеями; что̀ же касается до средства пріобрѣтать деньги, то, во-первыхъ, на свое правительство испанцы съ давнихъ поръ смотрѣли какъ на общественнаго врага, котораго грабить вовсе не предосудительно: а во-вторыхъ, во времена, когда общество лишено всякаго разумнаго направленія, не очень бываютъ разборчивы на средства добывать деньги: всякій тогда бьется за свой собственный счетъ, всякій предлогъ хорошъ, насиліе замѣняетъ право. Когда негдѣ искать покровительства, всякій покровительствуетъ самъ себя,—словомъ, это то состояніе, которое обыкновенно называютъ анархіей. Таково положеніе Испаніи. Оно идетъ издалека, но правленіе Фердинанда VII еще болѣе разбередило раны ея: съ тѣхъ поръ Испанія осуждена была на долгія смуты. Сѣмя своеволія было брошено въ народъ, и всякое важное событіе долженствовало вызывать это своеволіе на свѣтъ: нуженъ былъ только какой нибудь предлогъ. Отрѣшеніе дона Карлоса отъ престола представило его. Шайки Кабреры были сборищемъ всего того, что жило прежде по большимъ дорогамъ: мало было имъ нужды до торжества претендента и духовенства. Если онѣ приняли ихъ сторону, то только изъ того, чтобы безнаказанно бить и грабить. Еслибъ начальникамъ ихъ вздумалось ввести между ними дисциплину или принудить ихъ къ регулярной войнѣ, эти шайки тотчасъ бы разбѣжались. Нѣкогда была въ Испаніи шайка разбойниковъ, извѣстная подъ именемъ siete uinos de Esija (семь ребятъ изъ Эсиха), въ недавнее время знаменитый Хозе Марія,—потомъ смѣнили ихъ Кабрера, Палильосъ, а теперь бродячія по Каталоніи шайки карлистовъ....

Главное несчастіе Испаніи въ томъ, что она отстранена была

отъ того движенія, которое составляетъ почву новой исторіи Европы, и не только это движеніе здѣсь нисколько не проникло въ народъ, даже высшіе классы остались ему чужды. Вотъ существенная причина этой удивительной неопредѣленности всѣхъ политическихъ движеній Испаніи. Она хочетъ и ищетъ формы, не уяснивъ себѣ сначала сущности, не усвоивъ содержанія; а потому, несмотря на всѣ внѣшнія реформы, несмотря на то, что нигдѣ теперь правительство не составляетъ больше законовъ и проектовъ для всякаго рода улучшеній,—несмотря на нескончаемыя рѣчи, которыя говорятся въ палатахъ кортесовъ,—финансы, судопроизводство, администрація остаются въ томъ же видѣ, какъ они были при блаженной памяти испанскихъ короляхъ,—и продажность, подкупъ, взятки властвуютъ по прежнему.

Въ продолженіе послѣднихъ 8 лѣтъ, законы дѣлались, передѣлывались и уничтожались съ такою быстротою, что испанцы потеряли всякое уваженіе къ нимъ и всякое понятіе о законности; усталые отъ этихъ безпрестанно мѣняющихся маленькихъ деспотовъ, которые думаютъ только о своихъ карманахъ, испанцы начинаютъ теперь мечтать о твердой энергической власти, которая внесла бы порядокъ въ этотъ общественный хаосъ. Эспартеро пользовался сначала большимъ народнымъ довѣріемъ, но къ несчастію, это былъ человѣкъ ограниченный, и для Испаніи не сдѣлалъ онъ ничего. Это былъ только храбрый и честный генералъ,— и нисколько государственный человѣкъ; у него не было никакой опредѣленной цѣли,—ни на что не умѣлъ онъ откровенно рѣшиться, запутался въ дипломатическихъ тенетахъ, подставленныхъ ему Людовикомъ Филиппомъ, и опротивѣлъ всѣмъ, и друзьямъ и врагамъ. Испанцы, которые отличаются такою мѣткостью въ даваемыхъ ими прозвищахъ, въ послѣднее время его регентства, прозвали его—Duque de nada (герцогъ Ничего). Если его имя упоминается въ народныхъ смутахъ, особенно въ Мадритѣ, то это потому только, что онъ устроилъ и вооружилъ гражданскую гвардію. Она совершенно уничтожала вліяніе арміи и правительства, дѣлая каждую провинцію небольшою самостоятельною республикой. Это положеніе дѣлъ было отрадою для индивидуальной гордости испанцевъ, для ихъ чувства провинціальной независимости. Состояніе постояннаго волненія было для нихъ то-же, что для рыбы вода. Народу, привыкшему ко всякаго рода лишеніямъ, безъ промышленности, безъ торговли, нечего было терять въ этихъ волненіяхъ. Армія трепетала народной милиціи, при ней никакое прав-

ленiе не можетъ быть прочнымъ. Наконецъ, полтора года тому, министерство Нарваэса отобрало оружiе у гражданской гвардiи и распустило ее. Вся сила прогрессистовъ была уничтожена этою мѣрою. Но есть провинцiя въ Испанiи, которой народъ, несмотря на уничтоженную милицiю, сохраняетъ по прежнему свою гордую самостоятельность: это Каталонiя, и преимущественно Барселона. Въ послѣднихъ волненiяхъ Барселоны, по случаю введенiя конскрипцiи, назадъ тому 4 мѣсяца, батальонъ солдатъ вышелъ разгонять толпы народа. Онѣ оробѣли передъ ружьями. «Вѣдь мы можемъ умереть только одинъ разъ!» закричалъ одинъ работникъ.— «Обезоружимъ солдатъ»!—Все это произошло съ такою быстротою что передніе ряды едва успѣли выстрѣлить, какъ батальонъ былъ обезоруженъ,—можетъ быть, и солдаты не дѣлали большого со противленiя. Слѣдствiемъ этого было то, что начальство вывело весь гарнизонъ изъ Барселоны. Нарваэсъ знаетъ энергическую самостоятельность каталонцевъ и старается избѣгать съ ними столкновенiй и для «модерадосовъ» (умѣренныхъ - партiя, въ рукахъ которой настоящее правительство Испанiи)—спокойствiе Каталонiи значительнѣе расположенiя всѣхъ остальныхъ провинцiй, именно потому, что каталонцы каждое свое pronunciamiento поддерживали съ непоколебимою энергiею. Отъ этого вся Испанiя смотритъ на Каталонiю съ почтенiемъ, и въ смутное время глаза всѣхъ провинцiй устремлены на нее. Всякое движенiе, въ которомъ Каталонiя не приметъ участiя, не можетъ имѣть успѣха. Во время послѣднихъ безпокойствъ въ Мадритѣ, по случаю увеличенiя налоговъ, прогрессисты ждали какъ манны извѣстiй изъ Каталонiи, думая, что новая система налоговъ приведется въ исполненiе въ Барселонѣ вмѣстѣ съ Мадритомъ. Но «умѣренные» поступили умнѣе, нежели какъ надѣялись прогрессисты: они слишкомъ хорошо знаютъ Каталонiю, и до сихъ поръ еще новые налоги не введены въ Барселонѣ. Съ другой стороны, «умѣренные» начали съ того, что хотятъ сначала прiобрѣсти къ себѣ расположенiе фабрикантовъ и рабочаго класса; для этого они приняли самыя строгiя мѣры противъ контрабанды, обѣщали самый запретительный тарифъ, и фабричная Барселона теперь совершенно покойна.

Безъ всякаго сомнѣнiя, въ испанскомъ народѣ столько же нравственныхъ силъ, какъ и въ любомъ европейскомъ,—можетъ быть даже болѣе;—и всѣ данныя, чтобъ стать на ряду съ первыми европейскими народами: но для достиженiя этого нужны не слова, не возгласы, не убаюкиванiе себя прежнею славою, а работа въ

потѣ лица, народное воспитаніе, промышленность, трудолюбіе. Въ исторіи нѣтъ волшебныхъ жезловъ, которые въ одну минуту даютъ государству и славу и богатство, исторія не знаетъ внезапныхъ откровеній, которыя вдругъ дѣлаютъ народы и богатыми и сильными,—и здѣсь кстати напомнить слова Гизо, сказанныя имъ, впрочемъ, лѣтъ 20 назадъ: Les empires n'ont point de jours ni d'années critiques, leur fortune ne dépend pas de l'influence des corps célestes; ils n'ont d'autre génie et ne connaissent d'autre destin que la bonne ou la mauvaise administration». (Государства не знаютъ ни дней, ни годовъ критическихъ: ихъ благоденствіе не зависитъ отъ вліянія небесныхъ тѣлъ; для нихъ нѣтъ иного генія, они не знаютъ иной судьбы, кромѣ хорошей или дурной администраціи).

Но пора намъ воротиться къ нашей Севильѣ: второе чудо ея послѣ великаго Мурильо—соборъ. Въ концѣ XVI вѣка соборный, причтъ вздумалъ на мѣстѣ арабской мечети, обращенной въ церковь, построить новый храмъ, но такой, подобнаго какому не было бы въ цѣломъ мірѣ. Неизвѣстно, кто былъ его архитекторомъ, но замѣчательно то, что на постройку его почтенный причетъ отдалъ всѣ свои доходы, оставя себѣ одно только необходимое, и черезъ 90 лѣтъ міръ имѣлъ зданіе, по огромности своей уступившее впослѣдствіи одному только храму св. Петра въ Римѣ. Каковы же были доходы севильскаго соборнаго причта! Внутренность храма состоитъ изъ пяти сводовъ самаго чистаго готическаго стиля, раздѣленныхъ колоннами; средній сводъ высоты неимовѣрной: внутренность готическихъ храмовъ Германіи, Франціи, Англіи, даже самого миланскаго собора, бѣдна передъ этою страшною громадою; колонны, толщиною съ башни, кажутся тонкими и легкими въ неимовѣрной высотѣ этихъ сводовъ; 80 огромныхъ расписанныхъ оконъ освѣщаютъ храмъ; боковыя трубы органа походятъ на трубы пароходовъ; но подъ сводами храма звуки этихъ по истинѣ іерихонскихъ трубъ разносятся мелодически. Вокругъ идутъ придѣлы, каждый въ обыкновенную церковь, но колоссальность зданія такова, что ихъ не замѣчаешь. Главный алтарь (retablo) посреди церкви и съ трехъ сторонъ, во всю страшную вышину, покрытъ рѣзьбою изъ дерева въ самомъ фантастическомъ готическомъ вкусѣ; это безчисленныя башни, ниши, статуи, вѣтви. самой тщательной работы. Позади алтаря похоронено было прежде тѣло Христофора Колумба; памятника нѣтъ: только на мѣдной doскѣ, покрывающей могилу, вырѣзаны слова:

A Castilla y à Leon
Mundo nuevo diô Colon.
(Кастильѣ и Леону новый міръ далъ Колумбъ).

Впослѣдствіи тѣло Колумба перевезено было въ соборъ Гаванны.

Художественное богатство собора поразительно, тѣмъ болѣе, что, кромѣ Мурильо (здѣсь, между прочимъ, его св. Антоній,—созданіе удивительное), имена Сурбарана, Кампана, Моралеса, Вальдеса, Эрреры, Кано вовсе неизвѣстны намъ,—а между тѣмъ все это художники первоклассные, исполненные той энергической, смѣлой жизни, о которой не знала итальянская школа. Картины ихъ наполняютъ придѣлы, залы, галлереи,—не знаешь, куда смотрѣть: я цѣлую недѣлю ходилъ въ соборъ и каждый день выходилъ оттуда съ новымъ изумленіемъ: столько разсыпано тутъ искусствъ, великолѣпія, изящества, разсыпано съ тою величавою, небрежною роскошью, о которой можетъ дать понятіе одна Испанія. Описывать севильскій соборъ нѣтъ возможности; для этого надо было бы написать цѣлую книгу. Въ придѣлахъ его соединены всѣ стили: и строгій готическій, и «возрожденія», и особенный испанскій, называемый здѣсь platеresco, отличающійся самою безумною расточительностію украшеній; тутъ есть и рококо,—каждый вѣкъ строилъ свой придѣлъ и свой retablo, и при всемъ томъ, соборъ еще не вполнѣ отдѣланъ. Эти храмы среднихъ вѣковъ строились какими-то титанами: въ наше время подобныя зданія невѣроятны, безразсудны, невозможны... Но въ противоположность всѣмъ готическимъ церквамъ въ Европѣ, наружность собора очень проста: безъ великолѣпныхъ порталей, безъ кружевныхъ башенъ; колокольнею ему служитъ бывшій арабскій минаретъ, построенный въ X вѣкѣ арабскимъ архитекторомъ аль-Геборъ, будто бы изобрѣтателемъ алгебры. Въ XVI вѣкѣ архитекторъ Эскоріала, Эррера, поднялъ ее на нѣсколько этажей; теперь это самая оригинальная, изящная колокольня въ мірѣ.

Я нарочно три воскресенья провелъ въ соборѣ, чтобы посмотрѣть на испанскую набожность; и всѣ три воскресенья число присутствовавшихъ при обѣдняхъ едва превышало пятьдесятъ человѣкъ, да и то бо̀льшею частію были старухи и старики; огромный храмъ былъ совершенно пустъ Вотъ вамъ эта нѣкогда знаменитая религіозность испанская, вошедшая въ пословицу. Европа все считала испанцевъ самымъ католическимъ народомъ въ мірѣ; какъ вдругъ однимъ утромъ читаетъ въ своихъ газетахъ, что испанцы жгутъ монастыри и рѣжутъ монаховъ. Но испанцы не

ограничились уничтоженіемъ монаховъ, они сдѣлались равнодушными и къ религіи: ихъ храмы теперь пусты; въ Кордовѣ мнѣ попался на улицѣ пожилой священникъ, бѣдно одѣтый: онъ просилъ у меня милостыни, говоря жалобнымъ голосомъ: «soy padre, soy padre (я священникъ)». И священники въ Испаніи утратили свое прежнее вліяніе на народъ, по крайней мѣрѣ, на городскихъ жителей. Но, къ сожалѣнію, свои прежнія фанатическія вѣрованія народъ здѣсь не замѣнилъ еще никакими другими высшими вѣрованіями: религіозность въ народѣ остается какъ привычка, но какъ привычка вялая, лѣнивая, скучная. Слово «религія» потеряло совершенно въ Испаніи свое серьезное значеніе: о ней никто не говоритъ, никто не заботится, никто не думаетъ. А святая инквизиція, кажется, съ должнымъ усердіемъ подвизалась на укрѣпленіе вѣры, жгла и мучила людей, чуть-чуть подозрѣваемыхъ въ вольнодумствѣ, жгла всѣ книги, какія только казались ей еретичными,—словомъ, бывшій секретарь инквизиціоннаго трибунала и авторъ исторіи инквизиціи въ Испаніи, Льоранте, говоритъ, что инквизиція, считая изгнаніе евреевъ и мавровъ, уменьшила народонаселеніе Испаніи до десяти милліоновъ человѣкъ [1]). Рвеніе, конечно, похвальное, но къ чему послужило оно, когда черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ уничтоженія ея (инквизиція была уничтожена первыми конституціонными кортесами въ 1812 г.), народъ жегъ монастыри, рѣзалъ монаховъ, забылъ свои церкви и забылъ свою прежнюю религіозность? Можно утвердительно сказать, что испанцы «объевропеившіеся», пренебрегаютъ ею, а народъ просто не думаетъ о ней. Напоминать же о ней ему теперь некому: о чудесахъ, послѣ уничтоженія монастырей, слухи замолкли; монахи по деревнямъ не ходятъ; а такъ какъ въ деревняхъ церкви рѣдки, потому что монастыри были повсюду, то съ уничтоженіемъ ихъ и деревни остались безъ духовныхъ пастырей. Инквизиція запрещала народу ду-

[1]) Интересно одно обстоятельство относительно изгнанія евреевъ: они вздумали откупиться отъ него деньгами и предлагали Фердинанду (въ концѣ XV вѣка) значительную сумму. Фердинандъ расположенъ былъ принять ее, какъ въ одинъ день является къ нему верховный инквизиторъ Торквемада во всемъ облаченіи, съ распятіемъ въ рукѣ: «Государь, Іуда первый продалъ своего учителя за тридцать сребренниковъ; ваше величество думаетъ продать его за тридцать тысячъ кусковъ серебра,—возьмите же ихъ и спѣшите продать его!» Евреи были изгнаны.

мать и разсуждать о религіи, и народъ теперь нисколько не думаетъ и не разсуждаетъ о ней: успѣхъ полный, цѣль достигнута...

Мнѣ случалось говорить съ видѣвшими Испанію до 1830 года: они говорятъ, что тогдашняя и теперешняя Испанія не имѣютъ между собой ни малѣйшаго сходства. Въ пятнадцать лѣтъ — не осталось даже слѣда того общества. Тогда какъ народы Европы стремились отбросить отъ себя невѣжественное наслѣдіе своихъ предковъ, полные надежды возрожденія и обновленія, одна Испанія упорно продолжала жить однѣми идеями, полученными ею отъ своихъ отцовъ, набожно собирала пыль съ своихъ средневѣковыхъ созданій и недвижно сидѣла на своихъ развалинахъ, не зная, что у сосѣдей ея окончательно стирали съ земли всѣ старые памятники. «Но трудно — говорилъ одинъ путешественникъ, видѣвшій Испанію въ 1831 г. (за полтора года до смерти Фердинанда VII)— трудно было предвидѣть, чтобъ все пошло такъ быстро, что мщеніе будетъ такъ неумолимо, разрушеніе такъ ужасно, превращеніе такъ внезапно. Я видѣлъ всю страну во власти монаховъ, народъ на колѣняхъ передъ своими священниками, видѣлъ средніе вѣка во всемъ цвѣтѣ въ націи XIX вѣка; можно-ли было думать, чтобъ это важное, серьезное общество было маскарадомъ, исторической шуткой! Кто-бы могъ увѣрить меня тогда, что эти видимые властители государства, это всемогущее духовенство были не болѣе, какъ призраки, которыхъ разсѣять достаточно одного дуновенія? Кто могъ подумать, что даже свидѣтельства вѣры народа были пустымъ обманомъ, его молитвы—словами, лишенными смысла? Я смотрѣлъ на эту страну, какъ на послѣднее убѣжище католицизма, тогда какъ въ сущности это была страна призраковъ, рутины и лжи!..»

Здѣсь уцѣлѣлъ Алькасаръ, дворецъ арабскихъ владѣтелей Севильи: снаружи высокая стѣна съ узкими воротами, внутри изящныя, фантастически-легкія залы. Нельзя себѣ представить, до какой легкости арабы преобразовывали камень: въ ихъ постройкахъ онъ теряетъ всю свою массивную плотность. Это кружевная ткань, самая тонкая филигранная работа. Основной характеръ мавританской не религіозной архитектуры есть изобиліе, расточительность мелкихъ украшеній, или, точнѣе, вся эта архитектура ихъ есть одно только украшеніе. Правда, что къ ней скоро присматриваешься, но первое впечатлѣніе мило, увлекательно: точно всѣ эти комнаты сдѣланы изъ кисеи. Комнаты обыкновенно выходятъ на внутренніе дворы, съ колоннами, галлереею и фонтаномъ. Въ нѣкоторыхъ

потолки сдѣланы куполами на подобіе сталактитовъ, въ иныхъ дубовые съ рѣзными арабесками и золоченые; безъ всякаго сомнѣнія, рококо обязанъ своимъ изобрѣтеніемъ арабамъ. Надобно замѣтить, что у арабовъ всѣ эти стѣны, выдѣланныя фантастическими узорами, были съ необыкновенною тщательностью расписаны разноцвѣтными красками съ позолотою. Какой-то варваръ губернаторъ севильскій, лѣтъ тридцать назадъ, нашелъ, что дымковый колоритъ, которымъ вѣка покрыли эти украшенія, очень грязенъ, и въ порывѣ своемъ къ опрятности все велѣлъ покрыть бѣлою известью. Недавно правительство рѣшилось возстановить этотъ драгоцѣнный памятникъ арабскаго искусства: комнаты отдѣлываются въ томъ видѣ, какъ онѣ были до чистоплотнаго коменданта, но стоитъ только взглянуть на амбразуры оконъ главной залы, въ которыхъ уцѣлѣли прежнія украшенія, чтобы убѣдиться, какъ это поновленіе мало походитъ на арабское изящество. Къ Алькасару примыкаетъ садъ въ восточномъ вкусѣ съ апельсинами, пальмами и кипарисами; садовникъ, показывая его, говорилъ, что онъ содержится въ томъ видѣ, въ какомъ испанцы взяли его отъ мавровъ.

Въ Андалузіи народная одежда не предоставлена одному только простому народу, какъ въ прочихъ провинціяхъ Испаніи: здѣсь, особенно въ праздники, не только молодые люди средняго сословія, но и гранды Испаніи одѣваются по-андалузски. Въ этомъ отношеніи dia de toros (день быковъ) важный день для сельскихъ щеголей (maios). Въ циркѣ, кромѣ новопріѣзжихъ иностранцевъ, никого не увидишь въ общеевропейскомъ костюмѣ. Но настоящій maio—здѣсь особенный народный типъ. Это удальцы и сорви-головы, охотники до разнаго рода приключеній, волокиты и большею частью контрабандисты: они отлично играютъ на гитарѣ, мастерски танцуютъ, поютъ, дерутся на ножахъ, одѣваются въ бархатъ и атласъ. Эти-то maios даютъ тонъ севильскимъ щеголямъ даже высшаго общества, которые стараются подражать въ модахъ и манерахъ ихъ андалузскому шику. На-дняхъ случилось мнѣ видѣть поединокъ двухъ maios, на ножахъ. Ножъ народное орудіе испанцевъ: онъ очень широкъ и складной; сталь его имѣетъ форму рыбы, вершка четыре длиною; его обыкновенно всякій носитъ въ карманѣ. Имъ не колятъ, а рѣжутъ, и самымъ ловкимъ ударомъ считается разрѣзать животъ до внутренностей. Въ такого рода поединкѣ каждый обертываетъ лѣвую руку плащемъ, а за неимѣніемъ его, курткой, и отражаетъ ею удары противника. Про-

тивники стали шагахъ въ восьми другъ отъ друга, круто нагнувшись впередъ; ножи держали они не за ручку, а за сталь въ ладони: какъ только одинъ бросался, другой уклонялся въ сторону, они быстро кружились; каждый наровилъ нанести ударъ (разрѣзомъ) противнику съ боку; но все дѣло кончилось легкими ранами: ихъ розняли.

Надобно видѣть по воскресеньямъ alameda christiana (садъ за городомъ, на берегу Гвадалквивира), чтобы повѣрить, до какой степени здѣсь щегольство въ нравахъ народа. Я не говорю уже о maios, но платье иного работника стоитъ дороже платья любого щеголя Парижа или Лондона. И какая изящная свобода въ ихъ движеніяхъ, какъ они великолѣпны! Трудно повѣрить, чтобы этотъ народъ съ трудомъ добывалъ себѣ пропитаніе. Обыкновенный андалузскій костюмъ стоитъ не менѣе 300 руб. асс., и Богъ знаетъ, откуда этотъ народъ беретъ деньги на щегольство. Женщины одѣваются далеко не такъ изысканно, какъ мужчины: знатная дама и швея одинаково носятъ черное платье и мантилью, и душистый нардъ также ярко бѣлѣется на черносинихъ волосахъ швеи, какъ и на волосахъ маркизы; разница только въ томъ, что кружевная мантилья иной маркизы стоитъ рублей 700, а мантилья швеи 50. Впрочемъ, Севилья даетъ только тонъ національнымъ модамъ; а всѣ наряды свои севильянки получаютъ изъ Франціи. Испанскія перчатки à jour очень грубы и недостойны покрывать удивительныя ручки андалузокъ, кружевныя мантильи и вѣера получаются изъ Парижа; одни только севильскіе башмаки въ своемъ родѣ художественныя произведенія, и ножки андалузокъ нашли мастеровъ достойныхъ себя.

На театрѣ здѣсь труппа плохая, но зато какъ чудесно танцуютъ на немъ андалузскіе танцы? обаятельные танцы—страсти и раздражающихъ формъ, единственные танцы въ мірѣ, вдохновляющіе обожаніе къ красотѣ человѣческаго тѣла. Пьесы испанскаго происхожденія, какія мнѣ случалось видѣть, отличаются рѣшительною пустотою. Каждый спектакль заключается сайнетомъ (saunete): это рядъ народныхъ сценъ, связанныхъ между собой какимъ-нибудь и большею частью самымъ пустымъ случаемъ. Какъ плохи испанскіе актеры въ большихъ комедіяхъ и драмахъ, такъ они превосходны, увлекательны въ народныхъ сайнетахъ. Принужденные представлять въ этихъ комедіяхъ и драмахъ, почти всегда взятыхъ съ французскаго, положенія, находящіяся внѣ ихъ жизни и образованія,—бѣдные артисты играютъ свои народные сайнеты съ явнымъ

наслажденіемъ. Эти сцены, при ничтожности завязки, исполнены необыкновенной живости и остроумія; въ высшей степени натуральная игра дѣлаетъ ихъ истинно-увлекательными. Сайнетъ, всегда на половину импровизируемый, отчасти походитъ на арлекинады неаполитанскаго San Carlino; но Санъ-Карлино надоѣдаетъ своимъ однообразіемъ. Главный интересъ этихъ милыхъ арлекинадъ прежде составляло свободное остроуміе Пульчинелла; но съ тѣхъ-поръ, какъ цензура и полиція добраго и набожнаго короля обѣихъ Сицилій привязали Пульчинеллу языкъ, арлекинада потеряла весь свой огонь и жизнь. Арлекинада представляетъ народную неаполитанскую жизнь, но съ насмѣшкою надъ ней, сайнетъ ограничивается однимъ вѣрнымъ воспроизведеніемъ испанской народной жизни; арлекинада не выходитъ изъ шутовства, сайнетъ никогда не смѣется надъ національными обычаями: испанцы слишкомъ любятъ свою народность и никогда не позволяютъ представлять ее въ комическомъ видѣ съ какой бы то ни было стороны. Содержаніе сайнетовъ составляютъ вечеринки, ссоры, волокитство, въ которыхъ иногда замѣшанъ англичанинъ, или французъ, или испанскій щеголь на французскій манеръ; они всегда играютъ смѣшную или плачевную роль въ соперничествѣ съ андалузскимъ majo; иногда замѣшиваются сюда провинціальныя соперничества. бой на ножахъ, и все оканчивается народными пѣснями и плясками. Я видѣлъ одинъ сайнетъ, наполненный насмѣшками надъ духовенствомъ, которыя, впрочемъ, нисколько не касались до сущности предмета; но тѣмъ не менѣе мой товарищъ французъ (!) былъ непріятно пораженъ, когда дьячекъ, главное лицо сайнета, началъ на весь театръ пѣть de profundis. Замѣчательно, что въ сайнетахъ супружеская вѣрность всегда остается торжествующею, кромѣ того, сайнетъ всегда горячій защитникъ всего національнаго и врагъ всего чужеземнаго. Къ сожалѣнію, я не привыкъ еще къ севильянскому нарѣчію, и многое характеристическое въ сайнетахъ ускользаетъ отъ меня; въ Севильѣ, да и вообще въ Андалузіи произношеніе горловое, кромѣ того андалузцы въ выговорахъ перемѣшиваютъ s, z и c (послѣднія двѣ буквы, какъ извѣстно, произносятъ кастильцы какъ англійское th); а въ словахъ и причастіяхъ, оканчивающихся согласною буквою, они скрадываютъ ее; отъ этого севильянское нарѣчіе для слуха чрезвычайно мягко.

Гвадалквивиръ течетъ за стѣнами Севильи; по ту сторону его лежитъ предмѣстіе Тріана, въ которомъ живутъ ремесленники. цыганы и всякій сбродъ. Вчера былъ тамъ праздникъ и танцы;

танцовали больше фанданго и качучу: фанданго танцуется всегда въ одну пару, качуча въ двѣ и четыре. Оркестръ состоялъ изъ двухъ гитаръ. Андалузскіе танцы танцуются не ногами, а корпусомъ: что за обаяніе въ этихъ сладострастныхъ перегибахъ стана! Но чтобъ хорошо танцовать ихъ, не довольно имѣть гибкій станъ (его имѣютъ и балетныя танцовщицы): для андалузскихъ танцевъ нужны вдохновеніе, страстное безуміе. Немногія изъ танцовавшихъ давали чувствовать раздражающую, огненную поэзію андалузскаго танца. Да и въ томъ видѣ, какъ танцуетъ ихъ народъ, андалузскіе танцы всего вѣрнѣе можно сравнить съ пантомимнымъ признаніемъ въ любви. Но тутъ были двѣ пары, танцы которыхъ выражали не одно признаніе: то были порывы и замиранія, томная нѣга и все безумство наслажденія. Особенно привела всѣхъ въ восторгъ одна пара majos, танцовавшая ola,—танецъ нижней Андалузіи. Ola собственно называется движеніе волны. Въ этомъ танцѣ не дѣлаютъ ни малѣйшихъ прыжковъ, нога не отдѣляется отъ земли: онъ состоитъ изъ однихъ движеній тѣла выразительныхъ, страстныхъ, порывистыхъ, при которыхъ женскія формы являются въ такой чарующей красотѣ, что я, только смотря на ola, понялъ.... нѣтъ, больше нежели понялъ — обожаніе тѣла. Въ Европѣ этотъ танецъ показался бы ужасно безнравственнымъ: я помню, въ какое изумленіе приведены были даже парижане, когда Лола Монтесъ протанцовала имъ на сценѣ Большой Оперы настоящій андалузскій jaleo. Но всего замѣчательнѣе то, что севильянка, танцовавшая ola, при сладострастныхъ движеніяхъ тѣла сохранила какую-то цѣломудренную грацію: это былъ сладострастный экстазъ, исполненный всей безсознательной дѣвственной стыдливости.

Пѣніе ola (извѣстно, что всѣ испанскіе танцы поются) начинается вздохомъ; гитара брянчитъ тихимъ мольнымъ аккордомъ; гармонія состоитъ только изъ двухъ аккордовъ, попеременно смѣняющихся, сперва тихо и медленно, потомъ все сильнѣе и скорѣе. Куплета черезъ два вышли дѣвушка и молодой человѣкъ въ щегольскомъ костюмѣ majo, стали другъ противъ друга и взмахнули руками: застучали кастаньеты; съ каждымъ куплетомъ фигура танца измѣнялась; постепенно танцующіе, гитаристы, пѣвцы приходили въ одушевленіе: ze punalada (вотъ лихой ударъ ножа) раздавалось въ толпѣ при иномъ ловкомъ, порывистомъ взмахѣ корпуса танцовщицы,—rechiquetita, pero bien dada! (малъ да славно данъ).

Matame Usted la curiana! (бейте мокрицу) *) вскрикивалъ въ одушевленіи гитаристъ, ускоряя темпъ.... Эти долгіе замирающіе вздохи, которыми начинался и оканчивался каждый куплетъ, этотъ задыхающійся отъ страсти танецъ подъ меланхолическую, тоскующую мелодію, при живомъ, стремительномъ темпѣ,—все это вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе, котораго я не умѣю передать... Но для такихъ танцевъ, какъ ola и jaleo, не довольно страсти и гибкаго стана: для нихъ нужно еще умѣнье, и Севилья и Кадиксъ славятся учителями андалузскихъ танцевъ. Народъ же обыкновенно танцуетъ фанданго, болеро и сегидилью. Когда мужчина хочетъ танцовать съ какою-нибудь дѣвушкою, то бросаетъ у ногъ ея свою шляпу; дѣвушка послѣ танца всегда обнимаетъ, а иногда и цѣлуетъ своего кавалера, музыкантовъ и пѣвца. Куплеты сегидильи и фанданго большею частію импровизируются, и если танцовщица очень хороша, то для полученія ея поцѣлуя всегда являются охотники, изъ которыхъ каждый, въ свою очередь, поетъ свой куплетъ (copla), принаровленный къ танцовщицѣ и состоящій обыкновенно изъ четырехъ стиховъ. Вотъ нѣсколько куплетовъ фанданго, которые удалось мнѣ запомнить по ихъ особенной наивной оригинальности:

La maldicion que te echo
Desde hoy en adelante.—
Es que los bienes te sobren
Pero que el gusto te falte.

(Отнынѣ и навсегда вотъ какое дамъ тебѣ проклятіе: да будетъ у тебя много богатства, но да не будетъ у тебя вкусу).

Toma nina esta naranja
Que io coji en mi huerto
No la partas con cuchillo—
Porque mi corazon esta dentro.

(Возьми, дитя, этотъ апельсинъ, что я сорвалъ въ своемъ саду: не рѣжь его ножомъ, потому что въ немъ мое сердце).

Mil almas que tubiera
Te diera juntas:
No las tengo, mas toma
Mil veces una.

(Еслибъ во мнѣ было тысяча душъ, я бы ихъ всѣ вмѣстѣ отдалъ тебѣ: нѣтъ во мнѣ ихъ, возьми лучше тысячу разъ одну).

*) Matar la curiana буквально значитъ: убить мокрицу; въ переносномъ смыслѣ—ускорить движеніе правой ноги, которую андалузка, танцуя, выставляетъ всегда впередъ, касаясь только носкомъ до земли.

Novos engria senora,
Ser de alta esfera
Tambien para las torres
Hay escaleras.

(Не важничай, синьора, что ты высокаго рода: бываютъ лѣстницы и для высокихъ башенъ).

Къ сожалѣнію, испанцы плохіе пѣвцы и вовсе не отличаются голосами. Въ Италіи, любой уличный мальчикъ удивитъ иностранца звучностію своего голоса и широкою манерой пѣнія; а здѣсь по улицамъ большею частію слышишь только однообразный напѣвъ фанданго, который при дурномъ пѣньи въ носъ, свойственномъ андалузцамъ, походитъ на какую-то татарскую пѣсню. Мелодія фанданго монотонна, однообразна и оканчивается словно меланхолическимъ вздохомъ, а танецъ живъ, увлекателенъ. Испанская народная музыка для непривычнаго уха кажется очень рѣзкою: можетъ быть, это происходитъ отъ внезапныхъ переходовъ изъ одного тона въ другой. Но въ этихъ острыхъ и грустно-страстныхъ мелодіяхъ чувствуется вольная и смѣлая жизнь, которая не успѣла еще уложиться въ европейскія формы. Энергическій, смѣлый, всегда тревожный очеркъ испанскихъ мелодій такъ противоположенъ спокойному и широкому рисунку мелодій итальянскихъ; но особенная оригинальность ихъ въ томъ, что онѣ при меланхолической мелодіи имѣютъ всегда самый живой, стремительный темпъ. Манера народнаго пѣнія очень похожа на манеру нашихъ цыганъ, и я думаю, что наши цыганы должны превосходно пѣть испанскія пѣсни. Въ андалузскихъ пѣсняхъ безпрестанно употребляются слова цыганскаго нарѣчія, и каждая сколько-нибудь увлекательная мелодія называется или цыганскою (cancion gitana), или оцыганенною (agitanada). Удивительно, какъ цыганы повсюду вѣрны своей природѣ, и какъ могучъ этотъ типъ, если онъ въ теченіе столькихъ столѣтій и на такихъ противоположныхъ концахъ Европы, какъ Россія и южная Испанія, сохраняетъ оригинальность и тождество своего характера. Но здѣсь трудно отличить ихъ отъ испанцевъ, только волосы у нихъ курчавѣе и цвѣтъ кожи желтѣе, а цыганки кромѣ этого еще любятъ преимущественно одѣваться въ яркіе цвѣта. Несмотря на то, что здѣсь цыганы не ведутъ кочевой жизни, какъ у насъ, а живутъ осѣдло по городамъ, несмотря на то, что, благодаря инквизиціи, они исповѣдуютъ католическую религію — ихъ привычки, характеръ, занятія тѣ же, что и у насъ.

Я часто хожу къ нимъ въ Тріану. Если есть охота посмотрѣть на ихъ танцы, стоитъ только купить на двѣ піацеты (2 р. 50 коп. ас.) вина и лакомствъ, и цыганы готовы пѣть и танцовать до упаду. У цыганъ ola сдѣлался самымъ циническимъ танцемъ.

Комнаты Fonda de la Europa, въ которой живу я, выходятъ на мавританскій дворъ—patio (здѣсь это необходимая принадлежность каждаго дома; такъ устроены и кофейныя, и гостинницы); со всѣхъ сторонъ обставленъ онъ тонкими мраморными колоннами: посреди, въ большой мраморной чашѣ, бьетъ фонтанъ, окруженный гущею южно-американскихъ растеній и цвѣтовъ, которые здѣсь такъ-же привольно растутъ, какъ въ своемъ отечествѣ. Во время жара надъ дворомъ натягивается полотно, и въ этой душистой прохладѣ мы завтракаемъ, обѣдаемъ, читаемъ газеты. Здѣсь patio тоже, что въ гостинницахъ Франціи и Германіи общая зала путешественниковъ. Комнаты, идущія около «двора», освѣщаются только своими стеклянными дверьми, выходящими на дворъ; оконъ нѣтъ. Внутреннія комнаты севильскихъ домовъ вовсе не соотвѣтствуютъ ихъ изящнымъ «дворамъ». Напримѣръ, эта Fonda de la Europa—самая великолѣпная изъ всѣхъ видѣнныхъ мною гостинницъ Испаніи, а вы не можете представить себѣ болѣе скромнаго убранства жилыхъ комнатъ; стѣны выкрашены бѣлою известью, самая простая кровать, обтянутая на-глухо зеленой кисеею,—отъ ночныхъ мухъ,—маленькій столъ изъ простого дерева, надъ которымъ виситъ маленькое, въ четвертку зеркальцо; три стула, на полу плетенный соломенный коверъ. Обѣдъ здѣсь сносенъ: одно уже то хорошо, что онъ приготовляется не на зеленомъ вонючемъ оливковомъ маслѣ, а на свиномъ салѣ. Кофе вездѣ въ Испаніи варятъ дурно, но зато въ самомъ послѣднемъ крестьянскомъ домѣ вамъ подадутъ такой шоколадъ, какого вы не найдете у любого гастронома въ Европѣ.

По вечерамъ, съ 8 и 9 часовъ, начинается гулянье на alameda del Duque. На югѣ нѣтъ нашихъ долгихъ сумерекъ: ночь наступаетъ тотчасъ по захожденіи солнца. Alameda del Duque небольшая площадь, обсаженная высокими, густыми акаціями и освѣщенная множествомъ фонарей; по обѣимъ сторонамъ сдѣланы скамьи, середи огромный фонтанъ, широкимъ, разсыпающимся букетомъ бросающій воду и постоянно освѣжающій удушливо-теплый воздухъ. Около площади расположены кофейныя, лавочки съ холодною водою, лимонадомъ. Alameda del Duque—царство черныхъ севильянокъ. Не ужасно ли, что эта поэтическая красота не показывается

при дневномъ свѣтѣ, а бываетъ видима только по ночамъ. Къ счастію для меня, теперь стоятъ яркія, лунныя ночи. Что за живые разговоры, что за откровенный смѣхъ раздаются на этомъ гуляньѣ! О свободѣ, царствующей здѣсь, въ Европѣ не имѣютъ понятія: здѣсь словно каждый у себя дома. Эта непринужденность, этотъ громкій смѣхъ, эта живость разговоровъ, какъ все это не походитъ на европейскія гулянья, а тѣмъ менѣе на наши, на которыя мужчины и женщины выходятъ съ такими натянутыми, заучеными лицами и манерами. Но что особенно замѣчательно — эта непринужденность, эта свобода, проникнуты здѣсь самою изящною вѣжливостью; это не заученная, не условная вѣжливость, принадлежащая въ Европѣ одному только хорошему воспитанію, а такъ сказать врожденная; вѣжливость и деликатность чувства, а не однѣхъ внѣшнихъ формъ, какъ у насъ, и которая здѣсь равно принадлежитъ и гранду, и простолюдину. Испанецъ вѣжливъ не изъ приличія, не съ одними только порядочно одѣтыми людьми, — въ этомъ отношеніи здѣсь одежда не значитъ ничего, — онъ равно вѣжливъ со всѣми, и денди здѣсь не стыдится поклониться одѣтому въ плащъ съ заплатами, или сказать, что онъ знакомъ вонъ съ тѣмъ лавочникомъ. У женщинъ въ живости разговора иногда мантилья спадаетъ съ головы; эти мурильовскія головки съ нардомъ или жасминомъ въ великолѣпныхъ волосахъ, освѣщенныя луною, производятъ впечатлѣніе обаятельное; ночной запахъ цвѣтовъ, особенно нарда, страшно раздражаетъ нервы: надобно быть здѣсь среди этой жаркой ночи, освѣжаемой фонтаномъ, ходить между этими толпами золотисто-блѣдныхъ женщинъ, одинаково одѣтыхъ въ черное, одинаково покрытыхъ черными кружевными мантильями, видѣть эту яркую живость физіономій, этотъ африканскій блескъ глазъ, сверкающихъ изъ-за вѣера, наконецъ дышать воздухомъ, напоеннымъ нардомъ и жасминомъ изъ этихъ волосъ, — словомъ, надобно испытать одну такую ночь, чтобъ понять все очарованіе Севильи.

На Alameda не слышно словъ senor и senora, а только dona Dolores, don Fernando; dona Angeles, don Luis; здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ средней Испаніи, слѣдуютъ обычаю звать другъ друга по именамъ. Подумаешь, что находишься на какомъ-нибудь семейномъ праздникѣ. А какъ вамъ покажется слѣдующій обычай: на alameda можно заговорить съ своимъ сосѣдомъ или сосѣдкой на скамьѣ... не смѣйтесь надъ моими словами, не судите о Севильѣ по обычаямъ европейскимъ и не спѣшите изъ этого заключать о

легкости севильяновъ. Здѣсь это не удивляетъ, не оскорбляетъ женщины: здѣсь это въ нравахъ. Отъ этого нѣтъ города въ Европѣ, въ которомъ было бы больше случаевъ къ знакомству и сближенію. Но, по странному противорѣчію, для дѣвушекъ здѣсь больше свободы, нежели для женщинъ. Въ Севильѣ вообще женщинъ втрое болѣе нежели мужчинъ; слѣдствіемъ этого то̀, что здѣшнія дѣвушки томятся не одною только любовью, но и желаніемъ выйти замужъ, и въ андалузскихъ нравахъ каждой дѣвушкѣ имѣть своего novio—жениха. Если вы понравились дѣвушкѣ, она тотчасъ дастъ вамъ это замѣтить; заговорите съ ней, когда она вечеромъ прогуливается, и хоть бы съ матерью, она отвѣтитъ вамъ и скоро позволитъ прійти ночью къ ея окну. Прогулка по Севильѣ ночью особенно интересна. Безпрестанно видишь у оконъ мужчинъ въ плащахъ и андалузскихъ шляпахъ: на ночныя бесѣды у оконъ и балконовъ непремѣнно ходятъ въ простонародномъ костюмѣ. Мужчина, при вашемъ приближеніи, завертывается въ плащъ такъ, что закрываетъ имъ свое лицо; разговоръ прервался—и проходя мимо окна, вы увидите въ сторонѣ его два сверкающихъ глаза... глаза андалузки и въ темнотѣ сверкаютъ! Но остерегайтесь по нѣскольку разъ проходить передъ окномъ, у котораго идетъ таинственная бесѣда: васъ могутъ принять за подсматривающаго соперника, а здѣсь никто не ходитъ на ночное свиданіе, не запасясь стилетомъ или по-крайней-мѣрѣ ножомъ. Даже ночные патрули уважаютъ кавалеровъ ночи, позволяя себѣ только невинныя остроты на ихъ счетъ. Мать знаетъ, что дочь ея разговариваетъ по ночамъ у окна съ молодымъ человѣкомъ; дочь говоритъ, что это ея novio—женихъ. Бо̀льшая часть браковъ составляется посредствомъ этихъ ночныхъ разговоровъ; случается, что иные разговариваютъ такъ по цѣлому году и послѣ женятся, видаясь только или у окна, или въ церкви. Если novio отсталъ, на дѣвушку это не бросаетъ ни малѣйшей тѣни, да и на его мѣсто тотчасъ же является другой. Сколько иностранцевъ, пріѣхавъ сюда на недѣлю, заживаются здѣсь по году и болѣе, между тѣмъ какъ въ Севильѣ, кромѣ «бѣга быковъ» и плохого театра, нѣтъ никакихъ развлеченій. Но эти нравы имѣютъ столько романтической прелести, въ этихъ чудныхъ женщинахъ столько потребности любить (здѣсь это ихъ единственное занятіе!) и я понимаю, какъ въ двадцать лѣтъ, при горячей крови, пылкомъ, увлекающемся сердцѣ, и если при этомъ стремленіе къ наслажденіямъ преобладаетъ надъ всѣми другими стремленіями — я понимаю, какъ можно въ Севильѣ прожить цѣлые годы въ самомъ блаженномъ снѣ, который право стоитъ

многихъ другихъ дѣловыхъ сновъ. Но я долженъ, однакожъ, сказать, что здѣшніе молодые люди жалуются на севильскихъ дѣвушекъ, будто онѣ имѣютъ постоянною цѣлью выйти замужъ и въ своихъ сближеніяхъ съ молодыми людьми, въ своихъ ночныхъ свиданіяхъ у оконъ, слѣдуютъ совѣтамъ матерей, съ которыми будто бы заключенъ у нихъ оборонительный и наступательный союзъ. Впрочемъ, мнѣ случилось удостовѣриться и въ противномъ. Я знакомъ здѣсь съ однимъ молодымъ американцемъ изъ Новаго Орлеана: онъ пріѣхалъ взглянуть на Севилью,—и живетъ здѣсь уже восьмой мѣсяцъ. Онъ любитъ и любимъ. Мать запретила даже его любезной сидѣть по ночамъ у окна, оконная рама была задѣлана желѣзомъ, но дочь все-таки нашла средство видѣться съ нимъ... Правда, что здѣсь нѣтъ ничего легче, какъ познакомиться съ дѣвушкою и получить отъ нея свиданіе у окна, но между этого рода сближеніемъ и ея любовью—далеко. Первое есть, можетъ быть, не болѣе, какъ страшное средство раздражить чувственность и привязанность, чтобъ заставить жениться; другое... да другое не требуетъ объясненій....

Андалузка въ высшей степени кокетлива; она тотчасъ чувствуетъ на себѣ глазъ мужчины и никогда не переноситъ его равнодушно. Надобно привыкнуть къ тону севильскихъ женщинъ; въ ихъ манерѣ есть что-то рѣзкое; но это рѣзкое не отъ грубости, а отъ необыкновенной живости, стремительности чувствъ; можетъ быть, отсюда происходитъ и фамильярность здѣшнихъ женскихъ обществъ, фамильярность, исполненная самаго тонкаго, такъ сказать, внутренняго приличія, этой изящной вѣжливости, такъ не похожей на приторную церемонность сѣверныхъ обществъ (не исключая и парижскаго), которую, Богъ знаетъ почему, считаютъ за хорошій тонъ. При всеобщей одинакости чернаго платья и мантильи, севильянкамъ невозможно щеголять модными костюмами: ихъ главное щегольство въ маленькихъ ножкахъ, и надобно сказать, что ихъ руки и ноги—формы совершеннѣйшей. Если о породѣ женщинъ можно судить по рукамъ, ногамъ и носу, то безъ всякаго сомнѣнія, порода андалузокъ самая совершеннѣйшая въ Европѣ. Я думаю, щегольство маленькой ножкой заставляетъ севильянокъ даже выносить страданія: онѣ носятъ такіе башмаки, въ которыхъ нѣтъ возможности помѣститься никакой ногѣ въ мірѣ; кромѣ того ихъ башмаки едва охватываютъ пальцы ноги. Глаза севильянокъ состоятъ изъ мрака и блеска: mucho negro y mucha luz. много тьмы и много свѣта, какъ выражается одна севильская пѣсня, и дѣй-

ствительно за чернымъ блескомъ ихъ не видать бѣлка, и столько въ нихъ дерзкой выразительности, что, повѣрьте, нужно обжиться здѣсь для того, чтобъ не чувствовать отъ нихъ особеннаго волненія. У испанцевъ есть особенный глаголъ—ojear, бросать взглядъ, и каждая севильянка владѣетъ этимъ въ совершенствѣ. Она сначала потупляетъ глаза и, поровнявшись съ вами, вдругъ вскидываетъ ихъ: внезапный блескъ и пристальность взгляда дѣйствуютъ какъ электричество. А это еще взглядъ равнодушный!

Здѣсь женщины ничего не читаютъ: и это отсутствіе всякой начитанности придаетъ андалузкамъ особенную оригинальность ихъ не коснулись книжность, вычитанныя чувства, идеальныя фантазіи, претензіи на образованность. Вѣдь остроумное невѣжество лучше книжнаго ума. Невѣжество севильянки при ея живомъ воображеніи, при огненной движимости ея чувствъ, при этой врожденной, свойственной однимъ южнымъ племенамъ тонкости ума, исполнено прелести увлекательной, передъ которою такъ называемая образованность европейскихъ дамъ кажется приторною книжностію. Нигдѣ не встрѣчалъ я такого страннаго сліянія дѣтской наивности съ дерзостью и удалью: это и ребенокъ и вакханка вмѣстѣ. Въ наружности севильянки нѣтъ и тѣни того спокойствія, которое болѣе или менѣе отличаетъ женщинъ всѣхъ націй въ Европѣ; это въ высшей степени нервическая натура, но только не въ болѣзненномъ, сѣверномъ смыслѣ этого слова. Я думаю, никакая женщина въ Европѣ не можетъ возбудить къ себѣ такого энтузіазма, какъ андалузка. Въ глазахъ ихъ нѣтъ выраженія кротости, какъ въ глазахъ сѣверныхъ женщинъ: въ ихъ глазахъ блеститъ смѣлый духъ, рѣшительность, сила характера. Того, что мы называемъ женственностью, сердечностью—не ищите у нихъ. Въ кокетствѣ андалузки проступаетъ что-то тигровое, въ ихъ улыбкѣ есть что-то дикое; чувствуешь, что самое прекрасное лицо тотчасъ можетъ принять выраженіе свирѣпое... и что-жъ удивительнаго! Эти обаятельныя головки, эти женщины съ невообразимою нѣгою движеній, эти глаза, о выразительности которыхъ невозможно имѣть понятія, не бывши въ Андалузіи,—онѣ нынче утромъ наслаждались убійствомъ, равнодушно смотрѣли на лошадей, которыхъ внутренности влачились по землѣ, онѣ знаютъ до тонкости всѣ подробности смертныхъ судорогъ, онѣ смотрѣли на смерть съ увлеченіемъ, со страстію... а вечеромъ вы слышите здѣсь, какъ слышалъ я вчера, поздно возвращаясь къ себѣ домой, меланхолическіе аккорды гитары, и тѣ-же съ дикою улыбкою уста задумчиво поютъ:

Mas vale trocar
Placer por dolores
Que estar sin amores.

Donde es a gradecido
Es dulce el morir;
Vivir en olvido
Aquel no es vivir:
Mejor es sufrir
Pasion y dolores,
Que estar sin amores.

Es vida perdida
Vivir sin amar
Y mas es que vida
Saberla emplear:
Mejor es penar
Sufriendo dolores
Que estar sin amores.

(Лучше промѣнять радость на горе, чѣмъ жить безъ любви.

Въ счастьи и умереть сладко; жить въ забвеньи—все равно, что не жить; лучше переносить страданье и печаль, чѣмъ жить безъ любви.

Жизнь безъ любви пропащая жизнь, а умѣнье употребить жизнь важнѣе самой жизни; лучше томиться, перенося горести, чѣмъ жить безъ любви).

IV.

КАДИСЪ.

Августъ.

Раннимъ утромъ, когда верхъ арабской колокольни севильскаго собора былъ еще пурпуровымъ отъ первыхъ лучей солнца, взошелъ я на пароходъ, который по Гвадалквивиру отправлялся въ Кадисъ. Нѣсколько молодыхъ женщинъ, завернувшись въ свои мантильи отъ утренней прохлады, сидѣли на скамьѣ набережной; вышли ли онѣ подышать свѣжестію утренняго воздуха, или посмотрѣть на отплытіе парохода,—не знаю, но замѣчательно тò, что съ ними не было ни одного молодого человѣка. Вѣроятно, слѣдуя севильскимъ нравамъ, каждая изъ нихъ провела ночь въ разговорахъ у окна съ своимъ любезнымъ; но сохрани Богъ, если бы этотъ novio проводилъ ее, напримѣръ, на прогулку; это считается крайнимъ неприличіемъ и базнравственностію. Можете посудить, сколько

страстей и огня сосредоточиваетъ для благодатной ночи это дневное отдаленіе, сколько эта стыдливая скромность дня говоритъ за непринужденность ночи, и сколько, напримѣръ, англійская фамильярность между молодыми людьми и дѣвушками способствуетъ къ развитію въ нихъ безстрастности и холодности. Англійскія матери вѣрнѣе поняли человѣческую природу...

И вотъ поплыли мы по Гвадалквивиру, мутно-рыжей рѣкѣ, обставленной самыми скучными берегами. Около Севильи небольшія селенія, лежащія на самомъ берегу и окруженныя апельсинными и оливковыми рощами, еще веселятъ изрѣдка глаза; но далѣе—всякій признакъ обитаемости исчезаетъ. Пустыня, аравійская пустыня—вотъ существенный пейзажъ Испаніи. Характеръ живописной, умѣренной красоты, который лежитъ на пейзажахъ европейскихъ странъ, здѣсь совершенно неизвѣстенъ. Южная Андалузія такъ же пустынна, какъ и каменистыя долины старой Кастильи. Здѣсь красота не живописная, а величавая; прибавьте къ этому рѣдкость человѣка и слѣдовъ его присутствія. Нигдѣ здѣсь природа не имѣетъ спокойнаго, ласкающаго характера. Иногда въ разсѣлинѣ скалы, около горнаго ручья, вдругъ поразитъ васъ невыразимая роскошь пламенной почвы, и потомъ надолго голыя, зардѣвшіяся на солнцѣ скалы или дико-пустынное поле. Не отъ этого ли и основу испанскаго характера, какъ мнѣ кажется, составляетъ какая-то страстная грусть, переходящая иногда въ страстную же веселость. Это всего болѣе чувствуется здѣсь въ музыкѣ: въ ея выраженіи грусти нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ кроткою, мечтательною меланхоліею жителей сѣвера; вмѣстѣ съ тѣмъ она отличается и отъ итальянской граціи. Въ мелодіяхъ испанскихъ нѣтъ того, что называютъ классическимъ стилемъ: это или монотонная, ноющая жалоба, или страстный, удалый порывъ.

При впаденіи своемъ въ океанъ, Гвадалквивиръ расширяется; въ продолженіи двухъ, трехъ часовъ пароходъ нашъ шелъ по океану. Вдали лежалъ бѣлый какъ снѣгъ Кадисъ. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ нему, тѣмъ видъ его становится величавѣе. Городъ расположенъ на мысѣ, выдавшемся въ море; узкой полосы земли, связывающей его съ материкомъ, не видать, и Кадисъ съ своими ослѣпительно-бѣлыми зданіями, украшенными башенками, издали походитъ на громадный, лежащій въ океанѣ зáмокъ. Видъ съ высокихъ береговъ города на ярко-голубое море очарователенъ. Невозможно представить себѣ этой мягкой, яркой прозрачности воздуха, въ которомъ мачты самыхъ дальнихъ судовъ обозначаются

съ ясною опредѣленностію. Но гавань Кадиса вовсе не оживлена. Кромѣ совершеннаго упадка торговли съ отдѣлившимися американскими владѣніями, Кадису сильно вредитъ сосѣдство Гибралтара, сдѣлавшагося центральнымъ мѣстомъ контрабанды, а слѣдовательно и внѣшней торговли Испаніи. И торговля Кадиса не подымется, пока не измѣнится теперешній испанскій тарифъ. Въ послѣднее время разъ уже сдѣлано было кортесами предложеніе объявить гавань Кадиса свободною (porto franco), но противъ этого депутаты фабричной Каталоніи подняли такую грозную оппозицію, что предложеніе осталось безъ всякаго дѣйствія.

Кадисъ отличается отъ всѣхъ городовъ Испаніи: красивыя зданія, свѣтлыя улицы, удивительная чистота домовъ, ихъ ослѣпительно-бѣлый цвѣтъ, повсюду необыкновенная опрятность, наконецъ совершенное отсутствіе въ архитектурѣ феодальнаго и мавританскаго характера, — все это дѣлаетъ Кадисъ рѣшительно непохожимъ на прочіе испанскіе города. Здѣсь жители особенно стараются о внѣшнемъ украшеніи своихъ домовъ (чего нѣтъ нигдѣ въ Испаніи), ежегодно бѣлятъ ихъ; балконы и плоскія крыши домовъ, обнесенныя перилами, уставлены цвѣтами; на всякой крышѣ башенка (mirador), чтобъ любоваться оттуда моремъ. На улицахъ во всякое время дня множество народа (а въ остальной Испаніи выходятъ только вечеромъ), всюду характеръ праздничный, оживленный; словомъ все свидѣтельствуетъ здѣсь, что городъ этотъ созданъ не средневѣковою, феодально-рыцарскою Испаніею, а интересами новаго времени, не воинственно-земледѣльческими нравами, а элементомъ столь чуждымъ остальной Испаніи—торговлею. Кадисъ городъ торговаго сословія. Его прямыя, мраморомъ вымощенныя улицы, красивыя площади, мраморные дома, огромные магазины напоминаютъ еще о томъ недавнемъ времени, когда Кадисъ былъ богатѣйшимъ торговымъ городомъ міра. Событія низвергли его, и вмѣсто прежняго знаменитаго торговаго города теперь это одна изъ неприступныхъ крѣпостей Европы. Стѣны трехъ и четырехъэтажныхъ домовъ такъ-же массивны, какъ стѣны укрѣпленій: строившіе ихъ, очевидно, разсчитывали на бомбардированіе непріятеля; лѣстницы домовъ большею частію изъ бѣлаго мрамора, полы въ домахъ выложены разноцвѣтнымъ; яркая бѣлизна домовъ, особенно сверкающая при темно-голубомъ небѣ; необыкновенная чистота улицъ; окрашенныя зеленою краскою перила крышъ и балконовъ, уставленныхъ цвѣтами, — все это такъ нѣжно пестро и мило, что больше походитъ на игрушку, чѣмъ на городъ. Землетрясенія

нѣсколько разъ разрушали Кадисъ; а въ 1596 году англичане большую часть его сожгли; вотъ отчего изъ города, можетъ быть, самаго древнѣйшаго на Пиринейскомъ полуостровѣ, Кадисъ сталъ самымъ новѣйшимъ городомъ. Необыкновенная оживленность улицъ, примыкающихъ къ гавани, и этотъ праздничный, изящно-опрятный видъ заставляютъ сначала подумать, что это все еще прежній цвѣтущій, торговый Кадисъ; но стоитъ только выйти изъ улицъ, примыкающихъ къ гавани, и между мраморными плитами мостовой растетъ высокая трава; длинныя улицы пусты, всюду признаки паденія и запустѣнія. Главные торговые дома Кадиса имѣютъ теперь нѣмецкія и англійскія фирмы.

Здѣсь чувствуется, что европейская цивилизація глубоко проникла въ умы и нравы жителей; на всемъ лежитъ обще-европейскій колоритъ. Конечно, художникъ, дорожащій внѣшнею оригинальностію нравовъ и обычаевъ, не останется долго въ Кадисѣ; но кому лежатъ къ сердцу успѣхи цивилизаціи, кто смотритъ на исторію и общественность не съ одной только артистической стороны, тотъ порадуется за Кадисъ, несмотря на то, что онъ всего менѣе можетъ дать понятіе объ остальной феодально-мавританской Испаніи,—порадуется, что Кадисъ смотритъ не въ федеративную муниципальность прошедшаго, а впередъ. Не отъ этого ли происходитъ, что здѣсь рѣдко встрѣчаешь мужчинъ въ національномъ андалузскомъ платьѣ, а вездѣ видишь только европейскіе сюртуки и пальто; житель Кадиса (gaditano) одѣвается по-андалузски только тогда, когда ѣдетъ внутрь Испаніи или живетъ за городомъ. Правда, простой народъ держится еще своей андалузской одежды, но онъ оставилъ уже пестрыя арабески своей куртки, ея фантастическія украшенія, и вмѣсто короткихъ съ множествомъ металлическихъ пуговицъ панталонъ, надѣлъ европейскіе панталоны. Отчизной настоящей андалузской одежды остаются теперь Севилья и Гранада.

Вѣроятно, къ англійскимъ нововведеніямъ принадлежитъ здѣсь и страсть къ бою пѣтуховъ: каждое воскресенье бываетъ сраженіе, въ особо для того устроенномъ амфитеатрѣ. При мнѣ публика состояла человѣкъ изъ полутораста. Каждый изъ участвовавшихъ держалъ своего пѣтуха у себя подъ мѣстомъ. Передъ началомъ боя, пѣтуховъ свѣсили, и только пѣтухи равнаго вѣсу допускались къ битвѣ. По окончаніи предварительныхъ приготовленій, начались заклады, которые во все продолженіе боя безпрестанно предлагались и принимались. Нѣкоторые изъ пѣтуховъ отличились

уже въ прежнихъ бояхъ: ихъ знали охотники по виду и держали за нихъ самые большіе заклады. Постепенно пущены были шесть паръ пѣтуховъ. Одинъ убилъ своего противника съ перваго же удара шпорами. Иной, чувствуя превосходство своего противника, бѣжалъ отъ него прочь, продолжая бѣгать вокругъ небольшой арены: противникъ за нимъ и, описывая меньшій кругъ, уже настигалъ его, какъ вдругъ преслѣдуемый оборачивался, быстро нападалъ на своего преслѣдователя и послѣ короткаго боя, повергалъ его на землю... и надобно видѣть энтузіазмъ публики къ побѣдителю. Иногда пѣтухъ ослѣпляетъ другого, или бѣгущая изъ раненой головы кровь мѣшаетъ ему смотрѣть: въ такомъ случаѣ, хозяинъ раненаго пѣтуха можетъ взойти на арену и, держа за хвостъ своего пѣтуха, направлять его движенія. И какъ скоро слѣпой пѣтухъ замѣчалъ близость врага—тотчасъ же съ рьяностію нападалъ на него, и до тѣхъ поръ не отстаютъ они другъ отъ друга, пока одинъ изъ нихъ не падаетъ замертво: такая ужъ храбрая натура пѣтуха! Но убиваютъ они другъ друга рѣдко. По окончаніи боя выносятъ обѣ враждующія стороны, пускаютъ имъ кровь и кладутъ въ холодную воду. Большею частію они поправляются, и хорошіе пѣтухи берегутся къ слѣдующимъ битвамъ.

При этомъ боѣ, равно какъ и при боѣ съ быками, особенно интересны живость и самостоятельность народнаго характера. Въ Испаніи, болѣе нежели въ какой-либо странѣ Европы, каждая провинція подсмѣивается надъ другой, и о каждой ходитъ въ народѣ особенная поговорка. Жители сѣверныхъ провинцій обыкновенно подсмѣиваются надъ андалузцами, называя ихъ хвастунами, храбрецами на словахъ и трусами на дѣлѣ. Можетъ быть, и дѣйствительно у жителей сѣверныхъ провинцій больше твердости, настойчивости и энергіи (о бискайцахъ говорятъ, напримѣръ, намекая на ихъ настойчивый характеръ, что они колотятъ въ стѣну гвоздь не остріемъ, а шляпкой); но зато андалузцы самые отважные бойцы съ быками, и всѣ лучшіе матадоры—изъ южной Андалузіи; кромѣ того, андалузцы самые смѣлые контрабандисты, и у нихъ безпрестанно кровавыя сшибки съ таможенною стражею. Но вообще натура андалузца изнѣженная и мягкая; онъ больше всего любитъ покой и свои привычки. Будучи въ душѣ прогрессистомъ, андалузецъ прежде всего сибаритъ. Прогрессистъ онъ потому, что его торговые интересы требуютъ прежде всего неприкосновенности личности и собственности, и во время возстанія донъ-Карлоса вся Андалузія была на сторонѣ королевы. Торго-

вый классъ въ Андалузіи многочисленнѣе, нежели въ другихъ провинціяхъ; но андалузецъ, хотя и самый искренній прогрессистъ, въ то-же время слишкомъ изнѣженъ, чтобъ для общественной пользы ставить свой лобъ подъ пули. Таковъ въ Испаніи средній классъ вообще—въ Андалузіи отъ изнѣженности и богатства, въ сѣверныхъ провинціяхъ отъ малочисленности и разъединенности. Одни каталонцы составляютъ исключеніе, но тамъ это имѣетъ прямую причину въ промышленныхъ интересахъ. Что же касается до простолюдина-андалузца, если у него есть женщина, апельсины, гитара и солнце, то выше этого блаженства и не мечтаетъ его воображеніе. На дняхъ въ кофейной, гдѣ я пью послѣ обѣда кофе, одинъ житель Кадиса, разговаривая со мной, отвѣчалъ мнѣ на мое замѣчаніе о неусыпной дѣятельности и богатствѣ англичанъ: «у англичанъ много денегъ, это правда; да я не возьму всего ихъ золота, чтобъ вести ихъ жизнь. Мы, испанцы, счастливы, когда есть у насъ нѣсколько сигаръ и хорошенькая дѣвушка (muchacha); мы наслаждаемся тѣмъ, что намъ Богъ посылаетъ. Англичанинъ никогда недоволенъ. Я самъ занимался торговлей въ Гибралтарѣ, зналъ много почтенныхъ англичанъ, но никакъ не могъ ужиться тамъ отъ скуки: нѣтъ тамъ ни corridas, ни андалузскихъ пѣсенъ, ни болеро,—нѣтъ такихъ женщинъ, какъ у насъ въ Кадисѣ!» Конечно, андалузецъ былъ совершенно правъ; но, не знаю почему, мнѣ тутъ же пришелъ на память отвѣтъ одного испанца, который на совѣтъ приняться за работу, чтобъ избавиться угрожающей нищеты, замѣтилъ глубокомысленно: Senor Caballero, человѣкъ сотворенъ на землѣ для того, чтобъ ничего не дѣлать.

Но этого нельзя примѣнить къ бискайцу, каталонцу или жителю Аррагоніи. Закалъ сѣвернаго испанца далеко отличается отъ южнаго; къ тому же у андалузца мало нуждъ, да и тѣ съ излишкомъ удовлетворены. Если случится у него безпокойный позывъ къ славѣ, къ приключеніямъ, конечно, онъ не пойдетъ ихъ искать на полѣ сраженія, а сдѣлается Caballero, то-есть добудетъ себѣ лошадь и станетъ бандитомъ, чтобъ въ деревнѣ его разсказывали о немъ, какъ разсказываютъ о знаменитомъ бандитѣ Хозе Марія. Андалузецъ—контрабандистъ по сердечной склонности и большой любитель «рыцарства большихъ дорогъ». Но и тутъ на половину входитъ страсть къ приключеніямъ. Во всякомъ случаѣ, онъ готовъ скорѣе сдѣлаться воромъ, нежели солдатомъ, потому что ничто такъ не противно душѣ его, какъ военная дисципли-

на; и въ этомъ отношеніи арабскія привычки его сохранились еще во всей силѣ.

Ни въ какомъ другомъ городѣ Испаніи, и ужъ, конечно, ни въ какомъ городѣ Европы, иностранецъ не найдетъ себѣ такого радушнаго пріема, такой привѣтливой вѣжливости, какъ въ Кадисѣ. Нѣсколько обыкновенныхъ рекомендательныхъ строкъ, или разговоръ за table d'hôte, изъ котораго сосѣдъ вашъ узнаетъ, что вы иностранецъ и незнакомый съ городомъ,—этого совершенно достаточно здѣсь, чтобы вы тотчасъ же введены были въ порядочный домъ и потомъ черезъ него познакомились и съ лучшими домами города. Въ этомъ отношеніи Кадисъ самый любезный городъ въ Европѣ. Здѣсь нѣтъ тонкой чопорности французскихъ салоновъ, нѣтъ и серьезной вѣжливости мадритскихъ кружковъ. Кадисъ сжатъ въ такое тѣсное пространство, что всѣ жители его знакомы между собою; конечно, въ этомъ есть своя и очень дурная сторона, но она уже принадлежитъ всѣмъ небольшимъ городамъ. Нравы Кадиса болѣе всѣхъ другихъ городовъ Испаніи отличаются тонкою аристократическою вѣжливостію, соединенною съ самою простодушною, непринужденною довѣрчивостью, которая, кажется, принадлежитъ здѣсь равно всѣмъ сословіямъ, но въ особенности женщинамъ. Домашнія общества имѣютъ здѣсь такой же характеръ, какъ и въ Севильѣ. Андалузцы не приносятъ въ нихъ съ собой этихъ пустыхъ и важныхъ лицъ, которыя, Богъ знаетъ почему, считаются въ европейскихъ салонахъ за хорошій тонъ. Часа на два, на три сходятся здѣсь поболтать, посмѣяться; самая откровенная веселость составляетъ существенную черту андалузскаго характера. Угощеніе состоитъ изъ холодной воды съ zukerillo (очищенная и отвердѣвшая пѣна сахара), иногда изъ лимонада. О непринужденности, съ какою женщины обращаются съ мужчинами, вы не можете составить даже приблизительнаго понятія, и въ какое бы благородное негодованіе пришли наши дамы, если бы видѣли, что за свободный тонъ царствуетъ здѣсь въ разговорахъ. Здѣсь молодыя дѣвушки часто говорятъ о предметахъ, о которыхъ наши дамы не позволили бы себѣ даже намека; а дамы здѣсь, разумѣется, откровеннѣе. Отъ этого элементъ двусмысленностей и тонкихъ намековъ, которые придаютъ особенную прелесть французскому разговору, здѣсь почти не существуетъ. Замѣчательно, что въ южныхъ странахъ объ этого рода приличіяхъ имѣютъ совершенно другія понятія, нежели въ сѣверныхъ; и чувство тѣла вообще присутствуетъ съ большею искренностію въ

сознаніи южнаго человѣка, нежели въ сознаніи сѣвернаго. Разрывъ между духомъ и тѣломъ, противъ котораго теперь начинаютъ возставать естествоиспытатели, далеко не такъ силенъ въ сознаніи южнаго человѣка. Природа и тѣло, несмотря ни на какія эксцентрическія ученія, не получили въ глазахъ его того клейма отверженія, какое поставили на нихъ сѣверные народы. Въ этомъ легче было убѣдить сѣвернаго человѣка, окруженнаго угрюмою, суровою природою, и котораго холодная кровь не расположена была протестовать противъ этой опалы. На югѣ, гдѣ древнее созерцаніе глубоко сохранилось въ горячей крови народовъ, гдѣ природа такъ дружественна и такъ очаровательно хороша, опала на тѣло, воздвигнутая средневѣковымъ воззрѣніемъ, несмотря ни на какія учрежденія, осталась безъ успѣха.

А какъ прекрасны здѣсь женщины! Эти города южной Андалузіи—совсѣмъ особенный міръ.—Нѣтъ другихъ развлеченій кромѣ любви, нѣтъ другихъ занятій кромѣ волокитства (дурное слово, которое не знаю чѣмъ замѣнить). Днемъ (но это не идетъ къ Кадису: въ немъ нѣтъ андалузской исключительности) дѣлаютъ siesta (отдыхъ), затворяются отъ жару по домамъ,—вечеръ и ночь посвящены интригамъ и любви. Женщины привѣтливы и любезны. Это какая-то наивная любезность, вьющаяся около васъ какъ плющъ и располагающая чувства къ самымъ задушевнымъ ощущеніямъ. И это тѣмъ удивительнѣе, что женщины здѣсь обязаны всѣмъ одной только природѣ; цивилизація едва научила ихъ (да и то изрѣдка) читать и писать. Разговоръ ихъ не блеститъ ни образованностію, ни свѣдѣніями, не вертится около современныхъ явленій литературы или политики, — ничего этого нѣтъ, и со всѣмъ тѣмъ при этомъ миломъ лепетѣ, при этой «музыкѣ рѣчей» забудешь о самыхъ идеальныхъ и назидательныхъ дамахъ. Въ Андалузіи нѣтъ любви открытой, покоящейся на лаврахъ своихъ, принявшей видъ супружества, какъ напримѣръ во Франціи: здѣсь она не прогуливается рука объ руку по улицамъ, не ходитъ въ кофейныя и театры; она любитъ здѣсь ночь, уединеніе, таинственность. Ночь, эта южная, влажная, теплая ночь,—богиня андалузокъ. А никто бы въ мірѣ, кажется, не долженъ такъ любить солнца, какъ южная испанка, чтобъ во всей яркости видна была красота ея, соединяющая въ своихъ смѣлыхъ, энергическихъ и нѣжнотомныхъ линіяхъ Микель-Анджело съ Мурильо. А эти большіе, влажно-бархатные, оттѣненные длинными рѣсницами глаза! этотъ впивающійся, сверкающій взоръ! Даже въ темнотѣ сверкаютъ глаза юж-

ной испанки. Между севильянками и женщинами Кадиса есть нѣкоторая разница: здѣсь онѣ не такъ смуглы, какъ севильянки; ихъ лица цвѣта бѣлаго полированнаго мрамора, при которомъ особенно выступаютъ ихъ тонкія изящныя черты; кромѣ того онѣ нѣсколько полнѣе и выше севильянокъ. Говорятъ, что въ свободѣ нравовъ Кадисъ далеко превосходитъ Севилью, не знаю, на сколько это справедливо; по крайней мѣрѣ и здѣсь также по ночамъ безпрестанно встрѣчаешь novios (жениховъ), разговаривающихъ у оконъ съ своими любезными; иной стоитъ съ гитарой: когда подходишь, разговоръ прерывается, и раздаются аккорды гитары, отойдешь нѣсколько шаговъ, аккорды умолкаютъ, и бесѣда начинается снова. Я еще въ письмѣ моемъ изъ Севильи говорилъ, что въ южной Андалузіи—проводить дѣвушкѣ ночи у окна въ разговорахъ съ молодымъ человѣкомъ считается самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, на которое здѣсь вовсе не обращаютъ вниманія, и обычай этотъ существуетъ равно въ низшемъ, какъ и въ высшемъ классѣ, гдѣ тоже дѣвушкѣ дозволяется имѣть своего ночного novio и даже мѣнять его, сколько ея душѣ угодно.

Здѣшній коммерческій клубъ получаетъ множество газетъ; тутъ я видѣлъ газеты Америки, Мексики, Бразиліи; журнальная комната особенно отличается комфортомъ, совершенно необыкновеннымъ въ испанскихъ нравахъ, которыхъ доходящая почти до лишеній умѣренность во всемъ, что касается до образа жизни,—истинно удивительна. Во всей Испаніи, исключая Кадиса, вы не найдете комнатъ, оклеенныхъ обоями; мебель въ самыхъ порядочныхъ домахъ простая, крашеная, всегда полинявшая и такой странной, уродливой формы, что, конечно, она пережила уже нѣсколько поколѣній. Въ Кадисѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ домахъ, гдѣ мнѣ случалось быть, замѣтно сильное вліяніе общеевропейской уборки комнатъ, и уродливая полинялая мебель не встрѣчается. Но меня особенно удивила образованность жителей Кадиса, ихъ здравыя понятія о положеніи Испаніи и особенно отсутствіе въ нихъ исключительной національности. Минувшая слава и могущество Испаніи здѣсь не первое слово, какъ напримѣръ, у кастильца: здравый практическій смыслъ торговаго города оставилъ въ покоѣ прошедшее,—онъ устремленъ въ настоящее и будущее. Кромѣ того, самый характеръ жителей Кадиса какъ-то рѣзко отличается отъ характера жителей другихъ городовъ Испаніи. Можетъ быть, это происходитъ отъ особеннаго положенія его: здѣсь всегда живетъ множество иностранцевъ, здѣсь постоянное сообщеніе съ разными

національностями, можетъ быть, особенно дѣйствуетъ еще и величавый видъ океана, со всѣхъ сторонъ облегающаго городъ. Неподвижность въ образѣ жизни и нравственная сидячесть составляетъ отличительную черту остальной Испаніи, особенно средней, а въ Кадисѣ—съѣздить въ Гаванну считается прогулкою, и здѣсь, кажется, всякій побывалъ тамъ; отсюда ходитъ пароходъ въ испанскія колоніи, наконецъ, гавань Кадиса служитъ станціею для пароходовъ между Англіею, Гибралтаромъ и Египтомъ; словомъ, здѣсь безпрестанно представляется случай ѣхать во всѣ части свѣта. Можетъ быть, вслѣдствіе всего этого, въ Кадисѣ менѣе національныхъ элементовъ, чѣмъ въ прочихъ городахъ Андалузіи, или, вѣрнѣе сказать, въ немъ менѣе національной исключительности и предразсудковъ, потому что жители Кадиса не разъ доказывали, что они дорожатъ честью и достоинствомъ Испаніи, и что любовь къ отечеству состоитъ не въ относительной любви къ національной одеждѣ, старымъ преданіямъ и обычаямъ. На обычаяхъ здѣсь лежитъ сильный европейскій колоритъ, и андалузскій блестящій костюмъ—большая рѣдкость. Этого жаль! національныя особенности одежды, обычаевъ,—словомъ, жизни, имѣютъ часто такую прелесть, а цивилизація въ своемъ начальномъ дѣйствіи пробуждаетъ въ обществѣ такъ много пустого обезьянства, такую безличность и безхарактерность и такой прозаическій уровень, что сколько разъ здѣсь, смотря на какого нибудь франта средней руки, карикатурно подражающаго парижскимъ модамъ, и видя возлѣ него андалузца въ своемъ изящномъ національномъ платьѣ, невольно спрашиваешь себя: неужели національное такъ противоположно общечеловѣческому, что первое стремленіе цивилизаціи всегда—стереть національную одежду, обычаи,—словомъ, то, что больше всего лежитъ къ сердцу народа. Конечно, національный характеръ, освободясь отъ предразсудковъ исключительности и опираясь на науку и терпимость, поднимается свободнѣе, могущественнѣе, чище; но все-таки, смотря на первоначальныя дѣйствія цивилизаціи, я не могу удержаться отъ сожалѣнія, что, истребляя плевелы, она часто вырываетъ вмѣстѣ съ ними и прекрасные цвѣты. Только женщины здѣсь въ этомъ отношеніи составляютъ исключеніе: онѣ сохранили свою граціозную мантилью, не обмѣняли ея на безобразную шляпку. Во всемъ остальномъ жители Кадиса истинные андалузцы: они веселы, въ высшей степени общительны; кофейныя и гулянья здѣсь всегда полны народу. Даже, я думаю, нигдѣ столько не гуляютъ, какъ въ Кадисѣ, осо-

бенно женщины, которыя—я и забылъ вамъ сказать—слывутъ самыми граціозными во всей Испаніи, los cuerpos mas saterosos de Espana. Нигдѣ лучше ихъ не умѣютъ носить мантильи, владѣть вѣеромъ. Утромъ гуляютъ здѣсь за puerto di tierra, единственныя ворота, которыми сообщается городъ съ твердою землею; въ половинѣ дня—подъ аркадами plaza de S. Antonio; по закатѣ солнца и до поздней ночи—на очаровательной Alameda, на берегу моря. Въ обществахъ здѣсь самая любезная, свободная простота, и иностранецъ тотчасъ становится какъ бы членомъ семейства. Поговоривъ немного съ хозяйкою, гость, если хочетъ, можетъ выбрать себѣ мѣсто возлѣ какой-нибудь дамы или дѣвушки. гдѣ нибудь въ углу, и просидѣть съ ней цѣлый вечеръ: это никому не бросится въ глаза.

Мнѣ случалось слушать о нравственности Кадиса не очень лестные отзывы: правда, что я слыхалъ ихъ здѣсь только отъ людей пожилыхъ или угрюмыхъ. Не знаю, до какой степени отзывы эти справедливы. Но мнѣ кажется, тотъ очень ошибается, кто такъ называемую безнравственность Кадиса приметъ за бездушную легкость нравовъ, которая такъ обыкновенна въ Парижѣ. Въ этомъ отношеніи между парижскими женщинами и андалузскими такая же разница, какая между комическою оперою Обера и лирическою Россини или Беллини, между вдохновеніемъ и капризомъ, энтузіазмомъ и простымъ ощущеніемъ. Послушайте, чтò говоритъ Байронъ о женщинахъ Кадиса, и называйте ихъ послѣ этого безнравственными, если можете:

«О, не говорите мнѣ больше о климатахъ сѣвера и англійскихъ дамахъ! Вамъ не суждено было, какъ мнѣ, видѣть милую (lovely) дѣвушку Кадиса. Нѣтъ у ней голубыхъ глазъ и бѣлокурыхъ англійскихъ локоновъ; но какъ превосходитъ ея выразительный взоръ—лазурь томныхъ очей»!

«Какъ Прометей, она похитила у неба огонь, темнымъ блескомъ сверкающій сквозь длинныя шелковистыя рѣсницы ея глазъ, которые не могутъ удержать своихъ молній. Смотря, какъ на бѣлую грудь ея падаютъ волнующіяся пряди ея черныхъ волосъ, вы сказали бы, что каждый ихъ локонъ одаренъ чувствомъ, и змѣясь по этой груди, ласкаетъ ее.

«Прелести нашихъ молодыхъ англичанокъ обольстительны на видъ, но уста ихъ очень медленны на признаніе въ любви. Рожденная подъ болѣе пламеннымъ солнцемъ, испанка создана для любви, и если васъ полюбила она,—кто восхититъ васъ такъ, какъ дѣвушка Кадиса!

«Молодая испанка не кокетлива; она не наслаждается трепетомъ своего любезнаго: въ любви-ли, въ ненависти-ли — она не знаетъ притворства. Ея сердце не можетъ быть ни куплено, ни продано: если оно бьется, оно бьется искренно, и хотя его нельзя купить золотомъ,—оно будетъ васъ любить долго и нѣжно.

«Молодая испанка, которая принимаетъ вашу любовь, не огорчитъ васъ никогда притворными отказами, потому что каждая мысль ея устремлена къ тому, чтобъ доказать вамъ всю свою страсть въ часъ испытанія (in the hour of trial). Если чужеземные солдаты угрожаютъ Испаніи, она бросается въ бой, раздѣляетъ опасности, и когда любезный ея падаетъ, она схватываетъ копье и мститъ за него.

«Когда, при вечерней звѣздѣ, она вмѣшивается въ веселое болеро, или поетъ подъ звонкую гитару о христіанскомъ рыцарѣ и мавританскомъ воинѣ, или когда, при мерцающихъ лучахъ Геспера, перебираетъ она прекрасною ручкою свои четки, или присоединяетъ голосъ свой къ набожному хору, поющему сладостные, священные гимны вечерни...

«Словомъ, чтобы она ни дѣлала, невозможно видѣть ее безъ сердечнаго волненія. Пусть же женщины, менѣе ея прекрасныя, не порицаютъ ее за то, что грудь ея не наполнена холодомъ!—Я бродилъ подъ разными климатами, видѣлъ много милыхъ, чарующихъ женщинъ, но нигдѣ въ другой землѣ (и очень мало въ моей родинѣ) не встрѣчалъ подобную черноокой дѣвушкѣ Кадиса» [1]).

Не знаю, сколько тому лѣтъ, положено было съ каждаго піастра, приходившаго сюда изъ южной Америки, сбирать по реалу (25 коп. асс.) на постройку въ Кадисѣ собора. Въ 1772 году начата постройка его, и съ годъ тому какъ соборъ оконченъ внутри. Это одно изъ лучшихъ произведеній новой архитектуры. Вся внутренность (въ позднѣйшемъ стилѣ возрожденія) изъ превосходнаго бѣлаго мрамора; со всѣхъ сторонъ вьются арки, поддерживаемыя коринѳскими колоннами: я не знаю ни одного храма, который бы имѣлъ столько веселой, воздушной граціи. Грація древнихъ была строга и величава; грація храмовъ среднихъ вѣковъ обнаруживалась только въ украшеніяхъ и подробностяхъ, подчиненная со-

[1]) Child Harold's pilgrimage; пѣснь 1-я въ примѣчаніи. Эти стансы Байронъ замѣнилъ впослѣдствіи стихами къ Инесѣ.

зерцательно-мистическому характеру цѣлаго. А нашему времени гдѣ взять чувства и идей для созданія храмового стиля! Теперь нуженъ огромный талантъ даже для того только, чтобъ выйти изъ общей рутины храмового стиля, — все равно — итальянскаго, византійскаго или готическаго. Теперь художники придумываютъ для храма такой или другой религіозный характеръ, соображаясь съ привычками и характеромъ народа, среди котораго они живутъ. Но живой симпатическій союзъ между художникомъ и народомъ разорванъ. Искусство не терпитъ всего того, что не истекаетъ изъ внутренняго стремленія и свободной фантазіи; оно не терпитъ придуманности и разсчета и съ жалостію смотритъ на труды нашего вѣка по части храмового стиля. Архитекторъ собора въ Кадисѣ, кажется, рѣшился выстроить просто прекрасное зданіе — и успѣлъ въ этомъ вполнѣ: сердце бьется безотчетною радостью подъ этими свѣтлыми, играющими арками. Какъ весело раскинулись эти своды! какъ игриво сгруппировались эти колонны! Словомъ, соборъ Кадиса есть лучшій новѣйшій соборъ, какой только я знаю.

Сверкающая синева здѣшняго неба и удивительная прозрачность атмосферы, можно сказать, ослѣпляютъ глаза и придаютъ природѣ и всему окружающему такой восхитительный, праздничный видъ, какого я не встрѣчалъ даже въ Сициліи, гдѣ тоны воздуха и природы гораздо гуще, влажнѣе и оттого мягче для глазъ. Отъ одного этого мои сѣверные органы ощущаютъ здѣсь какое-то нервическое наслажденіе. Для жителей сѣвера путешествовать по этимъ странамъ—все равно, что пить самое раздражающее, огненное вино. Но эта же родственность съ Африкой, которая придаетъ здѣшнему небу и природѣ такую обаятельную красоту для сѣверныхъ глазъ, дѣлаетъ Кадисъ иногда невыносимымъ. Я говорю о вѣтрѣ, поднимающемся со стороны Африки, называемомъ здѣсь il viento de Levante: это симунъ, вѣтеръ пустыни. Онъ захватываетъ дыханіе, мертвитъ природу; самый океанъ теряетъ при немъ свой лазурный блескъ и при совершенно ясномъ небѣ принимаетъ цвѣтъ свинцовый; волны встаютъ горами. Этотъ вѣтеръ приноситъ съ собой знойную температуру Африки, даже пыль пустынь ея; окрестность скрывается за сѣрою пылью, цвѣта и тоны воздуха исчезаютъ, солнце тускло, воздухъ тяжелъ: кровавый цвѣтъ заката смѣняется сѣрою ночью, безпрестанно освѣщаемой молніею безъ грома. Ко всему этому нервы находятся въ страшномъ раздраженіи: три дня я страдалъ отъ

этого вѣтра. Мнѣ говорили, что здѣсь бо̀льшая часть убійствъ совершается въ тѣ дни, когда дуетъ раздражающій viento de Levante.

Въ Кадисѣ, гдѣ контрабандная торговля, по самому положенію города, вокругъ замкнутаго стѣною, связана съ большими трудностями, теперешняя система таможенная возбуждаетъ противъ себя больше противорѣчій, чѣмъ въ другихъ приморскихъ городахъ Испаніи, гдѣ контрабандѣ не такъ трудно отыскивать себѣ дорогу. Въ Андалузіи, да и во всей Испаніи, почти нѣтъ фабрикъ; одна Каталонія, и преимущественно Барселона, производитъ мануфактурныя издѣлія для всѣхъ остальныхъ провинцій. Отсюда богатство Каталоніи, ея предпріимчивый, дѣятельный; рѣшительный характеръ, и отсюда же политическая важность ея. Но, безъ всякаго сомнѣнія, Барселона не можетъ удовлетворить мануфактурнымъ потребностямъ всей Испаніи, тѣмъ болѣе, что товары ея, отправляемые вьюкомъ на мулахъ во внутрь и на сѣверъ Испаніи, при высокихъ цѣнахъ провоза, обходятся тамъ очень дорого. Несмотря на это, иностранныя издѣлія обложены здѣсь огромною пошлиной, и для обогащенія одного города вся остальная Испанія должна платить за его издѣлія въ три-дорога. Но политическая важность Барселоны такова, что трудно уменьшить привозный тарифъ. Отсюда понятна ненависть андалузцевъ къ каталонцамъ, понятно, почему андалузецъ смотритъ на контрабанду, какъ на самое праведное дѣло, и почему, наконецъ, она такъ процвѣтаетъ въ Испаніи.

Сколько я могъ замѣтить, Кадисъ, какъ вообще всѣ приморскіе города, расположенъ къ безусловно свободной торговлѣ, или по крайней мѣрѣ къ такому пониженію пошлинъ, которое сдѣлало бы контрабанду невозможною. Но жители Кадиса знаютъ, что теперь эти надежды несбыточны, и потому просятъ уменьшенія привозной пошлины только на 25 процентовъ съ фабричной цѣны иностранныхъ издѣлій; а они теперь бо̀льшею частію обложены такою пошлиною, что контрабандисты берутся провозить товары, обезпечивая ихъ въ случаѣ потери, и получаютъ за это отъ 60 до 80 процентовъ съ цѣнности товара. Вотъ еще оригинальная черта испанскаго тарифа: здѣсь таможня беретъ пошлину не съ рубля фабричной цѣны товара, а съ рубля той цѣны, по какой продается онъ въ испанскихъ лавкахъ; и выходитъ, что пошлина берется вмѣстѣ и съ цѣны провоза, коммисіи и самой пошлины. Это одна изъ политико-экономическихъ особенностей Испаніи, которыя здѣсь поражаютъ на каждомъ шагу. Метръ казимира, напри-

мѣръ, который англійскій фабрикантъ продаетъ за 15 реаловъ (3 руб. 75 к. ас.), долженъ бы заплатить, по испанскому тарифу, прямой пошлины $2^1/_2$ реала, разсчитывая ее съ фабричной цѣны, какъ это дѣлается во всѣхъ странахъ; но испанская таможня, по своимъ разсчетамъ, беретъ съ него 7 реаловъ (1 р. 75 к. ас.). Метръ англійскаго сукна въ 60 реаловъ приходится испанскому купцу, по этой системѣ, вмѣсто 80 - 97 реаловъ; а на другіе товары пошлина далеко превышаетъ самую цѣнность товара.

Ничто не служитъ такимъ вѣрнымъ барометромъ степени просвѣщенія, на какой находится общество, какъ его политико-экономическое устройство и его политико-экономическія понятія, мѣры и распоряженія, и самое вѣрное изображеніе цивилизаціи какой-либо страны было бы описаніе ея экономическихъ отношеній и учрежденій. Политическая экономія, на которую романтики и люди феодальные смотрѣли, какъ на науку слишкомъ матеріальную, лавочную, какъ на науку торгашей,—въ наше время стала наука государственнаго управленія, и Англія доказала высокую степень своей цивилизаціи особенно тѣмъ, что поставила законы политико-экономическіе въ основу своего государственнаго управленія. Какихъ, напримѣръ, результатовъ можетъ ожидать государство отъ такой таможенной системы, какъ испанская! Она поведетъ за собой сильное развитіе контрабанды и вслѣдствіе этого ущербъ государственныхъ доходовъ, потому что черезъ таможни повезутъ только бездѣлицу, главныя же массы товаровъ войдутъ контрабандой, которая при такомъ тарифѣ, несмотря ни на какіе законы, никогда не будетъ считаться въ общемъ мнѣніи предосудительною торговлею, а въ конечномъ результатѣ всего этого—стоячесть національныхъ фабрикъ, которыя, пользуясь огромнымъ охранительнымъ тарифомъ, мало будутъ стараться объ улучшеніи и дешевизнѣ своихъ произведеній. Ко всему этому, въ Испаніи самая простая таможенная операція влечетъ за собою множество формальностей, причиняющихъ торговлѣ большія затрудненія и потери, между тѣмъ какъ отъ этого нѣтъ ни малѣйшей выгоды ни государству, ни національной промышленности. И надобно замѣтить, что это множество формальностей нисколько не мѣшаетъ обманамъ и плутнямъ. Здѣсь отправленіе дѣлъ до того запутано и затруднено, что даже есть особый родъ таможенныхъ агентовъ, которые при таможнѣ заступаютъ лица купцовъ, какъ адвокаты лица подсудимыхъ передъ судомъ. Да и агенты сами, несмотря на давнее знакомство свое съ этими дѣлами, часто должны употреб-

лять по нѣскольку дней на очищеніе пошлины самаго обыкновеннаго товара. Одинъ французскій путешествующій торговецъ часами, живущій въ одной гостинницѣ со мною, не желая платить денегъ агенту, долженъ былъ употребить цѣлую недѣлю на выручку своей партіи часовъ изъ таможни, несмотря на то, что дѣло его было совершенно чисто, и онъ ходилъ въ таможню каждый день.

Но я бы долго не кончилъ, еслибы сталъ разсказывать все, что слышалъ здѣсь объ испанскомъ таможенномъ управленіи.

Впрочемъ, эта страна феодальныхъ привычекъ, рыцарства и войны съ давнихъ поръ съ пренебреженіемъ смотрѣла на промышленность и торговлю. Тотчасъ же послѣ окончательнаго покоренія мавровъ, въ испанскомъ народонаселеніи образовались два класса—hidalgos и pechros *), дворянъ и податныхъ. Разсматривая Испанію, не должно забывать, что она въ продолженіе многихъ вѣковъ занята была войною съ маврами. Отсюда произошло, что въ этой странѣ одинъ военный человѣкъ имѣлъ значеніе политическое и нравственное; на народонаселеніе, которое, будучи перемѣшано съ маврами, занималось только ремеслами, смотрѣли какъ на недостойное, какъ на самое жалкое народонаселеніе. Кто мѣшалъ ему. взявшись за оружіе, облагородить свое положеніе? Если мужикъ храбро бился, если гражданинъ отличился сколько-нибудь на сраженіи, тотъ и другой легко дѣлались идальгами и вступали въ ряды дворянства. Отсюда гордый видъ мужика передъ знатнымъ и ихъ взаимное уваженіе; отсюда значеніе въ Испаніи маленькаго землевладѣльца—землецѣльца-солдата—и отсюда же совершенное ничтожество въ общемъ мнѣніи человѣка только ремесленнаго, или купца. Я говорю о старой Испаніи,—но вѣдь настоящее можно только объяснить изъ прошедшаго. Для возвышенія своего нравственнаго достоинства, честолюбивые идальги старались вступить въ услуженіе въ дома грандовъ и дворянъ: это считалось почетнѣе какого-нибудь ремесла. Въ сѣверной и средней Испаніи, гдѣ преимущественно господствовалъ воинственный духъ, мужикъ и гражданинъ суть бо̀льшею частію идальги; они жили бѣдно, но благородно. Тѣ, которые для пропитанія себя занимались ручною работою, въ глазахъ старыхъ испанцевъ принадлежали къ тѣмъ, которые никогда не брались за оружіе на освобожденіе своего отечества. Это былъ низкій классъ. Просить милостыни въ Испаніи

*) Pechero,—по словарю мадритской академіи—el que esta obligado á pagar el pecho ó tributo,—тотъ, кто обязанъ платить налогъ.—А налогами обложены были только ремесла и торговля.

нисколько не было стыдно (какъ и теперь): просили не излишняго, а необходимаго. Работникъ и мужикъ предпочитали просить милостыню въ монастыряхъ, нежели заниматься малоприбыльною работою на этихъ безплодныхъ горахъ или въ городахъ своихъ, лежащихъ среди пустынныхъ полей. Кромѣ того, по праздности и бездѣлью, они также нѣкоторымъ образомъ становились идальгами. Самое ремесло разбойника, контрабандиста, какъ связанное съ битвами и опасностями, имѣло въ общемъ мнѣніи что-то благородное; во всякомъ случаѣ, въ общемъ мнѣніи оно было благороднѣе ремесла купца или ремесленника.

И такъ, все, чтò не было благороднымъ, было pechero. Законы особенно покровительствовали идальго: нельзя было за долги взять ни дома его, ни лошади, ни оружія, а тѣмъ менѣе посадить его въ тюрьму. Идальго освобожденъ былъ отъ платежа налоговъ. Pechero (простолюдинъ) обработывалъ землю, занимался ремесломъ, торговлею, фабриками (особенно въ Андалузіи, гдѣ долгое житье между промышленными маврами пріучило испанское народонаселеніе къ промышленности) и несъ на себѣ общественные налоги. Въ этой классической странѣ феодальной чести скоро вся промышленность заклеймена была нѣкотораго рода отверженіемъ. Унизительно было работать и торговать, подобно тѣмъ низкимъ людямъ. Въ общемъ мнѣніи особенно были въ презрѣніи ремесла, вѣроятно потому, что ремеслами бòльшею частію занимались арабы; и занявшійся ремесломъ навсегда безчестилъ себя во мнѣніи старыхъ испанцевъ. Дворяне, жившіе работой, теряли свои благородныя привиллегіи, потому-что чрезъ это они примыкали къ сословію податному, и дѣти ихъ не могли уже получить никакой государственной должности. Ни одинъ городъ не согласился бы имѣть своимъ начальникомъ (coregidor) человѣка, нѣкогда занимавшагося ремесломъ; кортесы—пишетъ Mariana—не потерпѣли бы между собой депутата, разбогатѣвшаго промышленностью. Въ такомъ же положеніи были и купцы. Честь торговца хрупче чести дѣвической (el honor de un comerciante es mas delicado que no el de una doncella), говоритъ до сихъ поръ испанская пословица. Средства, употребляемыя торговою изворотливостію, были противны кастильянской чести: торгующій дворянинъ лишался правъ дворянства. Вслѣдствіе этого, разорившіеся дворяне предпочитали вступать въ услуженіе. Лопе де-Вега говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Въ Испаніи всѣ такого хорошаго рода, что одна только нужда идти въ услуженіе отличаетъ бѣднаго отъ богатаго». Вотъ чтò разсказываетъ

де-Лабордъ въ своемъ Itinéraire descriptif de l'Espagne: «Графъ Фробергъ, съ которымъ я путешествовалъ, искалъ себѣ нанять слугу; къ нему явился какой то родомъ изъ горъ, около Сантандера. Графъ, условившись съ нимъ въ цѣнѣ, велѣлъ ему принести къ себѣ одобренія тѣхъ, у кого онъ жилъ прежде. Человѣкъ этотъ, не понявъ, чего требовалъ отъ него графъ, принесъ ему самыя достовѣрныя свидѣтельства своего стариннаго дворянскаго рода». А авторъ Relation de voyage en Espagne fait en 1679 говоритъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ поваръ, которому хозяинъ его погрозилъ, отвѣчалъ ему: «я не могу сносить побой, я старый христіанинъ, такой же идальго, какъ король».

Презрѣніе къ торговлѣ имѣло ту же причину, какъ и презрѣніе къ промышленности. Потомки старыхъ христіанъ,—словомъ, идальги презирали обычаи жидовъ и мавровъ. Въ концѣ XVI вѣка торговля была уже во всеобщемъ презрѣніи. Простолюдины оставляли трудолюбивыя привычки своихъ отцовъ; обѣднѣвшіе старались вступать въ монастыри, гдѣ кромѣ всеобщаго почтенія наслаждались они еще и довольствомъ и праздностію; другіе шли въ военную службу, чтобъ величаться званіемъ «кавалеровъ и благородныхъ солдатъ короля (Caballeros y nobles soldados del Rey).» Богатые купцы учреждали майораты для старшихъ сыновей, чтобы чрезъ то возвысить ихъ въ званіе идальговъ. Младшіе братья, лишенные чрезъ это всего наслѣдства, стыдились однакожъ заниматься ремесломъ отца и вступали въ ряды тѣхъ кавалеровъ-нищихъ, которыхъ типъ такъ превосходно вывелъ на сцену Кальдеронъ въ лицѣ дона Мендо (el alcalde de Zalamea). Мадритъ. Севилья, Гренада, Вальядолидъ были набиты этими кавалерами въ лохмотьяхъ. Испанія и до сихъ поръ, можетъ быть, единственная страна въ Европѣ, гдѣ бѣдный не тяготится своею бѣдностію и съ гордостью говоритъ: «богатство не дѣлаетъ богатымъ, а только занятымъ, не дѣлаетъ господиномъ, а управителемъ». (Las riquiesas no hacen rico, mas ocupado, no hacen senor,—mas mayordomo). Въ концѣ XVII вѣка было въ Испаніи 625 тысячъ дворянъ, и самая бóльшая часть, конечно, походила на дона Мендо. Въ XVII вѣкѣ иностранные купцы жили въ Мадритѣ около своихъ посланниковъ, —«для охраненія себя отъ тысячи оскорбленій»—писалъ посланникъ Людовика XIV. При Карлѣ II (въ концѣ же XVII вѣка) объявленъ былъ въ Мадритѣ купцамъ приказъ переселиться въ одну улицу (calle de Atocha), и всѣ тѣ, которые въ теченіе мѣсяца не переселятся туда, подвергались конфискаціи. Посланники

жаловались, протестовали, но безъ всякаго успѣха. Правительство Карла II отводило купцамъ особенный кварталъ, словно прикосновеніе ихъ имѣло въ себѣ что-то нечистое. На нихъ смотрѣли, какъ Европа на жидовъ въ средніе вѣка: подъ самымъ пустымъ предлогомъ ихъ обирали, оскорбляли всячески и выгоняли.

Можете себѣ представить, каково было, при такихъ общественныхъ понятіяхъ, положеніе промышленности и торговли въ Испаніи. Въ этомъ отношеніи, исторія ея похожа на лѣтопись безумства, читая которую, едва вѣришь собственнымъ глазамъ. Особенно вскружило головы испанцамъ открытіе Америки и ея золотые пріиски. Думая, что только въ золотѣ состоитъ богатство, Филиппъ II строго запретилъ вывозъ его за границу и въ слиткахъ, и въ дѣлѣ. Слѣдствіемъ этого было накопленіе драгоцѣнныхъ металловъ въ Испаніи и пониженіе ихъ цѣнности. Это пониженіе должно было возвысить рабочую плату и вмѣстѣ съ нею цѣнность промышленныхъ произведеній. Сильный привозъ золота изъ Америки сдѣлалъ то, что въ теченіе XVI вѣка драгоцѣнные металлы потеряли четыре-пятыхъ ихъ прежней цѣнности; и слѣдовательно, цѣна промышленныхъ произведеній должна была подняться въ такой же пропорціи. Кромѣ того, безпрестанныя переселенія въ американскія колоніи и потомъ изгнаніе изъ Испаніи мавровъ, народа самаго промышленнаго, уменьшивъ число рабочихъ рукъ, еще болѣе возвысили заработную плату и вмѣстѣ цѣну произведеній. Фабрики Испаніи не въ состояніи были удовлетворять требованіямъ колоній, потому что работниковъ было мало, да и не доставало первыхъ матеріяловъ. Севильскіе купцы, торговавшіе съ Америкой, должны были иногда покупать за шесть лѣтъ впередъ произведенія національныхъ фабрикъ, по безпрестанно возвышавшимся цѣнамъ. Но, несмотря на это, монополія торговли съ колоніями Америки одна могла бы поддержать національную промышленность: колоніи давали такъ много золота, что фабрикантамъ можно было продолжать работать, несмотря на дороговизну рабочей платы. Но—дѣло невѣроятное!—обмѣнъ произведеній національной промышленности на золото Америки казался испанцамъ величайшимъ бѣдствіемъ: этому-то обмѣну приписывали они возраставшую дороговизну фабричныхъ и земледѣльческихъ произведеній. Общее мнѣніе возстало противъ вызова ихъ изъ Испаніи, и кортесы получили прошенія столь странныя, что трудно было бы теперь повѣрить этому, если бы современные историки не приводили ихъ въ подлинникѣ. Вотъ для примѣра одно такое прошеніе, поданное кортесамъ въ концѣ XVI вѣка:

«Безпрестанно возвышается цѣна жизненныхъ припасовъ, суконъ, шелковыхъ и другихъ матерій, выходящихъ изъ фабрикъ королевства, и въ которыхъ необходимо нуждаются жители. Извѣстно, что дороговизна происходитъ отъ вывоза этихъ товаровъ въ Америку... Нынѣ это зло сдѣлалось столь великимъ, что жители не въ состояніи долѣе бороться съ возрастающею дороговизною жизненныхъ припасовъ и другихъ необходимыхъ предметовъ... Между тѣмъ, тоже извѣстно, что Америка въ изобиліи производитъ шерсть—лучше испанской—почему же жители ея сами не дѣлаютъ изъ нея суконъ? Многія провинціи Америки производятъ шелкъ: почему же сами онѣ не дѣлаютъ бархата, атласа и прочихъ матерій? Развѣ Америка не въ изобиліи производитъ кожи?... Мы умоляемъ короля и кортесовъ запретить вывозъ всѣхъ этихъ произведеній въ Америку...»

Такія прошенія, главное, выходили отъ дворянства и духовенства. Правительство и кортесы, состоя подъ прямымъ ихъ вліяніемъ, удовлетворяли ихъ требованію. Сначала запрещено было торговать съ Америкою всѣмъ другимъ городамъ, исключая одной Севильи; потомъ ограничили число кораблей, ежегодно снабжавшихъ Мексику и Перу произведеніями Испаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ надеждѣ уменьшить высокія цѣны товаровъ, правительство издавало повелѣнія, благопріятствовавшія покупщику насчетъ продавца; потомъ запрещено было, подъ опасеніемъ конфискаціи, вывозить изъ Испаніи хлѣбъ и скотъ; затѣмъ запрещено было вывозить сукна и вообще шерстяныя издѣлія, и шерстяныя фабрики начали постепенно падать. Заводы кожевенные и сафьянные, столь цвѣтущіе при маврахъ, разсылавшіе свои произведенія по всей Европѣ, тотчасъ же уменьшились, какъ скоро запрещено было фабрикантамъ, подъ смертною казнію, продавать за границу свои произведенія. Потомъ правительство само установило цѣну на кожи и тѣмъ окончательно разорило все кожевенное производство. Въ половинѣ XVI вѣка испанцы посылали свои шелковые товары въ Турцію, Флоренцію, даже въ Тунисъ; въ концѣ его запрещено уже было вывозить шелкъ, сырецъ и фабрикованный: шелковыя фабрики закрывались постепенно. Кортесы особенно надзирали за исполненіемъ запретительныхъ законовъ. Нѣсколько разъ жаловались они, что мулы и ослы стали дороже прежняго, и требовали, чтобъ увеличены были наказанія за вывозъ ихъ за границу. Съ тѣмъ вмѣстѣ просили они о дозволеніи ввоза иностранныхъ шелковыхъ матерій, чтобъ заставить этимъ своихъ фабрикантовъ

сбавить цѣну на шелковые товары; но цѣна отъ этого не убавлялась, а фабрики закрывались. Напрасно правительство употребляло усилія на возстановленіе прежней дешевизны необходимыхъ предметовъ потребленія, напрасно издавало приказанія, обязывавшія фабрикантовъ продавать свои товары по установленнымъ правительствомъ цѣнамъ: всѣ эти распоряженія только разоряли фабрикантовъ, не возстановляя прежней дешевизны. При Карлѣ II (въ концѣ XVII вѣка) увеличены были наказанія за вывозъ за границу шелковыхъ матерій; кромѣ этого, запрещенъ былъ вывозъ желѣза, стали, шерсти. Потомъ, чтобы удобнѣе было надзирать за фабрикантами, изданъ былъ законъ, по которому шелковые фабриканты не должны были продавать товары свои нигдѣ, кромѣ Гренады, Малаги и Альмеріи. Алькады должны были ихъ вѣсить, печатать и наблюдать до дня, назначеннаго для продажи. Въ Гренадѣ велѣно было ввозить ихъ въ одни только ворота. При продажѣ нужны были двое свидѣтелей: если купецъ не хотѣлъ продать своего товара по цѣнѣ, установленной закономъ, то покупателю предоставлялось право взять товаръ, заплатить за него только десятую часть той цѣны, какую онъ давалъ, и проч. и проч. Надобно замѣтить, что при Карлѣ II все народонаселеніе Испаніи состояло изъ 5.700,000, и въ этомъ числѣ 650 тысячъ дворянъ, 180 тысячъ духовныхъ, и столько было праздничныхъ дней, что во многихъ епископствахъ третья часть года состояла изъ праздниковъ, въ которые никто не работалъ.

Что̀-же удивительнаго послѣ всего этого, что нѣкогда населенная, промышленная Испанія стала такою пустынною страною, и что въ одной только Кастиліи находится 194 мѣстечка и деревень, совершенно опустѣлыхъ и оставленныхъ!

Правда, что съ восшествіемъ Бурбоновъ на испанскій престолъ притѣсненія противъ торговли и промышленности ослабли; но, какъ новая и чуждая націи династія, Бурбоны не могли прямо идти противъ національныхъ предразсудковъ; реформы ихъ ограничивались полумѣрами. Для Испаніи нуженъ былъ монархъ, который, подобно Петру Великому, своротилъ бы ее со старой дороги на новую. Такого монарха въ Испаніи, къ несчастію ея, не было. Всѣ нынѣшнія смуты ея суть не что иное, какъ борьба старыхъ элементовъ Испаніи съ новою, возникшею въ ней гражданственностію.

Въ виду Кадиса (на пароходѣ часъ ѣзды) лежитъ заливъ и городъ Puerto Santa Maria, и отъ него полтора часа ѣзды до Хереса. Влекомый желаніемъ попробовать знаменитое вино въ самомъ его источникѣ и имѣя съ собой рекомендательное письмо къ г. Гордону, одному изъ главныхъ торговцевъ винами въ Хересѣ, отправился я однимъ яснымъ утромъ въ Puerto S. Maria. Я не знаю, впрочемъ, бываютъ ли въ Испаніи сумрачные дни: вотъ уже пятый мѣсяцъ эта постоянная ясность неба меня неумолимо преслѣдуетъ. Всѣ холмы и пригорки около Хереса усажены виноградомъ. О силѣ здѣшней растительности можно заключить уже по алоэ, которое безпрестанно попадается здѣсь вышиною сажени въ $2^1/_2$, а иногда въ 3. Такъ какъ въ Хересѣ нѣтъ ничего интереснѣе винныхъ погребовъ, да и мнѣ хотѣлось воротиться къ вечеру въ Кадисъ, то я счелъ за лучшее прямо отправиться въ погребъ г. Гордона. Но собственно это совсѣмъ не погребъ, а огромный корпусъ со множествомъ оконъ на верху, открытыхъ на той сторонѣ, гдѣ была тѣнь. Тутъ лежали одна на другой бочки хересу, пахарете и амонтильядо, иныя совсѣмъ полныя, другія только на половину; у иныхъ отверстіе было слегка прикрыто, у иныхъ вовсе открыто. Посреди этой громадной залы стоялъ столъ съ нѣсколькими стульями; здѣсь приглашенъ я былъ сѣсть и отвѣдать лучшія вина, начиная съ легкаго сухого амонтильядо, сладковатаго пахарете до 60-лѣтняго хереса, сдѣлавшаго два раза путешествіе около свѣта, отчего это вино, какъ извѣстно, становится крѣпче и лучше. Но—увы!—хересъ и на мѣстѣ такъ же мало былъ по моему вкусу, какъ и хересъ изъ погребовъ Депре и Рауля. Хересъ, подобно всѣмъ южнымъ винамъ, безъ примѣси водки не можетъ выносить перевоза: чистый хересъ можно пить только вскорѣ послѣ сбора винограда. Впрочемъ, южно-испанскія вина и безъ того содержатъ въ себѣ очень много алкоголя; отъ этого они требуютъ съ собой особеннаго обращенія: дѣйствіе воздуха, напримѣръ, для нихъ очень выгодно, и потому мѣсто, гдѣ лежитъ это вино, должно быть открытымъ, да и бочки оставляются полузакрытыми. Жосткія и алкогольныя частицы вина чрезъ это улетучиваются, и вино становится пріятнѣе. Бочка въ 600 бутылокъ хорошаго хересу стоитъ здѣсь 50 фунтовъ стерлинговъ, лучшаго качества 70 и 80 фунтовъ, а самый высокій 100 фунтовъ.

Хересъ лежитъ среди широкаго холмистаго поля. Здѣсь-то была Испанія одною только битвою завоевана у готѳовъ арабами (711 годъ). Тутъ сама побѣда и ея слѣдствія необъяснимы, тѣмъ бо-

лѣе, что битва при Хересѣ не имѣла другихъ историковъ, кромѣ арабскихъ, которыхъ смутныя извѣстія о ней собраны покойнымъ Конде въ его исторіи арабовъ въ Испаніи. Два года спустя, не оставалось уже на всемъ полуостровѣ, исключая самаго верхняго уголка его, горъ Астуріи, ни одного клочка земли, который принадлежалъ бы готѳамъ; а съ небольшимъ черезъ сто лѣтъ потомъ самый народъ утратилъ и свою національную особенность, одежду, нравы, даже свои національныя воспоминанія, такъ-что въ IX вѣкѣ изъ 100 христіанъ едва-ли одинъ могъ молиться по-латыни. Такія странныя событія заставляютъ предполагать, что готѳы, послѣ своего 300-лѣтняго владычества въ Испаніи, сдѣлались до такой степени хилыми и ничтожными, что арабамъ почти не стòило никакихъ усилій разогнать ихъ: на полѣ Хереса сдѣланы были похороны готѳскому племени въ Испаніи. Впрочемъ, то-же самое совершилось и со всѣми другими народами, нахлынувшими на Римскую имперію и образовавшими изъ ея обломковъ новыя государства. Эти государства до того лишены были всякой внутренней, народной силы, что всѣ до одного разрушились при первомъ порывѣ вѣтра. Въ Африкѣ, напримѣръ, эти, нѣкогда желѣзные, кандалы послѣ трехъ поколѣній такъ выродились, что даже изнѣженные греки, подъ предводительствомъ Велисарія, въ два года совершенно уничтожили ихъ. Въ Италіи, остроготѳы исчезли передъ лонгобардами, а потомъ и само лонгобардское государство разрушилось при первомъ напорѣ карловинговъ. Саксонская Англія досталась въ добычу ватагѣ датскихъ морскихъ разбойниковъ, и потомъ, послѣ одной только битвы, норманнамъ. А какое жалкое существованіе влачитъ Франція въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій! Арабы владѣютъ ея нынѣшнимъ Провансомъ, норманны завоевываютъ ея лучшія сѣверныя провинціи... Всѣ эти народы, недавно еще такъ могущественно разгромившіе всемірное владычество римлянъ, словно отравлены были согнившею цивилизаціею побѣжденныхъ. Принявъ ее въ свою варварскую дѣвственную народность, они вдругъ ослабли, разложились. Племя, происшедшее отъ совокупленія ихъ съ римлянами, не въ состояніи было поддержать дѣла своихъ отцовъ: ему не доставало чувства патріотизма, національнаго сознанія. Такъ и жители Пиринейскаго полуострова, въ VIII вѣкѣ, не были уже римлянами; вмѣстѣ съ тѣмъ они перестали быть и готѳами, а кастильцами еще не сдѣлались. Только послѣ долгой работы вѣковъ, изъ римскихъ и германскихъ племенъ сложились новыя національности, и только тогда вступила

крѣпкая жизнь въ ихъ организмъ. Арабское владычество въ Испаніи пало не оттого, что пренебрегло горстью готескихъ бѣглецовъ, засѣвшихъ въ Астурійскихъ горахъ, а потому, что эти астурійцы образовали зерно будущей кастильской націи. Завоеваніе Испаніи у арабовъ совершилось медленно потому, что оно шло вмѣстѣ съ образованіемъ новой кастильской національности.

Нападеніе арабовъ на Испанію связано въ старыхъ испанскихъ романсахъ съ событіемъ, исполненнымъ большого драматизма Готескій король Родригъ влюбился въ Каву, дочь графа Хуліана (Julian), одного изъ своихъ вельможъ, владѣвшаго въ Тарифѣ (прямо противъ береговъ Африки). Напрасно уклонялась Кава...

Родригъ, овладѣвъ ею, возненавидѣлъ ее и бросилъ. Графъ Хуліанъ, въ жаждѣ отмщенія Родригу, призвалъ арабовъ на Испанію.

— «Я выбралъ бы, восклицаетъ старый графъ:—«Богу то извѣстно, я выбралъ бы, еслибы я могъ выбирать, другое мщеніе, не столь ужасное и кровавое; но никакое другое мщеніе мнѣ невозможно. Пусть же либіецъ (африканецъ) вторгнется чрезъ Тарифу, пусть опустошитъ все и умерщвляетъ даже въ моей области и земляхъ моихъ: жребій брошенъ: что̀ мнѣ до того—гибеленъ онъ мнѣ или нѣтъ! Кость катится по столу—никто не помѣшаетъ катиться ей.

«И вотъ уже въ Сеутѣ донъ Хуліанъ, въ Сеутѣ, добро-названной; хочетъ онъ въ тѣ стороны отправить посланіе; старый мавръ писалъ его, графъ диктовалъ, и когда кончилъ мавръ писать, графъ убилъ его. То посланіе горя, горя для всей Испаніи: то письмо къ маврскому царю, въ которомъ графъ заклиналъ его, что если дастъ онъ ему все, что̀ нужно,—Хуліанъ даетъ ему за это Испанію... Испанія, Испанія, горе тебѣ! Такъ въ мірѣ величаемая, лучшая изъ странъ, лучшая и самая любезная, гдѣ родится тонкое золото...» и проч.

Въ шестнадцати романсахъ разсказывается это бѣдствіе, постигшее Испанію. Старый romancero то сочувствуетъ горю Хуліана, то дѣлаетъ ему горькіе упреки! «О, измѣнникъ графъ Хуліанъ! чѣмъ же оскорбило тебя твое отечество?» То, обращаясь къ королю Родригу, говоритъ: «обратите очи свои, Родригъ, обратите ихъ на свою Испанію; посмотрите, какъ опустошаетъ ее ваша любовь къ Кавѣ. Посмотрите на кровь, проливаемую вашими воинами въ битвѣ: то месть невинной крови, пролитой вами...» и проч. Наконецъ, описываетъ роковую битву, пораженіе Родрига,

скорбитъ о немъ, забываетъ его вину, при видѣ столь великаго несчастія; нѣтъ у него для него другихъ словъ, кромѣ словъ самаго нѣжнаго состраданія и участія. Особенно замѣчателенъ послѣдній романсъ о смерти Родрига. Разбитый при Xересѣ, онъ бѣжитъ раненый въ горы и, скитаясь тамъ, находитъ хижину отшельника. Раскаяваясь о грѣхахъ своихъ, проситъ онъ отшельника указать ему путь ко спасенію души его. Отшельникъ, помолясь, говоритъ, что долженъ Родригъ лечь со змѣей въ яму, и если змѣя ужалитъ его, то будетъ знакомъ помилованія Божія. Три дня лежитъ въ ямѣ донъ Родригъ, а змѣя не жалитъ; усерднѣе молится отшельникъ; наконецъ на четвертый день приходитъ онъ посмотрѣть на Родрига,—«Господь помиловалъ меня—говоритъ ему Родригъ—змѣя ужалила меня, ужалила....» *) и прочее

V.

Гибралтаръ, конецъ августа.

Пароходъ, на которомъ я взялъ мѣсто до Гибралтара, долженъ былъ идти изъ Кадиса въ пять часовъ вечера; но море такъ разволновалось, что часъ, назначенный для отъѣзда, давно прошелъ. а на пароходѣ и огня не думали разводить. Всѣ пассажиры были уже на бортѣ; но капитанъ говорилъ, что ранѣе полуночи онъ не надѣется сняться съ якоря. На палубѣ вѣтеръ страшно свистѣлъ между снастями, собранными парусами и дулъ съ такою силою. что мой плащъ нисколько не защищалъ меня отъ его пронзительности. Я сошелъ въ залу: тамъ одинъ пассажиръ сѣлъ-было за фортепьяно, но качка заставляла его нападать на такіе, неожиданно-дикіе аккорды, что онъ принужденъ былъ бросить играть. Я взялъ было книгу, но движеніе корабля такъ качало лампу, что не было никакой возможности читать: глаза ломило отъ напряженія. Ничего другого не оставалось, какъ лечь спать. У иныхъ начиналась уже морская болѣзнь. Волны бросали пароходъ во всѣ стороны; сотрясенія отъ якорной цѣпи были такъ сильны, что и спать не было возможности. Соскучась вертѣться въ койкѣ, я снова пошелъ наверхъ. На палубѣ была мертвая тишина; одинъ только вахтенный ходилъ взадъ и впередъ; огня въ машинѣ еще не

*) La Culebra me comia;
Comeme por la parte
Qui todo lo merecia

разводили. Небо было совершенно ясно; вѣтеръ стихъ; но волненіе нисколько не уменьшалось; волны сверкали сильнымъ фосфорическимъ блескомъ, съ страшнымъ гуломъ ударяясь въ стѣны Кадиса. Облокотясь на бортъ, долго смотрѣлъ я на темную, фосфорически сверкающую, суровую массу воды, уходившую въ черную, зловѣщую даль; вдали кое-гдѣ виднѣлись въ разныя стороны качавшіяся мачты судовъ. На городскихъ часахъ пробило полночь. Мнѣ становилось скучно и уныло на душѣ; нигдѣ ничтожность человѣческаго существованія передъ этой всеобъемлющей, неодолимой жизнію природы не дѣлается такъ очевидною и ощутительною, какъ на морѣ. Могучая жизнь стихій, пробуждая сначала энтузіазмъ, сжимаетъ потомъ сердце скорбнымъ, тяжкимъ чувствомъ своего безсилія и ничтожности. А человѣкъ вообразилъ себѣ, что онъ царь природы, тогда какъ самые мудрѣйшіе изъ людей суть только послушные рабы ея или робкіе подражатели. Вѣтеръ сталъ подниматься, сырой и студеный; я опять сошелъ въ залу и на этотъ разъ уснулъ. Меня разбудилъ стукъ поднимаемаго якоря и гулъ вырывающагося пара; было уже пять часовъ утра. На палубѣ все было въ движеніи; скоро пароходъ тронулся.

Попутный вѣтеръ, рѣзкій и пронзительный, дулъ въ наши паруса: море сильно волновалось, не прошло и получаса, какъ большая часть пассажировъ страдала морскою болѣзнью. Испытавъ уже нѣсколько бурь на морѣ (а особенно разъ у береговъ Голландіи бурю, продолжавшуюся двое сутокъ), я привыкъ къ качкѣ корабля и не страдаю тошнотою. Между тѣмъ звѣзды понемногу скрывались, красноватая полоса на востокѣ становилась шире и пурпуровѣе; бѣлая пѣна волнъ покрылась нѣжнымъ розовымъ отливомъ, онъ постепенно становился гуще и гуще и скоро перешелъ въ пурпуръ, по которому вдругъ пронесся золотистый блескъ... солнце показалось. Хорошъ былъ въ эту минуту видъ сильно взволнованнаго моря. Пѣнившіеся верхи волнъ словно были изъ кипящаго золота; въ темныхъ углубленіяхъ, между волнами, сверкало голубое, пурпуровое, желтое пламя: въ эту минуту океанъ походилъ на необъятный котелъ съ кипящимъ, сверкающимъ разными цвѣтами металломъ. Капитанъ велѣлъ поднять большой парусъ, и пароходъ нашъ летѣлъ, врѣзываясь въ клубящуюся пѣну волнъ. Скоро послѣ полудня мы начали сворачивать изъ океана въ проливъ, и вдали завиднѣлись скалы Гибралтара. Небо было ярко и совершенно чисто, только надъ африканскимъ берегомъ лежала масса бѣлыхъ облаковъ. Вдругъ эта масса на-

чала рости съ необычайною быстротою и постепенно чернѣть. Вѣтеръ упалъ; волны, стремившіяся по его направленію въ одну сторону, стали перемѣшиваться, сшибались одна съ другой, били въ одно время во всѣ стороны парохода: явно было, что вѣтеръ измѣнялся; не прошло десяти минутъ, какъ подулъ поминутно усиливающійся со стороны Африки; съ нимъ съ ужасающею быстротою неслась на насъ та бѣлая масса облаковъ, которая стала теперь грозною тучею. Я взглянулъ вверхъ: она была уже надъ нами и такъ черна, что дымъ парохода не замѣтенъ былъ на ней; вдругъ яркая молнія разрѣзала ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и громъ съ оглушительнымъ трескомъ разразился надъ нашими головами. Нѣсколько матросовъ бросились по веревочнымъ лѣстницамъ сбирать паруса, другіе принялись ставить на мачтахъ громовые отводы; первый лейтенантъ самъ взялся за руль, къ нему на помощь бросились двое самыхъ сильныхъ матросовъ. Въ эту минуту послышалось глухое, быстро усилившееся шипѣніе; я взглянулъ направо; съ этой стороны моря быстро росъ надъ нами громадный валъ; гребень его становился все острѣе и прозрачнѣе: потомъ валъ вогнулся внутрь дугою и упалъ на пароходъ съ страшною, оглушительною силою; за этимъ валомъ росъ другой еще выше и такъ же опрокинулся; пароходъ тяжело опустился въ глубь, образовавшуюся между этими громадами, и тотчасъ же былъ снова поднятъ новымъ восходившимъ валомъ такъ высоко, что колеса едва касались воды, и съ нимъ снова полетѣлъ стремглавъ въ глубь.... Волны перебрасывались черезъ бортъ; пѣна, срываемая вѣтромъ съ вершинъ валовъ, разлеталась и падала бѣлымъ, шипучимъ дождемъ, какъ пролитое на столъ шампанское. Я уже былъ давно промоченъ насквозь и сошелъ внизъ: стулья и столы тамъ были опрокинуты, лампы разбиты; въ этой зловонной духотѣ невозможно было дышать; кромѣ того удары волнъ о борты парохода отдавались внизу какъ удары тарановъ: пароходъ весь трещалъ и скрипѣлъ. Послѣ великолѣпнаго вида бурнаго моря не было возможности оставаться въ этой душной тюрьмѣ; здѣсь торжественность бури отдавалась только ударами волнъ, потрясавшими все существо парохода, и тяжкимъ, зловѣщимъ скрипомъ массивнаго его корпуса; въ иную минуту точно онъ надламывался. Въ койкѣ невозможно было лежать иначе, какъ держась обѣими руками за края ея, чтобъ не быть выброшену взмахами качки. Буря отзывалась здѣсь уныло и грозно, лишенная величія своихъ стихій. На душѣ стало становиться тоскливо; я опять кое-какъ

вскарабкался по лѣстницѣ на палубу, охватилъ обѣими руками одну изъ толстыхъ веревокъ снастей и предоставилъ волнамъ обливать меня, сколько имъ угодно. Туча все еще висѣла надъ нами, черная и крутящаяся; по-прежнему яркая молнія безпрестанно вилась по ней; валы шли одинъ за другимъ горами; вся сторона къ Африкѣ была однимъ вьющимся мракомъ, а на противоположной сторонѣ небо было чисто, ясно, спокойно, и испанскій берегъ ярко освѣщенъ былъ солнцемъ. Пароходъ нашъ какъ мячикъ прыгалъ между волнами, то сбрасываемый въ разверзающуюся глубину, то взлетая на вершину валовъ; машина кряхтѣла и пыхтѣла, словно готовилась лопнуть; вся основа парохода дрожала и трещала. То опрокидывало его на сторону, такъ-что одна половина окунывалась въ воду, и поднявшееся колесо на другой сторонѣ попусту вертѣлось въ воздухѣ. Узкость пролива удесятеряла силу и напоръ валовъ; вѣтеръ съ визгомъ свистѣлъ между снастями, валы одинъ за другимъ съ оглушающимъ гуломъ опрокидывались на палубу, громъ раздавался безъ умолку. Во всемъ этомъ было дикое, уничтожающее величіе. Нѣсколько парусныхъ судовъ, шедшихъ по одному направленію съ нами, старались съ самаго начала бури выбраться въ открытое море, чтобъ не разбиться о берега; но одно судно находилось еще между нашимъ пароходомъ и берегомъ и тщетно старалось выбраться на широту пролива: волны и вѣтеръ все больше и больше прибивали его къ берегу. Вотъ оно остановилось и нѣсколько минутъ качалось на одномъ и томъ же мѣстѣ—вѣрно, бросило якорь; но потомъ опять быстро понеслось къ берегу—вѣрно, якорный канатъ лопнулъ. Мы видѣли, какъ оно выставило флагъ, просящій о помощи; но пароходъ нашъ не могъ идти къ нему на помощь: подойдя ближе къ берегу, онъ самъ былъ бы въ опасности разбиться о береговыя отмели. Вдругъ судно исчезло подъ волнами и тотчасъ же снова показался его темный остовъ, но на немъ не видно было и признака мачтъ.... судно разбилось.... крикъ экипажа не донесся до насъ!

Между тѣмъ ближе и ближе выказывались передъ нами скалы Гибралтара. Капитанъ давно бросилъ свою сигару, самъ сталъ у рулевого колеса и отдавалъ приказанія за приказаніями. По всѣмъ движеніямъ экипажа замѣтно было, что пароходъ находился въ критическомъ положеніи; но тутъ буря стала утихать; черный цвѣтъ тучи измѣнился на блѣдно-сѣрый и берега Африки обозначились. Англичане давно замѣтили опасное положеніе нашего парохода и

безпрестанно дѣлали намъ сигналы со скалы Гибралтара, давая знать, какъ мы должны плыть. Въ эту минуту прибой волнъ къ скаламъ былъ удивительный, бѣлая пѣна взлетала къ самой вершинѣ маяка. Мы благополучно вошли въ безопасную гавань Гибралтара.

Всякій пріѣзжающій сюда изъ Испаніи долженъ имѣть такъ называемую *licencia*, т. е. свидѣтельство испанской полиціи, въ которомъ обозначено, что ѣдешь въ Гибралтаръ; за эту лисенсію надобно платить деньги испанской полиціи, хотя въ ней и сказано, что она выдается безденежно. Безъ этого въ Гибралтаръ не пускаютъ, даже иностранцевъ. Но лисенсія даетъ только право пріѣхать въ Гибралтаръ; если же хочешь остаться въ немъ болѣе дня, то долженъ представить за себя ручательство одного изъ жителей Гибралтара, и только тогда выдается карта безденежно (англійская полиція денегъ не беретъ). Впрочемъ, все это одна формальность; гавань Гибралтара наполнена людьми, предлагающими свое ручательство; оно стоитъ полъ-кроны (семдесятъ копѣекъ серебромъ) на какое угодно время.

Трудно представить себѣ что-нибудь величавѣе вида Гибралтара: это громадная скала, разсѣвшаяся на-трое. На срединномъ и самомъ высокомъ отдѣлѣ ея гордо вѣетъ англійскій флагъ; южный отдѣлъ образуетъ легкій скатъ, оканчивающійся мысомъ, называющимся *Punto de Europa*—это крайній пунктъ Европы: сѣверный отдѣлъ—высокая, перпендикулярно поднимающаяся изъ моря скала. Всѣ три отдѣла прорыты подземными батареями; рядъ плавающихъ бочекъ обозначаетъ передъ гаванью линію англійскихъ владѣній, за которою стояли нѣсколько англійскихъ военныхъ кораблей. Дожидаясь на набережной, пока исполнены будутъ всѣ формальности для полученія вида на прожитіе, разсматривалъ я густую толпу, толкущуюся у порта. Тутъ были англичане, шотландцы, итальянцы, жиды, испанцы, мавры, негры, мулаты; все это толпится вмѣстѣ въ своихъ національныхъ одеждахъ. Особенно бросаются въ глаза мавры, по ихъ живописной одеждѣ, но еще болѣе по необыкновенно-гордому спокойствію ихъ бѣлыхъ, матовыхъ, прекрасныхъ лицъ, съ лоснящимися черными бородами, которыя ярко оттѣнялись на ихъ бѣлыхъ какъ снѣгъ тюрбанахъ и бурнусахъ. Африканскіе жиды носятъ какую-то полу-восточную, полу-европейскую одежду, похожую на бурнусы, только съ рукавами; вмѣсто тюрбановъ у нихъ на головахъ кожаныя ермолки и на ногахъ черныя туфли, тогда-какъ у магометанъ желтыя. На востокѣ

черный цвѣтъ есть цвѣтъ презрительный. Англичане перенесли на эту африканскую землю не только свою цивилизацію, но и всѣ свои лондонскія привычки. Въ этомъ отношеніи Гибралтаръ очень любопытенъ; это Англія и Испанія лицомъ къ лицу, западъ и востокъ, дѣятельность сѣвера и южный сибаритизмъ, промышленность и фантазія, цивилизація и природа. Люди среднихъ вѣковъ пренебрегаютъ всѣми усовершенствованіями своихъ сосѣдей, оставаясь вѣрными своей лѣни. Переселенцы Англіи принесли сюда всю свою терпѣливую дѣятельность, всю свою угрюмость, обыкновенную у людей, жадныхъ къ прибыли. Представьте, что модный сезонъ здѣсь тоже бываетъ лѣтомъ, какъ въ Лондонѣ, несмотря на африканскій жаръ здѣшняго лѣта. У англичанъ внѣшнія формы жизни составляютъ родъ какого-то фатума, противъ котораго все безсильно. Подъ этимъ пламенѣющимъ небомъ, они настроили себѣ дома на англійскій манеръ, перетащили сюда весь свой лондонскій *comfort* и вмѣстѣ съ ними всѣ свои англійскіе предразсудки. Я никогда не забуду той нѣги, которая разлилась по всему моему существу, когда, столько мѣсяцевъ живя въ грязныхъ испанскихъ фондахъ, я въ Гибралтарѣ увидалъ себя въ превосходной англійской гостинницѣ, чистой, съ прекрасной постелью, исполненной всѣхъ самыхъ мелочныхъ удобствъ, повидимому, излишнихъ, но удивительно способствующихъ къ изящному ощущенію жизни. Улицы Гибралтара похожи на улицы всѣхъ маленькихъ англійскихъ городовъ, дома безъ балконовъ, у оконъ англійскія зеленыя рѣшетки; но на каждомъ шагу поражаютъ васъ слѣды самой высокой цивилизаціи и торговой дѣятельности. Множество сигарныхъ фабрикъ (отсюда контрабанда снабжаетъ сигарами всю Испанію, которая, владѣя Гаванною, держитъ табакъ на откупу и ради дешевизны продаетъ табакъ прескверный: настоящихъ гаванскихъ сигаръ очень трудно достать внутри Испаніи), винные погреба, портерныя лавки, магазины, книжныя лавки... я не знаю, чего нельзя найти на этомъ маленькомъ клочкѣ земли. Между магазинами встрѣчаются лавки мавровъ; молчаливо, съ трубками сидятъ они на подушкахъ, передъ низкими столиками, на которыхъ разложены произведенія Африки: шерстяныя и шелковыя женскія покрывала, розовое масло и другія ароматическія эссенціи. Иногда негры подаютъ имъ кофе въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ. Эта смѣсь высокой сѣверной цивилизаціи съ восточными нравами придаетъ Гибралтару особенный характеръ. Прибавьте къ этому, что воскресенье соблюдается здѣсь съ такою же точностью, какъ

въ Лондонѣ. Протестантская нетерпимость принуждаетъ даже и жидовъ на этотъ день запирать свои лавки. Театра здѣсь нѣтъ; но офицеры гарнизона составили изъ себя труппу, даютъ по временамъ представленія и берутъ за входъ по піастру. Женскія роли играются молодыми офицерами. Предразсудки сословій, столь сильные въ лондонскомъ обществѣ, перенесены и на эту дѣвственную почву. Жены офицеровъ, напримѣръ, рѣшили, что здѣсь *высшее* общество не должно быть смѣшаннымъ, и потому принимаютъ въ свой кругъ только офицеровъ и иностранцевъ. Между англійскими купцами есть люди съ отличнымъ умомъ и образованностію, но они видятся только между собою. Мнѣ случилось быть въ высшемъ обществѣ Гибралтара, состоящемъ изъ офицеровъ и ихъ семействъ: оно было невыносимо скучно; разговоръ вертѣлся только около предметовъ, касающихся службы и повышеній; притомъ дисциплина преслѣдуетъ ихъ даже въ самыхъ гостиныхъ; этикетъ страшный. Чтобы понять, сколько смѣшного въ этомъ напыщенномъ этикетѣ, въ этихъ домашнихъ церемоніяхъ, надобно ихъ видѣть не въ Лондонѣ, гдѣ они сглаживаются кипящею дѣятельностью и тонутъ въ страшной массѣ народонаселенія, а здѣсь, въ такомъ маленькомъ гнѣздышкѣ, какъ Гибралтаръ. Возлѣ испанскихъ нравовъ, проникнутыхъ врожденнымъ изяществомъ, это придуманное, сочиненное изящество англичанъ, ихъ такъ называемая фашіонабельность, кажется смѣшною каррикатурою и пошлостью.

Превосходное шоссе вьется до самой вершины срединной скалы. Эта дорога представляетъ рядъ удивительныхъ картинъ; сквозь широкія разсѣлины проглядываютъ то мягкія линіи береговъ Испаніи, то берега Африки, съ ихъ острыми, рѣзкими очертаніями горъ, то голубая влага океана. Безпрестанно попадаются домики, уютные, красивые, чистые: это окрестность Лондона, перенесенная подъ африканское небо, на дикую скалу. Шоссе усажено по обѣимъ сторонамъ олеандрами и густыми кустами ерани. Вокругъ нескончаемые бастіоны, батареи, часовые; изъ каждаго куста олеандра и ерани торчитъ солдатъ; куда ни взглянешь, вездѣ пушки. Съ вершины скалы открывается видъ поразительнаго величія: берега Африки до Тетуана и дальше—цѣпь горъ, постепенно возвышающихся до Атласа, котораго снѣговыя вершины теряются въ небѣ. Отсюда видны вмѣстѣ Испанія, до Малаги, Средиземное море, океанъ, узкій проливъ Гибралтара; внизу суда кажутся раковинами, люди—едва замѣтными муравьями. Въ формахъ этого пейзажа нѣтъ той гармоніи, къ какой мы при-

выкли въ европейскихъ пейзажахъ: эта несоразмѣрность, эта необъятность странно дѣйствуютъ на непривычный глазъ, но въ то же время пробуждаютъ чувство какого-то необъятнаго могущества. И все отсюда равно ярко, прозрачно, безъ границъ, очертанія неуловимы для зрѣнія, глаза свободно уходятъ въ безконечную лазурную даль; земля, небо, море—все тонетъ въ золотисто-лазурномъ свѣтѣ: нѣтъ ни линій, ни тѣней. При закатѣ солнца чудный видъ становится еще великолѣпнѣе: горы Африки покрываются пурпурно-лиловымъ паромъ, и снѣговыя вершины Атласа на темно-голубомъ небѣ свѣтятся розовыми переливами. Эта оторванная скала Гибралтара явно есть слѣдствіе одного изъ величайшихъ переворотовъ земли, и безъ сомнѣнія, теперешняя Африка прежде составляла одинъ материкъ съ Европой. Но когда это было?

Вся скала прорыта подземными галлереями: это укрѣпленія Гибралтара. Для обозрѣнія ихъ нужно особенное позволеніе губернатора, но въ немъ никогда не отказываютъ, только надобно просить черезъ консула. Не знаю, правда-ли, но мнѣ говорили люди, повидимому, знающіе военное дѣло, что всѣ эти подземныя батареи не имѣютъ той важности, какую имъ приписываютъ, потому что при продолжительной стрѣльбѣ онѣ до такой степени наполняются дымомъ, что артиллеристамъ нѣтъ возможности выносить его; даже при ученьяхъ случается съ ними отъ этого обморокъ Кромѣ того линіи батарей лежатъ слишкомъ высоко, такъ что трудно разсчитывать на вѣрные выстрѣлы. На вершинѣ скалы стоитъ сторожевой домикъ; онъ порученъ шотландскому сержанту, который обязанъ наблюдать въ морѣ и извѣщать гавань сигналами объ идущихъ корабляхъ. На склонѣ скалы, обращенномъ къ Испаніи, живутъ обезьяны: это единственное мѣсто въ Европѣ, гдѣ эти животныя водятся въ дикомъ состояніи. Онѣ укрываются въ маленькихъ пещеркахъ и разсѣлинахъ, кормятся молодыми отростками низкихъ пальмъ, которыя по ту сторону горы растутъ во множествѣ. Мнѣ удалось ихъ видѣть только разъ, съ дюжину: онѣ быстро цѣплялись по скаламъ, прыгали; сержантъ говорилъ, что иногда онѣ появляются толпами штукъ въ 40 и 50. Гибралтарскія обезьяны желто-сѣраго цвѣта и безъ хвостовъ, величиною четверти въ три, точно такія-же, какія водятся въ сѣверной Африкѣ, и которыхъ я видалъ въ Кадисѣ на рынкѣ. Въ Гибралтарѣ подъ большимъ штрафомъ запрещено ловить ихъ или убивать.

Въ Гибралтарѣ тысячъ двадцать жителей. Несмотря на то, что

они состоятъ, кажется, изъ всѣхъ возможныхъ націй и изъ всякаго сброда, здѣсь господствуетъ удивительный порядокъ, хотя полиціи и нигдѣ незамѣтно. Воровства чрезвычайно рѣдки, тѣмъ болѣе, что въ скалахъ Гибралтара укрыться очень трудно, а всякій пойманный воръ тотчасъ осуждается на висѣлицу. Это обстоятельство держитъ гибралтарскихъ бродягъ въ такомъ страхѣ, что здѣсь, выходя на берегъ, можно поручить свои вещи первому встрѣчному. Всѣ національности здѣсь находятся подъ равнымъ покровительствомъ закона, такъ что никакія столкновенія невозможны между ними. Особенно замѣчательно то, что тогда какъ путешественники, при малѣйшей неисправности ихъ паспортовъ, должны цѣлые часы дожидаться у воротъ города, политическимъ преступникамъ, бѣгущимъ изъ Испаніи, тотчасъ дозволяется входъ въ городъ. При этомъ удивительномъ гражданскомъ устройствѣ, особенно страннымъ кажется откровенный эгоизмъ, съ какимъ британцы наблюдаютъ здѣсь свои интересы на счетъ Испаніи: мало того, что они овладѣли этимъ драгоцѣннымъ мѣстомъ, несмотря на свои торговые трактаты съ Испаніей, они явнымъ образомъ покровительствуютъ контрабандной торговлѣ. Самое цвѣтущее время ея было время регентства Эспартеро, который, желая пріобрѣсти расположеніе Англіи, сквозь пальцы смотрѣлъ, какъ контрабанда наводняла въ это время Испанію. Да и теперь всѣ жалобы испанскаго правительства по этому предмету остаются безъ малѣйшаго удовлетворенія. Въ 1704 г., во время войны, поднявшейся за испанское наслѣдство, Англія, принявшая сторону австрійскаго дома, заняла Гибралтаръ именемъ эрцгерцога Карла австрійскаго и осталась тутъ. Утрехтскій трактатъ утвердилъ Гибралтаръ за нею. Сколько ни старалась съ тѣхъ поръ Испанія возвратить его себѣ, все было безуспѣшно. Одно время даже и сѣверная часть Марокко принадлежала Англіи. Она уступлена была ей въ 1662 г. Португаліей, которая тогда владѣла ею; но въ 1684 Англія потеряла ее. Нельсонъ безпрестанно говорилъ о важности Марокко для Англіи, и что если случится Англіи вступить опять въ европейскую войну, то непремѣнно надобно ей или вступить въ тѣсный союзъ съ марокксимъ императоромъ, или овладѣть Танжеромъ. Теперь мароккскій императоръ находится совершенно подъ вліяніемъ Англіи.

Какъ ни интересенъ Гибралтаръ въ первые дни пріѣзда сюда, но едва-ли найдется много охотниковъ жить здѣсь безъ дѣла и необходимости. Здѣсь живешь словно въ темницѣ; окрестности

Гибралтара ограничиваются скалою, а для прогулки за городъ, т. е. въ Испанію, нужно брать у испанскаго консула позволительный пропускъ, безъ котораго испанская пограничная стража не пускаетъ черезъ границу. Въ 8 часовъ вечера раздается съ горы выстрѣлъ, послѣ котораго тотчасъ-же запираютъ ворота, ведущія въ гавань. Шотландскій полковой оркестръ выходитъ на площадь и начинаетъ играть свою варварскую музыку. Онъ состоитъ весь изъ ихъ національныхъ инструментовъ—волынокъ и дудочекъ, съ присовокупленіемъ кларнетовъ и барабановъ: ничего не слыхалъ я отвратительнѣе этого писка и стука. Въ 9 часовъ раздается второй выстрѣлъ, послѣ котораго запираются всѣ городскія ворота.

Гибралтаръ получаетъ все свое продовольствіе изъ Танхера и изъ Испаніи, равно какъ и воду, потому что колодцевъ здѣсь нѣтъ, а есть только систерны—водохранилища, въ которыхъ сохраняется дождевая вода; но эти систерны и провіантскіе магазины такъ велики, что могутъ вмѣщать въ себѣ провіанта на три года. Странное свойство имѣетъ здѣшній воздухъ: это тонкій, сокровенный ядъ, отъ котораго, говорятъ, можно умереть, не чувствуя его дѣйствія. Сначала ощущаютъ томленіе, слабость во всемъ тѣлѣ, которая переходитъ потомъ въ безотчетную грусть, и человѣкъ истаеваетъ безъ физическихъ страданій, безъ болѣзни. Такъ умираетъ здѣсь бо́льшая часть сѣверныхъ жителей, переселяющихся сюда. И однакожъ, воздухъ, которымъ дышешь здѣсь, исполненъ мягкости, благоуханія, нѣги; а организмъ разрушается, испытывая самыя сладостныя ощущенія. Такъ все, дающее сильное наслажденіе—гибельно. Впрочемъ, даже въ послѣдніе лѣтніе мѣсяцы термометръ здѣсь рѣдко возвышается за 27—28°/₀ по Реомюру; но именно продолжительность этой теплоты и придаетъ особенное свойство здѣшнему климату. И въ Москвѣ бываютъ лѣтомъ жары слишкомъ въ 30 градусовъ, но они безпрестанно смѣняются холодами. Мы не знаемъ наслажденія продолжительной, неизмѣнной теплотой. У здѣшняго лѣта нѣтъ перемѣнъ; здѣсь въ продолженіе семи мѣсяцевъ теплота водворена во все, чѣмъ человѣкъ дышетъ, во все, что его окружаетъ; это-то постоянное дѣйствіе теплоты, говорятъ, и гибельно для сѣверныхъ организацій. Къ концу лѣта земля здѣсь издаетъ такія ядовитыя испаренія, что переносить ихъ могутъ только родившіеся здѣсь. Даже купанье въ морѣ не освѣжаетъ, а только раздражаетъ нервы; нѣга, которую ощущаетъ тѣло, увеличилась, а купанье не освѣжило, не успокоило. И этотъ-то экстазъ, это блаженство тѣла есть признакъ близкой

12*

смерти,—смерти отъ невыносимой полноты жизни: грудь становится тѣсна, организмъ не въ силахъ переносить своей нѣги...

Соскучась дожидаться парохода, на которомъ располагалъ я доѣхать до Малаги, отправился я въ Альхесирасъ, испанскій городъ, лежащій противъ Гибралтара, у моря. Видъ желтой скалы Гибралтара утомилъ мои глаза, я началъ тосковать по воздуху поля, по зелени; тотчасъ же по пріѣздѣ въ Альхесирасъ взялъ верховую лошадь и три дня съ утра до вечера бродилъ по окрестностямъ, освѣжаясь гранатами и фигами, отдыхая въ гущѣ лавровыхъ рощей и вдыхая въ себя ихъ ароматическій воздухъ. Окрестности Альхесираса прекрасны; горы покрыты густою, темною зеленью; дома крестьянъ окружены апельсинными садами, изъ которыхъ пальмы поднимаютъ свои развѣсистыя вершины; двухъаршинные листья банановъ ярко отдѣляются своею прозрачною зеленью отъ темной гущи лавровыхъ и апельсинныхъ деревьевъ. Нигдѣ въ Испаніи не встрѣчалъ я такой великолѣпной, почти тропической растительности. Въ Альхесирасѣ особенно интересенъ былъ поваръ скверной и грязной гостинницы, въ которой остановился я, куда потомъ пріѣхалъ и одинъ французскій путешественникъ, съ которымъ познакомился я въ Севильѣ. Поваръ былъ уже лѣтъ 50 и худъ какъ спичка. Когда-то въ молодости судьба занесла его во Францію, гдѣ онъ оставался съ годъ. Вслѣдствіе этого развилась въ немъ претензія на поваренное искусство и на французскій языкъ. Онъ возъимѣлъ къ намъ особенное расположеніе и потому выдумывалъ для насъ самыя неслыханныя блюда. Съ самодовольною улыбкою приносилъ онъ намъ какой-нибудь изобрѣтенный имъ соусъ, приправленный на испанскій манеръ стручковымъ перцемъ и зеленымъ оливковымъ масломъ (называемымъ у насъ деревяннымъ), хотѣлъ непремѣнно, чтобъ мы его ѣли и, прищуривъ одинъ глазъ, повторялъ: «а, каково?» Но этихъ чудесныхъ блюдъ не было никакой возможности ѣсть. При этомъ онъ намъ говорилъ такимъ французскимъ языкомъ, въ которомъ мы не понимали ни одного слова. Напрасно просили мы его говорить по-испански. Когда въ столовой мы были съ нимъ одни, онъ еще оставлялъ свой французскій языкъ, но если тутъ случался кто-нибудь изъ хозяевъ или изъ прислуги, нашъ поваръ никакъ не хотѣлъ упустить случая блеснуть передъ своими домашними и несъ такую безалаберщину, что мы едва удерживались отъ хохоту. При всемъ этомъ онъ былъ жаркій политикъ, а по вечерамъ бренчалъ на гитарѣ и постоянно пѣлъ какую-то протяжную

пѣсню, въ которой только и повторялъ no quiero vivir, y no quiero morir (не хочу жить и не хочу умирать). Черезъ три дня наконецъ показался вдали дымъ парохода, шедшаго въ Малагу, и мы поспѣшили въ Гибралтаръ, чтобъ взять на немъ мѣста.

Танхеръ, 1 октября.

Вмѣсто Малаги я попалъ въ Африку. Танхеръ интересовалъ меня больше Алжира, который успѣлъ уже офранцузиться, тогдакакъ Танхеръ,—городъ бедуиновъ, въ которомъ только дѣятельное покровительство европейскихъ консуловъ спасаетъ европейцевъ отъ насилія и убійства. Наканунѣ нашего отъѣзда въ Малагу, гуляя съ французомъ по пристани Гибралтара, увидѣли мы нагружавшееся судно. Куда? спросилъ я.—Въ Танхеръ. А почему же намъ вмѣсто Малаги не ѣхать въ Африку? Товарищъ мой согласился, тѣмъ болѣе, что при попутномъ вѣтрѣ на переѣздъ изъ Гибралтара въ Танхеръ нужно не болѣе шести часовъ. Нашъ русскій консулъ въ Гибралтарѣ, богатый англійскій негоціантъ, сказалъ мнѣ только, что въ случаѣ нужды я могу въ Танхерѣ обратиться къ шведскому консулу. Консулъ французскій далъ товарищу моему всѣ нужныя свѣдѣнія, не забывъ прибавить, что нѣсколько дней тому арабы удавили тамъ одного итальянца, и наказавъ намъ не ходить по городу безъ марокkскаго солдата. Вечеромъ отыскали мы въ одной кофейной капитана, уговорились съ нимъ, и на другой день въ 7 часовъ утра мы были уже на суднѣ. Но едва отъѣхали мы версты двѣ отъ Гибралтара, какъ утренній вѣтеръ совершенно стихъ; паруса наши повисли безъ движенія, и мы стали. Надобно было дожидаться прилива, съ помощію котораго къ вечеру добрались мы до Тарифы, маленькаго испанскаго городка, лежащаго въ самой серединѣ Гибралтарскаго пролива. При закатѣ солнца видъ съ моря на скалы Гибралтара сдѣлался удивительный. Воздухъ былъ полонъ золотистымъ, прозрачнымъ паромъ; всѣ самые дальніе предметы сохраняли свою яркую опредѣленность, и вмѣстѣ объяты были легкою золотою пылью. Море было тихо и такъ гладко, что даже струй не видно было на немъ. Желтая скала Гибралтара, которая отсюда имѣла совершенную форму спящаго льва, ярко золотилась на послѣднихъ лучахъ солнца; за нею виднѣлись лиловыя вершины испанскихъ горъ, прямо надъ нами—угловатыя горы африканскаго берега,

покрытыя густымъ лѣсомъ. Корабли, застигнутые въ морѣ штилемъ, стояли разбросанные по проливу, съ опустившимися парусами. Прозрачность воздуха имѣла въ себѣ что-то восхитительное; на легкой синевѣ неба и моря бѣлые какъ снѣгъ паруса играли золотистыми переливами, и все тонуло въ золотомъ сіяніи, все проникнуто было такою нѣжащею глаза воздушностью, что душа таяла въ спокойномъ экстазѣ, и невозможно было отвести глазъ отъ этой восхитительной картины. То была какая то просвѣтленная природа.

Къ вечеру, несомые приливомъ, пристали мы къ Тарифѣ. Но, въ надеждѣ, что утромъ подуетъ попутный вѣтеръ, капитанъ не пустилъ насъ ночевать въ городъ. Надобно было какъ-нибудь располагаться на ночь между кипами товаровъ, которыми до верху нагружено было судно. Экипажъ нашъ состоялъ изъ пяти матросовъ, шести мавровъ изъ Феца, одного еврея изъ Гибралтара, отлично говорившаго по-испански, и наконецъ меня съ товарищемъ. Капитанъ еще при договорѣ объявилъ намъ, что мы сами должны позаботиться о своемъ продовольствіи; разсчитывая на шесть часовъ ѣзды, мы запаслись только двумя фунтами говядины, бѣлымъ хлѣбомъ, корзинкою винограда и двумя бутылками отличнаго хереса. Нашихъ припасовъ намъ стало только на завтракъ; мы пригласили еврея раздѣлить его съ нами,—и къ вечеру, ужасно проголодавшись, велѣли мы привезти къ себѣ изъ Тарифы обѣдъ: конечно, онъ состоялъ только изъ яицъ въ смятку и ветчины; но кто знаетъ испанскую кухню, тотъ пойметъ, съ какимъ восхищеніемъ приняли мы такой обѣдъ. Испанцы умѣютъ превосходно приготовлять ветчину, верхній жиръ обкладываютъ они легкимъ слоемъ сахару; не знаю, отъ этого или отъ другого. но она имѣетъ самый мягкій, нѣжный вкусъ. Намъ привезли еще двѣ бутылки превосходной сухой малаги (она очень похожа вкусомъ на бѣлый портвейнъ), и вы не можете себѣ представить, какъ веселъ былъ нашъ обѣдъ. Въ южной Испаніи нѣтъ русскихъ продолжительныхъ, отрадныхъ вечеровъ; здѣсь темнота быстро смѣняетъ день; черезъ четверть часа послѣ заката солнца здѣсь становится уже совершенно темно. Ночь была тихая, звѣзды такъ ярко свѣтили, что безъ луны было ясно. Завернувшись въ плащи, расположились мы на палубѣ. Мавры совершили свою вечернюю молитву; изъ нихъ одинъ, старикъ, молился съ большимъ усердіемъ. Мнѣ особенно понравилось его умное, благородное лицо; я подсѣлъ къ нему. Къ счастію, онъ говорилъ кое-какъ по-испан-

ски. Я спросилъ его, о чемъ онъ такъ усердно молился. Мавръ подумалъ немного. «Кто можетъ сказать, отвѣчалъ онъ, произнося испанскія слова на арабскій манеръ:—какіе грѣхи тамъ сочтутся за нами? И вы о томъ знать не можете. У васъ есть рай здѣсь, на землѣ, а тамъ вверху, гдѣ нашъ рай, тамъ не будетъ уже для васъ рая». Это былъ мавръ, видѣвшій Европу; онъ бывалъ въ Гибралтарѣ и чувствовалъ преимущество европейской цивилизаціи передъ магометанскимъ востокомъ. Но въ то же время онъ былъ искренній магометанинъ. Отвѣтъ мавра показывалъ, какъ вѣрующіе арабы, видѣвшіе Европу, утѣшаютъ себя, чувствуя духовное и гражданское превосходство европейцевъ надъ ними. Они признаютъ это превосходство; но толкуя его такимъ образомъ, гордость ихъ нисколько не чувствуетъ себя униженною.

— Изъ какого ты народа? спросилъ меня старый мавръ.

— Я русскій, отвѣчалъ я.

— Объ этомъ народѣ я никогда не слыхалъ. А зачѣмъ ѣдешь въ Танхеръ?

— Изъ любопытства, посмотрѣть вашу землю.

Мавръ подумалъ нѣсколько и потомъ медленно проговорилъ. съ тѣмъ величавымъ, спокойнымъ достоинствомъ, которое принадлежитъ одному востоку:

— Аллахъ великъ! Никто не можетъ знать, какой дорогой Онъ введтъ его. Но сохрани Аллахъ, чтобъ я могъ оставить свою землю изъ любопытства видѣть другія земли. Мы, мусульмане, ѣздимъ только по дѣламъ, или по предписанію пророка въ Мекку, гдѣ ключъ всѣхъ законовъ.

Между тѣмъ мавры закурили трубки и въ кружокъ подсѣли къ старику. Случившійся возлѣ меня былъ красивый мужчина, лѣтъ 30, но онъ зналъ по-испански лишь нѣсколько словъ, такъ что вопросъ мой—много-ли у него женъ? долженъ былъ повторить ему еврей по-арабски. Мавръ съ самодовольствіемъ отвѣтилъ мнѣ, мѣшая испанскія слова съ арабскими и добавляя знаками, что въ Фецѣ у него три жены: одна для хозяйства, другую взялъ онъ потому, что она очень хороша собой, а третья негритянка, — о ней мавръ отзывался съ особеннымъ чувствомъ, хваля ея пламенныя качества. Какъ молчаливы были мавры днемъ, такъ сдѣлались болтливы между собою вечеромъ. Они говорили всѣ вмѣстѣ, не слушая одинъ другого и сильно махая руками. Иногда кто-нибудь изъ нихъ запѣвалъ что-то гнусливымъ голосомъ и словно декламировалъ, отчего всѣ сильно смѣялись. Потомъ одинъ, каза-

лось, овладѣлъ разговоромъ, и всѣ стали слушать его очень внимательно. Явно было, что онъ разсказывалъ что̀-то. Еврей нашъ, знавшій по-арабски (онъ былъ родомъ изъ Танхера), тоже внимательно слушалъ.

— Что̀ говоритъ мавръ? спросилъ я еврея.

— Онъ разсказываетъ сказку.

— Ахъ, пожалуйста, запомните ее хорошенько и разскажите потомъ мнѣ.

— Извольте.

Но сказка была страшно длинна. Судно наше не шелохнулось. Ночь была такая тихая, что до насъ донесся чуть слышный выстрѣлъ вечерней пушки въ Гибралтарѣ. Звѣзды ярко горѣли. Любуясь фосфорическимъ блескомъ моря, я задремалъ. Середь ночи морской туманъ сдѣлался такъ влаженъ, что мой плащи промокъ, и я проснулся отъ холода. Мавры и матросы спали, и на палубѣ нашего судна раздавался могучій храпъ.

Утро обмануло ожиданія нашего капитана. Вѣтеръ всталъ сильный, но противный, такъ-что намъ невозможно было отойти отъ Тарифы. На этотъ разъ капитанъ отпустилъ насъ въ городъ, говоря, что вѣтеръ не измѣнится до вечера, но чтобъ на ночь мы приходили на судно. Французъ, я и еврей отправились въ Тарифу, и за завтракомъ же въ кофейной я попросилъ еврея разсказать мнѣ сказку мавра. Мнѣ показалась она такою интересною по своей безтолковой оригинальности, что я тутъ же записалъ ее. Вотъ она:

«Въ древнія времена, въ Аммарѣ, жилъ погонщикъ верблюдовъ, по имени Хамедъ-бенъ-Солиманъ. Почувствовавъ, что конецъ его приближается, призвалъ онъ къ себѣ свою жену и своего маленькаго сына и такъ сказалъ имъ: «Лала-Кабура, мнѣ остается жить немного часовъ, и я разстаюсь съ вами, скорбя, что Богъ не удостоилъ меня окончить воспитаніе моего сына. Мулей-Абсаламъ умнѣйшій малый и обѣщаетъ быть чѣмъ-то необыкновеннымъ. Но злыя Джинны зарятся на него и стараются его погубить; потому береги его и смотри за нимъ, дабы родъ мой не былъ потерянъ».

«И когда сказалъ онъ это, схватили его столь сильныя боли, что онъ уже не могъ болѣе выговорить ни слова. Лала-Кабура распустила свои волосы и закричала на весь Аммаръ: какая женщина имѣла столь красиваго мужа, какъ Хамедъ-бенъ-Солиманъ? Былъ-ли когда человѣкъ, который умѣлъ такъ обертывать голову

кисеей и носить такъ свой гаикъ? [1]) Гдѣ найдутъ такого погонщика, котораго верблюды будутъ такъ слушаться, какъ слушались моего Хамедъ-бенъ-Солимана? Всѣ сосѣди и сосѣдки сожалѣли о человѣкѣ и проводили его на кладбище.

«Мулей-Абсаламъ былъ еще мальчикомъ, когда случилось это печальное событіе Онъ былъ очень тихъ и отъ самаго рожденія своего ничего не говорилъ, кромѣ «аллагу-акбаръ» (Богъ великъ). Когда люди порицали за его чрезмѣрную молчаливость и насмѣхались надъ нимъ, отецъ его всегда говаривалъ: «говорите что хотите; я раздѣляю мысли моего сына; молчать лучше, чѣмъ говорить, и изъ десяти словъ едва-ли десятое слово угодно Богу». Но Мулей-Абсаламъ казался равнодушнымъ ко всему, что около него происходило, и когда умиралъ его отецъ, онъ, какъ видѣли то сосѣдки, пристально смотрѣлъ впередъ себя, и выпуча глаза спокойно жевалъ старые финики. Мать, услышавъ, что его порицали за это осердилась и сказала: «говорите что хотите; развѣ пророкъ не сказалъ, что достойно человѣка побѣждать свою печаль? Развѣ великій Омаръ не усмѣхнулся, когда умеръ отецъ его, и не воскликнулъ: блаженны мертвые?» И люди, слышавшіе такія ея рѣчи, качали головой и шли своею дорогой.

«Прошло семь годовъ послѣ смерти Хамеда, погонщика верблюдовъ, и въ продолженіе этого времени ничего не случилось, развѣ только то, что Лала-Кабура пріобрѣла много морщинъ, а Мулей-Абсаламъ—бороду. Впрочемъ онъ былъ такимъ же молчаливымъ и по прежнему не замѣчалъ, что есть на свѣтѣ люди кромѣ его. Совершивъ свою молитву, какъ правовѣрный мусульманинъ, выходилъ онъ изъ дому, кой-какъ накинувъ себѣ свой гаикъ на плечи, и ложился гдѣ-нибудь въ полѣ; но особенно любилъ онъ лежать подъ одной густой акаціей. Тамъ лежалъ онъ по цѣлымъ днямъ; а мать его давала знать съ таинственнымъ видомъ своимъ сосѣдкамъ, что у ея Абсалама что-то большое на умѣ, и что подобно пророку и святымъ людямъ онъ ищетъ уединенія, дабы безъ помѣхи предаваться своимъ мыслямъ. И люди, проходившіе мимо его, старались пройти безъ шуму. Мулей-Абсаламъ все смотрѣлъ передъ собой; а если иногда какой-нибудь жукъ, увиваясь около ствола акаціи, летѣлъ вверхъ, то Мулей смотрѣлъ на него съ самымъ углубленнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ, слѣдуя за его круженьемъ неподвижно устрем-

---

[1]) Гаикъ—верхняя одежда, бурнусъ.

ленными глазами: потомъ вставалъ,—но тихо, тихо и становился на цыпочки, чтобъ какъ можно .долѣе не терять изъ глазъ улетавшаго вверхъ жука.

«Однажды, и чтó причинило значительное удивленіе всѣмъ людямъ, обнаружилась въ немъ необычайная дѣятельность. Подъ старой акаціей началъ онъ рыть яму и вырылъ настолько, что весь ушелъ въ нее; только по землѣ и камнямъ, которые онъ безъ отдыху выбрасывалъ изъ ямы, замѣтно было, что онъ все продолжалъ рыть ее. Мать его не усомнилась, что Мулей-Абсаламъ набрелъ на кладъ, но очень сердилась на любопытство людское, которое хотѣло узнать, чтó все это значило. Цѣлую ночь Кабура не могла заснуть и все думала о несмѣтныхъ сокровищахъ. Но утромъ съ безпокойствомъ замѣтила она, что сынъ ея на ночь домой не приходилъ, и пошла его отыскивать, думая, что, вѣроятно, помѣшало ему придти домой какое-нибудь злое колдовство. Она пошла прямо къ акаціи, и люди, увидавъ, какъ она спѣшила, говорили между собою: «Машаллахъ! о чемъ это такъ хлопочетъ Кабура?» Но въ неизвѣстности оставались они недолго: вскорѣ услышали они плачевный крикъ Кабуры, звавшей на помощь. Жители Аммара встревожились, поспѣшили къ извѣстному дереву—и увидали на днѣ глубокой ямы сидѣвшаго на корточкахъ Мулея. Мать, наклонясь, звала его по имени, кликала всѣми возможными ласковыми словами, но напрасно. Голова его неподвижно лежала на приподнятыхъ колѣнахъ. Увидѣвъ, что дѣло худо, принесли веревки тащить его оттуда, и, вытащивъ съ большимъ трудомъ, положили къ ногамъ матери. Мулей былъ мертвъ. Кабура, обнимая его, восклицала: «бѣда, мнѣ, несчастной! вотъ какая напасть случилась со мной! Гдѣ найти такого юношу, который могъ бы сравняться съ тобой въ мудрости! гдѣ найдется сынъ, который подавалъ бы своей матери такія великія надежды?»

«Въ подобныхъ и другихъ словахъ жаловалась старая Кабура на судьбу свою и заказала своему сыну торжественныя похороны. По окончаніи похоронъ, поздно вечеромъ, проходилъ Хаджи-Мустафа съ своимъ зятемъ Музой мимо ямы и разговаривали о покойникѣ. Вдругъ услашали они со дна ея стонъ и слова: «Сжальтесь надо мной! я Мулей-Абсаламъ, сынъ Хамеда-бенъ-Солимана, погонщика верблюдовъ!» Услышавъ это, они весьма испугались, побѣжали въ Аммаръ и разсказали о томъ. Тотчасъ всѣ жители съ фонарями пошли къ ямѣ и еще издали услышали жалобный стонъ Мулея-Абсалама: «Бисмиллахъ! (во имя Бога) помогите, пра-

вовѣрные! а то съѣстъ меня талебъ-юсуфъ (шакалъ), желтый султанъ (левъ) бродитъ около меня! Помогите Мулей-Абсаламу, сыну Хамеда-бенъ-Солимана, погонщика верблюдовъ!»

«И всѣ слышавшіе это ужаснулись и говорили между собою: «развѣ мы нынче не схоронили Мулея-Абсалама? или морочитъ насъ злой духъ?» И, говоря это, произносили изреченія изъ Корана и заклинанія для прогнанія злыхъ духовъ. Такимъ образомъ подошли они къ ямѣ и при свѣтѣ факеловъ увидѣли несчастнаго Абсалама въ томъ самомъ положеніи, какъ нашли его прежде, и снова вытащили. Лала-Кабура громко выла, а всѣ стоявшіе вокругъ вскрикивали отъ ужаса. То былъ тотъ самый Абсаламъ, котораго они еще сегодня похоронили.

«Ночь эта была самая безпокойная и ужасная для жителей Аммара. Такъ какъ во всемъ этомъ явно было дѣло злого духа, то они тотчасъ же послали за мудрымъ человѣкомъ, по имени Сиди-Мохаммедомъ, и просили его заклясть покойника. Мудрый человѣкъ явился на черномъ конѣ и былъ при свѣтѣ факеловъ приведенъ къ тому мѣсту, гдѣ положили покойника, завернувъ его въ большое покрывало. Сиди-Мохаммедъ велѣлъ народу отойти, такъ чтобы около тѣла сдѣлался большой кругъ, и сошелъ съ лошади, отдавъ ее держать своему негру, — потомъ взялъ факелъ, приказавъ погасить всѣ другіе, воткнулъ его въ землю въ головахъ покойника,—зажегъ благовонныя травы и началъ что-то тихо бормотать про себя. Глаза его сверкали, потъ крупными каплями катился по лбу, а ночной вѣтеръ раздувалъ его широкій гаикъ. Потомъ бросилъ онъ горсть земли на покойника и, вскричавъ: «нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Мохаммедъ посланный отъ Бога», подскочилъ къ своей лошади, вспрыгнулъ на нее и началъ скакать вокругъ трупа, все уменьшая и уменьшая кругъ. Паръ шелъ изъ ноздрей коня такой, что при свѣтѣ факеловъ казался бѣлымъ огнемъ; глаза сіяли кровавымъ свѣтомъ, ноги едва касались земли, и силы увеличивались съ каждой минутой. «Машаллахъ, машаллахъ!» шептали про себя люди. Наконецъ, подскакалъ мудрый человѣкъ къ трупу, наклонился и вырвалъ факелъ изъ земли, потомъ слѣзъ и погасилъ его о землю. Заклинаніе кончилось. Сиди-Мохаммедъ началъ говорить, какъ надобно завтра поступать при похоронахъ Мулея, какъ вдругъ люди, которые хотѣли тащить тѣло въ одинъ отдаленный домъ, испустили громкій крикъ: покрывало, въ которомъ завернули покойника, было пусто. Весь народъ притихъ отъ ужаса и обступилъ мудраго человѣка, а онъ, сидя на своемъ конѣ,

гордо посматривалъ на народъ. Наконецъ, онъ сказалъ имъ слѣдующее: «Ступайте по домамъ, правовѣрные, и спокойно дожидайтесь утра. Или Мулей-Абсаламъ—возлюбленный пророка, и тогда намъ бояться нечего, или съ нами Джинны играютъ злую игру—ну, тогда мы найдемъ средство уничтожить ихъ волшебство».

«И, утѣшенный симъ, народъ разошелся по разнымъ сторонамъ, восклицая: «нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Мохаммедъ посланный отъ Бога».

«Но на слѣдующее утро случилось еще бо̀льшее чудо. Кабура, выходя изъ дому, увидѣла своего сына—онъ прошелъ мимо ея—и слышала, какъ онъ сказалъ ей: «Ассалому алейкумъ!» (да будетъ миръ съ тобою!) Чуть она не умерла отъ ужаса. А онъ себѣ, словно ничего не бывало, взялъ со двора шесть длинныхъ шестовъ, взвалилъ ихъ себѣ на плечи и пошелъ вонъ. Кабура за нимъ и всѣ сосѣди, увидѣвшіе его, говорили: «Мулей-Абсаламъ, конечно, святой или возлюбленный пророка». Осторожно шли они за нимъ, издали смотря, что̀ онъ будетъ дѣлать съ шестами. И увидѣли они, что онъ отправился къ своей ямѣ и когда подошелъ къ ней, сбросилъ съ плеча шесты, уперся руками въ колѣни и, вытянувъ шею, началъ смотрѣть въ яму. И смотрѣлъ онъ такъ долго, что люди даже потеряли терпѣніе; былъ уже полдень, а Мулей оставался все въ томъ же положеніи: вотъ и вечеръ пришелъ, и уже послышался вдали жалобный крикъ шакала... Мулей-Абсаламъ все смотрѣлъ въ яму. Покачивая головой, разошлись жители Аммара по домамъ, съ намѣреніемъ воротиться сюда утромъ. Но утромъ представилось имъ удивительное зрѣлище: изъ ямы возвышался страшной высоты шестъ, связанный изъ многихъ другихъ, а на верху его торчалъ Мулей-Абсаламъ, опрокинувъ голову на спину, и пристально смотрѣлъ на небо. Отъ тяжести его тѣла шестъ погнулся, словно колосъ, на верху котораго сидитъ жукъ. Люди не знали что̀ и думать объ этомъ. Цѣлый день онъ не шевельнулся и и все смотрѣлъ на небо. Но въ эту ночь кончилось колдовство; два кабана проходили ночью этой дорогой; какъ только самка увидала Мулея, такъ и закричала: «не этотъ ли нечестивецъ хотѣлъ проникнуть всю глубину и высоту мудрости? Давно, ужъ онъ былъ намъ, Джиннамъ, сучкомъ въ глазу: мы ненавидимъ прославляющихъ дѣло пророка; но теперь онъ въ нашей власти и не уйдетъ отъ насъ». И, раскачавъ шестъ, вырвали они его изъ земли, такъ что тѣло Мулея расшиблось въ куски о землю. Когда на слѣдующее утро жители Аммара пришли посмотрѣть на Мулея-

Абсалама, то нашли его тюрбанъ да кой-какіе лоскутья одежды, разбросанные по полю».

Цѣлый день бродилъ я по Тарифѣ и ея окрестностямъ. Никогда не встрѣчалъ я города съ такимъ меланхолическимъ видомъ: полуразвалившіяся красныя стѣны, пустынныя улицы, дома дряхлые, на всемъ видъ печали и скуки. Но нѣсколько разъ въ этихъ заглохшихъ улицахъ доносились до меня звуки гитары и живой темпъ андалузскихъ пѣсенъ. Увѣряю васъ, въ такомъ меланхолическомъ, опустѣломъ гнѣздѣ звуки гитары производятъ особенное впечатлѣніе. Въ одномъ домѣ женскій голосъ пѣлъ подъ акомпаниментъ болеро; я остановился, чтобъ вслушаться въ слова, и запомнилъ только четыре стиха:

De la dulce mi enemiga
Nace un mal que al alma hiere,
Y por mas tormento quiere
Que se siente y no se diga.

«Отъ моего милаго врага происходитъ мое страданіе, поразившее мнѣ душу, и, еще къ бо́льшему моему мученію, это страданіе хочетъ, чтобъ его только чувствовали, а не высказывали».

Нигдѣ не видалъ я такихъ густыхъ кустовъ олеандровъ, какъ въ окрестностяхъ Тарифы. Кстати: здѣсь даже на нравахъ сохранился арабскій отпечатокъ: женщины, выходя на улицу, совершенно закрываютъ себѣ лицо, такъ что у нихъ видны только одни ихъ сверкающіе черные глаза. А какъ вамъ нравится слѣдующая забава жителей Тарифы: каждое воскресенье гоняютъ здѣсь по улицамъ быка; если же быкъ очень свирѣпъ, то человѣкъ верхомъ издали держитъ его за веревку, привязанную къ шеѣ. И все, что встрѣчаетъ на улицѣ, въ-запуски дразнитъ его, мимоходомъ, предоставляя другимъ отдѣлываться какъ знаютъ отъ раздраженнаго животнаго. Женщины еще болѣе мужчинъ страстны къ этой забавѣ: онѣ смотрятъ изъ нижнихъ оконъ домовъ, и особенное наслажденіе нѣжныхъ созданій состоитъ въ томъ, чтобъ тѣхъ, которые для избѣжанія нападеній бѣгущаго быка взбираются на желѣзныя рѣшетки оконъ, колоть булавками и принуждать тѣмъ снова спуститься на улицу. Ихъ трусливыя ужимки и страхъ возбуждаютъ дикій, звонкій смѣхъ андалузокъ. Часто случаются опасныя раны, даже смерть; но здѣсь и не думаютъ о запрещеніи этой милой забавы. Разумѣется, въ эти дни старики и робкіе

люди сидятъ по домамъ. Это праздникъ страстныхъ женщинъ и смѣлыхъ людей.

Поздно вечеромъ возвратились мы на наше судно. Не желая зябнуть на влажномъ, холодномъ морскомъ туманѣ, какъ въ прошлую ночь, я забрался спать въ люкъ, между кипами товаровъ. Проснувшись часа въ четыре, увидѣлъ я, что судно наше тихо подвигалось: легкій утренній вѣтерокъ едва колыхалъ паруса. Вдали чуть мерцалъ маякъ Тарифы; луна была на закатѣ. Передъ нами въ прозрачномъ туманѣ темнѣлись высокіе берега Африки. Вѣтерокъ, поднявшійся было на разсвѣтѣ, къ утру стихъ; приливъ несъ насъ къ берегамъ Африки, ихъ горы становились яснѣе и яснѣе Они не такъ голы и скалисты, какъ берега Испаніи, но форма ихъ угловатѣе; отлогости покрыты густымъ кустарникомъ. Мы были такъ уже близко берега, что можно было разглядѣть, какъ пасущіяся лошади цѣплялись по крутизнамъ, и слышали голоса шатающихся по берегамъ арабовъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ, другой, третій...

— Что̀ значатъ эти выстрѣлы? спросилъ я матроса.

— По насъ стрѣляютъ; эти собаки не любятъ, если христіанскія суда близко подходятъ къ ихъ берегамъ, и начинаютъ стрѣлять по нимъ изъ ружей.

За отсутствіемъ вѣтра, матросы тотчасъ принялись за весла, и мы нѣсколько отдалились отъ берега. Но здѣсь по близости Гибралтара арабы смирны; а на западъ отъ Танхера, гдѣ море очень мелко, у береговъ ежегодно случается, что при туманѣ, который здѣсь бываетъ иногда такъ густъ, что совершенно закрываетъ берегъ,—неопытныя суда, предполагая берегъ далѣе, обманываются, попадаютъ на мель и становятся жертвою береговыхъ жителей. Арабы подъѣзжаютъ тогда къ кораблю на маленькихъ лодкахъ, нападаютъ на экипажъ, бо̀льшею частію убиваютъ его и грабятъ корабль. Правда что мароккское правительство, по строгому требованію европейскихъ консуловъ, всегда находитъ убійцъ и вѣшаетъ ихъ; но жажда у арабовъ къ грабежу такъ велика, что всегда на мѣсто повѣшенныхъ являются новые. Замѣчательно, что могущественная Европа до 1845 года платила мароккскому императору ежегодную подать, для того, чтобъ мароккскіе корсары не грабили европейскихъ судовъ. Часа четыре въ ожиданіи вѣтра держались мы на морѣ; вдали передъ нами бѣлѣлся чуть видный Танхеръ. Наконецъ, вдругъ поднялся сильный вѣтеръ и, на этотъ разъ, попутный; паруса наши вздулись, и судно полетѣло. Скоро

открылся намъ весь заливъ Танхера, и на скатѣ горы бѣлый, низенькій городъ, середи густой зелени. Берегъ Африки съ этой стороны и самый заливъ совершенно походятъ на Испанію; самый видъ Танхера напоминаетъ приморскіе берега Андалузіи. Укрѣпленія, разрушенныя бомбардированіемъ французовъ, кое-гдѣ поправляются. На узкомъ, каменистомъ мысу сидѣли въ кружкѣ арабы и, куря трубки, смотрѣли, какъ грузили быковъ на единственное находившееся въ заливѣ судно. Судно наше бросило якорь. Каждый пріѣзжающій въ Танхеръ европеецъ долженъ прежде всего отнестись къ своему консулу, и, такъ сказать, подъ его покровительствомъ войти въ городъ. Это сдѣлано потому, что прежде европейцы, пріѣзжающіе въ Марокко, пропадали часто безъ вѣсти, а консулы, не зная о нихъ, не могли формально обращаться къ марокскому правительству съ требованіями розыска. Но для проѣзда изъ Танхера внутрь Марокко нужно еще особенное позволеніе танхерскаго паши. Мнѣ разсказывали здѣсь, что недавно одинъ нѣмецъ, не взявши этого предварительнаго дозволенія, отправился въ Марокко, послѣ шести дней трудной ѣзды пріѣхалъ къ воротамъ его; но за проѣздъ въ городъ марокское городовое начальство просило съ него 80 піастровъ (около 400 руб. асс.). Нѣмецъ разсердился и воротился въ Танхеръ. Нашъ консулъ въ Гибралтарѣ адресовалъ меня къ шведскому консулу. Такъ сказалъ я капитану, который съ нашими паспортами отправился къ консуламъ. Съ нимъ на лодкѣ поѣхали и наши пріятели мавры. Черезъ полчаса съ берега закричали, что можно выходить на берегъ. Еврей, французъ и я отправились въ лодкѣ, но по мелководью нельзя было близко подойти къ берегу, и толпа дикаго вида полунагихъ арабовъ окружила нашу лодку, подхватила каждаго изъ насъ на руки, вынесла на берегъ (при чемъ не преминули вытащить у меня изъ кармановъ два шелковыхъ платка) и тотчасъ потребовали денегъ. Эти свирѣпыя лица, это коричневое отъ загара тѣло, до колѣнъ прикрытое бѣлыми бурнусами, эта животная жадность и дикія восклицанія... никогда не забуду я этого страннаго впечатлѣнія. Давъ первую попавшуюся подъ руку монету, я сталъ пробираться сквозь толпу. Французскій консулъ прислалъ къ моему товарищу своего переводчика; съ его помощію мнѣ удалось, наконецъ, овладѣть своимъ чемоданомъ и плащемъ, находившимися во власти двухъ арабовъ, уже далеко ушедшихъ съ ними; но въ этой толпѣ, передъ самыми воротами города, потерялъ я своего товарища съ его переводчикомъ; еврей

былъ извѣстенъ въ Танхерѣ и давно ушелъ; я пробирался къ воротамъ, какъ пожилой арабъ остановилъ меня, спрашивая по-испански, кто у меня консулъ? Это былъ начальникъ городскихъ воротъ. Такъ-какъ шведскій консулъ, къ которому капитанъ отнесъ мой паспортъ, никого не прислалъ отъ себя къ пристани, то этотъ господинъ въ тюрбанѣ хотѣлъ, чтобъ я дожидался у воротъ города. Но чрезъ нѣсколько минутъ товарищъ мой воротился за мною, и подъ покровительствомъ французскаго консула я вошелъ въ Танхеръ. Его переводчикъ сказалъ мнѣ, чтобъ я тотчасъ же шелъ къ шведскому консулу, къ которому я былъ адресованъ. Въ толпѣ, насъ окружавшей, нашелся арабъ, говорившій по-испански, и повелъ меня туда. Но, заставивъ себя дожидаться болѣе получаса, шведскій консулъ вышелъ ко мнѣ для того только, чтобъ посовѣтовать мнѣ обратиться къ англійскому. Англійскаго консула не было дома, и я объяснился съ вице-консуломъ, который тотчасъ же сказалъ мнѣ. что англійское консульство беретъ подъ свое покровительство всѣхъ, которые не имѣютъ своихъ консуловъ въ Танхерѣ. Но кромѣ этого я нашелъ въ вице-консулѣ самаго любезнаго и обязательнаго человѣка. Онъ тутъ же представилъ меня своей женѣ; долгое пребываніе въ Испаніи отучило ее отъ англійской неподвижности. Она показала мнѣ свои акварельные рисунки, сдѣланные съ большимъ талантомъ; мы разговорились объ Испаніи, объ арабахъ. Она сыграла мнѣ на фортепьяно нѣсколько арабскихъ мелодій,—словомъ, я съ истиннымъ наслажденіемъ провелъ у нихъ болѣе часа. Отсюда я велѣлъ арабу вести меня къ одной генуэзкѣ, у которой сговорились мы остановиться, и гдѣ мой товарищъ уже дожидался меня. Французскій консулъ прислалъ ему переводчика и марокскаго солдата, подъ эгидою котораго мы тотчасъ же отправились осматривать городъ.

Странное, горькое чувство охватило меня, когда я бродилъ по Танхеру, смотря на этихъ людей, полунагихъ, съ печально-дикими физіономіями и величавыми движеніями, закутанныхъ въ свои бѣлые бурнусы,—на эту мертвенность домовъ и улицъ, на эту душную таинственность жизни. Такъ вотъ она, эта Азія! Никогда не выѣзжая изъ Европы, я по этому одному клочку Африки предчувствую, что̀ такое должны быть всѣ эти города Турціи, Египта, Персіи, Аравіи. Смотря на эту гордую осанку, на эти прекрасныя лица, не вѣрится, что находишься въ странѣ безпощадной тиранніи. Попадались лица, которыя трогали меня до глубины души

своимъ грустно-кроткимъ выраженіемъ. Въ этихъ глазахъ столько покорной печали, въ этомъ долгомъ, задумчивомъ взорѣ Азіи столько нѣги и глубины, что съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя: за что же эти народы влачатъ такое тяжкое существованіе?

. . . .

Въ нашихъ метафизическихъ системахъ, выдумываемыхъ въ тиши кабинетовъ, среди кипящей живыми силами нашей европейской цивилизаціи, эта агонія востока, пережившаго свою цивилизацію и не понимающаго другой, чуждой ему, кажется дѣломъ такимъ простымъ и естественнымъ: нѣтъ, взгляните на эти преходящіе народы въ ихъ странахъ — насѣкомыя, ползающія въ грязи, не возбудятъ въ васъ такого чувства, какъ эти люди; а вѣдь ихъ милліоны! Предопредѣленіе востока не выдумка и не предразсудокъ: это его глубокомысленная философія, драгоцѣнный бальзамъ, облегчающій его предсмертныя страданія.

. . . .

Они неспособны понять меня, гордо говоритъ европейская цивилизація, и потому осуждены уступить мѣсто моимъ племенамъ или влачить жизнь животныхъ и гибнуть. Такъ истребились племена, населявшія нѣкогда Америку, и о которыхъ президентъ Джеферсонъ говаривалъ въ раздумьи: «мнѣ становится страшно за мой народъ, когда подумаю о той великой несправедливости, въ какой виновенъ онъ передъ прежними обитателями этихъ странъ». Такъ же, можетъ быть, впослѣдствіи будутъ истреблены европейскими племенами и племена Азіи и Африки. Европейское народонаселеніе растетъ, и ему скоро будетъ тѣсно въ Европѣ. Но отчего же древняя цивилизація такъ охотно принималась народами востока? Отчего она не осуждала ихъ на смерть, а вызывала къ жизни?

Европейская цивилизація хвалится общечеловѣческими элементами; но отчего она съ такими тяжкими насиліями прокладываетъ себѣ путь? отчего эти милліоны народовъ, живущихъ возлѣ нея, не только не чувствуютъ къ ней никакого влеченія, но соглашаются лучше погибнуть, нежели принять ее? Человѣкамъ не должно же быть чуждо человѣческое. Не справедливо ли скорѣе то, что эти мнимые общечеловѣческіе элементы, которыми такъ гордится европейская цивилизація, въ сущности еще бѣдны общечеловѣческимъ. Можетъ быть, этой цивилизаціи не достаетъ еще многаго, можетъ быть, она должна совершенно преобразиться, для того чтобъ пристали къ ней Азія и Африка,—можетъ быть, въ ней и

нѣтъ тѣхъ человѣческихъ элементовъ, на которые могла бы откликнуться одичалая, но все-таки человѣческая природа востока.

Въ Европѣ такъ часто и много при всякомъ случаѣ говорятъ и пишутъ о человѣчествѣ, что слово это сдѣлалось даже какимъ-то общимъ мѣстомъ; а многіе ли отдаютъ себѣ строгій отчетъ въ значеніи этого громкаго слова? Если взять понятіе, въ какомъ его обыкновенно употребляютъ, въ его существенномъ значеніи, и если принять въ соображеніе, что у милліоновъ народовъ Азіи и Африки жизнь сложилась совершенно противоположно европейскимъ стремленіямъ, то выходитъ, что подъ громкимъ словомъ человѣчество Европа въ сущности разумѣетъ, сама того не сознавая, только племена, принявшія ея цивилизацію. На какое же меньшинство, бѣднѣйшее въ сравненіи съ народонаселеніемъ земного шара, сведется звучное слово человѣчество!

Городской базаръ Танхера состоитъ изъ площади, окруженной множествомъ маленькихъ лавочекъ со всякой всячиной: тутъ продаютъ и мясо, и медъ, и хлѣбъ, и оружіе, и туфли, и порохъ. Здѣсь безпрестанно толпится народъ; иные сидятъ на землѣ, поджавши ноги, въ совершеннѣйшей апатіи; зелень и плоды продаютъ женщины, въ покрывалахъ. Въ толпѣ мелькаютъ и евреи; здѣсь они послѣдніе изъ послѣднихъ; встрѣчаясь съ мавромъ, еврей тотчасъ даетъ ему дорогу, и мавръ проходитъ, не удостоивая его даже взглядомъ. Вечеромъ базаръ освѣщенъ, то-есть въ каждой лавочкѣ горитъ свѣтильникъ на маслѣ: красноватый отблескъ ихъ придаетъ картинѣ еще болѣе грязный и бѣдственный видъ. Главную промышленность Марокко составляетъ выдѣлка кожъ, а особенно сафьяна—онъ здѣсь превосходенъ. Здѣшнія шелковыя ткани толсты и тяжелы; но цвѣта ихъ ярки и подобраны со вкусомъ. Всего лучше дѣлаютъ здѣсь оружіе, и безъ всякихъ машинъ, одною ручною работою. Я видѣлъ отличныя ружья и клинки дамаскированные, съ золотомъ, серебромъ или кораллами. Такое ружье здѣсь купишь за 15 піастровъ (около 75 р. асс.). Всѣ они очень длинны (6 футовъ). Мы зашли въ кофейную, и кофе былъ очень хорошъ. Кофейная состоитъ изъ маленькихъ комнатъ; въ каждой изъ потолка виситъ свѣтильникъ; на полу, поджавъ ноги, сидѣли полунагіе арабы, курили трубки, запивая кофеемъ. Въ одной изъ лавочекъ близъ кофейной сидѣлъ старый мавръ—прежній алькайдъ (губернаторъ) Танхера. По своему уму онъ и теперь находился во всеобщемъ уваженіи. Въ Марокко нѣтъ различія состояній: самый послѣдній изъ мавровъ можетъ быть милостію султана обле-

ченъ высшею должностію и потомъ по той же волѣ властителя низверженъ въ прежнее положеніе. Такимъ образомъ прежній губернаторъ Танхера снова сталъ мелочнымъ лавочникомъ и продавалъ туфли. Деньги—единственное средство, которое могло бы здѣсь быть началомъ различія сословій, скрываютъ всѣми силами. Если пашѣ захочется отнять ихъ, онъ всегда найдетъ къ тому средства. Власть мороккскаго султана гораздо неограниченнѣе власти султана турецкаго; здѣсь въ сущности все принадлежитъ ему: и деньги, и имѣніе, и жизнь подданныхъ. Какъ потомокъ Мохаммеда, онъ повелитель правовѣрныхъ, высшій судья, непреложный истолкователь законовъ Корана и исполнитель ихъ. По восточнымъ понятіямъ, какъ Богъ правитъ міромъ, такъ султанъ правитъ страною: могущество его ограничено только однимъ—невозможностью исполненія.

За городомъ, около стѣнъ, есть другой базаръ; сюда жители горъ и степи пріѣзжаютъ продавать свои произведенія; тутъ около колодца лежали десятка три верблюдовъ, навьюченныхъ шерстью и кожами шакаловъ. За городъ мы могли пройти не болѣе, какъ на полверсты; далѣе, солдатъ нашъ сказалъ, ходить опасно, а надо ѣхать верхомъ и взять съ собою шесть солдатъ въ провожатые. Но меня эта прогулка не интересовала, тѣмъ болѣе, что, несмотря на солдата, въ горы все-таки нельзя было ѣхать: берберы не боятся солдатъ и грабятъ ихъ наравнѣ съ прочими. Около Танхера растительность самая могучая: гигантскіе кактусы, алоэ, высокій тростникъ, индѣйскія фиги, пальмы, гранаты; съ пригорковъ, сквозь чащу зелени, просвѣчивала песчаная степь. Но какъ отрадно нѣжила глаза эта темная зелень на яркомъ, золотистомъ фонѣ пустыни, облитой солнцемъ, безъ тѣней, на которой лазурною полосою слегка обозначались далекія горы. Около городскихъ стѣнъ находится садъ, принадлежащій датскому консулу, весь изъ огромныхъ апельсинныхъ деревьевъ, величиною съ наши старые вязы. Но домъ его, выстроенный тутъ, совершенно опустошенъ берберами, во время бомбардированія Танхера французами въ 1844 году. Сынъ марокскаго султана, стоявшій съ войскомъ около Танхера, отступилъ съ перваго же французскаго выстрѣла, не подумавъ хоть защитить городъ отъ грабежа берберовъ. Губернаторъ, собравъ около себя всѣхъ способныхъ носить оружіе въ Танхерѣ, едва отстоялъ его. Могадоръ же послѣ бомбардированія французовъ былъ весь разграбленъ горными племенами.

Народонаселеніе Марокко состоитъ изъ различныхъ и частію

враждебныхъ между собою племенъ—мавровъ, арабовъ, берберовъ, евреевъ и негровъ. Самую лучшую часть народонаселенія составляютъ мавры; они живутъ въ городахъ; изъ нихъ же назначаются и должностныя лица. Арабы частію живутъ въ деревняхъ, частію ведутъ кочевую жизнь, бродя по пространнымъ равнинамъ внутри Марокко. При перемѣнѣ одного кочевья на другое, они должны платить султану опредѣленную подать, на основаніи того, что вся земля принадлежитъ ему. Самое дикое изъ всѣхъ племенъ—берберы; они живутъ въ горахъ, занимаются грабежемъ, охотой и въ постоянной враждѣ съ маврами и арабами. Сѣверная часть Марокко, въ которой лежитъ Танхеръ, населена бо̀льшею частію ими

Евреи живутъ по городамъ и занимаются ремеслами. По своей дѣятельности и промышленности, несмотря на все презрѣніе, оказываемое имъ маврами, они сдѣлались имъ необходимы. Въ Танхерѣ живутъ они гдѣ хотятъ, но во всѣхъ другихъ городахъ Марокко имъ отведены особые кварталы, которые запираются послѣ заката солнца, и ни одинъ еврей не долженъ выходить изъ нихъ. Евреи не имѣютъ права носить въ городахъ оружіе, ѣздить верхомъ на лошади, а только на ослѣ или мулѣ; цвѣтъ одежды ихъ долженъ быть черный, и никакого другого цвѣта носить имъ не дозволяется. Я говорилъ уже, что на востокѣ черный цвѣтъ есть цвѣтъ презрительный. Проходя мимо мечети, они должны снимать съ себя туфли и идти босикомъ. Мальчишка-мавръ можетъ бить взрослаго еврея, и онъ не долженъ смѣть поднять на него руки: въ противномъ случаѣ за это бьютъ его палками. Еврей, желающій выѣхать изъ Танхера въ Европу, хотя на короткое время, долженъ внести губернатору Танхера значительную сумму; даже женщины не изъяты отъ этого (мавры и арабы не платятъ за это ничего).

Можно ли требовать, чтобъ при такомъ страшномъ угнетеніи это несчастное племя сохранило въ себѣ какое-нибудь чувство собственнаго достоинства! Физически здѣсь оно несравненно превосходнѣе, чѣмъ въ Европѣ; всѣ евреи, мужчины и женщины, которыхъ мнѣ случалось видѣть, имѣютъ удивительно прекрасныя лица, особенно женщины: это совершенно особый типъ, нисколько не похожій на еврeекъ въ Европѣ. Здѣсь онѣ не высоки и далеко не худощавы; цвѣтъ лица блѣдный, горячо-блѣдный, лицо овальное и довольно полное, губы толсты, влажно мягки и рѣзко выдаются впередъ, какъ на древнихъ статуяхъ египетскихъ женщинъ; глаза большіе, черные, всегда подернутые электризующей

маслянистостью; взглядъ медленно-задумчивый и долгій, какой-то страстно-меланхолическій; движенія лѣниво-спокойны... я не знаю другого типа женщинъ, въ которыхъ было бы болѣе какой-то рдѣющей нѣги, спокойной, лѣнивой и неутолимой. Но лица ихъ съ самымъ задумчивымъ выраженіемъ; въ большихъ, огненныхъ глазахъ ихъ столько грусти, столько тихаго, кроткаго унынія, что у меня болѣло сердце, смотря на нихъ. Двери мусульманскихъ домовъ всегда заперты, но въ каждую отворенную дверь смѣло можно войти: это домъ еврея. Еврейское семейство принимаетъ европейца съ трогательнымъ, грустнымъ радушіемъ. Мы даже были приглашены на одну еврейскую свадьбу. На головѣ молодой была повязка изъ мелкаго жемчугу, а сверху ея бѣлое кисейное покрывало, шитое золотомъ, падавшее на плечи. Въ этомъ уборѣ еврейка была очаровательна. Маленькая комната, въ которой происходила свадьба, была наполнена евреями, еврейками, гостями и зрителями. Двое музыкантовъ сидѣли на полу по-восточному; одинъ игралъ на большой скрипкѣ, похожей на старинный viol d'amour, держа ее какъ віолончель; другой—на тамбуринѣ, подпѣвая арабскія пѣсни, въ которыхъ никакъ я не могъ уловить ни ритма, ни мелодіи. Возлѣ музыкантовъ стояла чашка, куда гости и всего болѣе молодой клали деньги. Мы тоже положили. Женихъ былъ лѣтъ 18, съ острымъ, худощавымъ лицомъ; молодые сидѣли на небольшомъ возвышеніи, поджавъ подъ себя ноги. Танцовали однѣ женщины, безъ мужчинъ. Въ восточныхъ танцахъ главное правило нисколько не прыгать и не трогаться съ мѣста: танцующая движетъ корпусомъ, держа въ рукахъ большой платокъ. Музыка постепенно ускоряетъ тактъ, пѣвецъ прерываетъ ее какими-то воющими речитативами. Когда тактъ ускорялся, танцующая переставала дѣйствовать корпусомъ, а двигала ляжками и плечами. Я въ этихъ танцахъ не нашелъ ничего пріятнаго.

Генуэзка кормитъ насъ очень вкуснымъ обѣдомъ, который запиваемъ мы отлично сухою малагою. Эта добрая старушка уже двадцать семь лѣтъ живетъ въ Танхерѣ. Она съ мужемъ пріѣхала сюда искать счастія и кормилась, держа маленькую гостинницу для европейскихъ путешественниковъ. Мужъ давно умеръ, и—чудовище привычка! — старушка потеряла даже охоту видѣть свою родину.

Алькайдъ, или губернаторъ Танхера, живетъ въ большомъ дворцѣ, старой и прекрасной мавританской постройки. Два солдата стоятъ у воротъ. Въ нижнемъ этажѣ тюрьма. На большомъ

дворѣ его мы были свидѣтелями восточнаго судопроизводства: человѣка съ полуобритою головою и испитымъ лицомъ били палкою по оконечностямъ пальцевъ. Бѣдные арабы тюрбановъ не носятъ, а брѣютъ себѣ голову, оставляя на ней клокъ волосъ. Наружно племена различаются между собой тѣмъ, что носятъ этотъ клокъ волосъ справа или слѣва, спереди или сзади. Провожавшій насъ солдатъ объяснилъ намъ, что этотъ человѣкъ обманулъ другого, за что алькайдъ осудилъ его на двадцать ударовъ палкою по пальцамъ. Здѣсь все судопроизводство совершается словесно; алькайдъ руководствуется Кораномъ и не долженъ получать никакой платы съ тяжущихся. Но на дѣлѣ выходитъ, что и у алькайда подарки суть самыя лучшія доказательства правоты дѣла. Тяжущіяся стороны могутъ обращаться еще къ султану, но такъ какъ и тамъ самыми лучшими доказательствами все-таки служатъ подарки, то къ этой послѣдней инстанціи обращаются лишь богатые, да и то рѣдко. Насъ интересовала конюшня губернатора. Разговаривая со мной объ арабскихъ лошадяхъ, англійскій вице-консулъ съ восторгомъ говорилъ мнѣ объ одномъ арабскомъ конѣ, находящемся у паши. Мавры держатъ своихъ лошадей не въ конюшняхъ, а на открытомъ дворѣ. Конь дѣйствительно былъ удивительный. Здѣсь для султана и войска его берутъ самыхъ лучшихъ лошадей, какихъ только могутъ отъискать, владѣльцамъ выдается за нихъ сколько вздумается султану или пашѣ: по здѣшнимъ законамъ, всѣ лошади въ сущности принадлежатъ султану. Если у кого есть отличная лошадь, горе ему, если она понравится пашѣ: онъ долженъ скорѣй уѣзжать въ горы, а то паша найдетъ средство отнять ее. Мавры особеннымъ образомъ держатъ своихъ лошадей: они ихъ никогда не подковываютъ, лошади стоятъ всегда связанныя, такъ-что едва могутъ двигаться. Мавры думаютъ, что леганье дѣлаетъ лошадь неповоротливою и лѣнивою. Конюшни ихъ всегда на открытомъ дворѣ; солома кладется не подъ лошадей, а передъ ними, такъ что лошадь должна вытянуть шею, чтобъ достать ее: отъ этого у нихъ шея дѣлается длиннѣе и гибче. Въ Марокко, да и во всей южной Испаніи, кормятъ лошадей только соломою и сѣномъ, а овесъ считается нездоровымъ. Впрочемъ солома здѣсь особеннаго качества и, вѣроятно, въ себѣ содержитъ болѣе питательнаго вещества, чѣмъ европейская, что можно заключить по ея тонкому, ароматическому запаху. Лошадей поятъ только разъ въ день, зато часто купаютъ и моютъ, но никогда не чистятъ скребнемъ: щетки и скребни здѣсь вещи неизвѣстныя.

Мавры любятъ своихъ лошадей, какъ арабы пустынь своихъ верблюдовъ. Если у мавра есть хорошая лошадь, онъ скорѣе раздѣлитъ съ ней послѣднiй кусокъ хлѣба, нежели продастъ ее. Утромъ, прежде молитвы, мавръ идетъ къ своей лошади, цѣлуетъ ее въ лобъ, благословляетъ, говоритъ съ ней какъ съ другомъ и убѣжденъ, что она его понимаетъ. Если она дика и непослушна, онъ пристально смотритъ ей въ глаза, говоритъ ей съ сосредоточеннымъ вниманiемъ, дышетъ ей въ ноздри или пускаетъ туда табачный дымъ.

Танхеръ грязенъ; узкiя улицы его, по которымъ валяется всякая падаль, похожи на корридоры, дома безъ оконъ, какъ стѣны, съ дверьми, всегда запертыми: все это больше походитъ на тюрьму, чѣмъ на городъ. По вечерамъ изъ иныхъ домовъ раздается звукъ тамбурина: вѣрно, забавляются имъ женщины. Если встрѣтишь женщину на улицѣ пустой, и она увѣрена, что никто изъ магометанъ не замѣчаетъ за ней, она непремѣнно приподнимаетъ свое покрывало. Такимъ образомъ видѣлъ я одну, прехорошенькую: проходя мимо насъ, она быстро раскрыла свое покрывало и показала прекрасное темное лицо, на которомъ какъ двѣ искры сверкали большiе черные глаза. Женщины въ мечети не ходятъ, а молятся дома; впрочемъ, какъ о существахъ низшихъ, здѣсь объ ихъ спасенiи не заботятся. Ни малѣйшаго слѣда не осталось у мавровъ отъ ихъ прежней цивилизацiи. Но ни глубочайшее невѣжество, ни страшный деспотизмъ не могли сгладить ихъ прекраснаго, благороднаго вида, исполненнаго смѣлости и достоинства. Никогда не забуду я этихъ величавыхъ лицъ мавровъ, въ созерцательномъ покоѣ сидѣвшихъ въ своихъ маленькихъ лавкахъ. При черныхъ, лоснящихся бородахъ, ихъ прекрасныя, бѣлыя, матовы лица имѣли въ себѣ что-то прозрачное, какъ мраморъ, когда сквозь него просвѣчиваетъ солнце. Кромѣ домовъ консуловъ, ни у одного дома въ Танхерѣ нѣтъ оконъ на улицу: прошедши зубчатую стѣну города, входишь между другихъ стѣнъ, и таково здѣсь однообразiе жизни, что здѣсь, я думаю, можно скоро перестать вѣрить въ возможность другого существованiя, какъ среди холодной зимы иногда не вѣрится, что будетъ лѣто.

. . . .

Европа—страна взаимныхъ уступокъ и сдѣлокъ, и вслѣдствiе этого страна терпимости и кроткихъ нравовъ. Въ Азiи и Африкѣ всегда все доводилось до послѣдней крайности. Въ такомъ же отношенiи была религiя древнихъ грековъ къ религiямъ Малой Азiи

Египта и Финикіи. Европа самая непослѣдовательная страна въ мірѣ.

Расположеніе махомеданскихъ домовъ въ Танхерѣ (я заключаю это по домамъ евреевъ) то-же, что расположеніе домовъ въ Андалузіи: непремѣнно съ внутреннимъ дворомъ, на который выходятъ двери окружныхъ комнатъ. Внутреннее устройство католическихъ монастырей всего лучше даетъ понятіе о расположеніи мусульманскихъ домовъ. Здѣсь на всякомъ шагу чувствуешь родственность между Андалузіею и Африкою; только Андалузія здѣсь въ зародышѣ, въ зернѣ,—въ ея развитіи участвовали другіе элементы. Между монотоннымъ напѣвомъ arriero (погонщика муловъ) и мавританскими мелодіями—сходство поразительное; только они здѣсь еще грустнѣе и завывательнѣе.

Послѣ четырехъ-дневнаго пребыванія въ Танхерѣ я начиналъ уже страшно скучать: его мертвое однообразіе утомило меня, а уѣхать не было никакой возможности: судно, которое привезло насъ, дожидалось груза; а въ гавани не было ничего, кромѣ маленькихъ мавританскихъ лодокъ. Зайдя разъ къ англійскому консулу, вдругъ слышу отъ него, что завтра будетъ праздникъ въ Танхерѣ—половина Рамадана или другой какой, не знаю. Съ восьми часовъ вечера муллы уже начали во всю мочь кричать и трубить съ мечетей. Утромъ разбудили насъ пискъ дудокъ и дикіе крики: праздникъ открыла толпа фанатиковъ, въ родѣ дервишей, изъ которыхъ каждый воображаетъ, что въ немъ сидитъ душа какого-нибудь звѣря. Въ Марокко они составляютъ особенную секту, во главѣ которой стоитъ воображающій себя львомъ. Каждый держитъ себя сообразно съ звѣремъ, котораго душу въ себѣ воображаетъ. Говорятъ, что иногда они заживо разрываютъ кошекъ и собакъ. Этимъ чудакамъ очень рѣдко дозволяется ходить по городу; въ Тунисѣ, чтобъ прекратить разныя безчинства дикарей этой секты, самъ бей вступилъ въ ихъ братство, въ качествѣ льва.

Послѣ завтрака мы отправились на большой базаръ: тамъ былъ главный праздникъ. На улицѣ попадались намъ толпы вооруженныхъ мавровъ, забавлявшихся слѣдующей игрой: изъ каждой толпы отдѣляются по двое и по четыре человѣка, выбѣгаютъ впередъ, вертятся, махая во всѣ стороны ружьями и дѣлая высокіе прыжки; обѣ партіи, подбѣгая другъ къ другу, опускаютъ ружья стволомъ внизъ, каждый къ ногамъ стоящаго противъ него,—стрѣляютъ, потомъ вскрикиваютъ, прыгаютъ—и скрываются опять въ

толпу. Эту игру арабы называютъ *фантазія*. На большомъ базарѣ, образующемъ довольно обширное пространство, было множество народу, особенно женщинъ: сидя на землѣ, закутанныя въ свои бѣлыя покрывала, онѣ точь-въ-точь походили на мѣшки съ мукою. На холмистой, усѣянной буграми и ямами почвѣ базара мавры производили *фантазію* верхомъ. Отдѣленія въ 6 и 8 человѣкъ пускались легкимъ, сжатымъ галопомъ, усиливая его до самаго полнаго скока и взбрасывая высоко ружья,—потомъ брали поводья въ зубы, клали ружье на лѣвую руку, стрѣляли и мгновенно останавливали лошадь, такъ что иная опракидывалась съ всадникомъ. Во всемъ этомъ быстрота и легкость были поразительны. Женщины громко вскрикивали, изъявляя свое удовольствіе гортаннымъ визгливымъ дребезжаньемъ. Потомъ показался торжественный поѣздъ изъ воротъ въ городъ: впереди шли вооруженные мавры, забавляясь *фантазіей*: за ними верхомъ на лошади ѣхалъ мальчикъ лѣтъ 6 или 7, въ тюрбанѣ и бурнусѣ; на ногахъ у него были красные сафьянные полусапожки. Лошадь была богато убрана: красные шелковые поводья, высокое сѣдло изъ малиноваго бархата; по обѣимъ сторонамъ шли мавры, ведя лошадь за поводья, сзади —нѣсколько женщинъ. Мальчика везли въ мечеть, для обрѣзанія. За этимъ поѣздомъ слѣдовало нѣсколько подобныхъ, тоже въ мечеть. Когда поѣзды кончились, на середину базара вышелъ арабъ; оливковое тѣло его едва прикрыто было короткимъ бурнусомъ; онъ принадлежалъ къ какой-то сектѣ Сиди-Назира, которая утверждаетъ, что находится подъ особеннымъ покровительствомъ пророка, такъ что ни ядъ, ни укушеніе ядовитыхъ животныхъ не можетъ вредить ея послѣдователямъ. Арабъ вышелъ съ закрытою корзиною, въ которой были змѣи, вынулъ изъ нея двухъ самыхъ ядовитыхъ, раздражилъ ихъ и далъ себя ужалить, потомъ тотчасъ же высосалъ ужаленное мѣсто: онъ жевалъ что-то во рту, что̀, можетъ быть, служило ему противоядіемъ. Потомъ вынулъ онъ большую змѣю, теребилъ ее, раздражалъ—и тотчасъ же приводилъ въ повиновеніе; наконецъ досталъ еще изъ корзины змѣю, длиною въ аршинъ съ небольшимъ, и принялся ее ѣсть съ хвоста, дѣлая самыя дикія кривлянья. Змѣя извивалась, вертѣлась, рвалась, жалила его; онъ уже половину ея съѣлъ, а она все еще вертѣлась....

Этимъ праздникъ окончился.

Египта и Финикіи. Евр
въ мірѣ.

Málaga, сентябрь.

Расположеніе махом... изъ Танхера.
чаю это по домамъ ег... ть въ этом
Андалузіи: непремѣн... по сл
ходятъ двери окру... чт
лическихъ монаст... а.
мусульманскихъ
ственность ме... деньги;
въ зародышѣ ...ринять на пароход.
менты. Меж... Дорогою капитанъ обращ...
и маврита... ...ами, пригласилъ насъ къ завтраку,
здѣсь еш... ...ку и вообще оказывалъ то лестное и
Посл... ...отяготительное вниманіе, которое умѣютъ
уже ст... ...лько англичане, когда хотятъ быть любезными.
уѣха... ...ный вѣтеръ и непроницаемый туманъ заставили на-
нас... ...потребить восемь часовъ па проѣздъ отъ Танхера до Гиб-
ле... ...ра,—и на другой же день съ пришедшимъ изъ Кадиса па-
с... ...ходомъ отправился я въ Málагу, откуда и пишу я къ вамъ эти строки. Никогда не забуду я того радостнаго ощущенія, когда, разбуженный стукомъ якорной цѣпи, вышелъ я на палубу. Солнце только-что показалось изъ-за волнъ; бѣлые дома Málаги были покрыты чудеснымъ розовымъ отливомъ, при которомъ утренняя глубокая синева неба казалась темно-яхонтовою; за этою ярко-розовою кучею строеній лежали горы съ самыми мягкими очертаніями, покрытыя густою темною зеленью...... въ первый разъ еще природа Испаніи имѣла для меня кроткій, ласкающій характеръ.

И вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ живу я въ Málагѣ, любуясь на ея чудныхъ женщинъ, на ея веселые нравы. Гостинница, гдѣ живу я, стоитъ въ углу небольшой площади, «площади Мавровъ». Въ день моего пріѣзда,—это было воскресенье,—площадь была полна народа; я былъ пораженъ этою звонкою, беззаботною веселостію. Близь гостинницы цирюльникъ сидѣлъ на порогѣ своей лавки съ солдатомъ, наигрывалъ ему что-то на гитарѣ, а тотъ внимательно прислушивался къ его игрѣ; передъ ними стояла молодая дѣвушка и, постукивая кастаньетами, качалась корпусомъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ при началѣ всякаго испанскаго танца; на углу ближней улицы, выходившей на площадку, плясали фанданго: отовсюду слышалось бряцанье гитаръ, живые, меланхолическіе аккорды испанскихъ танцевъ. И каждый вечеръ въ Málагѣ словно празд-

пѣсни и звуки гитаръ.
смѣхъ и говоръ сч...
...во шло бы къ ...
старики так...
...ми, то ...
танце...
и
...овц...
...все очаров...
..., какъ городъ, вов...
...сно; у ней прекрасный ...
...ородское гулянье). Это длинный, с...
варъ, обсаженный густыми южно-америк...
которыми разставлены мраморные бюсты р...
тые въ окрестностяхъ Малаги. Здѣсь теперь ...
жителей и народонаселеніе постоянно возрастаетъ. ...
города сохранила еще свой мавританскій характе...
вьющихся, темныхъ улицахъ легко заблудиться. Старыя ...
танскія башни и ворота съ своей аркой-подковою безпрес...
напоминаютъ о времени владычества мавровъ, при которыхъ Ма-
лага была значительнымъ торговымъ и промышленнымъ городомъ.

... красота и грація здѣш...
..., и здѣсь безпрестанно
...йствахъ, но причиною
...ость.
...лѣ недавнихъ дож-
...товно при началѣ
...на года; лѣтомъ
...любовь къ теплу
...ритомъ, чтобъ
...знь въ этомъ
...ъ и вообще
...пить вина
...лудка, у
...сожжен-
...тынею.
...ѣкъ.
... зе-
...и-
...е

Alcazaba, самая старая часть города, гдѣ живетъ теперь бѣдное простонародье, сохранила всю свою мавританскую стѣну. Это былъ нѣкогда укрѣпленный зàмокъ гранадскихъ владѣтелей. Красивыя арабскія ворота ведутъ въ Alcazaba, а внутри построены бѣдныя хижины, и между развалившимися зубцами стѣнъ растутъ дикія фиговыя деревья и фантастическіе кусты кактусовъ. Отъ старой мавританской крѣпости, на горѣ, господствовавшей надъ городомъ, остались однѣ только полуразвалившіяся стѣны; сверху ея — обширный видъ на море, голубое и сверкающее, усѣянное множествомъ парусовъ, которыхъ бѣлизна ярко отдѣляется отъ яхонтоваго цвѣта неба и моря. Но горы, обставившія это великолѣпное море, поражаютъ своею величавою обнаженностію: по берегу—ни деревъ, ни жилищъ, ни зелени; далеко тянутся однѣ только голыя горы, крутыя, суровыя скалы, на которыхъ лежитъ африканскій пустынный и знойный колоритъ. Таковъ видъ этой земли, знаменитой своимъ виномъ и мягкою теплотою своей атмосферы, — и такова прозрачность здѣшняго воздуха, что съ старой мавританской крѣпости, особенно когда вечернее солнце освѣщаетъ южный горизонтъ, ясно видвѣются красноватыя скалы горы Гибль-аль-

Кибиръ въ Африкѣ, хотя по прямой линіи до нея отсюда болѣе 100 верстъ. Только улицы, прилегающія къ гавани, выстроены въ европейскомъ стилѣ: огромная площадь, гдѣ сдѣлана Alameda, вся обстроена превосходными домами, въ которыхъ живетъ купеческая аристократія Мàлаги. Здѣшняя гавань уступаетъ только барселонской въ количествѣ приходящихъ кораблей, и изъ всѣхъ испанскихъ городовъ Мàлага послѣ Барселоны самый значительный торговый городъ, хотя и торгуетъ только одними произведеніями своей роскошной почвы. Всѣ окрестныя горы покрыты виноградниками, которые производятъ болѣе пятнадцати сортовъ винъ, и тó, чтó выдаютъ въ Европѣ за мадеру, хересъ, бѣлый портвейнъ, суть бóльшею частію произведенія мàлагской почвы; кромѣ того, много выдѣлывается здѣсь оливковаго масла, не говоря уже о сушеномъ виноградѣ (изюмѣ), апельсинахъ и лимонахъ. Гавань постоянно наполнена англійскими, французскими и американскими судами, осенью огромныя массы винограда вывозятся отсюда въ Россію, Англію и Америку. Множество иностранныхъ купцовъ, привлеченныхъ выгодными оборотами, безпрестанно селятся въ Мàлагѣ, и городъ постоенно оживленъ. Жители здѣсь и въ одеждѣ и въ нравахъ не отличаются отъ другихъ андалузцевъ, хотя сильная контрабандная промышленность и легкость добывать деньги и придали нравамъ ихъ какой-то особенный удалой колоритъ, тѣмъ болѣе, что отъ ремесла контрабанды здѣсь самый близкій переходъ къ ремеслу caballista (разбойника верхомъ). Легкость добывать деньги привлекаетъ сюда, какъ всегда бываетъ при большихъ торговыхъ портахъ, множество всякихъ бродягъ, и окрестности Мàлаги пользуются очень дурной славой, такъ-что въ моихъ частыхъ прогулкахъ въ горахъ мнѣ совѣтовали носить при себѣ оружіе. Но въ продолженіе моего шестинедѣльнаго здѣсь пребыванія, несмотря на то, что я цѣлые дни проводилъ одинъ, верхомъ въ горахъ, со мною рѣшительно ничего не случалось, и пара заряженныхъ пистолетовъ, которые я таскалъ съ собою, оказалась совершенно безполезною. Впрочемъ, эту безопасность приписываютъ здѣсь теперешнему губернатору (senor Ordona); а не далѣе какъ за полтора года даже улицы Мàлаги были такъ опасны, что ночью невозможно было ходить по нимъ безъ оружія. Жители Мàлаги вообще веселый, удалой народъ, мало имѣютъ потребностей и въ недѣлю работаютъ только нѣсколько дней, чтобъ на выработанныя деньги погулять въ воскресенье. Огненное вино, дешевизна жизненныхъ припасовъ, мягкость

климата и въ особенности удивительная красота и грація здѣшнихъ женщинъ сильно развиваютъ страсти, и здѣсь безпрестанно слышишь о punaladas (ударахъ ножа) и убійствахъ, но причиною ихъ не воровство, а ссора, мщеніе или ревность.

Погода стоитъ теперь здѣсь чудесная; послѣ недавнихъ дождей всѣ окружныя горы покрыты зеленью, словно при началѣ весны. Весна и осень здѣсь самыя лучшія времена года; лѣтомъ бываетъ нѣсколько жарко, и, несмотря на мою любовь къ теплу и солнцу, здѣшній зной иногда утомляетъ меня. Притомъ, чтобъ быть здоровымъ, надобно вести очень воздержную жизнь въ этомъ климатѣ и непремѣнно слѣдовать примѣру андалузцевъ и вообще испанцевъ: также мало ѣсть, какъ они, и также мало пить вина У южнаго человѣка страсти гораздо требовательнѣе желудка, у сѣвернаго—наоборотъ. Съ половины іюля вся Андалузія, сожженная своимъ африканскимъ солнцемъ, становится голою пустынею, и зелень виднѣется только по берегамъ полу-высохшихъ рѣкъ. Но въ концѣ сентября начинаютъ изрѣдка перепадать дожди, зелень снова возвращается; скаты горъ и поля покрываются нарцизами, гіацинтами и бѣлыми колокольчиками; въ концѣ ноября все это снова исчезаетъ; проливные, зимніе дожди сбиваютъ нѣжные листья южныхъ растеній; одни только вѣчно-зеленыя деревья апельсинныя и лимонныя сохраняютъ свои листья и, обмытыя сильными дождями отъ лѣтней пыли, являются къ зимѣ словно съ свѣжими листьями. Тутъ въ ихъ темной, густой зелени начинаютъ желтѣть апельсины, и январь едва успѣетъ кончиться, какъ уже распускающіеся цвѣты миндальныхъ деревъ возвѣщаютъ наступающую весну. Такой здѣсь райскій климатъ!

Четыре провинціи, которыя составляютъ Андалузію, сохраняя между испанцами свое старое названіе королевствъ, оставшееся за ними со времени владычества мавровъ, суть Хаэнъ, Кордова, Севилья и Гранада. Эта южная часть Испаніи была всегда предметомъ привязанности народовъ, проникавшихъ въ нее и пораженныхъ удивительнымъ богатствомъ ея почвы. Дѣйствительно, едва ли есть другая страна въ мірѣ, такъ роскошно одаренная природою; желѣзо, мѣдь, ртуть, сѣра, свинецъ, серебро, даже золото, и теперь еще составляютъ здѣсь предметъ большихъ пріисковъ; въ горахъ множество самаго разнообразнаго мрамора и превосходнаго алебастра, солончаковъ, которыхъ соль не требуетъ ни малѣйшей обработки; кромѣ того, здѣсь разводится самый лучшій скотъ, мериносы, не говоря уже о хлѣбѣ, самыхъ разнообразныхъ

плодахъ, винѣ, оливковомъ маслѣ, льнѣ, пенькѣ, шелкѣ, хлопчатой бумагѣ, сахарномъ тростникѣ; и, несмотря на все это, страна находится въ запустѣніи, и въ горахъ ея царствуетъ могильная тишина. Во времена мавровъ, сдѣлавшихъ Андалузію самою богатою и просвѣщенною, по-тогдашнему времени, страною въ Европѣ, по берегамъ Гвалдаквивира было 12,000 деревень, а теперь едва ли наберется 800; народонаселеніе ея теперь вдесятеро меньше тогдашняго, и въ этой плодоносной Андалузіи есть такія пустынныя мѣста, которыя не уступаютъ запустѣніемъ своимъ африканскимъ песчанымъ равнинамъ. Только въ немногихъ мѣстахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, сохранилась роскошная растительность. Эти долины, между горами, на вершинахъ которыхъ лишь въ послѣдніе лѣтніе мѣсяцы стаиваетъ снѣгъ, орошены множествомъ ручьевъ; жгучій жаръ африканскаго солнца освѣжается въ нихъ вѣтромъ, охлажденнымъ ледниками; вода вездѣ подъ руками и въ изобиліи; по южному берегу, начиная отъ Малаги, находятся плантаціи сахара и хлопчатой бумаги; кофе и индиго могутъ свободно разводиться; бананы растутъ въ садахъ, такъ-что на пространствѣ десяти верстъ, поднимаясь отъ долинъ къ снѣговымъ вершинамъ, здѣсь можно наблюдать постепенность всѣхъ климатовъ, отъ тропической растительности долинъ до суровыхъ дебрей горныхъ вершинъ, напоминающихъ самыя унылыя тундры нашей Сибири.

Изъ всѣхъ городовъ арабской Андалузіи ни одинъ не оказалъ испанцамъ такого геройскаго сопротивленія, ни одинъ не отстаивалъ съ такимъ мужествомъ своей независимости и вѣры, какъ Малага. Трехмѣсячная осада Малаги Фердинандомъ и Изабеллой, въ 1487 году, составляетъ одну изъ самыхъ поразительныхъ драмъ гранадской войны. Съ какимъ отчаяніемъ держались мавры за свою прекрасную Андалузію, съ какимъ страшнымъ упорствомъ отстаивали они каждый шагъ ея! Словно предчувствуя свою горькую судьбу, они давно уже оплакивали свое отечество. Есть одинъ арабскій романсъ XIII вѣка, написанный, послѣ взятія испанцами у арабовъ Севильи, арабскимъ поэтомъ Абуль-баки-Селехомъ; послушайте, сколько скорби, сердечнаго рыданія, сколько тяжкаго предчувствія въ этомъ романсѣ или, вѣрнѣе, въ этомъ плачѣ араба надъ своимъ народомъ, своею вѣрою и своею возлюбленною Андалузіею! Упомянувъ о преходимости всякаго земного величія и счастія, арабъ продолжаетъ:

«Гдѣ могучіе повелители Іемена, гдѣ ихъ короны, ихъ діадемы?

«Неотразимая судьба постигла ихъ...

«Она произвела царей, царства и народы; а что они нынѣ? нѣчто похожее на призраки сна.

«Неисцѣлимое бѣдствіе постигло Андалузію, а съ нею и весь исламизмъ.

«Города и провинціи наши опустѣли...

«Спроси у Валенсіи, что сталось съ Мурсіей, гдѣ Хаэнъ и Хатива?

«Спроси, гдѣ Кордова—жилище знанія, что сталось съ мудрыми, обитавшими въ ней?

«Гдѣ теперь Севилья съ ея очарованіями, съ ея рѣкою водъ свѣтлыхъ и кроткихъ?

«Дивные города, вы были столпами страны: какъ же не разрушиться странѣ, когда она потеряла столпы свои?

«Какъ любовникъ, оплакивающій свою любезную, исламизмъ оплакиваетъ свои провинціи, опустѣлыя или обитаемыя невѣрными.

«Тамъ, гдѣ были мечети, нынѣ стоятъ церкви съ своими колоколами и крестами.

«Наши святилища стали нѣмымъ камнемъ и плачутъ, наши налои—деревомъ безжизненнымъ и тоскуютъ!

«О ты, небрегущій указаніями счастія, ты можетъ быть спишь, но знай, что счастіе всегда бодрствуетъ.

«Ты ходишь гордый и восхищенный своимъ отечествомъ. Но развѣ у человѣка есть отечество, послѣ потери Сивильи?

«О, это бѣдствіе заставляетъ забыть всѣ прежнія бѣдствія, и никакое не заставитъ забыть о немъ.

«Вы, носящіеся на быстрыхъ, красивыхъ скакунахъ, летающіе подобно орламъ между сталкивающихся мечей,—

«Вы, вращающіе острые мечи Индіи, которые сверкаютъ какъ огни между черными облаками пыли,—

«И вы всѣ, тамъ за моремъ живущіе мирно и обрѣтающіе въ своихъ странахъ славу и силу,—

«Развѣ не дошло до васъ вѣсти объ андалузцахъ? А посланные давно уѣхали извѣстить васъ о нашихъ несчастіяхъ.

«Сколько злополучныхъ умоляло васъ о помощи! Но ни одинъ изъ васъ не всталъ помочь имъ, и они теперь мертвы или въ плѣну.

«Что это за смуты между вами? развѣ вы не тѣ-же мусульмане! всѣ братья, служители одного Бога.

«Неужели нѣтъ между вами душъ гордыхъ и великодушныхъ? Развѣ уже нѣтъ никого защитить исламизмъ?

«О, какъ они унижены нынѣ невѣрными, эти андалузцы, еще недавно столь славные!

«Вчера еще они были властителями у себя: теперь они рабы въ землѣ невѣрныхъ.

«О, еслибъ ты видѣлъ, какъ плакали они, когда ихъ продавали, ты обезумѣлъ бы отъ печали.

«Да и кто бы могъ перенести, видя, какъ они бродятъ оторопѣлые, не имѣя другой одежды, кромѣ лохмотьевъ рабства?

«Кто могъ бы перенести, видя горы между ребенкомъ и матерью, все равно, еслибъ была стѣна между духомъ и тѣломъ.

«Видя въ слезахъ и тоскѣ молодыхъ дѣвицъ, прекрасныхъ какъ солнце, когда встаетъ оно, все изъ кораллов и рубиновъ,— гонимыхъ варварами на унизительныя работы?

«О, отъ такого вида сердца̀ разорвались бы отъ скорби, если-бы оставалась еще въ сердцахъ хоть капля исламизма!»

Но восторженная эпоха исламизма давно миновалась; Африка равнодушно смотрѣла на бѣдствія своихъ андалузскихъ единовѣрцевъ; наконецъ отнята была у нихъ ихъ послѣдняя «свѣтлая звѣзда неба», ихъ обожаемая Гранада. Раздраженные семисотлѣтнею борьбою, испанцы не довольствовались уже совершеннымъ покореніемъ мавровъ: началось преслѣдованіе религіозное. Побѣжденныхъ приняла въ свои руки инквизиція и начала обращать въ католичество. Имъ велѣно было оставить свой родной языкъ и одѣваться по-испански: арабская одежда была запрещена, женщинамъ велѣно было ходить съ открытыми лицами. Кромѣ того, запрещены были арабамъ употребленіе бань, музыка, пѣніе, всѣ ихъ обычныя забавы. Напрасно молили они о пощадѣ: фанатизмъ не знаетъ чувствъ милосердія; инквизиція нарочно вызывала возстаніе, для того, чтобъ еще болѣе преслѣдовать невѣрныхъ. Особенно осталось въ памяти испанцевъ послѣднее возстаніе мавровъ, вспыхнувшее въ Альпухаррахъ (Serrania de Ronda), горныхъ цѣпяхъ, съ обѣихъ сторонъ облегающихъ Ма̀лагу. Много испанцевъ и въ особенности монаховъ погибло при этомъ возстаніи, которое кончилось, какъ и предшествовавшія, еще большею гибелью для мавровъ. Ихъ вѣра, ихъ обычаи, ихъ нравы, были у нихъ отняты; въ началѣ XVII вѣка имъ оставалась только земля, на которой они жили. То была уже не простая политическая борьба: дѣло шло объ истребленіи всего племени.

Еще въ 1602 году епископъ Валенсіи Хуанъ де-Рибера представилъ Филиппу III записку о необходимости изгнанія его невѣрныхъ подданныхъ. Въ ней совѣтовалъ онъ королю оставить только юношей, разославъ ихъ по каторжнымъ работамъ, и младенцевъ, для воспитанія ихъ въ католической религіи. Архіепископъ толедскій, донъ Фернандо де-Сандоваль, напротивъ, требовалъ немедленнаго истребленія вообще всѣхъ мавровъ съ женами и дѣтьми. Записка Риберы была принята благосклонно. Ободренный этимъ, Рибера представилъ, въ 1609 году, другую съ цѣлію 1) доказать необходимость изгнанія мавровъ, если желаютъ спасти государство отъ немедленнаго вторженія невѣрныхъ, и 2) успокоить короля касательно сомнѣній, могущихъ тревожить его совѣсть.

«Да возьметъ себѣ государь въ образецъ своихъ славныхъ предшественниковъ, которые изгнали изъ своихъ областей жидовъ, хотя жиды были гораздо безопаснѣе мавровъ, ибо они никогда не были еретиками или отступниками и никогда не были обвиняемы въ сношеніяхъ съ врагами государства [1]).

«Славный предокъ короля, Карлъ I (V), самый мудрый и великій государь своего вѣка, повелѣлъ маврамъ принимать святое крещеніе или оставлять Испанію. Онъ надѣялся, что, принявъ крещеніе, они сдѣлаются вмѣстѣ и христіанами и вѣрными подданными. Но нынѣ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ обманулся въ своемъ ожиданіи.

«Пагубныя послѣдствія, происшедшія отъ терпимости къ тѣмъ, которые измѣняли истинной вѣрѣ, всего лучше можно видѣть во Франціи. Въ теченіе почти полувѣка католическіе подданные этой страны постигнуты были всѣми ужасами междоусобной войны; а еслибы короли французскіе исполняли мѣры, предписанныя церковію, и предали бы смерти или изгнали бы изъ своего королевства своихъ еретичныхъ подданныхъ, то, конечно, избѣжали бы несчастныхъ послѣдствій своего послабленія и сохранили бы чистоту вѣры.

«Выгоды духовныя и свѣтскія необходимо требуютъ изгнанія мавровъ; иначе мавры въ непродолжительномъ времени завладѣютъ всѣми богатствами королевства; ибо не только въ ихъ рукахъ находится промышленность, но они бережливы и воздержны, рабо-

---

[1]) Мавры, принужденные принять католичество, въ тайнѣ продолжали слѣдовать исламизму и имѣли постоянныя сношенія съ африканскими арабами и преимущественно съ Марокко.

таютъ за небольшую плату и довольствуются барышемъ весьма умѣреннымъ, чего невозможно испанцамъ. Отъ этого происходитъ то, что испанцы большею частію не могутъ заниматься торговлею и работою и находятся въ бѣдности. Деревни, обитаемыя испанцами въ Кастильи и Андалузіи, весьма бѣднѣютъ жителями, тогда какъ деревни мавровъ преуспѣваютъ въ народонаселеніи и довольствѣ. Испанцы, наемщики земель самыхъ плодородныхъ, не въ состояніи платить денегъ за наемъ; мавры же, воздѣлывающіе землю самую дурную, заплативъ владѣтелямъ ея третью часть сбора, не только могутъ сами кормиться, но еще ежегодно увеличиваютъ свое состояніе. Повсюду перемѣшаны они съ христіанами, повсюду примѣръ ихъ разливаетъ ядъ магометанства; церкви и алтари поруганы ихъ лицемѣрною покорностію и лишь наружнымъ исполненіемъ святыхъ обрядовъ католической религіи. Кромѣ того, они говорятъ также по-кастильянски, умъ ихъ болѣе просвѣщенъ, имъ лучше извѣстно настоящее положеніе Испаніи, и вслѣдствіе того они могутъ имѣть опасныя сношенія съ державами, враждебными могуществу Испаніи».

Рибера выводитъ изъ этого, что черезъ нѣсколько лѣтъ мавры превзойдутъ христіанъ богатствомъ и числомъ, и Испанія подвергнется величайшимъ опасностямъ, если король не рѣшится немедлено выслать изъ нея всѣхъ мавровъ, «удержавъ тѣхъ изъ ихъ дѣтей, которыя не достигли еще пятилѣтняго возраста, для воспитанія ихъ въ католической вѣрѣ. Впрочемъ и молодыхъ можетъ король удержать, употребивъ ихъ частію на работы на галерахъ или на золотыхъ пріискахъ въ Америкѣ, а частію продавъ въ рабство въ Испанію и Италію. И такая строгость была бы, конечно, весьма справедливою къ людямъ, заслуживающимъ, по своимъ преступленіямъ, смертнаго наказанія. Перевозъ же ихъ въ страны, имѣющія одинаковую съ ними вѣру, будетъ особеннымъ знакомъ милосердія королевскаго».

Архіепископъ толедскій присталъ къ мнѣнію Риберы; главный министръ Филиппа III, герцогъ Лерма, одобрилъ его: изгнаніе было рѣшено и повелѣніе о немъ обнародовано въ 1609 году.

Оно предписывало маврамъ въ теченіе трехъ дней, считая отъ обнародованія его, изготовиться къ отъѣзду въ назначенные имъ приморскіе города, откуда суда будутъ перевозить ихъ въ Африку, и, кромѣ того, подъ смертною казнію запрещалось имъ, до пріѣзда королевскихъ коммисаровъ, которымъ поручено было отправленіе ихъ въ приморскіе города, выѣзжать изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ

застало ихъ повелѣніе. Также подъ смертною казнію запрещалось имъ вывозить съ собой золото или серебро. Въ Бургосѣ повѣшены были 23 мавра за то, что нашли при нихъ скрытыя деньги и дорогіе камни.

Знатнымъ владѣльцамъ земель въ провинціи Валенсіи дозволено было оставить у себя шесть мавританскихъ семействъ изъ ста, чтобъ они учили христіанъ рафинированію сахара, сбереженію риса въ магазинахъ и поддерживанію каналовъ и водопроводовъ. Дѣти моложе 4 лѣтъ могли съ согласія своихъ родителей остаться въ Испаніи; равнымъ образомъ дозволялось также остаться всѣмъ тѣмъ изъ мавровъ, которые представятъ свидѣтельство священниковъ своего прихода объ ихъ совершенномъ отреченіи отъ магометанства и о точномъ исполненіи всѣхъ католическихъ обрядовъ.

Я привожу здѣсь только главные пункты повелѣнія. Мавры были поражены ужасомъ; напрасно предлагали они правительству вносить утроенные налоги, напрасно просили они заступничества у французскаго Генриха IV, который былъ тогда въ раздорѣ съ Филиппомъ III, напрасно предлагали Генриху IV принять протестантство: религіозный фанатизмъ не хотѣлъ принимать никакихъ условій; Генрихъ, занятый своими смутными дѣлами, не обратилъ почти на нихъ вниманія, и роковое повелѣніе было приведено въ исполненіе. Порученные фанатическимъ, жаднымъ къ добычѣ матросамъ, множество мавровъ погибло въ переѣздѣ. Испанскій историкъ того времени Фонсека (Justa expulsion de los Moriscos) называетъ двухъ капитановъ кораблей, которые бросили въ море всѣхъ мавровъ, принятыхъ ими для перевоза въ Африку. Кромѣ того, множество судовъ, нагруженныхъ маврами, были занесены бурею на береговыя отмели и разбились, такъ что впродолженіе нѣкотораго времени береговые жители Прованса называли сардины—*гранадинами*, по имени гранадскихъ мавровъ, и не ѣли ихъ, полагая, что онѣ питались человѣческимъ тѣломъ. Немногимъ были счастливѣе и тѣ, которымъ удалось, наконецъ, достигнуть береговъ Африки: бо̀льшая часть ихъ погибла отъ голода и лишеній среди знойныхъ пустынь.

Трудно опредѣлить въ точности число мавровъ, подвергшихся изгнанію; извѣстно только, что изъ одной провинціи Валенсіи вывезено было ихъ 140,000. Цѣлыя провинціи, тысячи деревень и мѣстечекъ обезлюдѣли; поля прѐданы были запустѣнію и земледѣліе упало дотого, что преемникъ Филиппа III принужденъ былъ,

для поощренія его, давать дворянскія почести тѣмъ, которые займутся обрабатываніемъ земли. Но заброшенныя поля Испаніи до сихъ поръ свидѣтельствуютъ, какъ мало имѣла успѣха эта мѣра. Тяжело отозвалось это изгнаніе на торговлѣ и промышленности. Мавры особенно были наклонны къ торговлѣ и фабричнымъ работамъ. Сукна Мурсіи, шолковыя матери Альмеріи и Гранады, кожи и сафьянъ Кордовы продавались тогда по всей Европѣ. Мавры устроили въ Испаніи дороги, прорыли каналы, очистили для судоходства рѣки, соединили торговыми сношеніями всѣ города Испаніи. Послѣ изгнанія ихъ исчезли даже самыя преданія ихъ промышленности, фабрики пали по недостатку рабочихъ рукъ, за ними торговля и промышленность; поля лежали невоздѣланными, искусственные водопроводы развалились, опустѣлые дома деревень разрушились, и вмѣсто трудолюбивой, живой дѣятельности, въ горахъ Андалузіи воцарилась тишина кладбища.

Для меня, жителя сѣверныхъ равнинъ, южныя горы имѣютъ какую-то необъяснимую прелесть; глаза, привыкнувъ съ младенчества свободно уходить въ смутную даль, ограниченную темною и мертвою линіею горизонта, съ какою-то ненасытною нѣгою блуждаютъ по этимъ высотамъ, на которыя каждый часъ дня кладетъ свои особенные тоны колорита. Въ равнинахъ—природа только на первомъ планѣ, такъ сказать, у ногъ; дальше—одно небо и пустое пространство, которое невольно склоняетъ къ задумчивости и грусти: отсюда, вѣроятно, и склонность къ мечтательности въ жителяхъ равнинъ. Въ горахъ надо проститься съ этою туманною безпредѣльностію; глаза всюду встрѣчаютъ не однообразную, сѣрую даль, а яркіе переливы зелени, или утесы и скалы, которымъ солнце и воздухъ сообщаютъ нѣжные радужные цвѣта. Я думаю даже, что живописецъ, живущій въ равнинахъ, едва ли будетъ хорошимъ колористомъ: только въ горахъ можно понять все очарованіе солнца и тѣни и радужную ихъ игру. Утромъ горы лежатъ въ синемъ, чуть прозрачномъ туманѣ, сквозь который едва отдѣляются ихъ очертанія; облака, застигнутыя на отлогостяхъ и въ ущеліяхъ затишьемъ вечера, раннимъ утромъ розовыя, потихоньку встаютъ и уходятъ; постепенно, какъ солнце возвышается, туманъ становится прозрачнѣе и голубѣе; вотъ начинаютъ обозначаться зеленыя отлогости, красноватыя скалы, темныя ущелія. Въ этой воздушной, радужной игрѣ цвѣтовъ и лучей есть что-то музыкальное: не живопись—передъ этими красками всѣ наши краски кажуться грязью—а симфонія, съигранная оркестромъ, можетъ толь-

ко дать понятіе объ этомъ чудномъ разнообразіи и гармоническомъ сочетаніи цвѣтныхъ тоновъ. Какъ смѣлы, рѣзки и вмѣстѣ нѣжны эти переходы! Каждая неровность, каждый уступъ кладутъ свои оттѣнки, которые безпрестанно мѣняются съ движеніемъ солнца, пробѣгающія тѣни облаковъ еще болѣе разнообразятъ эту игру свѣта. Въ полдень туманъ исчезаетъ, оставивъ по себѣ лишь прозрачный голубой паръ, въ которомъ чувствуется что-то знойное и сонное. Есть въ полднѣ минута, когда солнце стоитъ на самой высотѣ горизонта и лучи его падаютъ перпендикулярно: яркость ихъ такъ сильна, что все разнообразіе горныхъ тоновъ исчезаетъ, утопая въ свѣтѣ; горы теряютъ свою массивность и становятся воздушными, словно прозрачными; въ эти минуты онѣ принимаютъ какой-то идеальный видъ.

Чѣмъ ниже опускается солнце, тѣмъ становится золотистѣе свѣтло-голубой эѳиръ, облегающій горы: снова начинаетъ выступать разнообразіе цвѣтныхъ тоновъ. Но косвенные лучи солнца уже измѣнили прежнее расположеніе ихъ: зелень, скалы и ущелья начинаютъ выступать съ новыми оттѣнками. Постепенно исчезаетъ золотистый паръ, раскрывая горы во всей ихъ осязательной массивности. Радужная дымка, лежавшая на нихъ съ самаго утра, совершенно исчезла: теперь картина горъ начинаетъ походить на заключительные, восходящіе аккорды симфоніи. Въ эти минуты чувствуешь, что тоже очарованіе, которое для ушей лежитъ въ звукахъ, для глазъ заключается въ цвѣтахъ. Вотъ горы покрылись золотисто-палевымъ цвѣтомъ; но скоро начинаютъ пробѣгать по нимъ легкіе лиловые тоны, и все сильнѣе и все гуще, и черезъ минуту горы облиты лиловымъ сіяніемъ: какъ нѣжатся утомленные яркостію прежнихъ цвѣтовъ глаза на этомъ мягкомъ, ласкающемъ цвѣтѣ, съ какимъ-то задушевнымъ стремленіемъ хочешь подолѣе насмотрѣться на него! Но все больше и больше рдѣютъ лиловыя горы и мгновенно разливается по нимъ яркій огненный пурпуръ; съ минуту стоятъ онѣ словно объятыя краснымъ пламенемъ... нѣтъ силъ смотрѣть на этотъ ослѣпительный блескъ... онъ ослабѣетъ уже,—это заключительный аккордъ горной симфоніи. Послѣдніе кровавые лучи заката едва на мгновеніе обольютъ еще горы алымъ свѣтомъ, какъ уже низовыя отлогости ихъ тонутъ въ сѣромъ ночномъ туманѣ; солнце скрылось, и только легкое розовое мерцаніе догораетъ кой-гдѣ на высокихъ вершинахъ.

И каждый день съ ненасытною нѣгою смотрю я на горы, и каждый день все мнѣ кажется, что только сейчасъ увидѣлъ ихъ.

Сколько разъ благословлялъ я судьбу за то, что я родился и выросъ въ странѣ равнинъ и унылой природы, а не на югѣ: тогда бы мои глаза давно привыкли къ горнымъ красотамъ южной природы и не ощущали бы этого наслажденія, сердце не билось бы этимъ блаженствомъ; я не чувствовалъ бы тогда во всемъ существѣ своемъ этой нѣги, которая проникаетъ мой организмъ среди южной природы.

Въ моихъ частыхъ прогулкахъ верхомъ по окрестностямъ Малаги, не разъ случалось мнѣ заблудиться въ горахъ; однажды, отъискивая дорогу къ городу, встрѣтилъ я крестьянина лѣтъ пятидесяти, съ выразительными, острыми чертами лица, загорѣлаго до бронзоваго цвѣта. Онъ былъ въ темномъ изорванномъ плащѣ. На вопросъ мой, онъ отчетливо разсказалъ мнѣ о дорогѣ къ городу и шелъ со мной съ полчаса, разговаривая, наконецъ остановился, вѣжливо снялъ шляпу и въ отборныхъ словахъ поблагодарилъ меня за *честь, которую я доставилъ ему своимъ обществомъ*, прибавивъ, что ему надобно свернуть въ сторону, въ ближайшее селеніе. Я счелъ это желаніемъ получить что-нибудь за трудъ и опустилъ уже руку въ карманъ, за мелкой монетой, какъ крестьянинъ, увидѣвъ мое движеніе, поспѣшно надѣлъ шляпу и замахалъ рукою, говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ, синьоръ, я бѣденъ, но я кавалеръ; и, уходя, еще прибавилъ:—да, мы бѣдны, но мы всѣ кавалеры.

Какъ несправедливо ходячее по Европѣ мнѣніе о враждебности испанцевъ къ иностранцамъ! Постоянно я встрѣчаю здѣсь только дружелюбныхъ, услужливыхъ людей, въ которыхъ никогда не замѣчалъ я даже тѣни враждебнаго чувства къ иностранцамъ, которое такъ живо, напримѣръ, во французскомъ народѣ. Лодочники, содержатели верховыхъ лошадей, деревенскіе жители, работающіе на виноградникахъ, съ которыми вступаю я въ разговоръ, прогуливаясь верхомъ, зажиточный поселянинъ, къ которому иногда заѣзжаю ошибкою, считая домъ его за венту,—во всѣхъ равно нахожу я привѣтливость, врожденное достоинство и обхожденіе, исполненное самаго тонкаго приличія. Но кромѣ этого, андалузецъ натурально изященъ, élégant и distingué, вовсе не думая объ этомъ. Разумѣется, испанскій простолюдинъ и къ себѣ требуетъ такой же учтивости, какую оказываетъ самъ, и очень неловко будетъ здѣсь тѣмъ, которые вздумаютъ обращаться съ испанскимъ простолюдиномъ такъ же повелительно и съ такимъ-же гордымъ пренебреженіемъ, съ какимъ обращается въ Европѣ горожанинъ съ

мужикомъ. Пословица «по платью встрѣчаютъ» здѣсь не имѣетъ приложенія: величайшая учтивость здѣсь повсемѣстна, и это безъ всякой приторной снисходительности съ одной стороны, равно какъ и безъ малѣйшей требовательности съ другой. Впрочемъ, вы не думайте, чтобы простой народъ въ Испаніи, даже погонщики муловъ, былъ такъ же грубъ и невѣжественъ, какъ въ другихъ странахъ Европы, не исключая и Франціи: напротивъ, старинная испанская церемонность и вѣжливость проникли здѣсь въ самые низшіе общественные слои; кромѣ того, въ разговорахъ между собою мужики постоянно употребляютъ «ваша милость» (Vuestra merced, въ сокращеніи Usted), и это до того вошло въ испанскій языкъ, что даже дѣти, играя на улицѣ, не иначе говорятъ другъ-другу, какъ «ваша милость». Какое-то самоуваженіе, какая-то важная церемонность, вѣроятно, сложившаяся изъ старинныхъ рыцарскихъ [1]), монархическихъ и религіозныхъ нравовъ, лежитъ на всѣхъ манерахъ, даже на бытѣ испанца, и въ этомъ отношеніи они гораздо болѣе приближаются къ народамъ востока, нежели къ европейцамъ.

Разъ случилось мнѣ провести въ горахъ очень занимательный день. Чудное, свѣжее утро очень рано потянуло меня за городъ. Я поѣхалъ по направленію къ Рондѣ. Долго спускаясь и поднимаясь съ горы на гору, не встрѣчалъ я ни одного жилья; наконецъ, въ самомъ романическомъ мѣстоположеніи увидалъ я совершенно одинокую венту. Было уже гораздо за полдень, лошадь моя устала, и самъ я чувствовалъ большую пустоту въ желудкѣ. Я подъѣхалъ къ дому; хозяинъ, вѣроятно, услышавъ шаги моей лошади, вышелъ ко мнѣ навстрѣчу: это былъ молодой человѣкъ, красивый и статный, какъ вообще всѣ андалузцы. Попросивъ его позаботиться о моей лошади, я вошелъ въ домъ. Тутъ встрѣтилъ

[1]) Ни въ одной странѣ рыцарство не держалось такъ долго, какъ въ Испаніи, гдѣ, напримѣръ, уже въ XV вѣкѣ еще бродили странствующіе рыцари, а одинъ изъ нихъ, по имени Суэро де Киньонесъ, поселился у моста Орвиго и цѣлый годъ жилъ тутъ, разсылая герольдовъ по дворамъ европейскихъ государей и арабскихъ владѣтелей, съ извѣщеніемъ, что каждый рыцарь, который захочетъ проѣхать черезъ этотъ мостъ, долженъ сразиться съ нимъ. И находились охотники, которые издалека пріѣзжали помѣряться съ нимъ оружіемъ. Онъ держалъ при себѣ публичнаго нотаріуса, чтобъ тотъ велъ самый подробный отчетъ о каждомъ поединкѣ. Впослѣдствіи отчетъ этотъ въ сокращеніи изданъ былъ въ Саламанкѣ въ 1588 году францисканскимъ монахомъ Хуаномъ де-Пинеда, подъ названіемъ: Libro del Passo honroso defendido por el excelente Caballero Suero de Quinones.

я жену его: это былъ самый лучшій типъ того, что называется здѣсь morena andaluza (темная андалузка). На ней было черное платье съ бахрамою; въ черно-синихъ волосахъ полураспустившійся алый мѣсячный розанъ; большіе черные сверкающіе глаза отсвѣчивали у нёй какимъ-то красноватымъ блескомъ; лицо желто-бронзоваго цвѣта, отъ него вѣяло здоровьемъ и свѣжестью, какъ отъ желтаго, зардѣвшагося на солнцѣ персика. Нѣсколько прихотливая грація ея движеній показывала, что андалузка знала и чувствовала красоту свою. Съ кокетливою заботливостью очистила она мнѣ свою комнату, въ которой висѣли на стѣнѣ пара кастаньетъ и двѣ гитары; внизу ихъ, на столѣ, лежало множество романсовъ и пѣсенъ, напечатанныхъ на скверной сѣрой бумагѣ. Освѣжившись холодною ключевою водою отъ солнечнаго зноя, который все утро палилъ меня, я воротился въ общую залу, которая была собственно кухней. Хозяйка хлопотала около огромнаго очага за приготовленіемъ обѣда. Тутъ увидѣлъ я еще двухъ молодыхъ людей, очень красиво одѣтыхъ по-андалузски и вооруженныхъ. Мы молча раскланялись. Мнѣ извѣстно было, что горы между Рондою и Малагою, по причинѣ своихъ ущелій и трудныхъ дорогъ, служили главнымъ путемъ провоза контрабанды, и легко было понять, что вента, по своему уединенному положенію, непремѣнно была въ близкихъ сношеніяхъ съ контрабандистами; но я зналъ также, что въ качествѣ иностранца я съ этой стороны не долженъ былъ опасаться для себя никакихъ непріятностей. И, дѣйствительно, какъ я могъ замѣтить по нѣкоторымъ ихъ вопросамъ, они сначала приняли меня за француза, желающаго найти подрядчика для провоза контрабанды. Когда я сказалъ, что я русскій путешественникъ и изъ Малаги, гуляя, нечаянно заѣхалъ сюда, молодые люди и хозяинъ, которые держали со мной какой-то дѣловой тонъ, стали очень разговорчивы и привѣтливы. Эта привѣтливость началась, какъ здѣсь водится, съ сигаръ, которыя предложилъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ людей, причемъ не преминули разспросить о Россіи. Впрочемъ, вопросы ихъ ограничивались однимъ: «Очень холодно въ Россіи? въ Россіи всегда зима?» Обѣдъ состоялъ изъ густого супа съ горохомъ и ветчиною и потомъ жареной баранины; все это мы запивали бѣлою, несладкою малагою. Послѣ обѣдя aniçao (анисовая водка, которую здѣсь пьютъ послѣ обѣда) еще больше расположила къ веселости; мы вышли и, закуривъ сигары (послѣ обѣда я поспѣшилъ имъ предложить свои сигары), легли на траву, передъ вентою. Хозяинъ принесъ гитару

и бренчалъ на ней, подпѣвая вполголоса какую-то пѣсню. Видъ со всѣхъ сторонъ былъ великолѣпный: вента стояла въ углубленіи высокой, крутой скалы; около нея изъ ущелія падалъ быстрый ручей, распространяя около себя освѣжающую влажность, благодаря которой вента окружена была сильною растительностію и густыми апельсинными деревьями. Такіе изъ скалъ падающіе ручьи очень часты въ здѣшнихъ горахъ; ихъ называютъ здѣсь nacimientos—рожденіями; они-то и поддерживаютъ мѣстами тропическую растительность въ этихъ раскаленныхъ солнцемъ мѣстахъ. Вокругъ подымались скалистыя горы, большею частію темнаго цвѣта. Одинъ изъ молодыхъ людей оказался искуснымъ пѣвцомъ; онъ взялъ изъ рукъ хозяина гитару и съ большою ловкостью пѣлъ андалузскія пѣсни, мелодіи которыхъ не столько требуютъ искусства, сколько особенной ловкости, какъ наши цыганскія пѣсни. Кромѣ этого, андалузскія пѣсни отличаются отъ пѣсенъ остальной Испаніи необыкновеннымъ удальствомъ и чувственностію содержанія, такъ что большая часть изъ нихъ непереводима. Я, для примѣра, приведу только одну, которая поется не въ одномъ простонародьи, а во всѣхъ классахъ, равно мужчинами и дѣвушками, и никому здѣсь въ голову не придетъ находить тутъ что-нибудь предосудительное; мелодія ея очень увлекательна.

Tu Zandunga y un cigarro
Y una cana de Xeres,
Mi jamelgo y mi trabuco,
Que mas gloria puede haber?

! Ay manola, que jaleo!
No ya tanto zarandeo,
Que me turbo, me mareo
Solo à ver tu guardapies,

Con tu pierna y tu talle
Vas derramondo la sal
Y à los hombres dejas muertos
Con ta modo de mirar.
? Quien me disputa el derecho
De gozar tu blanco pecho,
Quando me encuentro deshecho
Al mirar tu guardapies.

Eres tan zaragatera
Cuando empiezas à bailar
Que con esse cuerpecito
Me jaces desesperar.

Otro salto que me obligas.
Vuelme á ensenar las ligas
Que estoy pasando fatigas
Por mirar tu guardapies.

«Когда у меня ты, моя красавица [1]), сигара, да бутылка хереса, мой конь и мой трабуко [2])—какого еще счастья желать мнѣ? Ахъ, душа моя, вотъ такъ жизнь! Да не вертись такъ,—у меня кружится голова отъ одного вида твоей оторочки [3]).

Своей ножкой и таліей ты разсыпаешь вокругъ себя очарованіе [4]) и мертвишь мужчинъ своей особенной манерой смотрѣть. Кто посмѣетъ оспорить у меня право наслаждаться твоей бѣлой грудью, если я становлюсь внѣ себя уже отъ одного вида твоей оторочки!

И такая ты быстрая и легкая, когда начнешь танцовать, что это милое, маленькое тѣльцо приводитъ меня въ отчаяніе... Одолжи, вспрыгни... дай увидѣть мнѣ твои подвязки... я ужъ весь истомился, смотря на твою оторочку".

Но возвращаюсь къ моему молодому пѣвцу. Солнце между тѣмъ стало закатываться, и тоны горъ сдѣлались разнообразнѣе; вдали отъ лиловыхъ отлогостей рѣзко отдѣлялся рядъ совершенно красныхъ скалъ, и такъ ярко горѣли онѣ на послѣднихъ лучахъ солнца, что я невольно проговорилъ, указывая въ ту сторону: вотъ удивительныя красныя скалы!

— Это, синьоръ, гора Бермеха, отвѣчалъ молодой человѣкъ:— тамъ пролилось много христіанской крови; а вотъ этотъ утесъ, что̀ наклонился и потемнѣе, это «скала влюбленныхъ».

— Много пролито крови? въ то время, когда здѣсь были французы?

— Нѣтъ, синьоръ, во времена мавровъ.

Надобно замѣтить, что здѣсь всѣ народные разсказы, начиная отъ разсказовъ о кладахъ, непремѣнно ведутся отъ времени мавровъ и очень похожи между собою. Я не сталъ разспрашивать, опасаясь, что андалузецъ начнетъ одно изъ тѣхъ длинныхъ повѣствованій о маврахъ, отъ которыхъ мнѣ не разъ приходилось скучать; но вмѣсто разсказа молодой человѣкъ взялъ оставленную имъ гитару, и, послѣ продолжительнаго ряда мо̀льныхъ аккордовъ, запѣлъ старинный, прекрасный романсъ о томъ, какъ въ одномъ изъ

---

[1]) Zandunga—андалузское слово, собственно значитъ—смуглая, страстная дѣвочка.

[2]) Короткое ружье съ широкимъ отверстіемъ.

[3]) Guardapies называется низъ юбки, оторочка ея, вырѣзанная городками. Ихъ носятъ щеголихи изъ простого народа.

[4]) Буквально: ты сыплешь *соль* вокругъ себя.

возстаній мавровъ погибло въ этихъ мѣстахъ испанское войско. Вотъ онъ въ переводѣ:

Ріо-Верде, Ріо-Верде! [1]
Ты течешь, покрыта кровью,—
Христіанской свѣжей кровью,
А не кровью мавританской.
Межь тобою и Бермехой
Много рыцарства погибло.
Пали герцоги и графы,
Пали храбрые сеньоры.
Тамъ убитъ былъ Урдіалесъ,
Человѣкъ большой отваги.
По крутому горы скату
Убѣгаетъ Сааведра,
Слѣдомъ гонится отступникъ,
Хорошо его знававшій,
И, воскликнувъ очень громко,
Рѣчь такую къ нему держитъ:
«Сдайся, сдайся, Сааведра.
«Хорошо тебя я знаю,
«Я видалъ, какъ забавлялся
«Ты на площади севильской
«Славной рыцарской забавой;
«И родныхъ твоихъ всѣхъ знаю,
«И супругу, донью Клару.
«Былъ семь лѣтъ твоимъ я плѣннымъ,
«И житье мнѣ горько было,
«А теперь моимъ ты будешь,
«Иль я самъ разстанусь съ жизнью».
Сааведра то услышалъ
И какъ левъ онъ обернулся.
Мавръ пустилъ въ него стрѣлою,
Но стрѣла промчалась выше;
Тутъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Его ранитъ Сааведра—
Мертвый падаетъ отступникъ
Отъ великой такой раны.
Окружили Сааведру
Больше тысячи арабовъ
И въ великой своей злобѣ
На куски его разняли.
Въ это время донъ Алонсо
Бой выдерживалъ великій:
Передъ нимъ былъ конь убитый,

[1]) Ріо Верде—рѣка, протекающая въ горахъ Ронды, буквально значитъ—зеленая рѣка.

За конемъ, какъ за стѣною,
Прислонясь спиной къ утесу,
Онъ отважно защищался.
Много мавровъ перебилъ онъ,
Да въ томъ пользы было мало:
Потому что нападаютъ
Все сильнѣе и сильнѣе,
Нанося большія раны,
И такія, что онъ мертвый
Палъ межъ вражьими толпами.
Тяжко раненый, спасался
Графъ Уренья съ человѣкомъ,
Всѣ тропинки твердо знавшимъ;
Много мавровъ перебилъ онъ
Храбростью своей великой,
Но гнались за добрымъ графомъ
Тѣ, которые остались.
Палъ убитый донъ Алонсо,
И жизнь новую нашелъ онъ
Въ славѣ вѣчной и безсмертной
За свой подвигъ и за храбрость [1]).

---

[1]) Считаю нужнымъ приложить романсъ въ подлинникѣ. Можетъ быть переводъ мой не передаетъ мужественной, простодушной, истинно народной прелести оригинала:

Rio verde, rio verde
Tinto vas en sangre viva,
En sangre de los cristianos
Y no de la moreria:
Entre ti y sierra Bermeja
Murió gran caballeria,
Murieron duqnes y condes
Senores de gran valia.
Alli murió Urdiales.
Hombre de valor y estima.
Huyendo va Saavedra
Por una ladera arriba,
Tras el iba un renegado,
Que muy bien le conocia,
Con algazara muy grande
Desta manera decia:
«Date, date, Saavedra
Que muy bien te conocia;
Bien te vide jugar canas
En la piaza de Sevilla,
Y bien conoci à tus padres
Y à tu mujer dona Clara.

Съ какою удивительною свѣжестью сохранились здѣсь историческія воспоминанія! Память о битвахъ съ маврами такъ еще жива въ андалузцахъ, такъ горяча, какъ-будто недавно только кончилась борьба эта. Здѣсь каждый крестьянинъ знаетъ замѣчатель-

---

Siete anos fui tu cautivo
Y me disti mala vida.
Y ahora tu seràs mio—
O me costara la vida».
Saavedra que lo oyera
Como un leon revolvia;.
Tirole el moro un quadrillo
Y por alto hizo la via.
Saavedra con su lanza
Duramente le heria;
Cayo muerto el renegado
De aquella grande herida.
Cercaron à Saavedra
Mas que mil moros que habia
Hicieronle mil pedazos
Con sana que le tenian,
Don Alonso en este tiempo
Muy gran batailla hacià;
El caballo le habian muerto,
Por muralla Ie tenia,
Y arrimado à un gran penon
Con valor se defondia,
Muchos Moros tiene muertos
Pero poco le valia,
Porque sobre el cargan muchos
Y le dan grandes heridas,
Tantas que cayo alli muerto
Entre la gente enemiga.
Tambien el conde de Urena
Mal herido en demasia
Se sale de la batalla
Llevado por una guia
Que sabia bien la senda
Que de la sierra salia;
Muchos Moros deja muertos
Por su granda valentia.
Tambien algunos se escapan
Que al buen conde le seguian:
Don Alonso quedo muerto,
Recobrando nueva vida
Con una fama inmortal,
De su esfuerzo y valentia.

ныя событія своей провинціи за три и четыре вѣка назадъ,— разумѣется, безъ хронологическаго порядка,—и постоянно мѣшаетъ ихъ съ разными поэтическими преданіями, потому-что знаетъ ихъ не изъ книгъ, которыхъ онъ не читаетъ, а изъ разсказовъ и романсовъ, перешедшихъ черезъ двадцать поколѣній.

Ѣхать мнѣ было поздно, и я рѣшился переночевать въ вентѣ. Въ пять часовъ утра лошадь моя была уже осѣдлана, и на желаніе мое проститься съ моими вчерашними знакомцами хозяинъ отвѣчалъ, что они ушли еще на разсвѣтѣ. Разспрашивать о нихъ я счелъ неприличнымъ, увѣренный въ ихъ ремеслѣ.

Несмотря на всѣ строгости, какими испанскія таможни мучатъ путешественниковъ, контрабанда здѣсь такъ-же сильна, какъ и при Эспартеро, котораго французская партія упрекала особенно въ томъ, что онъ будто бы сквозь пальцы смотрѣлъ на контрабанду изъ угожденія друзьямъ своимъ англичанамъ. Правда, я видѣлъ разъ торжественное объявленіе малагской таможни о томъ, что она гдѣ-то на берегу захватила нѣсколько кипъ запрещенныхъ товаровъ, но здѣсь, между тѣмъ, извѣстно, что на каждую захваченную кипу спокойно проходитъ въ другомъ мѣстѣ сотня кипъ. Въ офиціальномъ англійскомъ отчетѣ о внѣшней торговлѣ за 1845 годъ (Progress of the nation by Portes), который нашелъ я здѣсь въ коммерческомъ клубѣ, значится, что въ послѣднія десять лѣтъ вывезено изъ Гибралтара въ Испанію табаку на восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около 50 милліоновъ серебромъ). А ввозъ табаку въ Испанію рѣшительно запрещенъ; слѣдовательно, все это ввезено посредствомъ контрабанды. Французы, которые въ журналахъ своихъ съ такимъ безкорыстнымъ негодованіемъ упрекаютъ англичанъ за ихъ контрабандную торговлю, сами весьма дѣятельно занимаются ею черезъ свою пиренейскую границу. Напримѣръ, въ отчетѣ французскаго министра торговли, случайно мнѣ попавшемся здѣсь въ руки, значится, что въ 1843 году вывезено изъ Франціи въ Испанію бумажныхъ товаровъ на 36 милліоновъ франковъ. Но ввозъ въ Испанію бумажныхъ товаровъ запрещенъ испанскимъ тарифомъ, поддерживающимъ каталонскія фабрики; слѣдовательно, вся эта масса товару провезена контрабандою. Въ Каталоніи сами фабриканты занимаются контрабандою; получа такимъ образомъ французскія или англійскія издѣлія, они ставятъ на нихъ свое фабричное клеймо и безопасно продаютъ за испанскія. Люди, хорошо знающіе эти дѣла, говорили мнѣ здѣсь, что въ Байонѣ, Перпиньянѣ и Марсели есть банкирскіе дома, за-

страховывающіе контрабандный ввозъ, смотря по товару, отъ 15 до 50 процентовъ съ франка цѣнности товара. Не думайте, впрочемъ, что контрабандисты въ Испаніи принадлежатъ къ тому классу несчастныхъ бродягъ, которые рискуютъ своею жизнію изъ-за какой-нибудь безделицы: напротивъ, они составляютъ здѣсь родъ военно-коммерческаго общества и пользуются уваженіемъ; ихъ считаютъ въ Испаніи болѣе 50,000 человѣкъ. Во всѣхъ другихъ земляхъ контрабандисты вербуются изъ самаго дрянного и грубаго общественнаго осадка: здѣсь контрабандистъ не только долженъ имѣть значительный капиталъ, но еще и репутацію честнаго, ловкаго и храбраго человѣка Я разумѣю здѣсь контрабанднаго подрядчика, который, сторговавшись съ хозяиномъ товара, беретъ на себя провозъ его. Онъ долженъ имѣть наготовѣ значительное число муловъ. Конвои его хорошо вооружены верхомъ и доходятъ, смотря по опасности, до 50 человѣкъ; онъ долженъ еще отвѣчать за честность каждаго изъ своихъ людей. Разумѣется, ему случается иногда мирно улаживать дѣло; но, обезпеченный со стороны береговой стражи, онъ долженъ входить въ сношенія съ начальствомъ гражданскимъ. Грузъ ста или болѣе муловъ невозможно за одинъ разъ ввести въ городъ, онъ долженъ дѣлить его на нѣсколько партій и для ввоза каждой входить въ сдѣлку съ разными вѣдомствами гражданскаго управленія. Случается, что вслѣдствіе невыгодныхъ сдѣлокъконтрабандистъ несетъ убытки и раззоряется; тогда онъ дѣлается Caballista,—воромъ верхомъ. Эти два класса въ Испаніи постоянно поддерживаютъ другъ друга, потому-что разбогатѣвшій Caballista снова дѣлается контрабандистомъ, и на той дорогѣ, гдѣ возится контрабанда, никогда не является шайка разбойниковъ.

Мнѣ еще не случалось говорить объ одной изъ оригинальныхъ особенностей Испаніи, именно объ ея разбойникахъ. До сихъ поръ мнѣ удалось не встрѣчаться съ ними, и я готовъ бы считать ихъ за выдумку путешественниковъ, еслибъ множество разсказовъ, слышанныхъ мною здѣсь о нихъ, и на-дняхъ разстрѣленные двѣнадцать человѣкъ въ Гранадѣ, по-неволѣ не убѣждали меня, что въ Испаніи не перевелась еще одна изъ ея принадлежностей. И не смотря на это, я съ удивленіемъ узналъ, что суды здѣшніе гораздо больше внушаютъ ужаса въ мирныхъ людяхъ, нежели рыцари большихъ дорогъ. Если здѣсь въ городѣ случается убійство, то, вмѣсто разысканій убійцы, прежде всего берутъ тѣхъ, которые подняли убитаго, желая подать ему помощь, или жителей дома,

возлѣ котораго найдено тѣло. Если на улицѣ послышится крикъ о помощи, двери ближнихъ домовъ тотчасъ на-глухо запираются, но не изъ страха воровъ, а изъ боязни, чтобы раненый не вздумалъ искать помощи въ какомъ-нибудь домѣ, а судъ потомъ придетъ дѣлать слѣдствіе, и чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ хуже для него: какъ-нибудь припутаютъ его къ слѣдствію, и онъ долженъ откупаться деньгами. У пріѣхавшаго со мной сюда французскаго торговца часами украли партію часовъ. Мы стоимъ въ одной гостинницѣ.

— Вы уже дали знать объ этомъ полиціи? спросилъ я его.

— Нѣтъ, и знать не дамъ.

— Какъ-такъ?

— Видно, что вы не знаете испанскаго судопроизводства! Вотъ я двѣнадцать лѣтъ ѣзжу по Испаніи и не слыхалъ никогда, чтобы находились краденыя вещи. Правда, что воры находились, но всегда безъ вещей... да здѣсь расходы по отъисканію вора судъ взыскиваетъ съ васъ же, потому-что надо же ему съ кого-нибудь взыскать ихъ, а съ вора взять нечего; да онъ не всегда и находится.

Я самъ былъ свидѣтелемъ потомъ, какъ пришедшему къ нему escribano французъ отвѣчалъ, что не хочетъ разъискивать своей покражи. Устройство судопроизводства въ Испаніи вообще таково, что здѣсь процессы выигрываются только деньгами, а исключенія изъ этого, вѣроятно, рѣдки; иначе суды здѣсь не внушали бы такого страха. Но обратимся теперь къ разбойникамъ.

Здѣсь два класса воровъ: конные и пѣшіе—caballistas и rateros. Воры на коняхъ соединены въ шайки, состоящія изъ 15, 30 и болѣе человѣкъ. Воровство есть у нихъ исключительное ремесло; но они имѣютъ репутацію храбрыхъ и вѣжливыхъ людей и не иначе обращаются къ путешественнику, какъ называя его: «ваша милость». Они мало дорожатъ платьемъ, а берутъ только деньги. Говорятъ, будто они даже дѣлаютъ условія съ перевозчиками товаровъ и съ значительными фабрикантами и торговцами: путешественники же принимаютъ мѣры, чтобы и денегъ много не терять, да и битыми не быть, потому-что разбойники сильно бьютъ того, у кого мало находятъ денегъ. Франковъ 200 считается суммой достаточной; если же находятъ больше, то обращаются съ большою вѣжливостію и называютъ muy caballero. О сопротивленіи никто и не думаетъ: вопервыхъ потому, что, въ случаѣ сопротивленія, путешественниковъ ожидаетъ непремѣнно

смерть. Rateros находятся въ презрѣніи у caballistas; это воры больше по случаю, нежели по ремеслу; у нихъ всегда есть какое-нибудь занятіе, и трудно ихъ отличить отъ честныхъ поселянъ. Они набираются изъ пастуховъ, лѣсныхъ сторожей и даже изъ настоящихъ поселянъ, которымъ горная земля не доставляетъ достаточнаго содержанія. Пастухи и лѣсные сторожа, напримѣръ, имѣютъ право носить оружіе и, случайно сошедшись въ числѣ 6-ти или болѣе человѣкъ, грабятъ дилижансъ и потомъ расходятся по своимъ мѣстамъ, иногда на разстояніи нѣсколькихъ миль одинъ отъ другого, гдѣ полиціи и въ голову не придетъ ихъ отъискивать. Эти случайные воры гораздо опаснѣе настоящей шайки: боязнь быть узнанными заставляетъ ихъ часто убивать путешественниковъ. Съ этой стороны для иностранца гораздо менѣе опасности, нежели для туземца. Главное препятствіе, которое встрѣчаетъ стража въ своихъ преслѣдованіяхъ организованной шайки, происходитъ отъ того, что разбойники соблюдаютъ строго правило никогда не грабить жителей деревень и всячески быть полезными тѣмъ, у кого находятъ себѣ прибѣжище; нарушившій это правило тотчасъ же у нихъ разстрѣливается. Такъ-же безпощадно мстятъ они и за доносъ объ ихъ пристанищѣ. Вслѣдствіе этого, жители горныхъ деревень смотрятъ на нихъ очень равнодушно и вовсе не расположены наводить сыщиковъ на слѣдъ разбойниковъ. Въ Испаніи нѣтъ маленькихъ деревень; народонаселеніе сосредоточено или въ большихъ городахъ, или въ многолюдныхъ селеніяхъ, отдаленныхъ между собою нѣсколькими милями, что еще больше облегчаетъ разбойникамъ грабежъ по большимъ дорогамъ, гдѣ близкая помощь невозможна. Въ южной Андалузіи безпрестанно встрѣчаются по дорогамъ низенькіе кресты: каждый означаетъ убійство, сдѣланное на этомъ мѣстѣ. Кресты эти изъ камня или изъ дерева и ставятся или мѣстнымъ начальствомъ, или родственниками убитаго, и этотъ обычай дотого въ народныхъ нравахъ, что случается, что сами разбойники ставятъ украдкой такой крестъ на мѣстѣ совершоннаго ими убійства, для того, чтобъ проѣзжіе поминали душу убитаго. Большіе владѣльцы земель, живущіе въ своихъ помѣстьяхъ и слѣдовательно всего болѣе подвергающіеся опасности отъ разбойничьей шайки, даже платятъ имъ нѣкотораго рода подать и оказываютъ услуги, заранѣе извѣщая ихъ о преслѣдованіи полиціи. Иногда услуги эти доходятъ до явнаго покровительства. Лѣсничій одного близкаго родственника генерала Серрано попалъ подъ слѣдствіе, по случаю одного грабежа, и въ домѣ его нашли

часть награбленныхъ вещей. Но вмѣсто того, чтобъ стараться освободиться отъ вора, онъ всячески хлопоталъ о томъ, чтобы затушить дѣло. Слѣдственный судья, неизвѣстно почему, былъ неумолимъ, и лѣсничаго осудили на двѣнадцатилѣтнюю работу въ цѣпяхъ при малагскомъ портѣ. Но послѣ двухъ недѣль работы, генералъ-капитанъ провинціи Малаги освободилъ его, и лѣсничій снова воротился къ своему хозяину. Можете видѣть изъ этого, съ какими трудностями должна здѣсь бороться полиція, очищая страну отъ воровъ, тѣмъ болѣе, что при розыскахъ всякій, боясь съ одной стороны привязчивости суда, съ другой — мести разбойниковъ, отвѣчаетъ, что ничего не видалъ и ничего не знаетъ.

Теперь полиція представляетъ разбойниковъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, уже не въ вѣдѣніе мѣстныхъ судовъ, а прямо генералъ-капитану провинціи, и они судятся военнымъ судомъ. А до этого разбойникъ съ деньгами всегда могъ если не затушить свое дѣло, то тянуть его въ ожиданіи случая убѣжать изъ тюрьмы. Замѣчательно, что въ Испаніи всякій заключенный въ тюрьмѣ находитъ въ народѣ участіе и самое большое снисхожденіе, и цѣпь каторжнаго въ Испаніи вовсе не есть клеймо позора. Народъ здѣсь всегда расположенъ видѣть въ осужденномъ не преступника, — а несчаснаго, и presidario, приговоренный на нѣсколько лѣтъ къ каторжной работѣ, окончивъ ихъ, принимается въ своей деревнѣ не какъ преступникъ, а какъ несчастный пріятель, съ которымъ давно не видались. Въ Андалузіи самые любимые разсказы въ народѣ суть разсказы о разбойникахъ. Самое названіе Caballista не значитъ собственно разбойникъ или воръ, а наѣздникъ, верховой. Un caballista valiente (отважный наѣздникъ), un jaque (удалецъ)—всегда любимые герои народныхъ романсовъ. Въ сайнетахъ (небольшія народныя пьесы) главныя лица почти всегда контрабандисты или отчаянные удальцы, мастерски владѣющіе ножемъ и ружьемъ, и которымъ ничего не значитъ отправить человѣка на тотъ свѣтъ. Иногда даже журналы говорятъ о разбойникахъ съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Вотъ, напримѣръ, біографія Наварро, съ годъ тому назадъ господствовавшаго въ Андалузіи, напечатанная въ одномъ мадритскомъ журналѣ (el Castellano): «Наварро, этотъ страшный начальникъ caballistas, грозящій превзойти знаменитаго Хосе-Марію, былъ привратникомъ въ одной школѣ въ Кордовѣ. Брошенный судьбою на дорогу (al camino), онъ теперь сталъ Абдель-Кадеромъ Андалузіи. Его физіономія и дарованіе ставятъ его вонъ изъ ряда обыкновенныхъ разбойниковъ. Одѣвается онъ

очень просто, а не такъ какъ контрабандисты и обыкновенные разбойники, не любитъ роскоши и не носитъ ни позументовъ, ни серебряныхъ пуговицъ, а простую куртку (chaquetta) и панталоны. Лошадь подъ нимъ превосходная съ заводовъ Santa Helena. Вооруженіе его состоитъ изъ двухъ trabucos (короткое ружье съ широкимъ отверстіемъ) и охотничьяго ружья, которымъ онъ очень хорошо владѣетъ. Онъ благоразуменъ, умѣренъ и врагъ насилій, хотя и настоятеленъ въ своихъ требованіяхъ. Ростъ его колосальный (Juan y medio). Это настоящій nivelador (уравнитель); никогда не нападаетъ онъ на бѣдныхъ», и проч.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Нарваэсъ устроилъ особенный корпусъ, по образцу французскихъ жандармовъ, подъ названіемъ quardia civil, разбои значительно уменьшились, и дороги стали безопаснѣе. А не далѣе полутора года, между Мадритомъ и Толедо не было проѣзда отъ воровъ, да и теперь еще безпрестанно читаешь въ журналахъ, что курьеръ (почта) изъ Мадрита въ Байону былъ остановленъ разбойниками и ограбленъ. Прошлаго года между Севильей и Кордовой господствовала шайка Наварро. Несмотря на частые военные посты, нарочно разставленные по дорогѣ, и даже несмотря на конвой изъ осьми драгунъ, постоянно провожавшій дилижансъ, рѣдко случалось, чтобъ дилижансъ не былъ остановленъ отчаянною шайкою, состоявшею изъ 32 человѣкъ и отлично вооруженною, противъ которой 8 человѣкъ конвоя были безсильны; а пока давали знать въ ближній постъ, и подоспѣвало подкрѣпленіе, дилижансы были уже ограблены, и шайка разсѣевалась на своихъ отличныхъ лошадяхъ. Наконецъ, дилижансы перестали ѣздить между Севильей и Кордовой. Наварро смѣялся надъ всѣми усиліями мѣстныхъ начальствъ; простого народа онъ не опасался, потому-что грабилъ только горожанъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливался съ своею шайкою, раздавалъ бѣднымъ много милостыни. Кромѣ того, онъ держалъ себя настоящимъ caballero, и путешественники, попадавшіеся ему въ руки, иногда не могли удерживаться отъ смѣху при томъ кавалерскомъ тонѣ, съ какимъ онъ принималъ ихъ кошельки. Вообще андалузскіе caballistas слывутъ въ Испаніи самыми вѣжливыми, тогда-какъ ladrones старой Кастильи и Ламанчи считаются самыми грубыми и жестокими. Андалузскіе caballistas не приказываютъ путешественникамъ, какъ кастильскіе ladrones, ложиться boca abajo (ницъ), никогда не берутъ сигаръ и обыскиваютъ путешественника тогда только, когда подозрѣваютъ, что онъ скрываетъ отъ нихъ деньги, и только въ

такомъ случаѣ бьютъ его ружейными прикладами. Мнѣ разсказывали здѣсь одно забавное происшествіе, случившееся прошлаго года съ двумя англичанами. Два богатыхъ джентльмена пріѣхали провести зиму въ Севильѣ. Безпрестанно слыша объ отвагѣ и смѣлости Наварро и скучая однообразною жизнью Севильи, они вздумали, для развлеченія, сдѣлать визитъ Наварро. Изъ Севильи каждую недѣлю отправлялась въ Кордову галера [1]), на которую никогда не нападала шайка Наварро: въ городѣ извѣстно было, что хозяинъ этой галеры доставлялъ Наварро порохъ и разныя нужныя вещи. Кто хотѣлъ безопасно доѣхать до Кордовы, отправлялся обыкновенно въ этой галерѣ. Англичане обратились къ хозяину ея и уговаривали его, разумѣется, за деньги, чтобъ онъ доставилъ имъ случай видѣть Наварро. Наварро, конечно, былъ уже предъувѣдомленъ. Недалеко отъ Кордовы пригласилъ англичанъ хозяинъ выйти изъ галеры, подвелъ ихъ къ небольшому дому, одиноко стоявшему въ сторонѣ, и оставя ихъ тутъ, отправился съ своей галерой. Наварро очень вѣжливо встрѣтилъ джентльменовъ, пригласилъ ихъ къ обѣду, напоилъ хорошимъ виномъ и рѣшительно очаровалъ ихъ своимъ разговоромъ. Когда стали они прощаться, Наварро попросилъ ихъ немного повременить, и, вынувъ изъ стола бумагу, предложилъ имъ подписать ее. Англичане сначала не поняли, въ чемъ дѣло, но, увидѣвъ потомъ, что это былъ вексель на значительную сумму, адресованный къ ихъ банкиру въ Севильѣ, съ требованіемъ немедленно заплатить по немъ подателю его, они разсердились и вздумали угрозами напугать разбойника. Наварро свистнулъ: въ дверяхъ показались человѣкъ десять вооруженныхъ. «Мнѣ было бы очень жаль caballeros, продолжалъ Наварро, нисколько не измѣняя своего вѣжливаго и спокойнаго тона,—еслибы съ вами случились здѣсь непріятности; я васъ прошу исполнить мое желаніе, а то, я боюсь, мои люди будутъ вами недовольны». Англичане, разумѣется, подписали и отправились пѣшкомъ въ Кордову. Наварро нѣсколько минутъ провожалъ ихъ и потомъ вѣжливо откланялся, сказавъ имъ, что онъ надѣется на ихъ молчаніе, если они дорожатъ своею жизнію. Въ той же галерѣ англичане благополучно воротились въ Севилью, гдѣ еще за два дня до ихъ пріѣзда вексель ихъ былъ представленъ банкиру, и деньги по немъ заплачены. Вскорѣ послѣ этого

---

[1]) Такъ называются здѣсь огромныя крытыя холстиною телѣги; это дилижансы простого народа. Онѣ возятъ также поклажи и ѣдутъ на протяжныхъ.

происшествія Наварро попался въ руки quardia civil и былъ разстрѣлянъ. Шайка его раздѣлилась на двѣ партіи: одна скоро была переловлена, но другая, подъ предводительствомъ Капаротта, любимца Наварро, долго держалась въ горахъ Андалузіи. Любопытно, какъ образчикъ испанскихъ нравовъ, письмо изъ Лючены, около которой находилась эта шайка, напечатанное въ мадритскомъ журналѣ «Eco de la revolucion»:

«Несмотря на шайку разбойниковъ, бродящую по провинціи, городъ нашъ пользуется привиллегіею совершенной безопасности, потому-что многіе изъ шайки принадлежатъ къ его жителямъ. Приходятъ ли онѣ въ городъ, уходятъ ли—никто не говоритъ о ихъ дѣлахъ, не мѣшается въ нихъ, если даже онѣ приводятъ съ собой плѣннаго путешественника. Начальникъ ихъ ѣздитъ когда захочетъ въ свою деревню, гдѣ спокойно отдыхаетъ, тревожимый только посылаемыми къ нему съ просьбами о покровительствѣ или пощадѣ. Сборное мѣсто шайки между Люченой и Пуэкте въ сенъмигельскихъ горахъ. Случается, что они въ продолженіи двухъ двухъ недѣль варятъ себѣ пищу въ одномъ мѣстѣ и въ совершенной безопасности, охраняемые своими часовыми, разставленными на самыхъ высокихъ мѣстахъ. Когда посылаютъ солдатъ ихъ преслѣдовать, разбойники всегда скрываются, проходя горными тропинками, извѣстными только имъ однимъ, да кромѣ того они всегда заранѣе извѣщены о преслѣдованіи».

Для разсѣянія шайки, генералъ-капитанъ Кордовы прибѣгнулъ наконецъ къ слѣдующему средству: въ кордованской тюрьмѣ содержался одинъ молодой человѣкъ, осужденный на смерть за какое-то убійство изъ мщенія. Ему обѣщали жизнь и свободу, если онъ доставитъ Капаротто живого или мертваго. Молодой человѣкъ, разумѣется, принялъ предложеніе. Онъ отправился въ горы, вступилъ въ шайку, нѣсколько времени участвовалъ съ нею въ грабежахъ и пріобрѣлъ довѣренность Капаротты. Наконецъ, случилось, что они остались съ нимъ вдвоемъ; время было послѣ обѣда, и Капаротто легъ спать. Молодой человѣкъ воспользовался этимъ случаемъ: закололъ его, отрѣзалъ ему голову, и въ винномъ кожанномъ мѣшкѣ принесъ ее въ Кордову. За это получилъ онъ не только свободу, но еще и денежное вознагражденіе. Лишенная своего атамана, шайка сама собою разсѣялась.

Я хотѣлъ уже кончить это письмо, какъ вспомнилъ, что я еще не сказалъ вамъ о самомъ лучшемъ украшеніи Малаги—о ея женщинахъ, составляющихъ вмѣстѣ съ кадитанками (женщинами Кадиса)

аристократію женщинъ Андалузіи, которую народная пословица истинно недаромъ зоветъ «страною красивыхъ лошадей и красивыхъ женщинъ,—el pais de buenos caballos y buenas mozas». Но, какъ я уже говорилъ вамъ, здѣшняя красота вовсе не походитъ на ту условную красоту, которую признаютъ только въ греческомъ профилѣ и правильныхъ чертахъ. Совершенно противоположна античному и европейскому типу красота андалузскихъ женщинъ: онѣ не имѣютъ того величаваго и нѣсколько массивнаго вида, какимъ отличаются итальянки; всѣ онѣ очень небольшого роста, гибкія и вьющіяся какъ змѣйки и болѣе приближаются къ восточной, нубійской породѣ, нежели къ европейской. Но самая главная особенность андалузской женской породы состоитъ въ совершенной оригинальной граціи, въ этомъ неопредѣлимомъ нѣчто, которое андалузцы называютъ своимъ многозначительнымъ словомъ sal—солью, и вслѣдствіе этого женщинъ, sal del mundo,—солью міра. Подъ этимъ словомъ андалузецъ разумѣетъ все, что̀ дѣлаетъ женщину привлекательною, помимо ея красоты,—ея остроуміе, ловкость ея походки, нѣсколько удалую грацію ея движеній, скромную, наивную и вмѣстѣ вызывающую, которую имѣютъ только женщины Кадиса и Ма̀лаги. Отсюда слово salero, которое въ Андалузіи слышится безпрестанно между простонародьемъ; даже простой народъ здѣсь до такой степени любитъ эту женскую, если можно сказать, замысловатую грацію, такъ чувствителенъ къ ней, что если по улицѣ идетъ молодая женщина, которой походка отличается этою особенностію, андалузскою ловкостію, то со всѣхъ сторонъ слышится ей вслѣдъ: que salero! que salero! Отсюда выраженіе cuerpo salado (соленое тѣло), dona salada (соленая женщина) и проч.

Дѣйствительно, южная андалузка вся состоитъ изъ женской прелести; ея грація не есть слѣдствіе воспитанія, это особенный даръ природы, слившійся съ ихъ исторіей, съ ихъ нравами и принадлежащій только однѣмъ имъ, потому-что онъ равно разлитъ въ женщинахъ всѣхъ классовъ. Можно сказать, что андалузка не имѣетъ нужды въ красотѣ: особенная прелесть, которая обнаруживается въ ея походкѣ, во всѣхъ ея движеніяхъ, въ манерѣ бросать взглядъ (ojear), въ движимости ихъ живыхъ физіономій—одна сама собою, помимо всякой красоты, можетъ возбудить энтузіазмъ въ мужчинѣ. «Въ твоей одеждѣ нѣтъ ваты, нѣтъ поддѣлокъ и крахмала, твое тѣло все изъ крѣпкаго мяса» [1])—говоритъ

[1]) En tu traje no hay engudos

народная андалузская пѣсня, и это совершенно справедливо: андалузки не нуждаются въ подобныхъ прикрасахъ женскаго туалета и не упускаютъ случая посмѣяться надъ ними, потому-что у нихъ однѣхъ только при изящно развитыхъ формахъ станъ тонкій, гибкій, можно сказать вьющійся. Но это гибкое какъ шолкъ тѣло лежитъ на стальныхъ мускулахъ. И для какихъ же другихъ организацій возможны эти народные андалузскіе танцы, въ которыхъ танцуютъ не ноги, а все тѣло, гдѣ спина изгибается волною, опрокинутый станъ вьется какъ змѣя, плечи касаются почти до полу, гдѣ послѣ позъ томленія, въ которыхъ ослабѣвшія руки, кажется, не въ силахъ двигать кастаньетами, вдругъ слѣдуютъ прыжки раздраженнаго тигра! Самое драгоцѣнное наслѣдіе, которое оставили мавры своей милой Андалузіи, заключается въ этой удивительной породѣ ея женщинъ. Я заключаю это изъ словъ одного арабскаго писателя XIV вѣка [1]), котораго описаніе гранадскихъ женщинъ совершенно примѣняется къ нынѣшнимъ андалузкамъ: Гранадинки красивы, но прелесть ихъ всего больше поддерживается ихъ граціею и особенною утонченностію, которыми онѣ проникнуты. Ростъ ихъ не досягаетъ средней величины, но нельзя представить себѣ ничего прекраснѣе ихъ формъ и ихъ гибкаго стана. Черные ихъ волосы спускаются ниже колѣнъ, зубы бѣлы какъ алебастръ, и самый свѣжій пурпуровый ротъ. Большое употребленіе тонкихъ духовъ придаетъ ихъ тѣлу свѣжесть и лоскъ, какихъ не имѣютъ другія мусульманки. Ихъ походка, ихъ пляски, всѣ ихъ движенія дышатъ ловкостію, непринужденностію, которыя восхищаютъ въ нихъ больше всѣхъ ихъ прелестей». Андалузка, къ какому бы званію не принадлежала она, никогда не затруднится въ отвѣтѣ, не смѣшается ни отъ какого разговора: на любой вопросъ отвѣчаетъ она съ быстротою и смѣлостію, которыя во всякой другой землѣ назовутъ безстыдствомъ. Такъ относительны понятія о приличіяхъ! Конечно, здѣсь женщины необразованны; но эта живость и веселость ума, богатство фантазіи, это мѣткое остроуміе—какъ охотно можно отдать за нихъ книжную образованность самыхъ образованныхъ дамъ! Дочь всякаго нѣмецкаго бюргера, безъ сомнѣнія, знаетъ въ тысячу разъ больше любой

Ni postizos, ni almidon
Que tu terre y pantorilla
De carne maciza son.

[1]) Абу Абдала-Абсанени, автора Исторія Гранады, находящейся въ рукописи въ Эскоріалѣ. (Conde, Dominacion de los arabes).

самой образованной андалузской дамы; но андалузка обладаетъ удивительнымъ искусствомъ не нуждаться во всѣхъ этихъ знаніяхъ, постоянно владѣть разговоромъ и вести его какъ ей вздумается. Никакого понятія онѣ не имѣютъ о лицемѣрной стыдливости (pruderie). Свободно и откровенно говорятъ онѣ о самыхъ недвусмысленныхъ предметахъ, но это съ такимъ простодушіемъ и, такъ сказать, наивностію чувства, что вамъ не пришло бы и въ голову найти тутъ что-нибудь предосудительное. Романтизма, этой болѣзни сѣверныхъ мужчинъ и женщинъ, въ нихъ нѣтъ даже тѣни, и ничего имъ такъ не противно въ мужчинахъ, какъ сантиментальность. Андалузка кокетлива; но она и не думаетъ скрывать своего кокетства; оно въ природѣ ея, и какъ расхохоталась бы здѣшняя дѣвушка, еслибъ вздумали упрекать ее, называя кокеткой! Вѣроятно, вслѣдствіе этого онѣ не любятъ заниматься хозяйствомъ; да южныя женщины вообще очень плохія хозяйки и все свое время проводятъ въ визитахъ, стояньи на балконѣ, въ прогулкахъ, или, просто, сидятъ въ своихъ комнатахъ въ совершенномъ бездѣйствіи; рукодѣлья онѣ очень не любятъ. Въ Европѣ женщина бо̀льшею частію раздѣляетъ труды мужчины; испанецъ, напротивъ, любитъ, чтобъ жена его держала себя знатной дамой, не заботясь ни о чемъ. Отъ этого, можетъ быть, онѣ такія охотницы говорить. Но всего болѣе поражаетъ ихъ наивная довѣренность: если вы приняты въ какое-нибудь семейство, то въ теченіе одной недѣли женщины разскажутъ вамъ все, что дѣлается въ этомъ семействѣ, посвятятъ васъ во всѣ семейныя тайны и обращаются съ вами, какъ съ близкимъ родственникомъ. И совсѣмъ этимъ этикетъ испанскій запрещаетъ на гуляньѣ предложить руку даже близко знакомой дамѣ; рука объ руку здѣсь могутъ ходить только мужъ съ женой. Равнымъ образомъ здѣсь считается неприличнымъ женщинѣ идти одной.

Вечернее гулянье для здѣшнихъ женщинъ также необходимо, какъ воздухъ и вода. Онѣ знаютъ, что здѣсь всего болѣе могутъ онѣ обнаружить грацію своихъ движеній—соль свою. Въ самомъ дѣлѣ ихъ легкая, медленная, зыблющаяся походка, эта мантилья, которой прозрачность скорѣе обнаруживаетъ, нежели скрываетъ пластическія формы ихъ стана и груди, эта быстрая, уклончивая игра вѣера, изъ-за котораго онѣ всего больше любятъ бросать свой впивающійся взглядъ, эта смѣлость и свобода движеній, — все это дѣйствуетъ необычайно, увлекательно, отрываетъ отъ европейской рутины и переноситъ въ совершенно оригинальный, обая-

тельный міръ, точно также, какъ Мурильо отрываетъ отъ рутины классической итальянской школы, перенося въ очаровательно-простую и всегда поэтическую сферу задушевной жизни. Въ андалузскихъ церквахъ нѣтъ ни стульевъ, ни скамеекъ, полъ всегда изъ гладкаго бѣлаго мрамора и тщательно метется по нѣскольку разъ въ день. Мужчины присутствуютъ при службѣ, всегда стоя; женщины, коснувшись пальцами святой воды, тотчасъ же становятся на колѣни и, прошептавъ небольшую молитву, принимаютъ особенную, небрежную, полулежачую позу, въ которой складки ихъ полныхъ, черныхъ платьевъ лежатъ удивительно живописно. Концы мантильи складываются тогда перекрестно подъ подбородкомъ, руки лежатъ на груди крестомъ, четки въ одной рукѣ, въ другой вѣеръ, который не успокоивается ни на минуту. Южная андалузка представляетъ собою самый совершенный типъ женской артистической натуры. Можетъ быть, вслѣдствіе этого, здѣсь на женщинъ смотрятъ исключительно съ артистической стороны. Но вѣдь это безнравственно! замѣтите вы мнѣ. Что-же дѣлать! подите убѣдите южнаго человѣка въ томъ, что духовныя отношенія выше чувственныхъ, что недостаточно только любить женщину, а надобно еще уважать ее, что чувственность страхъ какъ унижаетъ нравственное достоинство женщины.... увы! ничего этого не хочетъ знать страстная натура южнаго человѣка.

ГРАНАДА И АЛЬАМБРА.

Октябрь.

Не смотря на всю тихую прелесть жизни и окрестностей Màлаги, мысль о Гранадѣ не давала мнѣ покоя. Наконецъ я рѣшился ѣхать. Между Màлагой и Гранадой ходитъ дилижансъ; но онъ беретъ влѣво, на Лоху (Loja), объѣзжая горныя цѣпи, окружающія Гранаду; въ немъ отправляются бòльшею частію женщины и иностранцы; туземные жители ѣздятъ обыкновенно верхомъ, горною дорогою, соединяясь для безопасности по нѣскольку человѣкъ. Такой переѣздъ былъ для меня интереснѣе. Я условился съ Лансою, перевозчикомъ товаровъ между Màлагою и Гранадой, и нанялъ у него себѣ верховую лошадь. Вотъ еще особенность здѣшнихъ нравовъ: всѣ въ Màлагѣ знаютъ, что Ланса былъ контрабандистомъ и имѣлъ постоянныя сношенія съ шайками разбойниковъ, кочевавшими между Màлагой, Рондой и Гранадой, но тѣмъ не менѣе Ланса пользуется здѣсь всеобщимъ уваженіемъ и довѣ-

ренностью. Никогда товары, посланные черезъ Лансу, или путешественники, ѣздившіе съ нимъ, не были ограблены. Вѣроятно разсчетливый Ланса бралъ за это лишнее, также, какъ испанскіе дилижансы, которые, во время господства разбойничьихъ шаекъ по большимъ дорогамъ, для безопасности путешественниковъ, заключали съ шайками условія и платили имъ оброкъ, увеличивая за это плату на мѣста. Теперь дороги въ Испаніи почти очищены отъ разбоевъ, а дилижансы все-таки нисколько не уменьшили своихъ цѣнъ, и въ этомъ отношеніи путешествіе по Испаніи стоитъ довольно дорого. Ланса обыкновенно отправляется въ Гранаду по субботамъ, и всѣ, которые ѣдутъ туда верхомъ, пристаютъ къ нему. Несмотря на то, что въ этой сторонѣ Андалузіи теперь не слыхать о разбойникахъ, воображеніе дотого наполнено разсказами о нихъ, что всякій переѣздъ здѣсь кажется нѣкотораго рода предпріятіемъ. Ланса за день отправилъ мой чемоданъ, самъ же всегда ѣздитъ съ путешественниками. Насъ выѣхало изъ Малаги семеро большею частію жители Гранады, — между ними одинъ швейцарецъ, содержащій уже двадцать-одинъ годъ гостинницу въ Гранадѣ и забывшій по-нѣмецки. За городомъ къ намъ присоединились трое верховыхъ, а потомъ еще двое, такъ что поѣздъ нашъ состоялъ всего изъ двѣнадцати человѣкъ. У меня была славная лошадь—высокая, сильная, съ удивительною гладкою, лоснящеюся шерстью, какую можно видѣть только на арабскихъ и андалузскихъ лошадяхъ. Сбруя съ длинною красною бахрамой, спокойное арабское сѣдло и стремена, похожія на калоши: андалузскія сѣдла и стремена такія же, какія видѣлъ я у арабовъ въ Тангерѣ. У каждаго изъ нашего поѣзда, кромѣ меня, висѣло у сѣдла ружье,—и ружья у андалузцевъ восточной формы—длинныя, съ фигурно вырѣзаннымъ, узкимъ ложемъ. Всѣ одѣты были въ андалузскія куртки; но Ланса отличался отъ всѣхъ своимъ великолѣпнымъ костюмомъ махо (majo): коричневая куртка, вся ушитая арабесками изъ разноцвѣтнаго бархата, синіе по колѣна штаны, въ обтяжку, съ серебряными пуговицами вдоль швовъ, бѣлые чулки и башмаки, покрытые высокими до колѣнъ штиблетами изъ желтоватой кожи, съ узорчатымъ шитьемъ и кисточками, завязанные только сверху и снизу, такъ что чулки на икрахъ были видны; длинныя рыцарскія шпоры; шолковый малиновый жилетъ, со множествомъ висячихъ серебряныхъ пуговокъ; на шеѣ красный шолковый платокъ, концы котораго продѣты въ золотое кольцо; на головѣ, по андалузскому обычаю, повязанъ пестрый

фуляръ, концы котораго висѣли сзади изъ-подъ низенькой андалузской шляпы. Это былъ самый безукоризненный костюмъ андалузскаго щеголя.

Первый нашъ ночлегъ былъ въ Велесъ-Малагѣ, небольшомъ городкѣ, верстахъ въ двадцати-пяти отъ Малаги. Дорога шла все по берегу моря, постоянно самыми живописными мѣстами, среди роскошнѣйшей растительности. Ночь застала насъ въ дорогѣ, — ночь лунная, теплая, ароматная. Къ вечеру крикъ кузнечиковъ былъ такъ силенъ, что заглушалъ стукъ копытъ передовыхъ лошадей, и въ разговорахъ нужно было напрягать голосъ, чтобъ слышать другъ-друга. Окрестности Малаги усѣяны пальмами и садами лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ; скаты горъ покрыты бѣлыми домиками, окруженными виноградниками. Нигдѣ не видалъ я кактусовъ и алоэ такого колоссальнаго размѣра. Здѣсь изъ кактусовъ дѣлаютъ въ поляхъ загороды. Они такъ густы и высоки, что пролѣзть сквозь нихъ нѣтъ никакой возможности, не исколовшись острыми иглами ихъ листьевъ. Такой заборъ лучше всякаго другого: тонкіе, длинные пучки иглъ кактусовъ очень хрупки, при чуть-чуть неосторожномъ къ нимъ прикосновеніи входятъ въ кожу, отламываются тамъ и производятъ жестокое воспаленіе. Плодъ кактусовъ составляетъ здѣсь народную пищу: онъ видомъ и вкусомъ похожъ нѣсколько на фиги, но онъ мучнистѣе, и въ немъ гораздо больше питательнаго вещества. Но что за уродливое растеніе этотъ кактусъ! Исковерканный, вьющійся, приземистый стволъ его имѣетъ совершенно видъ крутящагося удава; пуховые, плоскіе, широкіе листья, похожіе на огромныя, кожаныя подошвы, торчатъ, выползывая другъ изъ друга. Эта уродливость исполнена такой дикой оригинальности, что я всегда невольно засматриваюсь на него. Но кактусъ особенно милъ своею нелѣпостью среди граціозныхъ южныхъ растеній, когда топорщитъ свои уродливыя лапы около апельсинныхъ деревъ, которыя здѣсь всегда раскидываются съ идеальнымъ изяществомъ, или около пальмъ, и тонкихъ вѣтвей гранатовъ, и фисташковыхъ деревъ съ ихъ лоснящимися, маленькими, душистыми листьями. На темномъ фонѣ этой зелени ярко отдѣляется сизо-синее, матовое алоэ, котораго колоссальные листья торчатъ словно кинжалы. Температура Малаги едва-ли не самая ровная въ Европѣ: морозовъ здѣсь никогда не бываетъ; бананы и всѣ южно-американскія растенія свободно растутъ въ садахъ; въ послѣднее время были дѣланы здѣсь опыты разведенія индиго и кошенили, и совершенно удались. До-

рога то идетъ по лощинамъ, то вьется около береговыхъ горъ, по скаламъ. Не разъ морозъ пробѣгалъ у меня по кожѣ, когда моя лошадь бережно и осторожно пробиралась по узкой тропинкѣ, пробитой въ скалѣ на краю глубокаго обрыва, внизу котораго шумно бились волны. Какъ ни привыкъ я къ горнымъ дорогамъ, но разъ, на одномъ крутомъ поворотѣ, гдѣ тропинка, имѣя съ одной стороны высокую, гладкую скалу, съуживалась дотого, что копыта моей лошади ступали не болѣе, какъ на вершокъ отъ края обрыва,—я зажмурилъ глаза, боясь головокруженія и стараясь только какъ можно прямѣе держаться въ сѣдлѣ... Увѣряю васъ, эти волненія страшно усиливаютъ впечатлительность нервовъ, настраиваютъ душу на какой-то торжественный тонъ, и красоты природы производятъ въ ней тогда необыкновенныя ощущенія. Вообще наши глаза такъ скоро присматриваются ко всему, нервы слишкомъ скоро слабѣютъ и притупляются, а мгновенное чувство опасности, такъ сказать, встряхиваетъ весь организмъ, освѣжаетъ его, мгновенно освобождая отъ рутины привычныхъ ощущеній и впечатлѣній. Правда, что это бываетъ не надолго, и скоро все снова приходитъ въ свое обычное состояніе, но зато какъ отрадны и дòроги душѣ эти ощущенія потрясеннаго и освѣженнаго организма! Долго остаются они въ памяти, и даже въ самомъ воспоминаніи о нихъ есть что-то горячее и страстное.

До самой Велесъ-Màлаги идутъ плантаціи сахару и хлопчатой бумаги; отлогости горъ усѣяны домами и селеніями; вдали, въ голубомъ, золотистомъ туманѣ плавали вершины Альпухарръ, изъ-за которыхъ поднималась снѣжная Сіерра Невада. Я видѣлъ природу Италіи и Сициліи; но въ Испаніи красота ея имѣетъ совершенно иной характеръ: здѣсь она величава, необъятна; въ ней меньше живописнаго, но зато несравненно болѣе поэтическаго. Она больше говоритъ душѣ, нежели глазамъ. Въ испанскомъ пейзажѣ нѣтъ той опредѣленности, какъ въ итальянскомъ, меньше разнообразія и картинности, но гораздо больше величія. Между итальянскою и испанскою природою та-же разница, какъ между поэзіею сѣверныхъ и южныхъ народовъ. Въ сѣверной меньше опредѣленности, меньше красокъ и яркости въ образахъ, но зато она сквозь свою туманность уловляетъ такіе оттѣнки чувства, такія сокровенныя движенія души, которыя никогда не даются яркой и цвѣтистой опредѣленности южныхъ поэтовъ.

Велесъ-Màлага небольшой городокъ, лежащій близъ моря, въ углубленіи горъ; на смежномъ съ нимъ холмѣ развалины старой

мавританской крѣпости; вокругъ сахарныя плантаціи, апельсинные сады и виноградники, поднимающіеся до самыхъ вершинъ горъ. Ключи и ручьи попадаются безпрестанно; безъ нихъ въ этихъ углубленіяхъ все задохнулось-бы отъ зноя и жару. Было уже довольно поздно, когда въѣхали мы въ Велесъ-Мàлагу; но городъ былъ еще во всемъ своемъ ночномъ разгулѣ: на главной улицѣ бродило много народа, безпрестанно слышалось бренчанье гитаръ. Я думаю, нѣтъ въ мірѣ народа, который-бы такъ любилъ веселиться, какъ андалузцы, который-бы отдавался веселью съ такимъ дѣтскимъ, искреннимъ чувствомъ. Воспитанный своею народною поэзіею романсовъ, въ которыхъ вся исторія его является опоэтизированною, гордый своею національностію, съ этою удивительною способностію совершенно довольствоваться самымъ необходимымъ, мнѣ кажется, если этотъ народъ заботится о чемъ нибудь, такъ развѣ о томъ, какъ-бы веселѣе провести вечеръ... Трудно понять, какъ могла въ этой странѣ цѣлыя десять лѣтъ свирѣпствовать междоусобная война, и такая кровожадная, варварская, неумолимая!

Ужинъ нашъ въ Велесъ-Мàлагѣ состоялъ изъ превосходныхъ куръ, увы! сдѣланныхъ въ соусѣ съ зеленымъ оливковымъ масломъ; къ счастію еще, можно было отличнымъ сыромъ и виноградомъ заглушить несносный вкусъ его. Это скверное оливковое масло мой единственный и неизбѣжный врагъ въ Испаніи! На другой день раннимъ, чудеснымъ утромъ снова въ путь. Дорога круто поворотила влѣво, въ ту густую массу горъ, которыхъ вершины, вчера, при закатѣ солнца, такъ очаровательно плавали вдали въ нѣжномъ, лиловомъ парѣ. Вблизи—это были совершенно голыя, скалистыя массы, преддверіе непроходимыхъ Альпухарръ, въ ущеліяхъ которыхъ укрылось много арабскихъ семействъ, при ихъ общемъ изгнаніи изъ Испаніи. Въ этой дичи мы въ продолженіе дня не встрѣтили ни одной деревни; изрѣдка только въ какомъ нибудь ущельи, вдали, одинокій домикъ, или пикетъ, въ которомъ живутъ нѣсколько солдатъ guardia civil, для охраненія дороги отъ разбойниковъ. Нельзя ничего представить себѣ пустыннѣе этихъ мѣстъ! Особенную оригинальность андалузской природы составляетъ именно то, что здѣсь пустыня—возлѣ самой роскошной растительности, рядомъ съ землею удивительно обработанною. Эти контрасты здѣсь безпрестанно, и вотъ отчего впечатлѣнія здѣшней природы такъ непохожи на впечатлѣнія природы другихъ странъ, отъ этого они такъ новы, такъ оригинальны. Лѣтній жаръ

въ этихъ горахъ почти такъ же опустошаетъ природу, какъ у насъ зима, изъ ущелій пышетъ зноемъ, гранитныя скалы лоснятся какъ металлъ и слѣпятъ глаза отраженіемъ лучей; въ тѣни ихъ такъ-же жарко, какъ и на солнцѣ; кругомъ одинъ жолто-мѣдный цвѣтъ. По дорогѣ часто попадались грубо сдѣланные, низенькіе каменные кресты, поставленные въ память сдѣланныхъ въ этихъ мѣстахъ убійствъ. Я уже прежде говорилъ о здѣшнемъ обычаѣ ставить кресты на мѣстѣ, гдѣ убитъ человѣкъ: на нѣкоторыхъ надписи: aqui mataron à un hombre (здѣсь убитъ человѣкъ), a qui mataron à Francisco Perez (здѣсь убитъ Франциско Пересъ), или какое другое имя. Эти кресты среди горной пустыни производятъ впечатлѣніе унылое. Malagro andaluz (андалузское чудо), сказалъ, засмѣявшись, одинъ изъ нашихъ спутниковъ, кастильянецъ, указывая мнѣ на одинъ изъ крестовъ. Андалузцы называютъ ихъ чудомъ (milagros), не понимаю почему, тѣмъ болѣе, что убійство въ этой странѣ вовсе не принадлежитъ къ такимъ рѣдкостямъ, которыя заслуживали-бы названія чуда. Насчетъ этого-то и подсмѣивался кастильянецъ, пользовавшійся, впрочемъ, всякимъ случаемъ выказать передъ андалузцами превосходство всего кастильскаго, т. е. Старой Испаніи. Таковъ ужъ здѣсь обычай: каждый хвалитъ свою провинцію насчетъ другой; а между андалузцами и сѣверными испанцами непрерывный обмѣнъ колкостей и насмѣшекъ, подъ которыми скрывается, можетъ быть, вражда смѣшавшейся съ андалузцами арабской крови къ сѣвернымъ испанцамъ. Особенный характеръ придаютъ эти зловѣщіе памятники словамъ: Vayan ustedes con Dios (ступайте съ Богомъ, ваши милости), обыкновенному привѣтствію между встрѣчающимися на дорогѣ. Въ моихъ прогулкахъ верхомъ по окрестностямъ Màлаги и Гранады, ни одинъ попадавшійся крестьянинъ, особенно если время было къ вечеру, не проѣзжалъ мимо, не проговоривъ мнѣ съ важностію: Vaya Usted, con Dios, Caballero (ступайте съ Богомъ, кавалеръ). Въ глуши дикихъ горъ и при этихъ дорожныхъ крестахъ слова привѣтствія, обыкновенно произносимыя медленно и серьезно, получаютъ какой-то торжественный характеръ.

Но тѣмъ не менѣе, несмотря на горную пустыню, мы ѣхали весело, разговаривая и куря. Завтракали на ѣздѣ, не слѣзая съ лошадей, и каждый, наперерывъ, старался угощать другого своимъ запасомъ. У многихъ были при сѣдлѣ кожаныя фляжки вина, и онѣ обходили круговую. Скоро послѣ полудня показался на дорогѣ довольно большой одинокій домъ. Это была *вента* (постоялый

дворъ), о которой еще съ утра говорилъ мнѣ Ланса, утѣшая, что мы можемъ тамъ освѣжиться отъ жгучаго солнечнаго жару, который съ самаго утра палилъ насъ, и дать немного отдохнуть лошадямъ. Вента состоитъ обыкновенно только изъ одной очень большой комнаты, складенной изъ неотесаннаго камня, скрѣпленнаго известью, съ каменными скамьями вокругъ стѣнъ; полъ тоже каменный и огромнѣйшій очагъ. Кстати о здѣшнихъ вентахъ и гостинницахъ: въ нихъ надо посылать европейскихъ путешественниковъ учиться терпѣнію! Поспѣшность прислуги въ нихъ вещь неизвѣстная: непремѣнно проходитъ цѣлый часъ, пока подадутъ вамъ требуемую чашку шеколаду; въ гостинницахъ никогда нѣтъ ничего готоваго. Въ вентахъ надобно часа два дожидаться, пока дадутъ чего нибудь ѣсть; а случается, что хозяину надобно посылать для этого за съѣстными припасами въ ближнюю деревню. Вслѣдствіе этого, испанецъ въ путешествіи самъ запасается всѣмъ: съ нимъ сыръ, хлѣбъ, жареное мясо, или ветчина и вино. Кромѣ того, здѣсь въ домахъ несравненно больше чистоты, чѣмъ въ гостинницахъ. Въ противоположность Италіи, да, я думаю, и всѣмъ странамъ въ Европѣ, здѣсь о путешественникахъ гораздо меньше заботятся, нежели о самихъ себѣ, и жадности къ деньгамъ не обнаруживаютъ. Здѣсь хозяинъ гостинницы никогда не покажетъ ни малѣйшей услужливости и ни на минуту не разстанется ни съ своей шляпой, ни съ плащемъ. Въ вентѣ, куда мы пріѣхали, былъ только черствый хлѣбъ и ветчина; вино сильно отзывалось кожанымъ мѣшкомъ. Мужчинъ въ ней не было, и прислуга состояла изъ трехъ дѣвушекъ, дочерей хозяйки. Андалузки низшихъ сословій не отличаются красотой: лицо какъ зардѣвшійся на солнцѣ жолтый персикъ; взглядъ большихъ черныхъ глазъ— дикъ и жосток; манеры смѣлыя и отрывистыя; но онѣ обладаютъ удивительнымъ мастерствомъ говорить и особеннымъ тактомъ въ обращеніи. Эти три дѣвушки выросли почти въ пустынѣ, общество ихъ состоитъ Богъ знаетъ изъ какого народа, и совсѣмъ тѣмъ онѣ держали себя съ такою увѣренностью и простотою, разговоръ ихъ былъ такъ свободенъ и вмѣстѣ приличенъ, что, повѣрьте, если гдѣ особенно бросается въ глаза аристократизмъ испанской крови, такъ это всего больше въ безъискуственныхъ дѣтяхъ природы. У дверей сидѣлъ ветхо одѣтый arriero (перевозчикъ товаровъ на мулахъ) и ѣлъ хлѣбъ съ ветчиной. Ожидая, пока мнѣ принесутъ пить, я стоялъ близъ него, и онъ тотчасъ, по испанскому обычаю, предложилъ раздѣлить со мной свой обѣдъ. Этого

рода вѣжливость составляетъ существенную черту испанскихъ нравовъ, даже до такой степени, что когда я въ Мадритѣ пришелъ на почту брать себѣ мѣсто въ Севилью, чиновникъ, пившій въ то время кофе, началъ мнѣ предлагать его. Здѣсь нельзя похвалить какую-нибудь вещь у другого, безъ того, чтобъ тотъ тотчасъ-же не предложилъ ея вамъ, съ обычными словами: «она въ распоряженіи вашей милости—esta a la disposicion de Usted». Разумѣется, испанская деликатность требуетъ или отказаться отъ предлагаемаго, или отвѣчать подаркомъ-же.

Было уже пять часовъ вечера, когда между голыми вершинами, торчавшими со всѣхъ сторонъ, показался вдали городъ, выстроенный на голой горѣ. То была Альама (Alhama), гдѣ мы должны были ночевать. Я подъѣхалъ къ Ланса, желая что-то спросить его, какъ вдругъ онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами на большой обломокъ скалы, лежавшій около дороги. Взглянувъ по направленію его глазъ, я увидѣлъ подъ склономъ камня двухъ человѣкъ съ ружьями. Ланса, по обыкновенію, пожелалъ имъ добраго дня; они отвѣтили тѣмъ же. «Замѣтили-ли вы этихъ молодцовъ?»—спросилъ Ланса, когда мы проѣхали камень. Я отвѣчалъ, что, это кажется, guardias de Camino, дорожные сторожа. Здѣсь «дорожные сторожа» есть особеннаго рода полиція для охраненія дорогъ; она состоитъ бо̀льшею частію изъ пожилыхъ людей, бѣдно одѣтыхъ и вооруженныхъ ржавыми ружьями: существенно ихъ занятіе состоитъ въ прошеніи у прохожихъ милостыни, подъ предлогомъ охраненія проѣзжихъ отъ воровъ. «Хороша guardia de Camino!»—замѣтилъ, усмѣхнувшись, Ланса. «Это сторожа изъ ближняго Солончака; они имѣютъ право ходить съ ружьями, и я знаю навѣрное, что они не пропускаютъ случая очистить карманы проѣзжихъ». Не знаю хвасталъ ли Ланса, или говорилъ правду, но достовѣрно то, что во всю дорогу намъ не встрѣтился ни одинъ одинокій проѣзжій, а всегда по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и непремѣнно съ ружьями. Вооруженіе проѣзжихъ придаетъ необыкновенно оригинальный характеръ этимъ, при всей ихъ унылости, величавымъ мѣстамъ,—особенно, когда эти вереницы проѣзжихъ, въ своей живописной андалузской одеждѣ, взбираются по горнымъ тропинкамъ. Никогда туземные жители иначе не ѣздятъ, какъ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. Разъ встрѣтили мы длинный рядъословъ и муловъ, навьюченныхъ товарами; люди лѣниво покачивались на вьюкахъ, куря сигаретки; у каждаго привязано было у вьюка ружье; у иныхъ съ другой стороны вьюка торчала ручка гитары. Пре-

рывая свой унылый напѣвъ фанданго, котораго никогда не оставляетъ андалузецъ, важно кивали они головой, проговоривъ обычное «Vayan Ustedes con Dios—ступайте съ Богомъ, ваши милости», начинали снова свою прерванную мелодію фанданго, и долго потомъ слышалось отражаемое скалами ихъ однообразное пѣніе. Я забылъ сказать, что вѣера здѣсь употребляются не однѣми женщинами: мои спутники и даже попадавшіеся намъ извозчики на мулахъ обмахивались зелеными вѣерами, которыми лѣтомъ здѣсь запасается всякій отправляющійся въ дорогу. Несмотря на множество разныхъ неудобствъ и лишеній, съ которыми непремѣнно сопряжено здѣсь путешествіе, живость и глубина ощущеній, производимыхъ на душу всѣмъ окружающимъ, вполнѣ вознаграждаютъ за всѣ неудобства. Даже самая мысль объ опасности прибавляетъ какую-то тайную прелесть этой беззаботности и свободной веселости, къ которымъ обыкновенно располагаетъ всякое путешествіе, а особенно путешествіе верхомъ. Такъ завывающій вѣтеръ и зимняя вьюга, бьющая въ стекла, кажется удесятеряютъ наслажденіе, которое испытываешь, сидя вечеромъ у тепло тлѣющаго камина...

Послѣ восьми часовъ ѣзды по голымъ, каменистымъ горамъ, добрались мы до Альамы, старой арабской крѣпости, нѣкогда знаменитой своимъ неприступнымъ положеніемъ. Кромѣ этого, Альама славилась своими минеральными водами, и гранадскіе владѣтели пріѣзжали сюда лѣчиться. Взятіе Альамы, въ самомъ началѣ гранадской войны, было отважнымъ дѣломъ героя этой войны, маркиза де-Кадисъ, который съ небольшимъ отрядомъ пробрался сюда горными ущельями во время проливныхъ зимнихъ дождей и, воспользовавшись бурною ночью и небреженіемъ арабскаго гарнизона, овладѣлъ крѣпостью. Неожиданная потеря Альамы, лежащей верстахъ въ пятидесяти отъ Гранады, страшно поразила гранадскихъ мавровъ. Въ собраніи старыхъ испанскихъ романсовъ есть большой отдѣлъ романсовъ, переведенныхъ съ арабскаго, или написанныхъ въ подражаніе арабскимъ, romances moriscos. Всѣ замѣчательныя событія гранадской войны излагаются въ нихъ въ чрезвычайно наивной и поэтической формѣ. Пользуясь случаемъ, я, для примѣра, приведу здѣсь два мавританскихъ романса, касающихся взятія Альамы, сохраняя, по возможности, наивность, колоритъ и размѣръ подлинника:

Ходитъ, ходитъ мавританскій
Царь по улицамъ Гранады.
Ходитъ отъ воротъ Эльвиры

До воротъ онъ Виварамблы.
Ахъ, моя Альама!
Получилъ съ гонцемъ онъ письма—
Пишутъ въ нихъ: «взята Альама».
Онъ въ огонь тѣ письма бросилъ
И гонца того зарѣзалъ.
Ахъ, моя Альама!
Жены, дѣти и мужчины
Плачутъ о такой потерѣ:
Всплакались о ней всѣ дамы,
Сколько было ихъ въ Гранадѣ.
Ахъ, моя Альама!
Всюду въ улицахъ и въ окнахъ,
Всюду трауръ, скорбь и горе,
Какъ жена, тамъ царь рыдаетъ...
Ахъ, моя Альама! [1])

Романсъ этотъ, сочиненный первоначально на арабскомъ языкѣ, по случаю взятія Альамы, былъ такъ печаленъ, что каждый разъ, какъ его пѣли на улицѣ, возбуждалъ плачъ въ народѣ и послѣ завоеванія Гранады испанцами его запрещено было пѣть. Въ слѣдующемъ романсѣ разсказывается, какъ наказанъ былъ несчастный алькаидъ (градоначальникъ) Альамы за потерю ея:

---

[1]) Passeábase el rey moro
Por la ciudad de Granada.
Desde las puertas de Elvira
Hasta las de Vivarambla.
¿ Ay de mi Alhama!
Cartas le fueron venidas,
Que Alhama era ganada;
Las cartas hecho en el fuego
Y al mesangero matava.
¿ Ay de mi Alhama!
Homdres, ninos y mugeres
Lloran tan grande perdida
Lloraban todas las damas
Cuanto en Granada habia.
¿ Ay de mi Alhama!
Por las calles y ventanas
Mucho luto parecia,
Llora el rey como fembra
Que es mucho lo que perdia.
¿ Ay de mi Alhama!

Мавръ алькаидъ, мавръ алькаидъ,
Мавръ съ пушистой бородою!
Царь за то, что ты Альаму
Потерялъ, тебя схватить
Приказалъ намъ и въ Альамбрѣ
Голову твою поставить,—
Въ казнь тебѣ, и чтобъ другіе,
Глядя на нее, дрожали.
Потерялъ такой ты городъ—
Драгоцѣнную Альаму!
Отвѣчалъ тогда алькаидъ
И такую рѣчь держалъ онъ:
Благородные сеньоры,
Вы, правители Гранады,
Отъ меня царю скажите,
Что ни въ чемъ я неповиненъ.
Былъ тогда я въ Антекерѣ
У сестры моей на свадьбѣ...
Пусть огнемъ сгоритъ та свадьба,
Пропади и пригласитель!
Далъ самъ царь мнѣ позволенье,—
Я безъ спросу не поѣхалъ;
На̀ десять я дней просился,
А мнѣ царь далъ три недѣли.
Что Альама потерялась,
Вся душа моя скорбѣетъ.
Если царь теряетъ городъ—
Потерялъ я честь и славу,
Потерялъ жену, семейство,—
Все, что̀ я любилъ на свѣтѣ.—
Потерялъ я дочь-дѣвицу,
Цвѣтъ и красоту Гранады.
А зовутъ, кому досталась
Въ плѣнъ она—маркизъ де-Кадисъ.
Предлагалъ я сто дублоновъ—
Онъ мой выкупъ презираетъ;
Мнѣ въ отвѣтъ они сказали,
Будто дочь моя ихъ вѣры,
Будто ей дано ужъ имя
Донья Марья де-Альама.
А она звалася прежде
Мавританкою Фатимой.
    Кончилъ рѣчь свою алькаидъ.
Увезли его въ Гранаду
И, поставивши предъ очи
Самому царю, рѣшили
Голову ему отсѣчь

И поставить на Альамбрѣ.
Приговоръ тотъ совершился [1]).
. . . .

Альама, выстроенная на скалѣ, крутыми обрывами упирающейся въ узкую лощину, со всѣхъ сторонъ окруженная совершенно голыми скалистыми цѣпями горъ, имѣетъ видъ разбойничьяго притона. Гора, на которой она выстроена, только съ одной стороны чуть-чуть отлога, но такъ, что лошадь съ трудомъ взбирается по крутой каменистой тропинкѣ, которая вьется, изворачиваясь и пробираясь между развалинами и обрывами. Предоставя мою лошадь попеченіямъ Лансы, я пошелъ бродить по городу и вышелъ на площадку. По одной ея сторонѣ стояли невысокіе арабской формы дома, по другой шла низенькая каменная загородка надъ самымъ обрывомъ внизъ, глубиною, по-крайней-мѣрѣ, саженъ пятьсотъ. Вокругъ во всѣ стороны тянулись цѣпи голыхъ вершинъ; только глубоко внизу, въ узкой лощинѣ, совсѣмъ сжатой горами, сквозь гущу зелени пробивалась бѣлая пѣна горнаго потока, шумъ котораго разносился по всему городу. Разнообразіе цвѣтныхъ то-

[1]) Moro alcaide, moro alcaide,
El de la vellida barba,
El rey te manda prender
Por la perdida de Alhama,
Y cortarte la cabeza,
Y ponerla en el Alhambra,
Porque à ti sea castigo.
Y otros tiemblen en mirarla,
Pues perdiste la tenencia
De una ciudad tan preciada.
El alcaide respondia
Desta manera les habla:
—Cabaleros y hombres buenos,
Los que regis à Granada,
Decid de mi parte al rey
Como no le debo nada,
Yo me estaba en Antequera
En bodas de una mi hermana:
Mal fuego queme los bodas,
Y quien à me llamàra.
El rey me dió la licencia,
Que yo no me lo tomàra,
Pedila por quince dios,
Diómela por tres semanas.
De haberse Alhama perdida

новъ между ущельями, обрывами и гранитными скалами было удивительно. Солнце заходило, покрывая багрянцемъ длинные ряды вершинъ, терявшихся въ аломъ пару, изъ-за котораго бѣлой яркой пеленой поднималась снѣжная вершина Сіерры Невады. Сколько нужно было усилій и труда, чтобъ помѣститься въ такомъ орлиномъ гнѣздѣ! И среди этой дичи живетъ народъ веселый, вѣчно поющій: до меня доносились брянчанье гитаръ и напѣвы фанданго... Испанія! какое это убѣжище для людей, скучающихъ Европою! Здѣсь не только природа оригинальна—здѣсь и жизнь сложилась какъ-то иначе. Богъ знаетъ, какъ и чѣмъ живутъ люди на этой каменной почвѣ, а кажется, у нихъ только и дѣла, что пѣть, танцовать, играть на гитарѣ, нисколько не заботясь о томъ, что въ другихъ странахъ называется жизнію. Европейскій костюмъ здѣсь до того рѣдкость, что мое дорожное пальто обращало на себя всеобщее вниманіе, и на меня указывали пальцами. Побродивъ по узкимъ улицамъ, я остановился у одной толпы, гдѣ танцовали. Пожилой человѣкъ въ плащѣ, сидя на камнѣ, игралъ на гитарѣ, подпѣвая мелодію фанданго; передъ нимъ нѣсколько паръ

A mi me pesa en el alma,
Que si el rey perdió su tierra,
Yo perdi mi honra y fama·
Perdi hijos y muger,
Las cosas que mas amaba,
Perdi una hija doncella,
Que era la flor de Granada.
El que la tiene cautiva
Marquis de Cadiz se llama.
Cien doblas le day por ella,
No me los estima en nada.
La rispuesta que me han dado
Es que mi hija es cristiana,
Y por nombre la habiau puesto
Dona Marià de Alhama;
El nombre que ella tenia,
Mora Fatima se llamaba.
Diciento esto el alcaide,
Lo llevaron à Granada:
Y siendo puesto ante el rey
La sentencia le fue dada,
Que le corten la cabeza
Y la lleven al Alhambra:
Ejecutose la justicia
Asi omo el rey lo manda.

танцовали. «Un estranjero!—Иностранецъ!» пробѣжало по кружку, и я сдѣлался предметомъ общаго любопытства. Между тѣмъ я вынулъ сигары, и, закуривъ самъ, предложилъ ихъ стоявшимъ возлѣ меня двумъ молодымъ людямъ. Эта національная вѣжливость тотчасъ расположила кружокъ въ мою пользу. Андалузки незастѣнчивы, тутъ же стали со мной разговаривать и приглашать меня танцовать. Я отвѣчалъ, что очень бы радъ, да не умѣю. Мнѣ дали мѣсто между сидѣвшими въ кружкѣ дѣвушками и молодыми людьми. Танцы продолжались. Сосѣдка моя, молодая и преудалая женщина, настоящая dona salada, рѣшительно объявила мнѣ, что желаетъ со мной танцовать, подала мнѣ руку, ввела въ кругъ танцующихъ, застучала кастаньетами—и я долженъ былъ койкакъ въ тактъ двигать ногами. Въ простонародьи фанданго танцуется довольно грубо; но онъ исполненъ пріемовъ и позъ чрезвычайно оригинальныхъ и смѣлыхъ, которымъ подражать невозможно. Мои манеры французскаго контраданса смѣшили ихъ до слезъ; но это еще болѣе сблизило меня съ ними: каждый изъ молодыхъ людей наперерывъ предлагалъ мнѣ свои папелитки [1]), угощали виномъ и обращались со мной самымъ радушнымъ образомъ... Да! я забылъ сказать, что послѣ моего комическаго танца я всетаки получилъ, по обычаю, поцѣлуй отъ моей танцовщицы.

Въ сумерки кружокъ сталъ расходиться; простившись съ моею танцовщицею, отправился я въ свою posada, гдѣ нѣсколько нашихъ дорожныхъ товарищей бесѣдовали вокругъ хозяйки. Одинъ изъ нихъ былъ студентъ медицины, только что кончившій курсъ, необыкновенно веселый малый. Онъ путешествовалъ для пріисканія себѣ выгоднаго мѣста. Съ уморительною важностью высказывалъ онъ свою мудрость передъ хозяйкою, забрасывая ее медицинскими терминами, которые та слушала разиня ротъ, давая ему безпрестанно щупать свой пульсъ. Потомъ явилась и гитара: безъ музыки и пѣнія здѣсь никакая tertullia [2]) существовать не можетъ. Какой-то уже пожилой и нѣсколько навеселѣ житель Альамы началъ первый: изъ забавныхъ его coplas (куплеты: такъ называется здѣсь всякая пѣсня) я запомнилъ только слѣдующіе:

—Grande consuelo es tener
La taberna por vecina

---

[1]) Papelitas—сигаретки, которыя здѣсь каждый свертываетъ себѣ съ необыкновенною быстротою и искусствомъ. Сигаръ, по дороговизнѣ ихъ, народъ не куритъ.

[2]) Слово, означающее вечеръ съ гостями.

Si es o no invencion moderna
Vive Dios, no le se.—
Pero delicada fue
La invencion de la taberna!

(Великое утѣшеніе имѣть трактиръ по сосѣдству!—Новѣйшее ли онъ изобрѣтеніе,—ей Богу не знаю; но по истинѣ деликатно было изобрѣтеніе трактира!)

Гитара переходила изъ рукъ въ руки; студентъ, между прочимъ, пропѣлъ въ честь хозяйки стихи, которые я, ложась спать (мы спали четверо въ одной комнатѣ), попросилъ его повторить себѣ и записалъ:

La patria mas natural
Es aquella que recibe
Con amor el forestero;
Que si todos quantos viven
Son de la vida correos—
La posada donde asisten
Con mas agasajo, — es patria
Mas digna de que sa estima.

(Самое лучшее отечество для чужестранца тамъ, гдѣ принимаютъ его съ радушіемъ. Если всѣ живущіе на свѣтѣ суть ничто иное, какъ гонцы жизни, то та гостинница (posada), гдѣ имъ хорошо и весело, есть настоящее отечество, совершенно достойное того, кто уважаетъ себя).

Между тѣмъ пришелъ нашъ вожатый Ланса и овладѣлъ разговоромъ, начавъ разсказывать разныя новости: какъ герцогъ Монпансье подарилъ Монтесу брильянтовый перстень, и что тотъ согласился принять его только съ условіемъ, что герцогъ тоже приметъ отъ него подарокъ, и отдарилъ герцога великолѣпнымъ платьемъ андалузскаго majo, которое стоило дороже перстня. Потомъ разсказалъ о послѣдней corrida de toros въ Малагѣ, въ которой неожиданно участвовалъ самъ «великій» Монтесъ. Corrida, по обыкновенію, состояла изъ шести быковъ; но изъ нихъ только одинъ былъ хорошимъ (на языкѣ цирка это значитъ быть храбрымъ). Публика знала, что Монтесъ, наканунѣ пріѣхавшій въ Малагу, былъ въ числѣ зрителей и сидѣлъ въ ложѣ. Послѣдній быкъ оказался самымъ дикимъ и яростнымъ; двое матадоровъ, одинъ послѣ другого, несмотря на всѣ ихъ усилія, на крикъ, брань и свистъ зрителей, не могли справиться съ нимъ: одинъ сробѣлъ, а другой хоть и нанесъ ему ударъ, но очень неловкій и неопасный, такъ что быкъ только больше еще разсвирѣпѣлъ отъ него. Зрители съ крикомъ начали требовать, чтобъ Монтесъ убилъ быка.

Монтесъ не выходилъ. Шумъ и крикъ сдѣлались дотого неистовыми, что Ayuntamiento (городское правленіе, всегда присутствующее въ особой ложѣ, въ лицѣ своихъ главныхъ членовъ) послало отъ себя просить Монтеса выйти на арену. Монтесъ послушался: восторженныя рукоплесканія встрѣтили его. Взявши у прежняго матадора красный плащъ, онъ перекинулъ его черезъ руку и скрылъ подъ нимъ шпагу, желая привлечь быка съ середины къ сторонѣ цирка. Быкъ бросился на него.... вдругъ Монтесъ, не принимая оборонительнаго положенія, началъ пристально смотрѣть ему въ глаза: быкъ остановился и весь задрожалъ. Не спуская съ него глазъ, Монтесъ бросилъ плащъ и шпагу на землю, подошелъ къ быку, взялъ его одной рукой за рогъ и повелъ по цирку, отступая задомъ и все не спуская съ него глазъ.... Этого зрители не ждали.... Все смолкло отъ тяжкаго волненія. Сдѣлавъ съ быкомъ небольшой кругъ, Монтесъ подвелъ его къ тому мѣсту, гдѣ лежали плащъ и шпага, вдругъ пустилъ его, поднялъ ихъ и накинулъ ему плащъ на голову. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній. Быкъ словно вышелъ изъ оцѣпенѣнія, съ бѣшенствомъ сбросилъ съ себя плащъ и кинулся на Монтеса. Онъ легкимъ движеніемъ уклонился отъ удара, быстро поднялъ плащъ и сталъ въ позу — въ позу рѣшительнаго удара. Въ этой битвѣ все дѣло мгновеній: едва сталъ Монтесъ, а уже быкъ снова напалъ на него: но едва наклонилъ онъ голову, чтобъ поднять его на рога, какъ шпага Монтеса по самый эфесъ вонзилась въ его крестецъ, капли крови брызнули у рта сквозь пѣну, быкъ зашатался и упалъ.... «Viva el divino Montes!»—закричали восторженные зрители; дамы срывали съ своихъ волосъ цвѣты и бросали ихъ Монтесу; букеты, платки, кушаки, полетѣли къ нему въ арену.... Разсказъ прерванъ былъ возвѣщеніемъ кухарки, что ужинъ стоитъ уже на столѣ. Давно проголодавшіеся, мы быстро усѣлись за него, восклицая:— «Viva el divino Montes!» Вмѣстѣ съ нами за столъ сѣли кухарка и служанка.

Не могу не сказать вамъ, благо пришлось къ слову, объ одной преоригинальной чертѣ испанскихъ нравовъ. Едва ли гдѣ, мнѣ кажется, прислуга пользуется такимъ снисходительнымъ, радушнымъ обращеніемъ, какъ въ Испаніи. Въ Америкѣ слуга называется не слугою, а «помощникомъ»; но американецъ обращается съ своимъ «помощникомъ» съ аристократическимъ величіемъ. Въ Испаніи, особенно въ среднемъ и низшемъ сословіяхъ, въ которыя еще не проникли французскіе нравы, обращеніе со слугами со-

вершенно особенное. Кромѣ того, что здѣсь слугамъ, какъ и всѣмъ, говорится «ваша милость» и никогда «ты», во взаимномъ ихъ обращенiи съ хозяевами господствуетъ какая-то добродушная, простая фамильярность. Испанскiй слуга совершенно чуждъ приторной прислужливости и подобострастной вѣжливости, отличающихъ слугъ всей Европы. Онъ садится при васъ, разговариваетъ съ вами сидя, попроситъ вашу сигару для закурки своей, и это безъ всякой аффектацiи, просто и добродушно — и между тѣмъ онъ служитъ вамъ привѣтливо, радушно, благородно. Здѣсь должность слуги не имѣетъ въ себѣ ничего унизительнаго, и отъ этого здѣсь охотно ищутъ должности слугъ. Но иностранцамъ очень трудно привыкнуть къ обычаямъ и нравамъ здѣшней прислуги. Я помню, какъ одинъ французскiй негоцiантъ, недавно поселившiйся въ Малагѣ, разговаривая со мной о тамошнемъ образѣ жизни, особенно горько жаловался на прислугу: — «Съ здѣшними слугами невозможно имѣть порядочныхъ комнатъ — говорилъ онъ (обыкновенно убранство комнатъ въ Испанiи до того просто и голо, что испанскому слугѣ, дѣйствительно, трудно привыкнуть убирать комнаты, отдѣланныя во французскомъ или англiйскомъ вкусѣ)—для нихъ ничего не значитъ днемъ оставить васъ однихъ и отправиться гулять, или, просто, спать гдѣ нибудь подъ деревомъ, а ночью уйти куда-нибудь танцовать. Если ихъ хорошенько побранишь, они не хотятъ жить у васъ, а сошлешь этихъ—другiе будутъ точно такiе же!»—Недавно въ Гранадѣ я былъ свидѣтелемъ презабавной сцены. У меня здѣсь есть знакомый французъ, химикъ и дагеротипистъ. На дняхъ прихожу я къ нему; онъ держалъ въ рукѣ письмо и звалъ своего слугу, чтобъ послать его отнесть письмо по адресу. Слуга только что воротился изъ аптеки, куда ходилъ за какимъ-то химическимъ составомъ. Онъ вошелъ въ комнату, жалуясь на жаръ, важно посмотрѣлъ на француза и рѣшительно объявилъ, что онъ теперь не можетъ идти, потому что очень жарко.

— Но мнѣ надо непремѣнно послать это письмо! кричалъ разгорячившiйся французъ.—Ваша милость разговариваетъ какъ какой-нибудь идальго! Ужъ лучше бы вашей милости оставаться при своихъ дипломахъ!

— А ваша милость думаетъ, что у меня нѣтъ дипломовъ? возразилъ очень спокойно слуга:—есть, да еще такiе, какихъ нѣтъ у вашей милости.

— Такъ зачѣмъ же ваша милость пошли въ слуги?

все это вмѣстѣ составляло картину удивительную, единственную. Прибавьте къ этому, что въ воображенiи эти мѣста неразлучно слиты съ маврами, что въ немъ бродитъ множество романсовъ, прославившихъ каждый шагъ на этой землѣ,—вспомните, что ни одно мѣсто въ мірѣ не напиталось столько человѣческой кровью, какъ эта равнина, гдѣ въ продолженіе 200 лѣтъ народъ сражался съ народомъ, каждый клочекъ земли сотни разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и стоилъ жизни сотнямъ тысячъ, — словомъ, прибавьте къ этой картинѣ природы ея прошедшее, невольно охватывающее чувство и воображеніе—и вы поймете то, что̀ я передать не въ силахъ, — эту поэтическую красоту мѣстоположенія Гранады.

Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ чаще сельскіе дома, тѣмъ гуще сады и разнообразнѣе фруктовыя деревья. А вотъ и Гранада: мы въѣхали въ ворота, которыя еще сохраняютъ свое арабское названіе «Виварамблы».... Да, путешественники говорили правду: Гранада, съ своими садами и полуразвалившимися мавританскими зданіями, съ безчисленнымъ множествомъ фонтановъ и ключей самой студеной воды, шумъ отъ которыхъ стоитъ по улицамъ, съ ея единственною въ мірѣ Alameda (мѣсто общаго гулянья) и чудеснымъ видомъ на равнину, на снѣговую Сіерру и окружныя горы, — Гранада городъ обаятельный! А чѣмъ же была эта Гранада, самая цвѣтущая столица испанскихъ мавровъ, за 300 лѣтъ! Я знаю, что сожалѣніе о паденіи мавританской Гранады сдѣлалось давно общимъ мѣстомъ; но чтожъ дѣлать! невольную грусть чувствую я, видя передъ собой эти легкіе, нѣжные слѣды исчезнувшаго и такъ горько пострадавшаго благороднаго племени, — что̀жъ дѣлать, когда съ каждымъ шагомъ по этимъ улицамъ живѣе и живѣе возобновляется въ моей душѣ жалоба о паденіи мавританской Гранады....

Къ несчастію, что̀ поддерживало мавровъ въ войнахъ ихъ противъ испанцевъ—эти безпрестанные приходы варварскихъ племенъ изъ африканскихъ пустынь—то самое вносило къ нимъ постоянныя междоусобія, постепенно ослабляло ихъ образованность, поддерживая и развивая ихъ дикіе инстинкты. Только въ одной Гранадѣ сосредоточилась наконецъ нѣкогда знаменитая арабская цивилизація, тогда какъ въ Африкѣ она давно изчезла уже, поглощенная наплывами дикихъ племенъ, выходившихъ изъ глубины пустынь. Вотъ отчего воображеніе невольно окружаетъ паденіе мавританской Гранады такимъ грустнымъ, поэтическимъ колори-

томъ: это послѣднія минуты племени рыцарскаго, блестящаго, которое погружается уже въ вѣчную ночь смерти. Вотъ отчего я не въ силахъ не сочувствовать арабской жалобѣ, когда она, принужденная выражаться на чуждомъ языкѣ, говоритъ съ прискорбіемъ:

Raza de valientes,
¿Quien te extremino?
Ciudad de las fuentes
Quien te cautivó?
Alhambra querida
Mansion del placer,
¿Para que es la vida
Si no te he de ver?
Un infiel maldito
Del Abencerrage
Tiene el heridaje:
Asi estaba escrito! [1])

Въ этихъ стихахъ чувствуется вопль сердца. Испанскіе поэты XVI вѣка, писавшіе стихи въ арабскомъ вкусѣ, и которымъ, вѣроятно, принадлежитъ бóльшая часть мавританскихъ романсовъ, играли арабскими чувствами. Кромѣ того, что поддѣлки ихъ легко отличить отъ романсовъ, сочиненныхъ настоящими арабами, въ нихъ нѣтъ такихъ звуковъ, какіе чувствуются, напримѣръ, въ приведенныхъ выше стихахъ. Между испанскими поэтами XVI вѣка были и арабы, принявшіе крещеніе, и, конечно, нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь господствовавшимъ тогда направленіемъ писать въ арабскомъ вкусѣ, выражали на языкѣ побѣдителей свои національныя жалобы.

Нельзя не замѣтить, однакожь, что образованность, рыцарскій блескъ и утонченная вѣжливость, прославившіе андалузскихъ мавровъ въ средніе вѣка, представляютъ странную противоположность съ ихъ кровожадною жестокостью, примѣры которой безпрестанно встрѣчаются въ ихъ нравахъ и особенно въ ихъ междоусобныхъ войнахъ. Впрочемъ, это соединеніе жестокости и нѣжности, кровожадности и изящества, цивилизаціи и варварства, передшее отъ нихъ въ нравы андалузцевъ,—кажется, еще болѣе усиливаетъ интересъ къ этому племени. Эти мавры, которые въ битвахъ неми-

[1]) Племя храбрыхъ, кто истребилъ тебя? Городъ фонтановъ, кто покорилъ тебя? Альгамбра любезная, жилище наслажденія, для чего же жить, если не видѣть тебя? Невѣрный владѣетъ наслѣдіемъ Абенсерраховъ: вѣрно такъ ужъ опредѣлено!

лосердно рѣзали побѣжденнымъ головы, выставляя ихъ на зубцахъ своихъ городскихъ стѣнъ, эти мятежные воины, всегда готовые биться съ кѣмъ бы и за что бы то ни было, были въ то-же время самыми покорными, самыми нѣжными обожателями любимыхъ ими женщинъ. Правда, что жена мавра была почти рабой его; но если она была любима, то становилась полною властительницею, передъ которой безпрекословно преклонялся мавръ, для которой онъ искалъ славы и блестящихъ подвиговъ. Все, что такъ интересуетъ насъ въ поэзіи трубадуровъ XI и XII вѣковъ, было обычнымъ содержаніемъ арабской поэзіи еще въ VII и VIII вѣкахъ. Поэты пустынь воспѣвали любовь и героическіе подвиги; каждый изъ нихъ, такъ-же, какъ впослѣдствіи провансальскіе трубадуры, обожалъ какую-нибудь любезную, — обыкновенно дочь шейха, или эмира, которую прославлялъ въ своихъ пѣсняхъ. Многіе изъ нихъ даже умирали отъ чрезмѣрности страсти и прославлялись потомъ, какъ жертвы любви. Были написаны особыя біографіи такихъ поэтовъ, и изъ нихъ видно, что для этихъ поэтовъ пустынь любовь была не чувственною страстію, а чистымъ, особеннаго рода поклоненіемъ, чуждымъ всякаго стремленія къ чувственнымъ наслажденіямъ, духовною восторженностью, которую—думали они—можно сохранять во всей чистотѣ и энергіи только уничтоженіемъ въ себѣ всѣхъ плотскихъ желаній. И таково—говоритъ великій знатокъ южныхъ литературъ въ средніе вѣка, Форіэль, въ своей «Histoire de la poésie provençale»—таково въ этомъ отношеніи сходство между арабскими поэтами VI и VII вѣковъ и провансальскими лучшими трубадурами XI и XII вѣковъ—сходство въ чувствахъ и мысляхъ, что, несмотря на все различіе національности, духа и вкуса этихъ поэтовъ, можно указать на мысли, на стихи, даже на цѣлыя отдѣльныя мѣста, которыя какъ будто они заимствовали другъ у друга. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что арабская поэзія, а вмѣстѣ съ ней и арабское рыцарство, сдѣлались первообразомъ поэзіи трубадуровъ и рыцарства европейскаго.

Лучшимъ доказательствомъ этому—извѣстный романъ «Антаръ», древнѣйшій памятникъ арабской литературы [1]). Основная идея

[1]) Сочиненіе его относятъ къ VIII вѣку, когда науки и искусства были особенно покровительствуемы багдадскими калифами. Романъ этотъ или, вѣрнѣе, часть его, сталъ извѣстенъ въ Европѣ по англійскому переводу Гамильтона (Antar, a bedueen romance, translated from the arabic by Terrick Hamilton, 1816, 1820) въ четырехъ частяхъ, которыя составляютъ только треть арабскаго подлинника. На французскомъ онъ явился какъ подражаніе англійскому переводу.

его въ высшей степени нравственна. Антаръ—низкаго происхожденія: онъ сынъ взятой въ плѣнъ рабы и необыкновенно дуренъ собой; «цвѣтъ кожи его—говоритъ романъ—былъ темный, какъ у слона, носъ сплюснутъ; онъ родился съ курчавыми волосами на головѣ, жосткими чертами лица: окраины рта были отвислыя, глаза опухшіе; кости его тѣла широкія, ноги длинныя, уши огромныя; но изъ глазъ его сверкали искры». Силою души, ума и своимъ непреодолимымъ мужествомъ Антаръ изъ своего первоначальнаго положенія раба и пастуха достигаетъ постепенно до высокаго сана «отца» арабскихъ витязей, становится мужемъ своей прекрасной Иблы, дочери главы племени, и наконецъ удостоивается повѣсить стихи свои въ храмѣ Мекки. Читая жизнь и похожденія Антара, всѣ испытанія, которымъ его подвергаютъ, видя его глубочайшее уваженіе къ женщинамъ вообще и его робкую, постоянную и даже нѣсколько сладковатую любовь къ Иблѣ, къ которой онъ взываетъ каждый разъ, готовясь на какое-нибудь опасное предпріятіе,—невозможно не признать во всемъ этомъ существеннаго первообраза европейскаго рыцарства. Но кромѣ нравственнаго сходства, обычаи и привычки арабскихъ шейховъ и особенно Антара точь-въ-точь походятъ на обычаи рыцарства среднихъ вѣковъ. Арабскіе витязи носятъ надъ лицомъ родъ забрала, упражняются въ турнирахъ, вызываютъ другъ друга передъ боемъ, скрываютъ, или говорятъ свое имя. Женщины для нихъ родъ особенныхъ божествъ, имѣющихъ вліяніе на всѣ ихъ поступки. Одно слово Иблы, ея улыбка, или жалоба печалятъ, радуютъ, или приводятъ Антара въ бѣшенство. Изъ этого романа видно, что женщины въ эпоху кочевой жизни арабовъ имѣли у нихъ несравненно больше свободы: онѣ налагаютъ на своихъ обожателей различныя испытанія, требуютъ отъ нихъ вещей, пріобрѣтеніе которыхъ сопряжено съ величайшими опасностями.... Подробное изложеніе сходства обычаевъ и нравовъ арабскаго рыцарства съ европейскимъ завело бы слишкомъ далеко; дѣло только въ томъ, что, читая Антара, трудно усомниться, чтобы арабское рыцарство VII и VIII вѣковъ не было образцомъ рыцарства европейскаго, откуда оно почерпнуло свои обычаи. Достаточно прочесть страницъ тридцать этого романа, чтобы убѣдиться, что, напримѣръ, странствующіе рыцари были не болѣе, какъ ребяческое подражаніе арабамъ....

Я остановился здѣсь въ fonda de Minerva—отличной гостинницѣ, устроенной на англійскій манеръ. На другой день, проснувшись рано утромъ, открылъ я окно: передо мной, внизу, съ шу-

момъ и пѣной бѣжалъ Хениль; за нимъ большая красивая площадь—Виварамбла, къ сожалѣнію, недавно переименованная въ plaza dela Constitucion: здѣсь происходили рыцарскія игры мавровъ и турниры, прославленные романсами, тутъ же потомъ производились и autos dafé инквизиціи. Здѣсь въ 1498 году кардиналъ Хименесъ сжегъ всѣ книги арабскія, какія нашлись у жителей и въ библіотекахъ Гранады. Далеко за площадью, изъ-за груды домовъ, возвышалась ярко-зеленая гора,—на ней полуразвалившіяся зубчатыя стѣны и башни,—тамъ Альамбра. Рѣзко обозначались ихъ темно-красныя очертанія на утренней, густой синевѣ неба; раннее солнце облило ихъ еще своимъ багрянцемъ; ярко бѣлѣлъ снѣговой пологъ Сіерры Невады: влажность и теплота цвѣтныхъ тоновъ были удивительны. Два густыхъ кипариса высоко поднимались между развалинами стѣнъ Альамбры, какъ два непрерывные меланхолическіе аккорда среди этой ликующей, жаркой игры цвѣтныхъ тоновъ неба и природы.

Мавританскій элементъ живетъ въ Гранадѣ не только какъ историческое воспоминаніе—его чувствуешь во всемъ: тутъ арабская надпись, тамъ мавританскія линіи зданія или мавританское названіе мѣста. Въ этихъ вьющихся улицахъ легко заблудиться. Есть между ними такія узкія, что два человѣка рядомъ съ трудомъ могутъ идти. Крыши домовъ черезъ улицу чуть не сходятся. Городскія ворота «Эльвира» сохранили вполнѣ свою мавританскую архитектуру. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ памятниковъ этой архитектуры былъ старый арабскій базаръ (Alcayceria)—большое зданіе, къ сожалѣнію, сгорѣвшее назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Онъ реставрированъ въ его прежнемъ стилѣ и расположеніемъ очень похожъ на внутренніе ряды московскаго Гостинаго двора. Мостовая дворовъ и улицъ вымощена узорчатыми арабесками изъ разноцвѣтныхъ камешковъ. Alameda (городское гулянье) здѣсь первое въ мірѣ: правда, что она состоитъ только изъ длинныхъ аллей буковъ и вязовъ; но огромность и свѣжесть деревьевъ, видъ на Сіерру Неваду, склонившую сюда свою снѣговую вершину, но густые, высоко бьющіе фонтаны придаютъ этому мѣсту рѣдкій характеръ величія и красоты. По аллеямъ, въ канавкахъ, обложенныхъ цвѣтными камешками, журчатъ ручьи чистѣйшей воды, бѣгущіе изъ тающаго снѣга Сіерры; вправо, по окраинѣ деревъ, въ углубленіи, обросшемъ олеандрами, съ шумомъ и пѣной бѣжитъ Хениль. Хорошо здѣсь при закатѣ солнца, когда по аллеямъ ложатся сумрачные тоны, между листьями деревъ просвѣчиваетъ

снѣговой пологъ Сіерры, облитый розовымъ сіяніемъ, а по отлогостямъ горы стелется лиловый паръ....

Хотя въ Гранадѣ отъ 80 до 90 тысячъ жителей, но церквей немного и всѣ онѣ незамѣчательны. Соборъ великъ, но далеко уступаетъ соборамъ Бургоса, Толедо и Севильи. Внутренность его сдѣлана во флорентійскомъ стилѣ и вся выложена разноцвѣтнымъ мраморомъ. Но въ этомъ великолѣпіи нѣтъ ни красоты, ни величія. Самый замѣчательный отдѣлъ собора составляетъ обширная капелла, въ которой погребены тѣла Фердинанда и Изабеллы—завоевателей Гранады. Капелла сдѣлана въ превосходномъ готическомъ стилѣ; посреди ея надгробный памятникъ завоевателей—огромная мраморная глыба, съ двумя въ ростъ изваянными изображеніями покойниковъ, вся покрытая превосходными горельефами. Трудно представить себѣ такую расточительность украшеній: тутъ цѣлыя сцены изъ гранадской войны, ангелы, святые, епископы, цвѣты, натуральныя и фантастическія животныя; все это изваяно не только одно возлѣ другого, а часто одно на другомъ. Несмотря на то, что уже десять лѣтъ прошло, какъ монастыри здѣсь упразднены, въ нѣкоторыхъ уцѣлѣли еще слѣды ихъ прежняго великолѣпія. Монастырь, называемый «la Cartuja», ордена св. Бруно, былъ, кажется, настоящимъ музеемъ всѣхъ родовъ искусства. Монастырскіе корпуса отчасти разрушены; но церковь даже и въ ея теперешнемъ видѣ можно еще назвать сокровищемъ: стѣны покрыты арабесками, разнообразіемъ которыхъ христіанскіе мастера, кажется, хотѣли превзойти арабески мавровъ. Картины всѣ исчезли; но, къ счастію, невозможно было расхитить превосходныхъ фресковъ, барельефовъ и рѣзныхъ украшеній. Мраморъ, яшма, барельефы—разсыпаны всюду; лавки, полки, дверь, покрыты инкрустаціями изъ слоновой кости, перламутра и разноцвѣтнаго дерева. Монастырскіе корпуса, съ своими огромными галлереями, запутанными ходами, съ своими садами и внутренними дворами, походятъ больше на дворецъ, нежели на монастырь. Кельи состояли каждая изъ двухъ большихъ комнатъ, свѣтлыхъ и веселыхъ; къ каждой кельѣ примыкаетъ небольшой садикъ, на который выходятъ ея окна и задняя дверь. Природа завладѣла теперь всѣмъ этимъ запустѣніемъ и на мѣсто каждаго обваливающагося камня ставитъ кустъ цвѣтовъ. Эти садики въ ихъ теперешнемъ небреженіи, предоставленные своевольной, могучей растительности, великолѣпны.

Гранадская картинная галлерея—museo de pinturas, можетъ

служить самымъ лучшимъ доказательствомъ того что̀ за нерадѣніе и воровство происходили въ Испаніи при упраздненіи монастырей. Говорятъ, правда, что много хорошихъ картинъ и дорогихъ церковныхъ утварей скрыто было монахами прежде ихъ удаленія; но не менѣе того извѣстно, что множество превосходныхъ картинъ исчезло изъ монастырей уже послѣ ихъ упраздненія. Теперь въ Городскомъ Музеѣ, прежде бывшемъ доминиканскомъ монастырѣ, собрано картинъ до ста; но изъ нихъ едва-ли десять стоятъ вниманія. Водившій меня по заламъ говорилъ, что года три назадъ украдено отсюда одиннадцать самыхъ лучшихъ картинъ. Городской совѣтъ, которому донесли о покражѣ, составилъ объ этомъ протоколъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Прошлаго года изъ собора украдена одна картина Риберы. Разумѣется, всѣ эти картины перешли въ Англію, гдѣ за нихъ хорошо платятъ. Въ этомъ такъ называемомъ Музеѣ комнаты душны, темны и пыльны. Вожатый мой, желая обратить мое вниманіе на какую-нибудь картину, стучалъ по ней своей палкой, не по рамѣ, а прямо по картинѣ.

Но мнѣ пора сказать что-нибудь о знаменитой Альамбрѣ.

Альамбра была цитаделью Гранады. Выстроенная на высокомъ холму, она господствуетъ надъ городомъ. Здѣсь, окруженный высокою стѣною, стоитъ остатокъ дворца мавританскихъ владѣтелей. Отъ другихъ бывшихъ тутъ зданій не осталось и слѣда. Но прежде нежели я стану говорить объ Альамбрѣ, мнѣ хочется привесть одинъ изъ лучшихъ мавританскихъ романсовъ, въ которомъ описанъ наружный видъ ея, въ то время, когда мавританская Гранада была еще во всемъ своемъ цвѣтѣ. Романсъ принадлежитъ къ половинѣ XV вѣка и разсказываетъ, какъ кастильскій король Донъ Хуанъ издали смотритъ съ завистью на Гранаду и разспрашиваетъ о ней одного мавра:

Абена̀маръ, Абена́маръ,
Мавръ по племени и роду,
Въ день, въ который ты родился,
Были знаменья большія:

Было на морѣ затишье,
Полная луна свѣтила.
Мавръ, рожденный подъ такими
Знаменьями, лгать не долженъ.

Отвѣчаетъ Абена̀маръ—
Слушайте, какъ говорилъ онъ—

Не скажу я лжи, сеньоръ,
Даже для спасенья жизни,

Потому что сынъ я мавра,
Сынъ я христіанки плѣнной,
И, ребенкомъ бывши малымъ,
Отъ нея завѣтъ я слышалъ,

Чтобы лжи не говорилъ я,
Что солгать большая низость...
Спрашивай меня, Хуанъ:
Истину тебѣ скажу я!

Благодарствуй, Абенáмаръ!
Благодарствуй за учтивость.—
Что это, скажи, какія
Зáмки въ вышинѣ сіяютъ?

— Это, государь, Альамбра!
Тамъ мечеть видна за нею,
А вотъ это Алихары,
Изукрашенные въ диво.

Мавръ, который ихъ работалъ,
Выручалъ въ день сто дублоновъ;
Въ день, когда онъ не работалъ,
Столько же своихъ терялъ онъ.

Это вотъ Хенералифе—
Садъ, которому нѣтъ равныхъ,
А вотъ тѣ Бермехи башни—
Зáмокъ крѣпости великой.

Вговорилъ тогда донъ Хуанъ,
Слушайте, какъ говорилъ онъ:
Если ты, Гранада, хочешь,
На тебѣ я радъ жениться;

Я въ приданое, въ задатокъ,
Далъ бы Кордову, Севилью.

—Замужемъ я, донъ Хуанъ,
Замужемъ я, не вдовица;
Мавръ, который мной владѣетъ,
Мнѣ добра желаетъ много [1]).

---

[1]) Abenàmar, Abenàmar,
Moro de la moreria,
El dia que tù naciste
Grandes senales habia.

Холмъ, на которомъ стоитъ Альамбра, съ одной стороны, именно къ городу, отлогъ, съ другой, обращенной къ Хенералифе и Сіеррѣ Невадѣ, образуетъ крутой обрывъ, упирающійся въ глубокій оврагъ, отдѣляющій ее отъ другого холма, нѣсколько повыше, прилегающаго къ Сіеррѣ Невадѣ, на отлогости котораго выстроенъ былъ лѣтній дворецъ гранадскихъ владѣтелей, Хенералифе. Внизу этихъ холмовъ (во всякомъ другомъ мѣстѣ они заслужили бы названіе горъ; но при сосѣдствѣ громадной Сіерры Невады это не болѣе, какъ холмы), между берегами, обросшими фигами, гранатами и олеандрами, съ шумомъ и стремительностью горныхъ потоковъ, бѣгутъ рѣки Хениль и Дарро... Въ жизнь мою не забуду того впечатлѣнія, какое испыталъ я, когда на другой день послѣ моего пріѣзда сюда пошелъ я по Гранадѣ. Представьте себѣ, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ привыкнувъ видѣть около себя природу суровую, почти всюду сожженную солнцемъ, небо постоянно яркое и знойное, не находя мѣста, гдѣ бы прохладиться отъ жару—вдругъ неожиданно найти городъ, утонувшій въ густой, свѣжей зелени садовъ, гдѣ на каждомъ шагу бѣгутъ ручьи, и

Estaba la mar en calma;
La luna estaba crecida;
Moro que en tal signo nace,
No debe decir mentira.

Alli respondió el moro,
Bien oireis lo que decia:
— No te lo dire, senor,
Aunque me cuesta la vida.

Porque soy hijo de moro,
Y de cristiana cautiva:
Siendo yo nino y muchacho
Mi madre me lo decia.

Que mentira no dijese,
Que era gran villania:
Por tanto pregunta, rey,
Que la verdad te diria.

— Yo te agradezco, Abenàmar,
Aquesta tu cortesia:
¿ Que castillos son aquellos;
Altos son y relucian?

—El Alhambra era, senor,
Y la otra la mezquita,

разносится прохлада.... нѣтъ! это можно оцѣнить только здѣсь, подъ этимъ африканскимъ солнцемъ. По городу только и слышался шумъ воды и журчанье фонтановъ въ садахъ. Здѣсь первая комната въ каждомъ домѣ—садъ. Часто попадаются садики снаружи, обнесенные желѣзными рѣшетчатыми заборами и наполненные густыми купами цвѣтовъ, надъ которыми блестятъ струйки фонтановъ; цвѣты и на террасахъ и на балконахъ [1]); а когда я подошелъ къ холму Альамбры, до самаго верху покрытому густою рощею, я не умѣю передать этого ощущенія. Три дня горной дороги верхомъ, подъ этимъ знойнымъ солнцемъ, просто сожгли меня; голова моя и все тѣло горѣли. Передо мной было море самой свѣжей зелени; прохлада, отраднѣйшая прохлада охватила меня. Лучи солнца не проникали сквозь гущу листьевъ; ручьи журчали со всѣхъ сторонъ; по дорожкамъ фонтаны били самою чистою, холод-

Los otros los Alijares,
Labrados à maravilla.

El moro que los labrada
Cien doblas ganaba al dia
Y el dia que no los labra
Otras tantas se perdia.

El otro es Generalife.
Huerta que par no tenia;
El otro Torres Bermajas.
Castillo de gran valia.

Alli habla el rey don Juan,
Bien oireis lo que decia:
— Sl tu quisieses, Granada,
Contigo me casaria;

Darète en arras y dote
A Córdoba y à Sevilla.

— Casada soy, rey don Juan,
Casada soy que no viuda;
El moro que a mi me tiene,
Muy grande bien me queria.

[1]) Нигдѣ я не видалъ такой страсти къ цвѣтамъ, какъ въ Гранадѣ. Кромѣ того, что каждая женщина непремѣнно носитъ въ волосахъ свѣжіе цвѣты здѣсь даже принадлежитъ къ хорошему тону по праздникамъ выходить изъ дому съ хорошимъ букетомъ въ рукахъ и дарить изъ него по нѣскольку цвѣтовъ встрѣчающимся знакомымъ дамамъ. По праздникамъ боченки продавцевъ воды обвиты виноградными вѣтвями, а тѣ, которые возятъ ихъ на ослѣ, даже и ословъ убираютъ виноградомъ.

ною водою. Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ прохладнѣе становилась тѣнь. Никогда я не видалъ такого разнообразія, такой свѣжести зелени! Дикій виноградъ обвивался около дубовъ, олеандръ сплетался съ сѣвернымъ серебристымъ тополемъ, изъ плакучей ивы весело торчали вѣтви душистаго лавра, гранаты возлѣ вязовъ, алоэ возлѣ липъ и каштановъ—всюду смѣшивалась растительность юга и сѣвера. Вотъ климатъ Гранады и вотъ одно изъ ея очарованій: это огонь и ледъ, зной и прохлада, и чѣмъ жаръ жгучѣе, тѣмъ сильнѣе таетъ снѣгъ на Сіеррѣ, и тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи и фонтаны. Это сліяніе воды и огня дѣлаетъ климатъ Гранады единственнымъ въ мірѣ. Прибавьте къ этому, что если вѣтеръ со стороны Сіерры Невады, то, несмотря на весь зной солнца, воздухъ наполненъ прохладой. Въ этихъ густыхъ аллеяхъ рѣдко кого встрѣчаешь—самая пустынная тишина; но все вокругъ журчитъ и шелеститъ, словно роща живетъ и дышетъ. Мѣстами стоятъ скалы, покрытыя зеленымъ мхомъ; по инымъ тоненькими сверкающими ленточками бѣгутъ ключи. Это не походитъ ни на какой садъ въ Европѣ,—это задумчивость сѣвера, слитая съ влажною, сверкающею красотою юга. Я легъ на прохладный мохъ перваго попавшагося камня и долго лежалъ, вслушиваясь въ журчанье ручьевъ, словно въ какія-то неясныя, но сладкія душѣ мелодіи. Какъ понималъ я скорбь мавровъ, когда изгоняли ихъ изъ Гранады! Въ 1772 г. пріѣзжалъ въ Испанію посолъ отъ мароккскаго владѣтеля. Онъ былъ мавръ и попросилъ позволенія ѣхать назадъ черезъ Гранаду. Войдя въ Альамбру, онъ началъ молиться, заплакалъ и, ударяя себя въ грудь, горестно вскричалъ: «Какъ могли мои предки потерять такое блаженство»! Я помню, какъ одинъ мавръ въ Танхерѣ, едва объяснявшійся по-испански, сказывалъ мнѣ, что въ семьѣ его хранится ключъ отъ ихъ дома въ Гранадѣ, который заперли они при изгнаніи. Мавры надѣются когда-нибудь воротиться въ Гранаду!

Одна изъ аллей этого парка ведетъ къ главнымъ воротамъ Альамбры—высокой, массивной башнѣ, съ игривой мавританской аркой. Башня вся обросла деревьями, торчащими изъ тысячи расщелинъ. Ворота эти носятъ названіе «Судейскихъ» (puerta judiciaria): въ нихъ, или около нихъ, при маврахъ, кади чинилъ судъ и расправу, по патріархальному обычаю восточныхъ народовъ. На аркѣ арабская надпись [1]): «Хвала Богу. Нѣтъ Бога кромѣ

[1]) Арабскія надписи въ Альамбрѣ, по порученію Мадритской академіи, переведены на испанскій языкъ и изданы ею.

Бога и Махомедъ пророкъ его. Крѣпость ничто безъ Бога.» Есть надпись и внутри арки: она говоритъ, что эти Судейскія ворота выстроены по повелѣнію Абу-Абдалла Нассера въ 1309 году. Внутренность арки покрыта арабесками. Я забылъ сказать, что по сторонамъ ея вдѣланъ изъ бѣлаго камня ключъ и рука. Рука въ исламизмѣ, кажется, есть символъ писаннаго закона. Историки Гранады (Alcantara) говорятъ, что кромѣ того мавры считали еще изображеніе руки отводомъ отъ дурного глаза. Отъ мавровъ этотъ предразсудокъ перешелъ къ андалузцамъ. И теперь въ простонародьи надѣваютъ дѣтямъ на шею маленькія ручки изъ коралла, или слоновой кости, въ которыхъ обыкновенно большой палецъ выставленъ между указательнымъ и вторымъ. Сложить такъ руку здѣсь значитъ сдѣлать фигу. Если мать, сидя съ ребенкомъ, видитъ, что мимо ихъ идетъ старая цыганка (въ простонародьи особенно боятся цыганскаго глаза), тотчасъ складываетъ ему рученку, со словами: «сдѣлай фигу, сдѣлай фигу—Haga Usted una fija». У мавровъ было въ обычаѣ носить на шеѣ изображеніе руки, что было строго запрещено имъ при Карлѣ V. Ключъ былъ у нихъ символомъ данной пророку власти отпирать и запирать небо, и ключъ также былъ гербомъ андалузскихъ мавровъ. Но народное воображеніе объясняетъ по своему каждый знакъ, каждый слѣдъ мавританской жизни и всему въ Альамбрѣ придало значеніе чудесное и фантастическое. По народнымъ разсказамъ, эти изображенія ключа и руки—магическіе знаки: одинъ арабскій астрологъ сдѣлалъ надъ Альамброй заклинаніе, по силѣ котораго она будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока рука не вытянется и не схватитъ ключа; тогда холмъ Альамбры распадется, крѣпость провалится, и откроются несмѣтныя сокровища мавританскихъ царей, схороненныя подъ стѣнами. Вашингтонъ Ирвингъ сдѣлалъ изъ этого одну изъ сказокъ своей «Альамбры».

Этими воротами входишь во внутрь Альамбры. Печальный видъ! На довольно большой площади разбросаны нѣсколько обвѣтшалыхъ, дрянныхъ домовъ, пристроенныхъ къ старымъ крѣпостнымъ стѣнамъ; здѣсь живутъ комендантъ и весьма немногіе обитатели Альамбры. Среди площади, противъ разваливающейся мавританской башни, стоитъ недостроенный и уже давно обреченный запустѣнію дворецъ Карла V. На внутреннемъ дворѣ его хранятся старыя пушки. Надобно же было такъ случиться, что этотъ умный Карлъ V приказалъ сломать большую часть мавританскаго дворца, чтобъ на его мѣстѣ выстроить свой дворецъ. Задуманъ онъ былъ

грандіозно, въ формѣ громаднѣйшаго квадрата. Три столѣтія, прошедшія надъ нимъ, не могли сдвинуть ни одного камня съ своего мѣста. Главный фасадъ его одно изъ великолѣпнѣйшихъ произведеній испанской архитектуры, всегда и во всемъ отличающейся изобиліемъ украшеній и нѣкоторой тяжеловатостью, исполненною, однакожъ, какого-то суроваго величія. Многочисленные мраморные барельефы фасада, по отличной ихъ работѣ, могли бы служить украшеніемъ любого музеума. За дворцомъ приходская церковь Альгамбры, ничѣмъ незамѣчательная, построенная на мѣстѣ бывшей великолѣпной мечети, отъ которой не осталось даже слѣда. Возлѣ—нѣсколько массивныхъ, безъ всякаго порядка стѣснившихся башенъ, соединенныхъ высокою стѣною съ узкими отверстіями вмѣсто оконъ: это мавританскій дворецъ. Маленькая, дрянная дверь ведетъ внутрь этихъ стѣнъ, потомъ темный корридоръ, и вдругъ выходишь на открытый внутренній дворъ мавританскаго дворца... Несмотря на то, что я прочелъ нѣсколько описаній Альгамбры, первое впечатлѣніе комнатъ дворца было странно, поразительно. Какъ бы подробно я ни сталъ ихъ описывать, мои описанія не передадутъ впечатлѣнія этого для насъ чуждаго міра. Я говорю: чуждаго потому, что я, ходя по Помпеѣ и Геркулануму, въ тысячу разъ больше чувствовалъ связь свою съ римлянами и яснѣе понималъ ихъ, нежели теперь понимаю мавровъ, бродя по ихъ дворцу. Для жителей Европы есть въ характерѣ и жизни востока нѣчто ускользающее отъ ихъ яснаго пониманія. Мы гораздо больше можемъ понять и прочувствовать въ себѣ жизнь древняго грека и римлянина, нежели жизнь араба. Отчего европейцы такъ плохо уживаются съ народами востока? Мнѣ кажется, что несмотря на множество разныхъ исторій восточныхъ народовъ и путешествій, мы очень мало знаемъ востокъ, т. е. его характеръ, нравы,—словомъ внутреннюю его жизнь. Путешественники пишутъ о востокѣ съ заранѣе составленною мыслію о превосходствѣ всего европейскаго и смотрятъ на восточную жизнь съ европейской точки, какъ на курьезность....

Невозможно себѣ представить той рѣзкой противоположности, какая существуетъ обыкновенно между наружностію и внутренностью въ мавританскихъ постройкахъ. Въ этомъ отношеніи никакая архитектура не можетъ дать понятія о мавританской: снаружи всѣ ихъ зданія смотрятъ уныло, сурово и воинственно; они громоздили ихъ безъ всякаго порядка, безъ симетріи, безъ малѣйшаго вниманія къ наружному виду, а всю роскошь архитектуры

и украшеній сберегали только для внутреннихъ комнатъ: тамъ расточали они весь свой вкусъ, стараясь соединить въ нихъ удобства роскоши съ красотою природы, мраморъ, лѣпныя украшенія и дорогія ткани съ цвѣтниками и апельсинными деревьями.

Этотъ первый дворъ мавританскаго дворца называется двояко: patio de los arrayanes—дворомъ миртъ, и patio de los banos—дворомъ купанья. Полъ устланъ гладкимъ бѣлымъ мраморомъ; вокругъ галлерея съ легкими, подковообразными арками, упирающимися на тонкія мраморныя колонки по двѣ въ рядъ. Пьедесталы у нихъ низенькіе и гладкіе, а капители четырехъ-угольные и покрыты узорчатыми арабесками. Вдоль карниза галлереи идетъ арабская надпись; нѣкогда позолоченныя буквы обвиты гипсовыми гирляндами цвѣтовъ. Въ надписи повторяются только слова Корана: «Единъ Богъ повелитель». Среди двора бассейнъ съ чистѣйшей водой, саженей въ десять длины. Вьющіяся арки на тоненькихъ колонкахъ имѣютъ необыкновенный характеръ легкости, а отраженіе ихъ въ водѣ еще болѣе увеличиваетъ воздушность впечатлѣнія. По обѣимъ сторонамъ бассейна фонтаны; вокругъ онъ густо обсаженъ миртами. Предполагаютъ, что бассейнъ этотъ служилъ для омовенія гранадскимъ владѣтелямъ и присутствовавшимъ при молитвѣ во внутренней мечети дворца. Отъ этого «двора миртъ» по обѣимъ сторонамъ идутъ комнаты; но, къ сожалѣнію, прежнее назначеніе ихъ въ точности неизвѣстно. Налѣво башня, извѣстная подъ именемъ «Комарекъ» (Comarech) отъ украшеній ея въ персидскомъ вкусѣ, называвшихся у арабовъ комаррахіе. Залы этой башни отдѣлывали нарочно выписанные персидскіе мастера. Самая большая и великолѣпная изъ нихъ называется «залою аудіенцій», гдѣ гранадскіе владѣтели дѣлали свои парадные пріемы. На стѣнахъ вылѣплены уже не одни изрѣченія изъ Корана, а цѣлыя стихотворенія, въ которыхъ восхваляется строитель этого дворца Мохамедъ Абу-Абдалла-бэнъ-Хусифъ-бэнъ-Нассеръ, умершій въ 1273 году. Это былъ самый замѣчательный изъ гранадскихъ владѣтелей и другъ Фердинанда св., короля кастильскаго. Узнавъ о смерти его, онъ отправилъ къ наслѣднику его, дону Альфонсу, сто арабскихъ рыцарей, для засвидѣтельствованія печали своей. Они въ великолѣпныхъ траурныхъ одеждахъ и съ факелами должны были присутствовать при похоронахъ, какъ представители великой печали. Любимымъ девизомъ бэнъ-Нассера были слова: «одинъ Богъ побѣдитель», и они начертаны во всѣхъ комнатахъ дворца. Эта зала «аудіенцій», несмотря на величину

свою, освѣщается только шестью узкими, попарно сдѣланными окнами, и въ ней такъ сумрачно, что съ трудомъ можно разглядѣть позолоту и краски превосходнаго рѣзного дубоваго потолка. Рисунокъ и узоры деревянныхъ мавританскихъ потолковъ чрезвычайно похожи на тѣ, которые въ прошломъ вѣкѣ дѣлали подъ названіемъ «рококо»; но мавританская работа несравненно отчетливѣе и изящнѣе. Стѣны залы покрыты раскрашенными арабесками. Одна изъ главныхъ особенностей мавританскаго стиля— нигдѣ не поражать глаза рѣзкостью: только всмотрѣвшись хорошенько въ эти украшенія, вы увидите всю отчетливую тонкость этой миніатюрной работы. Съ перваго взгляда кажется, будто потолокъ и стѣны обтянуты персидскими коврами, или вышитыми по канвѣ обоями съ мельчайшимъ рисункомъ. Арабскія буквы надписей, сами похожія на арабески, совсѣмъ слиты съ украшеніями, такъ что нужно особенное вниманіе, чтобъ отличить ихъ. Изъ полу-сумрака залы видъ въ окна на сверкающія всею яркостію южныхъ красокъ природу, городъ и окрестности удивительно эффектенъ.

Но воротимся къ первому «двору миртъ». Слѣва у него башня Комарекъ съ своей «залой аудіенцій», справа—изящнѣйшій порталь со множествомъ тоненькихъ, точно изъ бѣлѣйшаго воска, колонокъ, ведетъ въ знаменитый «дворъ львовъ» (patio de los leones), главный внутренній дворъ дворца. Это обширный и продолговатый четырехъ-угольникъ, окруженный галлереею, съ частыми, подковообразно согнутыми арками, опирающимися на тонкія мраморныя колонки (ихъ 168). По обѣимъ противоположнымъ сторонамъ въ длину сдѣланы два портала, гдѣ колонки сгруппированы и покрыты широкимъ фризомъ съ необыкновенною, самою граціозною оригинальностію. Колонки, разсыпанныя въ какомъ-то симетрическомъ безпорядкѣ, то по четыре, то по три, то по двѣ вмѣстѣ, производятъ необыкновенный эффектъ игрою свѣта и тѣней подъ арками. Капители колонокъ и наружная сторона галлереи покрыты мельчайшими арабесками изъ гипса, на которыхъ еще сохранились слѣды красокъ. Мавры такъ искусно умѣли составлять этотъ гипсъ, что онъ теперь крѣпче мрамора и лоснится какъ онъ. Едва ли востокъ произвелъ что нибудь лучше этого «двора львовъ» по легкости, граціи и деликатности вкуса. Я не могу дать даже приблизительнаго понятія о воздушности впечатлѣнія цѣлаго: въ этомъ чувствуется характеръ подвижныхъ жилищъ пустынь, и тоненькія колонки эти по своей формѣ намека-

ютъ на шесты, на которыхъ укрѣпляютъ кочевые шатры. Между арабесками по фронтону галлереи идутъ арабскія надписи: «Хвала Богу», «Слава нашему повелителю», «Хвала Богу за ниспосланіе ислама». Посреди двора (онъ семнадцати саженей въ длину и десяти въ ширину) стоитъ «фонтанъ львовъ»—большая чаша бѣлаго, прозрачнаго мрамора, покрытая арабесками и поддерживаемая двѣнадцатью мраморными львами; подъ ней другая, поменьше, изъ средины которой бьетъ фонтанъ, такъ что струя его падаетъ сначала въ меньшую чашу; наполнивъ ее, вода бѣжитъ въ большую и потомъ черезъ пасти львовъ падаетъ въ нижній, обширный бассейнъ. Львы сдѣланы очень дурно и непохожи ни на какихъ звѣрей, можетъ быть, отъ того, что исламизмъ запрещалъ арабамъ представленіе живыхъ существъ. Вокругъ большой чаши вырѣзаны арабскіе стихи, которые мѣстами постерлись, отчего произошли пропуски и разногласія переводчиковъ.

Вотъ ихъ смыслъ:

«Да будетъ благословенъ давшій повелителю Мохамеду жилище это, по красотѣ своей — украшеніе всѣмъ жилищамъ человѣческимъ».

«Еслижъ ты сомнѣваешься въ этомъ, то взгляни на все тебя окружающее: ты увидишь такія чудеса, что Богъ не дозволилъ, чтобы существовали равныя имъ даже и въ самыхъ храмахъ».

«Эта масса прозрачныхъ перловъ блеститъ и сіяетъ въ паденіи своемъ».

«Посмотри на воду и посмотри на чашу: невозможно отличить, вода ли стоитъ неподвижно, или то струится мраморъ».

«Посмотри, съ какимъ смятеніемъ бѣжитъ вода—и, однакожъ, все непрерывно падаютъ новыя струи....»

. . . .

«Можетъ быть, все существующее не болѣе какъ этотъ бѣлый, влажный паръ, стоящій надо львами.»

«О, ты, смотрящій на этихъ львовъ, которымъ только отсутствіе жизни на допускаетъ предаться своей злобѣ.

«О, наслѣдникъ крови Бэнъ Нассеровъ! нѣтъ славы и могущества равныхъ твоимъ, поставившимъ тебя выше всѣхъ сильныхъ владѣтелей.»

«Да будетъ непрерывно миръ Божій надъ тобой! да сохраняется твое потомство, и да торжествуешь ты надъ своими врагами!»

Внутри одной изъ галлерей, сзади портика, на потолкѣ, есть картина, въ которой, на позолоченномъ фонѣ, представлена битва

четырехъ мавританскихъ рыцарей съ четырьмя кастильскими. Въ смежной комнатѣ есть еще двѣ картины, тоже на потолкѣ: на одной нарисованы мавры, сидящіе кружкомъ, на другой—сцена охоты за кабанами. Вѣроятно, онѣ писаны какимъ нибудь христіанскимъ художникомъ, потому что Коранъ строго запрещалъ изображать людей, угрожая, что на томъ свѣтѣ написанные люди будутъ себѣ требовать душъ у писавшаго ихъ. По рисунку, картины, кажется, надобно отнести къ XIV вѣку и замѣчательны только въ томъ отношеніи, что андалузскіе мавры, несмотря на запрещеніе Корана, имѣли, однакожъ, у себя картины. «Дворъ львовъ» и фонтанъ его были сценою множества романическихъ происшествій, разсказываемыхъ романсами, и которыя, несмотря на украшенія, прибавленныя народною фантазіею, можетъ быть, имѣли какое нибудь историческое основаніе. Испанскіе историки разсказываютъ, между прочимъ, что посланникъ Фердинанда и Изабеллы донъ Хуанъ де-Вара разговаривалъ разъ у «фонтана львовъ» съ мавританскими рыцарями о католицизмѣ и исламизмѣ и, услышавъ насмѣшливое замѣчаніе одного мавра надъ католической вѣрою, выхватилъ мечъ и убилъ его. Вотъ какимъ страшнымъ предзнаменованіемъ для мавровъ начиналась гранадская война! По обѣимъ сторонамъ «двора львовъ» находятся двѣ большія комнаты, называемыя: одна—«залою сестеръ», другая—«залою Абенсеррахововъ». Полъ въ «залѣ сестеръ» состоитъ изъ двухъ огромныхъ мраморныхъ плитъ, которыя почему-то вздумалось назвать «сестрами»; отъ нихъ и названіе комнаты, самой красивой во всемъ дворцѣ. Нижняя часть ея четырехъ-угольная; по стѣнамъ мозаики, между которыми въ медальонахъ сдѣланы гербы гранадскихъ владѣтелей. Верхъ осьмиугольный, оканчивающійся изящнѣйшимъ куполомъ, покрытымъ самою фантастическою лѣпною работою, въ родѣ сталактитовъ и углубленій, какія бываютъ на пчелиныхъ ульяхъ. Все это было тщательно раскрашено синею и пунцовою красками съ позолотою. Краски и позолота во многихъ мѣстахъ сохранились еще во всей свѣжести. Свѣтъ проходитъ въ восемь маленькихъ круглыхъ отверстій, сдѣланныхъ въ куполѣ между углубленіями лѣпныхъ украшеній, и проходитъ такъ эффектно, придаетъ такую необычайную воздушность куполу и стѣннымъ арабескамъ, что вся комната кажется сотканною изъ разноцвѣтныхъ кружевъ. Отсюда открытая галлерея ведетъ въ женскую половину дворца, и на окнахъ, выходящихъ въ галлерею, остались еще частыя рѣшетки. Тамъ спальни, уборныя, ванны—

уютныя комнатки, тщательно укрытыя отъ солнца и жару, гдѣ множество маленькихъ фонтановъ постоянно прохлаждаютъ воздухъ. Стѣны, по обыкновенію, покрыты мельчайшими, раскрашенными арабесками; потолки рѣзные изъ дерева, позолоченные и раскрашенные. Окна женскихъ комнатъ (гарема) выходятъ на небольшой садикъ, насаженный цвѣтами, миртами, апельсинными деревьями и окруженный галлереею съ тѣми же тонкими, мраморными колонками.

«Зала Абенсерраховъ», по правую сторону «двора львовъ» уступаетъ въ красотѣ «залѣ сестеръ», хотя куполъ ея сдѣланъ въ томъ-же стилѣ. Возлѣ фонтана ея и на днѣ его огромной чаши широкое красноватое пятно. Народное преданіе говоритъ, что это кровь убитыхъ здѣсь Абенсерраховъ. Въ Гранадѣ было множество рыцарскихъ родовъ. Сегріи, родовые враги Абенсерраховъ, донесли послѣднему гранадскому владѣтелю Абу-Абдилели (испанцы называютъ его Боабдилемъ), что молодая жена его любитъ одного изъ Абенсерраховъ, и что подмѣчены ихъ ночныя свиданія у одного изъ кипарисовъ Хепералифе. Гранада раздѣлена тогда была на враждовавшія партіи. Одни, въ томъ числѣ родъ Абенсерраховъ, держали сторону отца Боабдиля, другіе—сторону сына. Боабдиль задумалъ истребить всѣхъ Абенсерраховъ. Но такъ какъ это былъ одинъ изъ знатнѣйшихъ рыцарскихъ родовъ, славившійся своимъ мужествомъ и очень любимый въ Гранадѣ, то Боабдиль рѣшился сдѣлать это тайно, подъ предлогомъ праздника, пригласилъ къ себѣ лучшихъ рыцарей изъ Абенсерраховъ, и каждый, по мѣрѣ того, какъ они приходили, былъ обезглавленъ палачемъ у этого фонтана. Уже тридцать-три Абенсерраха были убиты такимъ образомъ, когда пажъ послѣдняго, нечаянно увидѣвъ, какъ схватили его господина, предупредилъ остальныхъ Абенсерраховъ. Пересъ де-Ита, въ хроникѣ своей «О междоусобныхъ войнахъ въ Гранидѣ»—Guerras civiles de Granada por Ginés Perez de Hita, съ величайшими подробностями разсказываетъ о послѣдовавшей за тѣмъ мести Абенсерраховъ, о рѣшеніи Боабдиля, чтобы обвиняемая султанша избрала себѣ четырехъ рыцарей, которые должны сразиться за нее съ четырьмя ея обвинителями изъ Сегріевъ. Султанша тайно обратилась къ знаменитому тогда испанскому рыцарю маэстро де-Калатрава, прося его о защитѣ; и въ назначенный для поединка день пріѣхали въ Гранаду четыре неизвѣстныхъ воина, въ турецкихъ одеждахъ—то были переодѣтые испанскіе рыцари—сразились съ Сегріями, убили ихъ и провоз-

гласили невинность султанши, которую, въ противномъ случаѣ, ожидалъ костеръ. Впрочемъ, книга Переса больше походитъ на романъ, нежели на исторію. Онъ разсказываетъ то-же самое, что̀ народная поэзія пѣла во множествѣ романсовъ, которыми облекла она паденіе Гранады. Авторъ слилъ вмѣстѣ исторію, народныя преданія, романсы и свою собственную фантазію. Самая интересная сторона этой книги (въ ней 442 страницы весьма мелкой печати) описаніе гранадскихъ праздниковъ, обычаевъ, нравовъ, которое должно быть бо̀льшею частію вѣрно, потому что авторъ самъ видѣлъ описываемый имъ народъ. Книга сочинена въ концѣ XVI вѣка.

Мнѣ-бы слѣдовало еще говорить о внутреннихъ комнатахъ гарема и спальняхъ его, сдѣланныхъ въ землѣ, съ мраморными ваннами, альковами для постелей и неразлучными фонтанами, куда свѣтъ проникаетъ сквозь маленькія отверстія сверху, такъ что въ нихъ была постоянная прохлада и сумракъ, столь любимый восточною нѣгою; но по всему этому прошли или запустѣніе, или передѣлки и пристройки, сдѣланныя во время пребыванія въ Альамбрѣ королевской фамиліи Филиппа V (кажется, въ 1700 году); слѣдовательно, надо имѣть сильное воображеніе, чтобъ почувствовать во всемъ этомъ мавританское изящество. Арабы любили воду съ какою-то ненасытною страстію: она до сихъ поръ идетъ въ Альамбру водопроводами старой арабской постройки. Здѣсь она всюду, въ каждой комнатѣ дворца, бьетъ въ фонтанахъ, наполняетъ бассейны, журчитъ въ канавкахъ, продѣланныхъ въ мраморныхъ полахъ комнатъ, и, обѣжавши ихъ, стекаетъ въ паркъ и городъ. Самое очаровательное мѣсто въ женской половинѣ дворца—бельведеръ, сдѣланный на верху одной изъ башенъ. Полагаютъ, что здѣсь было нѣчто въ родѣ уборной комнаты: она и теперь называется уборною королевы (el tocador de la Reyna). Въ мраморномъ полу ея продѣланы маленькія скважинки, сквозь которыя проходилъ дымъ сожигаемыхъ внизу ароматическихъ куреній. Но всему этому придаетъ невыразимое очарованіе природа: когда вошелъ я въ бельведеръ и, оперпшись на окно, увидѣлъ подъ собой гущу свѣжей, темной зелени, въ которой извивалась полуразрушенная, красная стѣна Альамбры, покрытая плющемъ и синими листьями алоэ, передо мной на горѣ, надъ террасами своихъ садовъ, стоялъ Хенералифе, лѣтній мавританскій дворецъ, съ игривыми, подковообразными арками и тонкими колоннами, слегка заслоненными высокими кипарисами; за нимъ скалистая,

покрытая развалинами вершина Sille del moro и надъ всѣмъ этимъ переливающаяся радужными оттѣнками Сіерра Невада съ своимъ свѣговымъ сіяющимъ на солнцѣ пологомъ,—я не въ силахъ былъ оторваться отъ этого окна и долго оставался тутъ. Бельведеръ стоитъ на задней сторонѣ холма, надъ самымъ обрывомъ, въ которомъ безпрестанно дѣлаются обвалы; крѣпостная стѣна или обвалилась вмѣстѣ съ землею, или разсѣлась на широкія трещины, изъ которыхъ рвется чудная густая растительность. Въ пустынной тишинѣ только и слышенъ былъ со всѣхъ сторонъ шумъ фонтановъ и ручьевъ... Этотъ бельведеръ мое любимое мѣсто: каждый день провожу я здѣсь подолгу и все не могу насмотрѣться. Здѣсь я впервые понялъ наслажденіе безотчетнаго созерцанія.

Хенералифе стоитъ выше Альамбры. Ихъ раздѣляетъ широкій оврагъ, въ глубинѣ котораго бѣжитъ Дарро. Весь оврагъ сверху до низу заросъ дикими фигами, миртами и олеандрами. Необыкновенное изобиліе ключей придаетъ этой гущѣ свѣжесть удивительную. Узкая тропинка къ Хенералифе идетъ между гранатовыми деревьями, около развалившихся стѣнъ Альамбры; по грудамъ краснаго камня цѣпляется дикій виноградъ, перемѣшанный съ торчащими листьями синяго алоэ; все цвѣтетъ и ростетъ въ очаровательномъ безпорядкѣ: никакой цвѣтникъ не сравняется съ этой могучей, вольно разметавшейся растительностью. Но во дворцѣ Хенералифе, кромѣ наружной галлереи съ подковообразными арками и тонкими колонками, мало осталось мавританскихъ украшеній. Впрочемъ, въ одной комнатѣ сохранились они въ цѣлости; остались еще длинныя полусумрачныя галлереи, гдѣ жены гранадскихъ владѣтелей прогуливались во время жару. Изъ продолговатыхъ, узенькихъ оконъ ихъ видъ на Альамбру, на лежащій внизу городъ, на долину и дальнія голубыя горы. Нѣсколько высокихъ кипарисовъ поднимаются изъ-за обвалившихся стѣнъ крѣпости. Откуда ни смотришь на Альамбру, снизу, или сверху, эти кипарисы всегда на первомъ планѣ, и, несмотря на сверкающіе тоны неба и природы, ихъ темная, матовая зелень сообщаетъ пейзажу какой-то меланхолическій характеръ. У мавровъ кипарисъ былъ символомъ молчанія: онъ не шумитъ отъ вѣтра ни листьями, ни вѣтвями, какъ прочія деревья. Въ комнатахъ и галлереяхъ Хенералифе тотъ-же полусвѣтъ, какъ и во дворцѣ Альамбры; размѣры ихъ легки и уютны: ясно, что обитатели такихъ комнатъ жили только для сладкихъ чувственныхъ ощущеній. Мавританская архитектура совершенно чужда того характера величія, какой

отличаетъ античное искусство; вся прелесть ея въ капризной изящности формъ, въ эффектномъ освѣщеніи, въ обиліи и нѣжности украшеній, всегда заключенныхъ въ самой грубой оболочкѣ, какова обыкновенно наружность ихъ зданій. Это капризъ, исполненный граціи и оригинальности.

Мавританскую архитектуру обыкновенно называютъ подражаніемъ римской и византійской. Дѣйствительно, внутреннее расположеніе мавританскихъ домовъ отчасти сходно съ римскими, гдѣ также внутренніе дворики играли главную роль. Свои арки съ колонками могли они заимствовать у византійцевъ. Но у арабовъ арка имѣетъ совсѣмъ другое назначеніе, и, кажется, въ этомъ-то всего больше является особенность мавританской архитектуры; а въ архитектурѣ всего больше отражается народный характеръ. У византійцевъ арка несетъ на себѣ верхнюю часть зданія, у арабовъ она служитъ только однимъ украшеніемъ, потому что у нихъ верхъ зданія держится не на аркахъ, а на однихъ колоннахъ. Арка у арабовъ только для красоты, для ласканья глазъ. По самой своей подковообразной формѣ, эта арка безсильна что нибудь держать на себѣ. У архитекторовъ арабскихъ, кажется, была только одна цѣль—придать всему характеръ легкости и какъ-бы безпрестанно напоминать *о кочевомъ шатрѣ пустынь*. Въ этомъ именно и состоитъ величайшая оригинальность мавританской архитектуры, ея коренное отличіе отъ всѣхъ другихъ архитектурныхъ стилей. Существенный характеръ ея—необыкновенная легкость и капризъ, пренебрегающій всѣми законами и правилами зодчества. Вѣроятно, отсюда происходитъ и такая непрочность ихъ зданій. Передъ твердыми, простыми, строгими линіями античнаго зодчества эта миніатюрная капризность мавританскихъ украшеній, вся эта филигранная игривость кажутся забавою милыхъ, граціозныхъ дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, ни малѣйшаго чувства долговѣчности, даже прочности не пробуждаютъ зданія арабовъ: это легко, это воздушно, это удивительно изящно, но все это, кажется, тотчасъ разлетится какъ миражъ.

Несмотря на рѣдкое, искусное трудолюбіе мавровъ, на ихъ любовь къ наукамъ, необыкновенныя способности къ промышленности и торговлѣ, въ характерѣ ихъ исторіи постоянно преобладаетъ что-то кочевое, пылкое, страстное, болѣе говорящее воображенію, нежели уму; въ ней много рыцарскаго и ничего гражданскаго. Ихъ учрежденія и исторія вовсе чужды того послѣдовательнаго развитія, какое замѣчается въ исторіи европейскихъ наро-

довъ. У арабовъ все явилось вдругъ, все разомъ въ яркомъ цвѣтѣ—и все остановилось: арабы XIII вѣка точно такіе-же, какими были они въ VIII вѣкѣ; мѣнялись люди, но гражданскія формы жизни, но учрежденія оставались тѣ-же. По развалинамъ Греціи и Рима прошли десятки вѣковъ, цѣлые народы расхищали и разрушали ихъ—и, несмотря на это, онѣ все еще стоятъ, сообщая окружающей ихъ природѣ свою величавую красоту. Въ постройкахъ древнихъ архитектурный эффектъ всегда преобладаетъ надъ эффектомъ природы; постройки арабовъ, напротивъ, преимущественно отъ соединенной съ ними природы получаютъ свою красоту. Мнѣ кажется, что еслибъ даже испанцы и не трогали ихъ, онѣ разрушились-бы давно сами собою: такъ хрупко, легко и не надолго онѣ были строены. Мавританскую архитектуру можно изучать для украшеній, но не для стиля; въ ней чувствуется изнѣженная и чувственная жизнь ея строителей. Столько луровой грубости снаружи и столько нѣжности внутри, столько изящества въ подробностяхъ и такая бѣдность общаго рисунка, столько цивилизаціи и варварства! Эго искусство спаленъ. Арабъ любилъ таинственность и скрывалъ отъ толпы не только свои наслажденія, но даже великолѣпіе, которымъ украшалъ пріюты своей нѣги. Скрытность жизни есть преобладающій характеръ чувственнаго востока, да, я думаю, и всѣхъ чувственныхъ людей вообще. Арабская архитектура лучше всякой философіи исторіи объясняетъ судьбу этого народа *).

Выборъ мѣстоположеній, устройство и украшеніе комнатъ, доказываютъ въ арабахъ самое глубокое сочувствіе къ природѣ. Замѣчательна также любовь ихъ къ самому утонченному комфорту. Всякій жившій въ южныхъ странахъ знаетъ, какую отраду доставляютъ тамъ лѣтомъ свѣжая вода, прохладный воздухъ и полумракъ въ комнатахъ. Фонтаны у арабовъ были всюду; ихъ комнаты можно-бы назвать обстроенными и украшенными фонтанами; у нихъ была къ нимъ такая-же страсть, какъ у грековъ къ статуямъ, съ тою только разницею, что грекъ расточалъ украшенія для наслажденія всѣхъ, а мавръ—для наслажденія одного себя.

*) Не знаю почему, иные считаютъ арабовъ изобрѣтателями арки угловатой, родоначальницы готическаго стиля. Эта форма арки самая твердая и крѣпкая, а арабы своими арками ничего не поддерживали. Я ни въ одномъ мавританскомъ зданіи въ Испаніи не видывалъ даже признака угловатой арки и ни малѣйшаго слѣда готическаго стиля.

Кромѣ омовеній, предписанныхъ Кораномъ, фонтаны поддерживали въ комнатахъ постоянную прохладу, усиливая запахъ цвѣтовъ и душистыхъ деревьевъ ихъ внутреннихъ садиковъ. Постоянный полу-свѣтъ комнатъ, съ ихъ воздушными, кружевными украшеніями, при вѣчномъ журчаньи фонтановъ и ароматѣ цвѣтовъ, долженъ былъ безпрестанно погружать обитателей ихъ въ лѣнивую задумчивость; въ этомъ сладкомъ забытьи все существующее казалось не болѣе какъ «бѣлымъ, влажнымъ паромъ». Я на себѣ испыталъ здѣсь это обаяніе восточнаго созерцанія.

Говоря о Хенералифе, я забылъ сказать объ его садахъ, которые считались у мавровъ великолѣпнѣйшими въ мірѣ. До сихъ поръ въ нихъ живетъ еще ихъ прежнее очарованіе. Половина ихъ запущена: другая, прилегающая къ бывшему дворцу, содержится въ прежнемъ мавританскомъ вкусѣ. Во всю ея длину идетъ неглубокій каналъ, аршина въ два ширины, выстланный бѣлымъ мраморомъ, съ чистой, быстро бѣгущей водой, надъ которой низко нависли кусты жасминовъ и миртъ; по обѣимъ сторонамъ его огромные кипарисы и апельсинныя деревья; дорожки узки. Изъ саду входишь на прилегающую къ бывшему дворцу продолговатую галлерею, обнесенную арками на тонкихъ мраморныхъ колонкахъ: это тоже садъ; но въ немъ только одни цвѣты, и между ними великолѣпнѣйшій кустъ олеандра по-крайней-мѣрѣ въ три обхвата. Съ удивительнымъ искусствомъ умѣли мавры всюду проводить воду! Ключи, находящіеся въ холмахъ Хенералифе и Альамбры, были бы далеко недостаточны на всѣ ихъ фонтаны: главная масса воды проведена сюда съ Сіерры Невады, верстъ за десять отъ Хенералифе, бо̀льшею частію подземными водопроводами, для того, чтобъ вода проходила сюда холодною и чистою. Изъ Хенералифе течетъ она черезъ оврагъ въ Альамбру водопроводомъ, устроеннымъ на высокихъ аркахъ, и тамъ распредѣлена во множествѣ искусственныхъ ручьевъ по парку. Но, несмотря на то, что здѣсь красота природы очень многимъ одолжена трудолюбію и искусству человѣка, нигдѣ итальянская природа не производила на меня такого глубокаго, горячаго впечатлѣнія, какъ это мѣстоположеніе Гранады. Я здѣсь провожу цѣлые часы, погруженный въ самую отрадную, безотчетную задумчивость... Да! ярче, чѣмъ апельсинныя рощи Палермо, чѣмъ берега Неаполя, будутъ жить въ моей душѣ эта равнина Гранады, обставленная горами, эти холмы Альамбры и Хенералифе, въ густой растительности которыхъ играютъ тоны южной и сѣверной природы, и Сіерра Невада съ своимъ

снѣговымъ пологомъ и радужными переливами отлогостей. А закатъ солнца съ Хенералифе—какое солнце, и какая картина!

Позади Альамбры лежитъ гора, кажется, насквозь прожженная солнцемъ, жолтая, голая, цвѣта африканской пустыни; на ней ни деревъ, ни травы, а одни только уродливые, огромные кусты кактусовъ, которыми обсажены ея уступы. Испанскій пейзажъ вѣчно исполненъ контрастовъ; въ его самыхъ великолѣпныхъ картинахъ есть всегда нѣкоторый оттѣнокъ суровости и дикости. Въ нѣсколько ярусовъ по горѣ продѣланы пещеры: здѣсь живутъ цыгане. Входъ въ каждую пещеру завѣшенъ какой-нибудь грязною тканью; у него обыкновенно валяются нагія курчавыя дѣти, съ большими, огненными черными глазами и темно-желтой кожей. Цыганамъ запрещено жить въ Гранадѣ, и права собственности они не имѣютъ. Гранадскіе цыгане извѣстны въ Испаніи ловкимъ метаніемъ ножа: больше нежели на двадцать шаговъ попадаютъ они имъ въ цѣль съ необыкновенной силой. Кромѣ того они имѣютъ еще въ простонародьи репутацію отличныхъ танцоровъ. Это меня интересовало, и я сдѣлалъ у себя балъ, то-есть просилъ пригласить ко мнѣ человѣкъ двадцать цыганъ мужчинъ и женщинъ, извѣстныхъ своимъ мастерствомъ въ андалузскихъ танцахъ, и далъ имъ любимое ими угощеніе, состоявшее изъ ликера и сладкихъ пирожковъ. Оркестръ состоялъ изъ двухъ гитаръ и тамбурина, на которыхъ играли сами-же гости. Балъ былъ веселый и продолжался до глубокой ночи. Цыгане танцуютъ, дѣйствительно, съ необыкновенною легкостью, гибкостью и увлеченіемъ; но они уничтожаютъ страстную прелесть андалузскихъ танцевъ... отсутствіемъ скромности. Граціи въ нихъ мало; да и ноги держатъ они по гусиному. Въ пѣсняхъ ихъ за соло слѣдуетъ хоръ, какъ у нашихъ цыганъ, чего нѣтъ въ испанскихъ и андалузскихъ пѣсняхъ, Ихъ пѣніе и мелодіи несравненно лучше ихъ танцевъ. Женщины одѣваются въ яркіе цвѣта, окутывая себя какими-то странными покрывалами, какъ наши кочевыя цыганки. Несмотря на то, что онѣ несравненно хуже андалузокъ, здѣшніе молодые люди ихъ очень любятъ за ихъ смѣлое остроуміе и удалую грацію.

На все время моего пребыванія въ Гранадѣ нанялъ я себѣ верховую лошадь и часто ѣзжу по окрестностямъ. Теперь время уборки хлѣба. Кстати: здѣсь молотятъ хлѣбъ не руками, а копытами лошадей. Возлѣ того мѣста, куда свезена сжатая рожь, устроиваютъ кругъ на ровной, крѣпко набитой землѣ и накладываютъ на него сжатую рожь. Два мула, запряженные въ родъ са-

лазокъ, ходятъ въ кругу; на скамейкѣ, придѣланной къ салазкамъ, сидятъ обыкновенно дѣти и погоняютъ муловъ. Гладкія доски скользятъ по соломѣ, и зерно подъ копытами муловъ отдѣляется отъ колосьевъ. Когда набросанная рожь обмолотится, ее сметаютъ, просѣваютъ и набрасываютъ свѣжую. Истоптанную копытами солому потомъ сжигаютъ, и толпа молодыхъ людей и дѣвушекъ съ веселыми криками забавляется всегда мѣшаньемъ тлѣющаго пепла. Въ жителяхъ отрестностей Гранады есть оттѣнки, отличающіе ихъ отъ прочихъ андалузцевъ, и которые прямо указываютъ на ихъ близкую родственность съ востокомъ. Правда, что восточный элементъ значительно сохранился въ нравахъ всей южной Испаніи; но нигдѣ онъ такъ рѣзко не обнаруживается, какъ у гранадцевъ. Впрочемъ, и немудрено: здѣсь было послѣднее убѣжище мавровъ, вытѣсненныхъ изъ остальной Испаніи; здѣсь сосредоточивались ихъ государство, религія, вся ихъ національность. Это оставило глубокіе слѣды и на народномъ характерѣ и на народной фантазіи. Крестьянинъ гранадскій несравненно серьезнѣе и молчаливѣе, чѣмъ крестьяне другихъ частей Андалузіи. На лицахъ жителей окружныхъ горъ, и особенно Альпухарръ, та-же гордая важность, та-же испытующая неподвижность лица, которыя такъ поражали меня въ лицахъ танхерскихъ мавровъ. Ни въ какой части Андалузіи не существуетъ такихъ повѣрій въ тайныя силы природы, такихъ фантастическихъ разсказовъ [1]), какъ между жителями гранадскихъ горъ. Замѣчательно, что они инстинктивно признаютъ за маврами рѣшительное превосходство во всемъ, хотя иногда въ разговорѣ, а особенно когда затронута ихъ національная гордость, они съ презрѣніемъ отзываются о moreria вообще. Но особенно они славятся въ цѣлой Андалузіи своею необыкновенною способностью къ импровизаціи. Я прежде говорилъ уже, что въ Андалузіи часто случается при танцахъ, что кто-нибудь изъ присутствующихъ беретъ гитару и подъ мелодію танцуемаго фанданго импровизируетъ куплетъ (copla) въ честь иной танцовщицы; но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ мастерствомъ, съ какимъ гранадцы выражаютъ свои мысли и чувства въ любимой, народной формѣ фанданго. Преинтересный фактъ объ этой способности гранадцевъ къ импровизаціи сообщилъ мнѣ одинъ нѣмецкій путешественникъ, только что воротившійся изъ поѣздки въ Альпу-

---

[1]) Въ своей «Альамбрѣ» Вашингтонъ Ирвингъ собралъ нѣсколько народныхъ гранадскихъ разсказовъ.

харры, съ которымъ я познакомился въ Альамбрѣ. Съ нимъ былъ слуга, котораго онъ нанялъ въ Гранадѣ, большой охотникъ пѣть и играть на гитарѣ. Желая взойти на вершину горы Sagra Sierra, взялъ онъ изъ близь лежащаго мѣстечка Puebla de Don Fadrique себѣ въ проводники одного молодого человѣка, котораго звали Діего. Осмотрѣвъ гору, возвращались они пѣшкомъ въ мѣстечко, и дорогою Діего, по обыкновенію андалузцевъ, затянулъ фанданго, безъ котораго андалузецъ не можетъ ни ѣхать, ни идти, ни работать. Пропѣвши нѣсколько незамѣчательныхъ строфъ, онъ вдругъ обратился къ слугѣ и началъ спрашивать его въ риемованныхъ стихахъ, импровизируя ихъ на голосъ и метръ фанданго; а слуга точно также отвѣчалъ ему стихами. Вотъ записанный путешественникомъ разговоръ ихъ съ самымъ буквальнымъ, подстрочнымъ переводомъ:

Діего.

Porque vas gallardo mozo,
al pais de las monteras,
porque dejas las esteras
de placeres y de gozo,
que llenan los bosques de Alhambra?

Для чего идешь ты, добрый молодецъ, въ страну шапокъ [1])? для чего оставляешь сферы удовольствій и радости, наполняющія рощи Альамбры?

Слуга.

Tengo que seguir las huellas
de mi senor, Don Enrique
que á la puebla de Fadrique
se marcho, à mirar las bellas
maravillas de la Sagra Sierra.

Долженъ я слѣдовать за стопами моего сеньора дона Энрике [2]), который поѣхалъ посмотрѣть на прекрасные чудеса Сіерры Сагры.

Діего.

¿ Y pudiste sin espanto
dejar tu querida esposa,
igual á la Aurora hermosa,
no te commovió su llanto?
¿ o no es bella la senora tua?

[1]) Жители восточной стороны гранадскихъ горъ не носятъ шляпъ, а небольшія шапки изъ черного сукна съ отложнымъ козырькомъ. Эти шапки называются monteras.

[2]) Нѣмецъ назывался Генрихомъ.

И ты могъ безъ страху оставить твою милую супругу, подобную прекрасному утру? тебя не тронулъ ея плачъ? Или не хороша твоя сеньора?

Слуга.

Si, es mas encantadora
que la rosa en primavera,
mas ahora yo quisiera
su sonrisa seductora
que al bino tinto de Caravàca

Она очаровательнѣе, чѣмъ роза весной,—и теперь мнѣ больше хочется ея соблазнительной улыбки, чѣмъ краснаго вина изъ Караваки.

Потомъ слуга спросилъ у Діего, женатъ-ли онъ. Діего отвѣчалъ, что нѣтъ, и разсказалъ, все стихами-же и подъ мелодію фанданго, что у него есть любезная, и что она хотя бѣдна, но очень хороша.

Діего.

Tengo perlas y diamantes,
tengo oro y tergo plata,
marfil y tela dorata,
de todo tengo en abundante,
si tu me quieres, nina de mi alma.

Есть у меня жемчугъ и брильянты, есть серебро, слоновая кость и золотыя ткани,—все есть у меня въ изобиліи, если ты меня любишь, дитя души моей.

¿ Ay! ta granadina boca
es mas della y es mas sana
que et frescor de la manana,
que en Mayo los lirios toca!
¿ Aromas son los ayres que tu inspiras.

Ахъ, твой гранатовый ротикъ прекраснѣе и слаще, чѣмъ свѣжесть утра, которая ложится въ маѣ на лиліи. Ароматенъ воздухъ, которымъ ты дышешь.

Como el ráyo del cielo
derriba orgullosas palmas,
asi queman todas las almas
tus miradas de fuego.
¿ Benditos sean tus hermosos ojos!

Какъ лучъ молніи съ неба раздробляетъ гордыя пальмы, такъ сжигаютъ всѣ души твои огненные взгляды. Да будутъ благословенны прекрасные глаза твои!

¿ La nieve de la Sierra,
compite ella por ventura,
con frescor y con blancura,

con los pechos, que encierra,
la sencilla alcandorita tùya?

Снѣгъ Сіерры сравнятся-ли, напримѣръ, съ свѣжестью и бѣлизною грудей твоихъ, которыя охватываетъ твоя простая сорочка?

Говорятъ, что въ Испаніи народъ бѣденъ, невѣжественъ, полонъ суевѣрія и предразсудковъ, что просвѣщеніе въ нее не проникло. Такъ по крайней мѣрѣ думаетъ вся Европа. Но поставьте этого невѣжественнаго испанскаго мужика рядомъ съ французскимъ, нѣмецкимъ, даже съ англійскимъ мужикомъ, и вы удивитесь его натуральному достоинству, его деликатнымъ манерамъ и его языку, правильному, чистому. Низшее сословіе здѣсь несравненно образованнѣе низшихъ сословій въ Европѣ; только подъ этимъ словомъ не должно понимать книжное образованіе, а образованіе, составившееся изъ нравовъ, обычаевъ, преданій,—такъ сказать, историческое образованіе, которое въ испанскомъ народѣ несравненно сильнѣе, глубже, нежели во всѣхъ другихъ народахъ Европы. Это образованіе всей натуры человѣка, а не одной только головы. Уже довольно указать на то, что ни одинъ народъ не имѣетъ такой богатой поэтической летературы, какъ испанцы; народная поэзія ихъ живетъ не въ книгахъ, а въ непрерывномъ изустномъ разсказѣ. Отсюда его способность къ импровизаціи, которую можно объяснить только именно богатствомъ народной поэзіи, заучая которую народъ непосредственно научается владѣть своимъ языкомъ. Рѣшительно во многомъ испанцы составляютъ исключеніе (въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова) изъ прочихъ народовъ Европы, и къ нимъ всего меньше прилагаются тѣ общія теоріи и опредѣленія, которыми книжные умы такъ любятъ играть въ политику и исторію.

Я забылъ сказать, что на другой-же день послѣ своего пріѣзда въ Гранаду, я оставилъ гостинницу и нанялъ себѣ квартиру въ домѣ, стоящемъ близь оврага между Альамброй и Хенералифе. Комната моя очень проста: выбѣленныя стѣны, при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ, мараютъ; кое-какъ сколоченная изъ досокъ кровать, два деревянныхъ стула; на каменномъ полу мягкій плетеный изъ соломы коверъ; дощатый столикъ,—но на немъ каждое утро является въ стаканѣ букетъ свѣжихъ цвѣтовъ, благодаря любезности двухъ хозяйскихъ дочерей, которыя смотрятъ за моей комнатой и держатъ ее въ удивительной чистотѣ. Видъ съ моего балкона на всю отлогость Сіерры Невады и на равнину. Часто, при закатѣ солнца, облокотясь на перила, засматриваюсь

я на разстилающуюся передо мной обаятельную картину, облитую горячимъ, южнымъ освѣщеніемъ. Какъ раскаленное добѣла желѣзо горитъ снѣговая вершина Сіерры Невады на голубомъ небѣ; розовый, волнующійся паръ прозрачной пеленой лежитъ внизу надъ городомъ и зеленою гущею равнины; далѣе въ свѣтло-голубомъ туманѣ горныя цѣпи. Угловатая вершина Сіерры Эльвиры, за которую опускается солнце, словно облитая пылающимъ золотомъ, бросаетъ вокругъ себя лиловыя тѣни... Все—небо и земля горятъ и таютъ въ невыразимой лучезарности... Отъ меня въ пяти минутахъ мавританскій дворецъ и Хенералифе съ своимъ густымъ, заброшеннымъ садомъ, куда, разъ заплативъ сторожу, я получилъ входъ во всякое время. Тамъ я всякій день ѣмъ виноградъ. Какое наслажденіе ѣсть прямо съ дерева эти грозды, еще покрытые матовою, инистою свѣжестью утра! Я съ жадностью насматриваюсь на эту долину, на эти чудными цвѣтами переливающіяся горы, на Альамбру,—вдыхаю въ себя прохладу ея садовъ и фонтановъ и думаю, какъ-бы сдѣлать, чтобы все это навсегда живо запечатлѣлось въ моей душѣ, чтобъ мнѣ всегда можно было помнить объ этомъ раѣ, который, Богъ знаетъ, приведется-ли мнѣ еще увидѣть... Бываютъ цѣлые дни, когда я со всею искренностію сочувствую скорби этого мавра, изгоняемаго изъ Гранады, и по цѣлымъ часамъ повторяю его жалобу:

«Фонтаны Хенералифе, наполняющіе его рощи и сады, если смѣшаются съ вашими слезами слезы, мной проливаемыя, примите ихъ съ любовью, потому что онѣ самая чистая дань любви: вотъ та дорогая влага, которою увеселяется душа моя.

«Свѣжіе вѣтры, прохлаждающіе то, что раскаляетъ небо, когда долетите вы до Гранады, да сохранитъ и поддержитъ васъ Алла,—чтобы вы передали Гранадѣ вздохи, которые даю я вамъ, и чтобъ они говорили ей, какъ страдаютъ отсутствующіе [1]).

---

[1]) — Fuentes de Generalife,
Que regais su prado y huerta,
Las làgrimas que derramo
Si entre vosotros se mezclan,
Recibidlas con amor,
Pues son de amor cara prenda!
Mirad que es licor precioso
Adonde el alma se alegra.

¿ Aires frescos que alentais
Lo que el ciclo cine y cerca,

Дни мои проходятъ здѣсь какимъ-то безотчетнымъ, невыразимо пріятнымъ сномъ. Встаю я въ 6, или 7 часовъ и тотчасъ же иду въ садъ Альамбры, оттуда въ Хенералифе: его большой, заброшенный, предоставленный одной природѣ садъ имѣетъ для меня особенную прелесть. Весь онъ, можно сказать, обвитъ виноградомъ. Высокіе кипарисы окружены имъ сверху донизу, какъ гирляндами; золотистые грозды на темной, матовой зелени кипарисовъ, когда въ нихъ ударяетъ солнце, кажутся совершенно прозрачными. Вотъ синій, вотъ душистый *muscachel*, — вотъ круглый, золотистый и сладкій, а вотъ продолговатый и слегка кислый, который я всегда предпочитаю. Гранаты отъ спѣлости лопаются на деревьяхъ, выставляя свои пурпуровыя зернышки; на рыхлыхъ отъ зрѣлости фигахъ — свѣтлыя капли сгустившагося прозрачнаго сока. Утра здѣсь отъ близости Сіерры Невады исполнены самой отрадной свѣжести, такъ что грозды покрыты холоднымъ инеемъ. Освѣжившись виноградомъ, я возвращаюсь домой къ завтраку, который обыкновенно состоитъ изъ двухъ яицъ въ смятку. Шоколадъ мнѣ до смерти надоѣлъ. Потомъ немного читаю или пишу; передъ обѣдомъ—здѣсь обѣдъ ранній—черезъ садъ Альамбры иду въ мавританскій дворецъ; тамъ у меня два пріятеля: швейцарецъ, живописецъ, срисовывающій залы Альамбры, другой—французъ, очень любезный человѣкъ; онъ снимаетъ ихъ, для желающихъ, дагерротипомъ. Провожу съ часъ на своемъ любимомъ «бельведерѣ султанши», и домой обѣдать. Послѣ обѣда часто отправляюсь верхомъ внизъ на равнину, даю лошади волю бродить по извилистымъ тропинкамъ садовъ, всюду прорѣзанныхъ искусственными водопроводами, и когда Сіерра Невада начинаетъ розовѣть, сворачиваю въ городъ и, оставя лошадь въ своей прежней гостинницѣ, иду въ кофейную ѣсть мороженое, отсюда на *Alameda*, которая теперь, при лунномъ освѣщеніи, исполнена фантастическаго очарованія... Знаете-ли, я боюсь, что мое восхищеніе Гранадою покажется вамъ преувеличеннымъ... нѣтъ, увѣряю васъ, всѣ описанія мои, весь мой восторгъ не передастъ вамъ и тѣни того оча-

---

Quando llegais à Granada,
Alà os guarde y mantenga!
Para que aquestos suspiros
Que os doy le deis en mi ancencia,
Y como presentes digan
Lo que los ausentes penan.

(*Romances de Celin Audalla*).

рованія, какимъ исполнены эти мѣста и эта природа... Часовъ въ десять отправляюсь темными аллеями Альамбры домой, иногда захожу къ хозяевамъ, куда всегда приходятъ провести вечеръ нѣсколько гостей; между разговорами снимается со стѣны гитара, и вечеръ обыкновенно оканчивается андалузскими пѣснями.

Возлѣ самой моей квартиры огромный, разрушающійся монастырь *de los Martires*; его прежнее назначеніе можно узнать только по желѣзному кресту, по массивной башнѣ и по обломанному мраморному колоссальному распятію, которое еще стоитъ передъ забитыми наглухо монастырскими воротами. Вокругъ—груды камня, пьедесталы и обломки колоннъ. Старый мавританскій фундаментъ монастыря явно свидѣтельствуетъ, что монахи, тотчасъ послѣ завоеванія Гранады, овладѣли находившимся тутъ мавританскимъ зданіемъ и передѣлали его въ монастырь. При продажѣ монастырскихъ имѣній, густой, прекрасный монастырскій садъ купленъ моимъ хозяиномъ, который живетъ получаемымъ съ него доходомъ. Передъ входомъ въ монастырь, въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи, стоятъ два высокихъ каменныхъ креста; у середняго по вечерамъ собираются танцовать молодые люди и дѣвушки, и ко мнѣ въ комнату доносятся брянчанье гитары и стукъ кастаньетъ... Нѣтъ, недаромъ плакали мавры, когда изгоняли ихъ изъ Гранады, недаромъ одна изъ окружныхъ горъ, съ которой, рыдая, Боабдиль въ послѣдній разъ взглянулъ на Гранаду, называется до сихъ поръ «вздохомъ мавра» — *el sospiro de Moro*. И долго у изгнанныхъ мавровъ сохранялась поговорка, когда кто задумывался—о немъ обыкновенно говорили: «онъ думаетъ о Гранадѣ»... Гранада!! Еслибъ это слово могло передать вамъ хоть ея красоты, еслибъ я могъ перенести васъ въ мою маленькую комнату въ то время, когда закатывается солнце, и косвенные лучи его разливаютъ по долинѣ радужные, переливающіеся тоны,—небо и земля сливаются и рдѣютъ, какъ раскаленная лава, облака пылаютъ кровавымъ пламенемъ; Сіерра Невада съ своими скалами чернаго мрамора, съ своимъ снѣгомъ и зеленою отлогостью, вся облитая заходящимъ солнцемъ, кажется массой, сложенной изъ драгоцѣнныхъ цвѣтныхъ камней... минута чудесъ! Темная, влажная зелень деревьевъ проникнута золотистыми отливами; нѣтъ захолустья, нѣтъ уголка тѣни, куда не проникала-бы яркость этого солнца. Вечерній паръ, разстилающійся по долинѣ, похожъ на пыль, состоящую изъ аметистовъ и рубиновъ,—и все прозрачно, все горитъ и сверкаетъ; колокольни деревень, разсѣянныхъ по равнинѣ,

свѣтятся какъ пурпуровые бенгальскіе огни... Но жаркіе тоны начинаютъ блѣднѣть, обозначаются очертанія горныхъ цѣпей, на ихъ синѣющихъ отлогостяхъ уже чуть-чуть отсвѣчивается лиловое мерцаніе: надъ долиной густо поднимается голубой, влажный туманъ, по которому бѣлой матовой полосой отсвѣчивается луна, выходящая изъ-за Сіерры Невады. Солнце давно скрылось за горами, Гранада, равнина, лежатъ въ сѣромъ сумракѣ, а снѣговой пологъ Сіерры горитъ еще лиловымъ сіяніемъ, и чѣмъ выше, тѣмъ ярче и багровѣе; вотъ, на самой вершинѣ, сверкнуло оно послѣднимъ, алымъ лучемъ... да нѣтъ! этой красоты нельзя передать, и все, что я здѣсь пишу, есть не болѣе, какъ пустыя фразы; да и возможно ли отчетливо описывать то, чѣмъ душа бываетъ счастлива! Описывать можно только тогда, когда счастіе сдѣлается воспоминаніемъ. Минута блаженства есть минута нѣмая. Представьте-же себѣ, что эта минута длится для меня здѣсь вотъ уже три недѣли. Въ головѣ у меня нѣтъ ни мыслей, ни плановъ, ни желаній; словомъ, я не чувствую своей головы; я ни о чемъ, такъ совершенно ни о чемъ не думаю; но еслибъ вы знали, какую полноту чувствую я въ груди, какъ мнѣ хорошо дышать... мнѣ кажется, я растеніе, которое изъ душной, темной комнаты вынесли на солнце: я тихо, медленно вдыхаю въ себя воздухъ, часа по два сижу гдѣ нибудь надъ ручьемъ и слушаю, какъ онъ журчитъ, или засматриваюсь, какъ струйка фонтана падаетъ въ чашу... Ну что, еслибъ вся жизнь прошла въ такомъ счастьи!

V.

Двѣ недѣли въ Лондонѣ.

1859 года.

Нынѣшній разъ я пріѣхалъ въ Лондонъ уже къ концу сезона, то-есть, въ послѣднихъ числахъ іюля. Къ числу многихъ оригинальныхъ обычаевъ, господствующихъ на британскихъ островахъ, принадлежитъ давно установившійся обычай проводить весну и лучшую пору лѣта въ Лондонѣ, несмотря на то, что здѣсь всякій сколько-нибудь достаточный человѣкъ прежде всего старается пріобрѣсти себѣ помѣстье и убрать свой сельскій домъ со всевозможнымъ удобствомъ. Лондонскій сезонъ обыкновенно продолжается во все засѣданіе парламента, то-есть, начиная съ самой ранней весны до августа; а осень и зима посвящаются на житье въ помѣстьяхъ, на охоту и на путешествіе. Впрочемъ, здѣшняя зима далеко не представляетъ такого унылаго вида, какъ напримѣръ въ средней Европѣ. Здѣсь зелень въ поляхъ и на большей части кустарниковъ и деревьевъ во все продолженіе зимы такъже свѣжа и ярка, какъ въ первые лѣтніе мѣсяцы, а лондонскій климатъ, столь дурной отъ ноября до марта, превосходенъ отъ апрѣля до сентября. Притомъ же та часть Лондона, въ которой преимущественно живутъ высшіе и богатые классы, вовсе не такъ лишена свѣжаго воздуха и природы, какъ всѣ другія столицы Европы. Лондонъ, а особенно его West-End, кварталъ высшаго и богатаго общества, изобилуетъ парками, садами и скверами съ старыми, роскошными деревьями. Въ этихъ густыхъ тѣнистыхъ паркахъ съ утра встрѣчаешь множество верховыхъ; дамы въ щегольскихъ экипажахъ разъѣзжаютъ по этимъ густымъ аллеямъ, какъ въ своихъ помѣстьяхъ и очень часто сами правятъ. Итакъ, съ наступленіемъ апрѣля, всякій стремится въ Лондонъ, начиная съ аристократіи, которая здѣсь даетъ тонъ всему. Жители дру-

гихъ мѣстностей, исключая развѣ тѣхъ, которымъ должности, лавки или фабричныя дѣла не позволяютъ отлучиться, собирая всѣ средства, стремятся въ Лондонъ хотя на одну недѣлю. Меблированныя квартиры, отели, театры, концерты, всѣ публичныя зрѣлища наполняются невѣроятными толпами жильцовъ, слушателей и зрителей. Трудно, да я думаю и невозможно опредѣлить число меблированныхъ комнатъ и квартиръ, отдающихся въ наймы на время сезона; количество ихъ невѣроятно; онѣ всѣхъ цѣнъ и во всѣхъ степеняхъ комфорта и изящества. Но количество пріѣзжающихъ въ Лондонъ на время сезона такъ велико, что выборъ между квартирами дѣлается труденъ, и найдти квартиру не легко. Такъ какъ англичане—самый чистоплотный народъ въ мірѣ, съ которымъ могутъ сравниться въ этомъ развѣ только наши купцы и особенно купцы-старообрядцы, — то квартиры здѣсь почти всѣ необыкновенно чисты и опрятны. Цѣны ихъ въ сравненіи не только съ петербургскими, но даже и парижскими, вовсе нельзя назвать дорогими. Моя квартира во второмъ этажѣ, въ хорошемъ и весьма чистомъ кварталѣ (Cavendish Square) и состоящая изъ просторной спальни, къ которой съ одной стороны примыкаетъ кабинетъ для одѣванья, а съ другой большая гостиная (sitting room), и все это чисто и прекрасно меблировано, стоила мнѣ 40 шиллинговъ въ недѣлю (рублей 13 сер.). Такъ какъ здѣсь вовсе нѣтъ обычая завтракать въ кофейныхъ, какъ въ Парижѣ, да и кофейныхъ здѣсь почти нѣтъ, то завтракъ приготовляютъ обыкновенно дома. Два яйца, превосходная баранья котлетка и въ огромномъ количествѣ чай съ густыми сырыми сливками, стоитъ съ небольшимъ шиллингъ (коп. 40 серебр.). Что касается до газетъ, то ихъ можно получать за бездѣлицу на прочтеніе отъ 9 до 12 часовъ: огромное множество уличныхъ мальчиковъ снискиваютъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что разносятъ газеты по домамъ утромъ и потомъ приходятъ за ними послѣ полудня. Отели англійскіе, гдѣ безъ англійскаго языка путешественникъ рѣшительно пропадаетъ, превосходны, но дороги; а отели, содержимыя иностранцами, какъ напримѣръ, на Лейстеръ-скверѣ, гдѣ прислуга говоритъ по-французски, грязны и дурны. Для людей, желающихъ провести въ Лондонѣ нѣсколько мѣсяцевъ и имѣющихъ хотя самыя маленькія свѣдѣнія въ англійскомъ языкѣ, всего лучше помѣститься въ англійскомъ семействѣ. Тамъ за весьма небольшую плату они будутъ имѣть квартиру и столъ, и сверхъ того пользоваться англійскимъ обществомъ. Въ каждомъ нумерѣ «Times» всегда есть много объявленій отъ се-

мействъ, желающихъ принять къ себѣ такого рода постояльцевъ, даже женатыхъ. А о превосходномъ комфортѣ англійской жизни нельзя имѣть понятія, не испытавши его. Побывать въ Лондонѣ въ теченіе сезона принадлежитъ не только къ обычаямъ англичанъ, но и къ условіямъ фашона (fashion). Англичанинъ, столь свободный въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ, добровольно подчиняется строгой общественной дисциплинѣ, укоренившемуся обычаю и установившимся нормамъ жизни. Нѣтъ народа въ Европѣ, у котораго обычай и установившіяся нормы жизни возводились бы въ такой неприкосновенный законъ. Оказывая совершеннѣйшую терпимость ко всякаго рода доктринамъ и мнѣніямъ, англичанинъ считаетъ естественнымъ только то, что получило право обычности, и именно англійской обычности. Аристократическія части Лондона, пустыя и тихія зимою, по которымъ рѣдко слышится стукъ экипажа, съ наступленіемъ сезона вдругъ наполняются своими великолѣпными обитателями и роскошными экипажами, съ кучерами и лакеями въ парикахъ, или съ напудренными волосами. У отворяющихся дверей домовъ видны напудренные швейцары. По какому-то непонятному предразсудку, пудра и парикъ имѣютъ здѣсь величественное и мистическое значеніе. Президенты палаты лордовъ и общинъ сидятъ въ огромныхъ напудренныхъ парикахъ, и замѣчательно, что чѣмъ больше парикъ, тѣмъ онъ имѣетъ болѣе важное значеніе. Судьи тоже засѣдаютъ въ парикахъ, но парики ихъ уже менѣе парика лорда канцлера, а парики адвокатовъ менѣе судейскихъ. Только лордъ-меръ не надѣваетъ парика, хотя онъ въ то-же время и полицейскій судья въ Сити. Аристократическіе кучера и лакеи непремѣнно, если иногда и не бываютъ въ парикахъ, то всегда съ напудренными волосами. Впрочемъ, это удовольствіе здѣсь можетъ доставить себѣ всякій; оно вовсе не составляетъ исключительнаго права, принадлежащаго аристократическимъ титуламъ, а пріобрѣтается посредствомъ взноса извѣстнаго налога, которымъ обложено право употребленія пудры. Но рѣдко кто не изъ титулованныхъ лицъ вздумаетъ напудрить своихъ кучеровъ и лакеевъ. Вы тотчасъ различите экипажъ лорда отъ экипажа какого-нибудь члена нижней палаты. Первый всегда яркаго цвѣта, лакей и кучеръ въ короткихъ штанахъ и въ жилетахъ изъ краснаго плюша, въ шляпѣ съ кокардой. Экипажъ коммонера гораздо скромнѣе; если-же онъ глава старинной фамиліи въ своей провинціи, то онъ можетъ имѣть такой-же экипажъ, какъ и лордъ. Но всякій выскочка осо-

бенно долженъ остерегаться кокарды на шляпахъ своихъ слугъ. Все это только въ обычаѣ, все это не предписывается, но все это соблюдается строго. Также не запрещается придумать для себя какой-угодно гербъ, но никому здѣсь въ голову не придетъ выставить произвольно гербъ на своемъ экипажѣ; такого всѣ засмѣяли-бы. Но я началъ говорить о парикахъ: особенно жаль мнѣ было смотрѣть на предсѣдателя палаты общинъ, сидѣвшаго въ своемъ огромномъ паричищѣ во время страшныхъ іюльскихъ жаровъ нынѣшняго лѣта; въ иные дни, когда палата была особенно полна, потъ градомъ лилъ съ его лица, походившаго цвѣтомъ на вареннаго морского рака. Неимовѣрное здоровье, прежде всѣхъ другихъ талантовъ, должны здѣсь имѣть адвокаты, предсѣдатели судовъ и особенно президентъ палаты общинъ. Предсѣдательствуя въ палатѣ обыкновенно отъ пяти или шести часовъ вечера и до глубокой ночи, онъ въ послѣдніе мѣсяцы сессіи предсѣдательствуетъ еще отъ двѣнадцати утра до четырехъ часовъ. Послѣдній президентъ высидѣлъ такимъ образомъ семнадцать лѣтъ и конечно уже не даромъ возведенъ былъ потомъ въ перы. Замѣтьте, что президентъ не можетъ даже на минуту выйти, чтобъ освѣжиться; для этого онъ долженъ прервать засѣданіе, ибо палата безъ своего президента не имѣетъ никакого значенія, а вице-президентовъ здѣсь нѣтъ. Онъ можетъ выйти только тогда, когда палата обращается въ комитетъ, потому что у комитетовъ палаты есть свои предсѣдатели. Но палата въ комитетъ обращается не часто. Правда, парламентъ открытъ не цѣлый годъ, однакожъ главная сессія продолжается съ января и до половины августа. И все это время надо положительно высидѣть. Конечно, президентъ палаты не обязанъ къ большимъ головнымъ работамъ, — но президенты высшихъ судовъ! Лордъ-Кембль, напримѣръ канцлеръ въ теперешнемъ министерствѣ и бывшій президентъ уголовнаго суда, съ 10 до 4 часовъ предсѣдательствовалъ въ своемъ судѣ ежедневно, гдѣ, выслушивая адвокатовъ и разспрашивая свидѣтелей, долженъ потомъ разсказывать присяжнымъ оправдательныя и обвинительныя стороны каждаго дѣла, слѣдовательно онъ съ напряженнымъ вниманіемъ долженъ былъ слѣдить за рѣчами адвокатовъ и за показаніями свидѣтелей; а потомъ вечеромъ онъ отправлялся въ палату лордовъ, какъ членъ ея, часто говорилъ тамъ рѣчи. Какое могучее здоровье нужно хотя для одного такого продолжительнаго сидѣнья, не говоря уже о головной работѣ! И не удивительно ли, что всѣ эти великіе юристы Англіи, Линдгорсты, Брумы, Кембли,

вышедшіе изъ небогатаго средняго сословія, и за свои юриспруденческія знанія и заслуги возведенные въ перы Англіи, прошедши черезъ все это страшное сидѣнье и черезъ всю эту подавляющую работу, дожили до 72, 75 и 86 лѣтъ, и до сихъ поръ наслаждаются отличнымъ здоровьемъ. Впрочемъ, я буду еще имѣть случай воротиться къ этимъ могучимъ англійскимъ старцамъ. Надо признаться, что лондонскій сезонъ обнаруживаетъ нѣкоторыя свойства англійскаго характера съ весьма комической стороны, и особенно тамъ, гдѣ дѣло касается до изящныхъ искусствъ. Страшно и дико сказать, чтобы нація, которая произвела Шекспира, Байрона, Вальтеръ-Скотта, могла отличаться такою посредственностію во всѣхъ другихъ изящныхъ искусствахъ, кромѣ поэзіи,—и однакожъ, всмотрѣвшись въ увеселенія англичанъ, въ ихъ національныя произведенія, музыкальныя, живописныя, архитектурныя и ваятельныя, поневолѣ приходишь къ этому убѣжденію. Кто, напримѣръ, не знаетъ, что лондонскіе директоры оперъ платятъ большія суммы, собирая на сезонъ лучшихъ пѣвцовъ и пѣвицъ со всей Европы. Такимъ образомъ бываетъ здѣсь въ сезонъ по три итальянскія оперы. Но посмотрите на этихъ, по бальному разодѣтыхъ, женщинъ и мужчинъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, наполняющихъ ложи и партеръ, какія все равнодушныя и серьезныя лица, и съ какою величавою важностію сидятъ они! Отъ этой публики не услышитъ пѣвецъ симпатическаго тихаго отзыва на глубоко прочувствованную имъ фразу, отзыва, который мгновенно пробѣжавъ по залѣ, замираетъ, какъ шелестъ, произведенный въ листьяхъ нечаяннымъ дуновеніемъ стихнувшаго вѣтра. Между пѣвцами и публикой не завязывается здѣсь та магнетическая связь, вслѣдствіе которой публика мгновенно понимаетъ каждую прочувствованную фразу пѣвца, а пѣвецъ увлекается сочувствіемъ своей публики. Спросите любого изъ первоклассныхъ артистовъ, играющихъ и поющихъ здѣсь во время сезона: они всѣ скажутъ вамъ то-же самое; они безъ улыбки не могутъ говорить объ англійской публикѣ. Дѣло въ томъ, что для англичанъ опера есть не болѣе, какъ фашіонабельное мѣсто; и къ числу разныхъ обязанностей настоящаго джентльмена принадлежитъ обязанность непрѣменно бывать иногда въ оперѣ. Поэтому здѣсь нельзя войти даже въ партеръ, иначе какъ во фракѣ; истые англичане и этимъ не довольствуются, а надѣваютъ себѣ бѣлый галстукъ и берутъ складную шляпу; сидятъ серьезно, молча и снисходительно слушаютъ, потому что передъ ними поютъ Маріо, Гризи, Тамберликъ; они

знаютъ, что все это большія европейскія знаменитости, и совершенно довольны тѣмъ, что присутствуютъ при ихъ пѣніи. Вслѣдствіе всего этого, пѣть или получать рукоплесканія на лондонской оперной сценѣ считается между артистами вовсе незавиднымъ патентомъ на знаменитость. Лондонская оперная публика никогда никого не произвела въ знаменитость; напротивъ, она сама требуетъ себѣ уже готовыхъ знаменитостей, о которыхъ ей протрубили уши. Впрочемъ, англичане могутъ утѣшиться тѣмъ, что въ своей поэзіи и литературѣ едва-ли не превосходятъ всѣхъ другихъ народовъ, и еще тѣмъ, что и римляне были вовсе не артистическимъ народомъ. Но не имѣя сами живого смысла въ искусствахъ, англичане,—и это свидѣтельствуетъ о высокой цивилизаціи англійскаго общества—замѣняютъ его высочайшимъ уваженіемъ къ художественнымъ авторитетамъ. Это особенно бросается въ глаза въ концертахъ. Смотря на афиши здѣшнихъ концертовъ, всякій долженъ заключить, что Лондонъ не только самый музыкальный, но самый классически-музыкальный городъ въ Европѣ. Лондонскій сезонъ биткомъ набитъ концертами всякаго рода и утренними и вечерними, и каждый изъ концертовъ непремѣнно наполненъ сочиненіями Бетховена, Моцарта, Мендельсона; нѣкоторые концерты восходятъ до Генделя и Баха. Извѣстно, что англичане сочинили себѣ изъ Генделя свою національную знаменитость, несмотря на то, что онъ былъ нѣмецъ и только прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи. Ораторіи Генделя даются здѣсь, особенно въ мануфактурныхъ и торговыхъ городахъ, съ огромною обстановкой и посѣщаются тысячами. Главная причина этому заключается, мнѣ кажется, въ томъ, что для многихъ религіозныхъ сектъ театръ есть грѣховное мѣсто, а ораторія, сдѣланная на библейскій текстъ, есть въ сущности религіозное произведеніе, слушать которое наставительно. Артисты всѣхъ странъ и инструментовъ стремятся въ Лондонъ при наступленіи сезона, ибо обыкновенная плата здѣсь въ концертахъ не менѣе 10 шиллинговъ (слишкомъ 3 р. сер.), а нумерованныя мѣста дороже. И удивительно, что всѣ концерты бываютъ полны. Толпы дѣвицъ, дамъ и джентльменовъ, у которыхъ въ домахъ рѣдко слышатся звуки фортепьянъ, или бываютъ слышны только пьесы въ родѣ полекъ и вальсовъ, чинно и важно сидятъ и слушаютъ сонаты и тріо Бетховена, или прелюдіи и фуги Баха. Всмотритесь въ выраженіе этихъ правильныхъ и строгихъ лицъ, и вы поймете, зачѣмъ они заплатили такую дорогую цѣну и пришли сюда. А попробуйте

объявить концертъ безъ классическихъ композицій, зала будетъ пуста. Дѣло въ томъ, что къ обязанностямъ хорошаго общества и джентльменства принадлежитъ—знать и высоко почитать великія музыкальныя имена, и вслѣдствіе этого бывать въ концертахъ и слушать ихъ классическія композиціи. Во всемъ, что касается музыки, англичане не хотятъ имѣть ничего общаго съ католическими странами, и исключительно смотрятъ только на одну Германію. Но то, что въ Германіи вошло въ простое, обыденное удовольствіе народа, которое доставляетъ себѣ всякая горничная, всякій, получающій самое маленькое жалованье, потому что плата за входъ въ лѣтніе концерты не превышаетъ тамъ восьми копѣекъ, здѣсь принадлежитъ къ удовольствіямъ однихъ достаточныхъ людей, которые отправляютъ его какъ обязанность, налагаемую условіями хорошаго общества, фашона и джентльменства. Положимъ, что все это имѣетъ свою смѣшную сторону, но, указывая на смѣшную сторону, я долженъ также сказать, что англичане имѣютъ величайшее преимущество передъ всѣми другими націями въ томъ, что у нихъ есть идеалъ, и идеалъ этотъ: быть джентльменомъ. Въ нашей литературѣ мы привыкли употреблять это слово въ насмѣшливомъ смыслѣ, но у англичанъ оно имѣетъ совсѣмъ иное значеніе. Въ Англіи только тотъ имѣетъ право на названіе джентльмена, кто имѣетъ видъ порядочнаго человѣка; но это названіе условливается не одною внѣшнею приличностію, оно предполагаетъ въ себѣ всѣ лучшія человѣческія свойства. Самый презрительный отзывъ порядочнаго англичанина о другомъ заключается въ словахъ: «онъ не джентльменъ», хотя этотъ другой можетъ быть лордомъ, перомъ, или большимъ богачомъ. Это напоминаетъ испанскую поговорку: «Король можетъ сдѣлать дворяниномъ,—одинъ Богъ дѣлаетъ кавалеромъ». Если англичанинъ скажетъ о комъ-нибудь: онъ настоящій джентльменъ, — это самый лучшій отзывъ, самая высшая похвала въ англійскомъ смыслѣ. «Если взять пять самыхъ первыхъ джентльменовъ во всей Европѣ, то они могутъ составить только одного настоящаго англійскаго джентльмена», сказалъ мнѣ разъ одинъ старый и почтенный тори. Въ старомодныхъ англійскихъ обществахъ вы еще можете услышать обстоятельныя серьезныя разсужденія о томъ, чѣмъ долженъ быть джентльменъ. Газлитъ считаетъ существенными свойствами джентльмена сознаніе собственнаго достоинства и независимость. Всѣ житейскіе обычаи и обязанности англичанъ непремѣнно подводятся подъ этотъ общественный идеалъ; множество житей-

скихъ формальностей происходятъ единственно изъ понятія о джентльменствѣ. Это, очевидно, видоизмѣненное вѣками и исторіей понятіе, сохранившееся отъ рыцарскихъ временъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, не помню по какому случаю, кто-то изъ перовъ сказалъ въ палатѣ, что, по его мнѣнію, величайшій джентльменъ есть Донъ-Кихотъ Сервантеса, и это понятно, если принять въ соображеніе существенныя причины и поводы его поступковъ, тотъ внутренній источникъ великодушія, благородства, безкорыстія и неустрашимости, изъ котораго происходили они. Въ сущности, англійскій идеалъ джентльмена всего ближе подходитъ къ этому безсмертному образу. Но меркантильный нашъ вѣкъ прибавилъ къ нему и другія обязанности: джентльменъ за все долженъ хорошо платить, быть щедрымъ, быть grand seigneur въ своихъ дѣйствіяхъ, но никакъ не показывать этого въ своихъ манерахъ; напротивъ, быть скромнымъ, тихимъ, мягкимъ, и главное, имѣть въ высшей степени self-respect, то-есть то внутреннее чувство самоуваженія, которое вовсе не есть высокое понятіе о себѣ, а напротивъ обязанность соображать свои поступки съ строгими отношеніями къ своей чести и совѣсти. Во всемъ этомъ очень много сходнаго съ понятіемъ caballero, существующихъ у испанцевъ, съ тою разницей, что тамъ съ одинаковою силой разлито оно во всѣхъ классахъ; въ Англіи же идеалъ джентльмена начинается только съ достаточныхъ классовъ, потому что у англичанъ онъ прилагается непремѣнно къ одному только независимому положенію. Мнѣ кажется, что идеалъ этотъ играетъ большую роль въ англійской житейской дисциплинѣ, и многое, что въ здѣшней общественной формальности можетъ намъ, внутренно распущеннымъ русскимъ людямъ, казаться столь страннымъ, имѣетъ корень свой въ англійскомъ понятіи о джентльменствѣ. Величайшая деликатность, изящная простота и безыскусственность англійскаго хорошаго общества непремѣнно многимъ обязана англійскому идеалу джентльменства. Прививаясь съ ребячества, онъ незамѣтно входитъ потомъ въ принципъ общественной жизни и дѣлается ея регуляторомъ. Кромѣ «джентльменства», идеала преимущественно высшихъ классовъ, есть еще идеалъ въ англійскомъ обществѣ, у среднихъ, торговыхъ классовъ: это respectability, «почтенность». Въ сущности этотъ идеалъ даже важнѣе перваго, ибо онъ имѣетъ значеніе для огромной массы народа, составляющаго здѣсь средніе классы. Онъ гораздо болѣе условливаетъ собою общественное мнѣніе о человѣкѣ, нежели идеалъ джентльмена, который болѣе относится къ

личнымъ качествамъ, нежели къ общественнымъ. Respectability включаетъ въ себѣ религіозность, усердіе къ церкви, участіе въ благотворительныхъ обществахъ, строгую семейную жизнь и чистоту нравовъ. Оно составляетъ главный догматъ общественнаго мнѣнія и не имѣя репутаціи respectableman, почтеннаго человѣка, нельзя начинать никакого дѣла или искать какой-либо порядочной должности, ибо безъ религіи и нравственности человѣкъ не можетъ быть «почтеннымъ». Въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе такъ сильно и такъ опредѣленно въ своихъ догматахъ, что всякій, не желающій жить во враждѣ съ обществомъ, долженъ непремѣнно, хотя наружно, поддѣлываться къ нему. Тутъ, мнѣ кажется, заключается источникъ того лицемѣрія, въ которомъ упрекаютъ, если не большинство англійскаго общества, которое дѣйствительно въ высшей степени религіозно и нравственно, то меньшинство его, вынуждаемое требованіемъ общественнаго мнѣнія надѣвать маску «почтенности». Если въ идеалѣ джентльмена чувствуется отраженіе рыцарства среднихъ вѣковъ, то въ respectability слышатся отзывы тѣхъ началъ, которыя сообщили англійскому народному возстанію 1642 года его пуританскій и серьозный характеръ. Эти начала до сихъ поръ проникаютъ средніе классы въ Англіи. Но такъ какъ все на свѣтѣ имѣетъ свою черновую, обратную сторону, то эта же самая respectability отличается съ другой стороны ханжествомъ, сектаторскою нетерпимостью, обманчивою наружностью и мѣщанскимъ чванствомъ. Въ этомъ, да и во всякомъ отношеніи Англія имѣетъ ту выгоду — инымъ это кажется невыгодой—передъ другими европейскими странами, что вслѣдствіе ея безграничной публичности и рельефной опредѣленности ея общественнаго организма, все въ ней выходитъ наружу, ничего не скрыто, ни темныя, ни свѣтлыя стороны, все отлилось въ очевидныя формы. Мы не имѣемъ понятія о той личной общественной дисциплинѣ, которую съ малолѣтства проходитъ здѣсь каждый англичанинъ. Съ одной стороны дисциплина джентльменства, а съ другой дисциплина почтенности, дисциплина житейскихъ отношеній... Уже одна такая дисциплина, какъ общественное мнѣніе, должна строго формировать человѣка, но кромѣ того наступаетъ еще дисциплина политическихъ партій: отсюда то проистекаетъ это множество обрядностей и формальностей, которыя такъ поражаютъ сначала иностранца, вступающаго въ англійское общество. Не зная этихъ формальностей, иностранецъ безпрестанно рискуетъ здѣсь находиться или въ затруднительномъ, или въ не-

вѣжливомъ положеніи. Выработанные всяческою дисциплиной, англичане, вслѣдствіе этого, смотрятъ на иностранцевъ прежде всего какъ на дѣтей, которыхъ надо безпрестанно учить и которымъ надо много прощать. Къ этому надо прибавить еще, что англичане вообще жестки, угловаты, и нисколько не желаютъ казаться любезными, на французскій манеръ, и въ заключеніе всего глубоко убѣждены въ превосходствѣ всего англійскаго. Послѣднее, конечно, во многомъ справедливо; но это-же убѣжденіе заставляетъ ихъ смотрѣть на иностранцевъ съ какимъ-то пренебрежительнымъ снисхожденіемъ, какъ на низшія породы. Только къ людямъ хорошо образованнымъ и къ аристократіи нельзя примѣнить всего этого. Получая всегда отличное воспитаніе, дѣти аристократическихъ фамилій обыкновенно много путешествуютъ по Европѣ и, большею частію зная европейскіе языки, не живутъ въ Европѣ исключительно въ однихъ только англійскихъ кружкахъ. Вслѣдствіе этого, въ нихъ есть та терпимость, тотъ мягкій и деликатный тонъ, котораго не достаетъ англійскимъ среднимъ классамъ. Хотя съ давнихъ поръ, съ XV столѣтія, англичане начали уже путешествовать по Европѣ, но то была почти исключительно одна высшая и богатая аристократія; средніе-же классы и вообще народная масса сложилась здѣсь безъ всякаго общенія съ иностранцами. Со времени завоеванія, въ XI вѣкѣ, Англіи норманнами, о которомъ до сихъ поръ не могутъ безъ озлобленія говорить истые англичане, англійская почва не чувствовала на себѣ ни одного чужеземнаго, непріятельскаго шага, да и вообще иностранцы весьма мало ѣздили въ Англію до нашего времени. Она слагалась и росла, знаемая остальною Европой однимъ внѣшнимъ образомъ, почти только по имени. Самая близкая къ ней страна, Франція, такъ мало интересовалась ею, что въ концѣ XVI вѣка, по свидѣтельству Бёклея въ его History of the civilization of England, не было во Франціи пяти человѣкъ, которые-бы знали англійскій языкъ. Только книга Монтескье объ англійской конституціи, произведшая огромный эффектъ, заставила мыслящихъ людей обратить вниманіе на Англію. Эффектъ былъ таковъ, что въ половинѣ XVIII вѣкѣ не было уже во Франціи ни одного замѣчательнаго писателя, который-бы не зналъ англійскаго языка и не писалъ-бы чего-нибудь объ Англіи. Литературная французская исторія того времени весьма любопытна въ этомъ отношеніи, именно по необыкновенному расположенію ко всему англійскому, которое господствуетъ въ ней. Но тѣмъ не менѣе положительно вѣрно то, что до XVIII вѣка не только вся осталь-

ная Европа, но и самая близкая къ ней страна почти вовсе не знала Англіи, да и понятно, что въ тѣ времена, когда морской переѣздъ былъ дѣломъ непріятнымъ и тяжелымъ, а иногда и опаснымъ, да и жители средней Европы вообще не любили его, въ Англію ѣздили только или по необходимымъ коммерческимъ дѣламъ, а таковыхъ съ Англіей было въ тогдашнее время немного, или вслѣдствіе религіозныхъ гоненій, какъ при Лудовикѣ XIV. Пуританскій духъ, господствовавшій тогда въ Англіи, не могъ привлекать къ ней путешественниковъ, ѣздившихъ для удовольствія и развлеченія. Эта уединенность, отсутствіе смежныхъ сосѣдей, замкнутость въ своемъ островѣ, сохранили Англію отъ господства всякаго посторонняго вліянія и дали всему англійскому ту оригинальную печать, ту самобытность формы, которыя поражаютъ всякаго посѣщающаго ее иностранца, и вотъ, между прочимъ, почему изученіе всего англійскаго, начиная съ государственныхъ учрежденій, требуетъ такихъ розысканій, справокъ, передъ которыми останавливается всякій поверхностный очеркъ въ родѣ того, который я набрасываю здѣсь. Упоминая объ англійскомъ формализмѣ, я однакожъ вовсе не думаю нападать на него. Всякій народъ имѣетъ свои обычаи и формы жизни, а тѣмъ болѣе должна имѣть ихъ такая старая и самобытная цивилизація, и если англійскія формы жизни такъ рѣзко кидаются въ глаза иностранцу, то это потому только, что здѣсь, вслѣдствіе громаднаго политическаго развитія, общественный организмъ опредѣлился точнѣе и отчетливѣе, нежели гдѣ-бы то ни было. Правда, что формальность эта сначала кажется нѣсколько тяжелою, пока не привыкнешь къ ней, но когда съ ней освоишься, она оказывается очень удобною и весьма облегчающею житейскія отношенія. Въ ней отразился глубокій практическій смыслъ народа. Не надо также забывать, что здѣсь не существуетъ того чувства равенства, какое, напримѣръ, выработалось во Франціи. Если исключить перовъ Англіи, число которыхъ не превышаетъ 400, и которые одни только имѣютъ по закону особыя права, преимущественно заключающіяся въ наслѣдственномъ правѣ на законодательство: то за этимъ въ Англіи рѣшительно нѣтъ никакихъ признаваемыхъ закономъ различій въ сословіяхъ, но существуетъ строгое, не по законамъ, а по установившимся общественнымъ нравамъ, раздѣленіе на классы по занятіямъ и должностямъ. Возьмемъ для примѣра стучанье скобкой въ наружную дверь дома. Здѣсь при домахъ нѣтъ ни дворниковъ, ни portiers, ни швейцаровъ, которые засѣдаютъ у постоянно отво-

ренной наружной двери дома: здѣсь эта дверь всегда заперта и для того, чтобъ отворили ее, надо постучать висячимъ желѣзнымъ кольцомъ въ скобку. Это стучанье имѣетъ здѣсь особенности и подраздѣленія: почтальонъ стучитъ, дѣлая два удара рѣзко и отрывисто, никакъ не болѣе двухъ; слуга — тихо и робко; пріятель—громко и безразлично; гость — скромно и умѣренно. Колокольчикъ есть почти у каждаго дома, но звонить въ него имѣетъ право только самый близкій къ дому человѣкъ. Скорость или медленность отворяющейся двери непремѣнно условливается качествомъ стука въ нее. Но надо также сказать, что здѣсь чѣмъ выше общественная ступень, тѣмъ менѣе придается значенія формальностямъ, и чѣмъ ниже спускаются эти ступени, тѣмъ болѣе увеличиваютъ значеніе ихъ. Высшіе классы, и вообще хорошо воспитанные люди здѣсь именно отличаются спокойствіемъ, безыскусственностію манеръ и простотою; натянутость и претензіи начинаются только за этою чертою. Здѣсь не даромъ создалось слово снобъ. Множество людей изъ среднихъ классовъ живетъ, можно сказать, только для того, чтобы казаться джентльменами. При заманчивости идеала, я думаю, ни въ какой другой странѣ не существуетъ такого стремленія между всякаго рода людьми казаться джентльменами. Англичане знаютъ это и потому мало вѣрятъ наружности. Вслѣдствіе этого, они и обращаютъ такое вниманіе на рекомендательныя письма. Раздѣленіе на классы по занятіямъ и должностямъ, — но повторяю, раздѣленіе, происходящее изъ самихъ нравовъ и обычаевъ, а вовсе не какихъ-либо законовъ, а потому и никакъ не должно смѣшивать сословій съ классами,— это раздѣленіе производитъ то, что всякій здѣсь знаетъ свое мѣсто и не смѣшивается съ другимъ; отсюда тотъ всеобщій порядокъ, та общественная дисциплина, которые поражаютъ здѣсь всякаго иностранца. Отъ помянутаго раздѣленія, вѣроятно, происходитъ здѣсь такая художественная оконченность въ каждомъ человѣкѣ, принадлежащемъ къ извѣстному занятію или должности. Англійскаго работника, кучера, наконецъ, всякаго нанимающагося на какую-бы то ни было должность человѣка невозможно сравнять ни съ чѣмъ подобнымъ въ Европѣ. Во всемъ, что касается duty, то-есть обязанности, долга, англичанинъ несравнимъ. Англійскій слуга, напримѣръ, есть недостижимый въ Европѣ идеалъ слуги, но онъ никогда не скажетъ вамъ первый good morning и не ожидаетъ отъ васъ никакихъ фамильярностей: онъ знаетъ, что между имъ и вами лежитъ бездна общественнаго различія. Никакая дво-

рянская грамота не условливаетъ у насъ такого различія между дворяниномъ и простолюдиномъ, какъ здѣсь «положеніе въ обществѣ». Англичанинъ, какъ во всемъ, признаетъ не слово, а фактъ; и еслибы высшіе классы не имѣли здѣсь состоянія, не отличались образованіемъ, независимостью, они никакъ не могли-бы быть высшими. Когда у насъ указываютъ на англійскую аристократію, на палату лордовъ и т. д., то мнѣ кажется, что никакъ при этомъ не могутъ отдѣлаться отъ общепринятыхъ понятій объ аристократіи, особенно нѣмецкихъ понятій, вслѣдствіе которыхъ аристократія есть сословіе, нѣчто въ родѣ касты, по интересамъ своимъ враждебное среднимъ классамъ и народу. Говоря объ англійской аристократіи, прежде всего надо спросить себя: въ чемъ же состоитъ эта аристократія? Духъ англійскаго народа вообще аристократическій, выше всего цѣнящій независимость. Я упомянулъ выше, что дѣйствительно лордовъ, то-есть перовъ, не болѣе 400; но при этомъ надо замѣтить, что эти перы, какъ единственное и притомъ совершенно разомкнутое сословіе въ Англіи, далеко не имѣютъ на своей сторонѣ ни преобладающаго богатства, ни такъ-называемой чистоты крови. Многіе изъ перовъ имѣютъ радоначальниками своими побочныхъ сыновей Карла II. Правда, что въ Англіи болѣе тысячи баронетовъ, но это титло чисто почетное и ничего не значитъ, то-есть не даетъ ровно никакихъ правъ или преимуществъ. Почти каждый лордъ-мэръ получаетъ титло баронета. Здѣсь существуетъ еще титло knight, рыцарь, но оно совершенно упало въ общемъ мнѣніи, и ни одинъ джентльменъ, имѣющій независимое положеніе въ обществѣ, не приметъ его. Адвокатъ, артистъ, докторъ, офицеръ еще мугутъ принять титло knight, но уже никакъ человѣкъ, имѣющій независимое положеніе. Здѣсь смѣшно именоваться sir John или my Lady, не обладая хорошимъ состояніемъ. То, что называется здѣсь джентри, какъ классъ, далеко превышаетъ и богатствомъ и политическимъ значеніемъ своимъ собственно перовъ Англіи. Джентри, какъ классъ, можетъ быть уподобленъ тому, что называютъ дворянскимъ сословіемъ у насъ въ Россіи, съ тою только разницей, что оно не имѣетъ никакихъ грамотъ на дворянство, да здѣсь оно нисколько не нуждается въ этихъ грамотахъ, ибо онѣ ничего не могутъ ни прибавить, ни убавить въ его положеніи, которое исключительно зависитъ отъ состоянія. А потомъ не надо забывать, что здѣсь какой-нибудь Станли, сынъ и наслѣдникъ пера графа Дерби, пока живъ его отецъ, не есть перъ и называется лордомъ только изъ вѣж-

ливости (by courtesy), а если онъ выбранъ въ парламентъ, то онъ точно такой-же членъ парламента, какимъ можетъ завтра быть всякій англичанинъ, каково-бы ни было его общественное положеніе и хотя-бы безъ малѣйшаго состоянія. Поэтому различіе въ классахъ происходитъ здѣсь вовсе не отъ закона, раздѣляющаго общество на какія-либо сословія, а отъ общественнаго положенія, занятій, образа жизни и т. п. Правда, что перъ пользуется извѣстнымъ политическимъ уваженіемъ именно потому, что онъ перъ, но ничтожное количество перовъ совершенно теряется въ этой громадности богатаго и вліятельнаго англійскаго общества. Если выключить членовъ палаты перовъ, то устройство англійскаго общества и его правительства имѣетъ самую большую близость къ республиканскому устройству. Мы часто слышали слова: «аристократія управляетъ Англіей», но мы ошибочно придаемъ этому сословію чуждый ему смыслъ. Конечно, здѣсь перы составляютъ высшую ступень общественной лѣстницы, но это происходитъ совсѣмъ изъ другого источника, нежели въ Европѣ. Честолюбіе, стремящееся стать съ ними въ близкія отношенія, потребность жить въ ихъ кругу происходятъ отъ дѣйствительнаго превосходства этого сословія передъ всѣми классами въ образованіи, въ нравахъ, въ обычаяхъ, въ образѣ жизни: не одно пустое тщеславіе, столь свойственное разбогатѣвшимъ людямъ среднихъ классовъ, заставляетъ стремиться къ этому. Затѣмъ богатство джентри, процвѣтаніе торговли и мануфактуры, изъ которыхъ безпрестанно выступаютъ на политическую и общественную сцену люди съ большимъ состояніемъ, наконецъ политическое честолюбіе талантливыхъ людей, какъ напримѣръ Дизраэли. Онъ никогда не былъ богатъ и всѣмъ обязанъ единственно своимъ политическимъ и парламенсткимъ талантамъ. Я не упоминаю о другихъ и, между прочимъ, о Кобденѣ, бывшемъ небольшомъ фабрикантѣ. Извѣстно, что ему было предложено мѣсто министра торговли въ теперешнемъ министерствѣ; но онъ отказался отъ него. Все это имѣетъ здѣсь неотразимое вліяніе на смѣшеніе классовъ и совершенно уничтожаетъ тѣ кастообразныя различія, которыя существуютъ въ другихъ странахъ. Старое средневѣковое зданіе парламента, какъ извѣстно, сгорѣло нѣсколько лѣтъ назадъ и теперь парламентъ засѣдаетъ въ новомъ, выстроенномъ въ готическомъ стилѣ, живописномъ и величавомъ, если глядѣть на него издали. Но вблизи впечатлѣніе неудовлетворительно, несмотря на крайнее обиліе всякаго рода готическихъ украшеній, покрывающихъ его наруж-

ность. Вообще зданіе никакъ нельзя считать хорошимъ образчикомъ современной готической архитектуры: это собственно классическій скелетъ, одѣтый въ готическія украшенія, для прикрытія котораго именно и потребовалось такое излишество украшеній. Башни слишкомъ тяжелы и нисколько нейдутъ къ цѣлому. Залы, въ которыхъ засѣдаютъ верхняя и нижняя палаты, раздѣлены между собою широкою галлереей, и переходъ отъ одной палаты къ другой заключается шагахъ въ сорока. Зала верхней палаты нѣсколько менѣе нижней и великолѣпно отдѣлана въ готическомъ стилѣ рѣзнымъ деревомъ съ позолотою. Роскошный тронъ, съ котораго королева читаетъ свою рѣчь при каждомъ открытіи парламента, придаетъ ей необыкновенно величавый видъ. Отступивъ отъ трона нѣсколько шаговъ, по обѣимъ сторонамъ залы расположены длинные диваны, задніе ряды выше переднихъ. Въ нижней палатѣ точно такое-же расположеніе, съ тою только разницей, что въ верхней диваны обиты краснымъ сукномъ, а здѣсь зеленымъ сафьяномъ, и вмѣсто трона стоитъ огромное кресло съ деревяннымъ рѣзнымъ балдахиномъ: это кресло предсѣдателя (speaker). Президентъ-же палаты лордовъ, которымъ всегда бываетъ лордъ-канцлеръ, мѣняющійся съ каждымъ министерствомъ, сидитъ не на крестѣ, а на диванѣ безъ спинки, котораго подушку составляетъ мѣшокъ съ шерстью, бывшій символъ существеннаго богатства Англіи, нынѣ уже опереженный другими ея продуктами. Вообще, палата лордовъ имѣетъ видъ парадности и гостинности, палата общинъ, напротивъ, по суровой простотѣ своей—характеръ дѣловой ежедневности. Хотя въ обѣихъ палатахъ есть мѣста для публики, но помѣститься въ нихъ можетъ очень немного. Въ палатѣ общинъ эти мѣста отведены въ верхней галлереѣ, противъ президента, и помѣститься въ нихъ могутъ не болѣе 60 или 70 человѣкъ. Въ той-же галлереѣ, со стороны президента, находятся мѣста для стенографовъ газетъ; по обѣимъ-же сторонамъ этой галлереи мѣста для членовъ палаты, ибо всѣ они не могутъ помѣститься внизу. Въ акустическомъ отношеніи обѣ залы палаты очень плохи, такъ что даже и при хорошихъ ушахъ слушателя и громкомъ голосѣ говорящаго—дурно слышно, и даже стенографы, находящіеся надъ самымъ мѣстомъ президента, часто жалуются на невнятность рѣчей. Я два раза былъ въ засѣданіи палаты лордовъ, и оба раза палата была едва не пустая; въ первый разъ въ ней было двадцать шесть лордовъ, а во во второй тридцать семь; мнѣ сказали, что это еще очень много, и что развѣ въ какія-ни-

будь важныя засѣданія бываетъ больше. Членовъ палаты лордовъ никогда не бываетъ въ полномъ сборѣ, потому что каждый перъ можетъ поручать свой голосъ другому перу, на что не имѣютъ права члены палаты общинъ. Такимъ образомъ десять или пятнадцать перовъ могутъ представлять собой болѣе двухъ сотъ человѣкъ. У герцога Веллингтона бывало такимъ образомъ болѣе шестидесяти голосовъ въ карманѣ. Поэтому засѣданіе палаты лордовъ можетъ быть законнымъ даже въ присутствіи только пяти человѣкъ съ порученными имъ голосами, тогда какъ въ палатѣ общинъ нужно для этого не менѣе пятидесяти. Съ своими двадцатью шестью членами, разсѣянными по диванамъ, зала палаты перовъ показалась мнѣ совсѣмъ пустою. Изъ министровъ только были лордъ Гранвиль и герцогъ Соммерсетъ. Канцлеръ, лордъ Кембль, какъ президентъ палаты, въ мантіи и огромномъ парикѣ, сидѣлъ на своемъ президентскомъ диванѣ безъ спинки. Канцелярія палаты состоитъ изъ трехъ человѣкъ, большее и меньшее значеніе которыхъ обозначалось тоже париками, ибо черныя мантіи ихъ одинаковы. Старшій изъ нихъ г. Шоу-Лефевръ, къ которому я имѣлъ письмо отъ Т., познакомившагося съ нимъ прошлаго года, былъ въ парикѣ съ бо́льшимъ количествомъ завитковъ, нежели у двухъ остальныхъ. Этотъ г. Шоу-Лефевръ замѣчателенъ для насъ, русскихъ, тѣмъ, что недавно—ему уже лѣтъ шестьдесятъ,—одинъ и безъ всякаго учителя выучился по-русски и хотя говорить не можетъ, но читаетъ русскія книги и понимаетъ ихъ; у него есть маленькая русская библіотека. Члены палаты, какъ я сказалъ, разсѣяны были по диванамъ залы и сидѣли въ шляпахъ, разговаривая между собою. Изъ епископовъ былъ только одинъ, рѣзко отличавшійся отъ всѣхъ по своей одеждѣ: у него были широчайшіе бѣлые рукава, сдѣланные буфами; онъ одинъ только былъ безъ шляпы. Среди залы стоялъ огромный столъ; по лѣвую сторону сидѣли министры, по правую—члены оппозиціонные. Въ палатѣ лордовъ говоря не обращаются къ президенту, какъ въ палатѣ общинъ, а къ членамъ, и потому условное слово sir, которымъ начинаютъ рѣчь въ палатѣ общинъ, здѣсь не существуетъ. Здѣсь говоря обращаются къ членамъ: my Lords. Рядомъ съ министрами сидѣли и другіе члены: все было нецеремонно и свободно; никто-бы, взглянувъ на эти чуть ни пустые диваны, не сказалъ, что это одно изъ основныхъ государственныхъ учрежденій Англіи, никто-бы не повѣрилъ, что безъ согласія этихъ двадцати или тридцати человѣкъ не можетъ быть дѣйствитель-

нымъ никакой актъ парламента, ни одинъ законъ. И когда раздумаешь обо всемъ этомъ, — странное впечатлѣніе производитъ эта великолѣпная и почти пустая зала. Ничто не можетъ быть проще на видъ этой высшей аристократіи Англіи; между нею было нѣсколько весьма молодыхъ людей; а пожилые походили на удалившихся отъ дѣлъ членовъ нашихъ англійскихъ клубовъ, только, къ сожалѣнію, не имѣли ихъ барственнаго вида. Иные члены были со шпорами, они пріѣхали сюда съ прогулки верхомъ. У входа въ парламентъ отведено особое мѣсто для верховыхъ лошадей, которыя стоятъ тамъ подъ присмотромъ своихъ жокеевъ. Палата лордовъ, какъ политическая сила, теперь далеко не имѣетъ своего прежняго значенія. Эта сила существенно заключается теперь въ палатѣ общинъ, и все постепенное движеніе англійскаго общества болѣе и болѣе тяготѣетъ въ эту сторону. Но нельзя не удивляться, съ какимъ мудрымъ тактомъ принимаетъ свое положеніе палата лордовъ. Разъ отстоявъ гражданскія права англичанъ и заставивъ короля Іоанна въ 1215 году подписать знаменитую Magna Charta [1]), высшая англійская аристократія до сихъ поръ имѣетъ такую популярность въ народѣ, что несмотря на всѣ событія конца прошлаго вѣка, на всѣ демократическія идеи нашего, она пользуется величайшимъ уваженіемъ, и филлипики Брайста, при всей ораторской талантливости его, съ этой стороны не имѣютъ здѣть ни малѣйшаго успѣха. Въ этомъ отношеніи исторія англійской аристократіи есть одна изъ любопытнѣйшихъ особенностей Англіи: только этою исторіей и можно объяснить любовь англійскаго народа къ своей аристократіи, тотъ совершенно противоположный характеръ, какой имѣла и имѣетъ она въ сравненіи съ аристократіей французской или нѣмецкой, столь нелюбимыми у себя. Стремиться къ политической власти есть безъ сомнѣнія свойство всякаго высшаго сословія; но англійская аристократія опиралась для этого не на одни

---

[1]) Эта Magna Charta, какъ curiosity, постоянно выставлена для публики въ лондонскомъ Британскомъ музеѣ; она написана на большомъ листѣ пергамента и состоитъ изъ 63 статей. Существенныя статьи ея заключаются въ томъ, что никто не можетъ быть лишенъ своей собственности, изгнанъ или осужденъ безъ приговора присяжныхъ, и что всякій англичанинъ можетъ выѣхать изъ Англіи и воротиться назадъ, когда хочетъ. Этою хартіей старыя саксонскія учрежденія сдѣлались обязательными для королевской власти. Но тѣмъ не менѣе не далѣе какъ въ послѣдующія-же шесть царствованій хартія подверглась 35 измѣненіямъ, и королевская власть пользовалась всякимъ случаемъ обходить ее.

свои титла и богатства: кромѣ того, что для огражденія самостоятельности своей она должна была постоянно опираться на средніе классы и черезъ то дѣлать ихъ участниками своихъ правъ, она всегда была самымъ просвѣщеннымъ, самымъ независимымъ, по мнѣніямъ своимъ, классомъ въ странѣ. Послѣднимъ и великимъ переломомъ для палаты лордовъ былъ билль о реформѣ народнаго представительства, прошедшій въ 1832 году.

Они попробовали было противиться ему—и преклонились передъ настоятельнымъ требованіемъ общественнаго мнѣнія. Палата лордовъ ясно понимала, что съ расширеніемъ народнаго представительства и съ очисткой его отъ опустѣлыхъ, дрянныхъ мѣстечекъ, вся политическая сила должна перейти въ палату общинъ. И эта гордая своею исторіей палата лордовъ такъ хорошо поняла свое положеніе среди возмужавшихъ, разбогатѣвшихъ и стремящихся къ политической дѣятельности среднихъ классовъ, что теперь равнодушно смотритъ на всякое дальнѣйшее расширеніе народнаго представительства. Но говоря о высшей англійской аристократіи, не должно забывать о томъ, какими пространными вѣтвями связана она съ средними классами. По закону первородства, здѣсь, какъ извѣстно, только старшій сынъ наслѣдуетъ титло и недвижимую собственность отца, если только отецъ не распорядился иначе духовнымъ завѣщаніемъ, и младшіе сыновья пера Англіи суть просто «милостивые государи» и даже не имѣютъ права на «ваше благородіе», которымъ пользуется у насъ всякій чиновникъ 14-го класса. Но всѣ эти молодые люди получаютъ отличное воспитаніе, съ юныхъ лѣтъ приспособляющее ихъ къ общественной дѣятельности. Бóльшая часть младшихъ дѣтей лордовъ поступаетъ въ армію, флотъ или духовное званіе. Нѣкоторыя мѣста, которыми располагаетъ правительство, наполняются ими же. Въ адвокатуру изъ хорошихъ фамилій вступаютъ очень рѣдко, хотя она можетъ привести въ палату лордовъ, и президенты высшихъ судовъ получаютъ огромное жалованье; но она требуетъ огромныхъ трудовъ и большого дарованія. Самая лакомая цѣль для меньшихъ сыновей перовъ есть епископство съ своими огромными доходами. Но ихъ немного; потому бóльшая часть младшихъ сыновей поземельной аристократіи вступаютъ въ военную службу. Классъ, называемый здѣсь gentry, или country gentlemen, заключаетъ въ себѣ большею частію отпрыски, вѣтви высшей аристократіи. Изъ этого класса состоитъ преимущественно палата общинъ. Кромѣ того, каждый изъ старшихъ сыновей перовъ начинаетъ свое политическое поприще не-

премѣнно съ палаты общинъ, ибо, какъ я уже сказалъ, онъ при жизни отца не имѣетъ никакого титла, и выбирается въ палату, какъ обыкновенный кандидатъ, на ряду съ прочими, домагающимися попасть въ члены парламента. Если перебрать всѣхъ членовъ палаты общинъ, то непремѣнно окажется, что большинство ихъ состоитъ въ родственныхъ связяхъ съ перами. Вообще же здѣсь country gentleman называется всякій, имѣющій поземельную собственность и живущій на ней своими доходами. Классъ этотъ состоитъ изъ всякаго рода разбогатѣвшихъ людей, пріобрѣтающихъ себѣ поземельную собственность. Дѣти ихъ женятся на дочеряхъ перовъ, или старыхъ аристократическихъ фамилій, ибо по тому же закону первородства дочери ихъ остаются большею частію безъ приданаго. Здѣсь часто случается, что сынъ разбогатѣвшаго банкира женится на дочери пера: сестра теперешняго лорда, Водгауза, напримѣръ, замужемъ за банкиромъ. Вообще для «хлопчато-бумажныхъ князей» (colton-princes), какъ ихъ здѣсь называютъ, всегда бываетъ очень лестно породниться съ старою, титулованною аристократіей, а этой послѣдней имѣть своихъ безприданныхъ дочерей за милліонерами. Несмотря на бывшую реформу парламента, уничтожившую право выбора во многихъ мѣстечкахъ, гдѣ аристократія, вслѣдствіе своихъ поземельныхъ владѣній и родственныхъ связей, располагала выборами,—все-таки эта аристократія имѣетъ и будетъ имѣть на выборахъ преобладающее вліяніе, и противъ этого не поможетъ никакая скрытая подача голосовъ. Особенно выгодное положеніе Англіи состоитъ въ томъ, что въ ней есть огромный классъ богатыхъ людей,—они-то и есть англійская аристократія,—людей, которые, будучи вполнѣ обезпечены въ своихъ жизненныхъ средствахъ, могутъ все свое время исключительно посвящать политикѣ, государственнымъ и общественнымъ дѣламъ. Этотъ классъ отлично образованъ, много путешествуетъ, пропасть читаетъ и составляетъ самую мыслящую часть націи. Онъ собственно и управляетъ Англіей. Изъ него состоятъ партіи виговъ и тори, онъ борется на выборахъ и тратитъ милліоны, направляя разными средствами голоса избирателей: извѣстно, что каждые всеобщіе выборы въ парламентъ обходятся этому классу болѣе милліона фунт. стерл. (до 7 милл. р. сер.). Когда передъ нынѣшними выборами открыта была въ клубахъ подписка на сборъ денегъ для выборовъ, то иные торіи подписывали по двѣ, по три и по пяти тысячъ фунт. стерл. Несмотря на всѣ демократическія идеи нашего вѣка, здѣсь въ народѣ глубоко коренится величайшее уваженіе къ аристократіи. «Если-

бы, сказалъ мнѣ однажды знакомый мнѣ членъ парламента и вигъ,—еслибы, напримѣръ, дали мануфактурнымъ городамъ всеобщую подачу голосовъ, знаете ли кого бы стали выбирать работники въ парламентъ? Непремѣнно аристократію. Они такъ не любятъ своихъ фабрикантовъ и не довѣряютъ имъ, что выбирать ихъ не станутъ, и никогда имъ въ голову не придетъ выбрать изъ среды себя, просто потому, что ни одинъ не захочетъ имѣть своимъ представителемъ въ парламентѣ своего собрата». Если взять въ соображеніе аристократическіе инстинкты, господствующіе въ націи, это мнѣніе можетъ быть весьма справедливо, тѣмъ болѣе, что теперь самый популярный человѣкъ между рабочими классами есть лордъ Станли. Настоящій, серьезный контроль надъ дѣйствіями правительства и надъ самимъ парламентомъ совершается въ общественномъ мнѣніи, представителемъ котораго служатъ всѣ органы гласности. Преклоняться передъ общественнымъ мнѣніемъ считаетъ своимъ долгомъ всякая власть въ Англіи. Такъ какъ въ немъ одномъ преимущественно отражаются нравственные инстинкты и умственная цивилизація общества, то подчиняясь ему какъ своему высшему авторитету, Англія тѣмъ самымъ находится въ положеніи особенно выгодномъ и нормальномъ. Вотъ почему и преобладающее вліяніе аристократіи не можетъ здѣсь имѣть тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя бы непремѣнно имѣло оно, еслибы не было постоянно контролировано общественнымъ мнѣніемъ. Возгласы и филиппики французскихъ и нѣмецкихъ демократовъ на правительственное значеніе богатства въ Англіи обнаруживаютъ только ихъ отвлеченность и отсутствіе практическаго смысла. Для обширнаго класса людей, сдѣлавшихся богатыми, ничего не можетъ быть естественнѣе желанія участвовать въ правительствѣ. Прямою потребностью денегъ всегда было и будетъ—соединяться съ правительствомъ. Еслибы не естественная антипатія, существующая между торговлей и демократіей, торговые и промышленные классы въ Англіи давно бы стали за одно съ народомъ и измѣнили бы правленіе. Но богатые классы вообще боятся революціи, и тѣмъ болѣе здѣсь, гдѣ государственный долгъ находится исключительно въ рукахъ богатыхъ людей, а торговые классы здѣсь, будучи сами аристократіей богатства, особенно дурно расположены къ расширенію народныхъ правъ. Болѣе же всего поддерживаетъ здѣсь популярность аристократіи независимость, тонъ ея, съ какимъ она разсуждаетъ о дѣйствіяхъ правительства, когда находится въ оппозиціи. Тутъ уже не найдешь ни малѣйшаго слѣда какой-нибудь сословной исключитель-

ности. Въ этомъ отношеніи, да и во всякомъ другомъ, никакая аристократія не подчинялась такъ духу вѣка, какъ англійская. Ни одна аристократія не была менѣе изнѣженною и менѣе утонувшею въ выгодахъ своего положенія, и это именно потому, что публика. имѣя постоянно свободу слова и печати, постоянно этимъ самымъ держала свою аристократію настрожѣ. Черезъ это и сама аристократія воспиталась въ привычкахъ къ публичности, разсудительности и контролю. Даже въ случаѣ какого-нибудь движенія низшихъ классовъ, которымъ безпрестанно грозятъ Англіи французскія газеты,—если это движеніе будетъ имѣть на своей сторонѣ какую-нибудь практичность, то во главѣ его непремѣнно станутъ люди изъ той же самой аристократіи, вслѣдствіе нравственнаго и умственнаго авторитета, какой имѣетъ она между низшими классами. Классъ же торговыхъ людей всегда будетъ на сторонѣ, противоположной простонародью. Американскій писатель Фениморъ-Куперъ, въ письмахъ своихъ о Европѣ, проникнутыхъ рѣшительнымъ нерасположеніемъ къ англичанамъ, замѣчаетъ, что когда въ 1830 и 1831 годахъ, по случаю билля о реформѣ, Англіи угрожало великое народное волненіе, а можетъ-быть даже и возстаніе,—англичане, путешествовавшіе на материкѣ Европы, тотчасъ поспѣшили воротиться домой, чтобы быть на своихъ мѣстахъ, а не бѣжать вонъ, подобно французскому дворянству въ 1791 году. Засѣданія верхней палаты, во все время моего нынѣшняго краткаго пребыванія въ Лондонѣ, лишены были всякаго политическаго значенія. Министерство Пальмерстона не имѣетъ въ палатѣ лордовъ ни одного замѣчательнаго таланта. При прошломъ министерствѣ Дерби было бы интересно слышать самого лорда Дерби, обладающаго дѣйствительнымъ ораторскимъ талантомъ, хотя лордъ Джонъ-Россель, на митингѣ лондонскихъ избирателей, и назвалъ его краснорѣчіе «бѣднымъ мыслями». Такъ какъ главные вопросы внутренней и внѣшней политики сосредоточиваются исключительно въ палатѣ общинъ, то засѣданія палаты лордовъ рѣшительно походятъ на засѣданія proforma и ведутся въ родѣ разговоровъ въ гостинной. При мнѣ на всѣ почти вопросы отвѣчалъ одинъ лордъ Гранвиль, и отвѣчалъ кратко и сухо, кажется, болѣе изъ вѣжливости и приличія, нежели изъ желанія разъяснить предметъ, да и сами лорды очень хорошо понимаютъ, что не здѣсь мѣсто для дѣльнаго разъясненія вопросовъ. Побывавъ здѣсь разъ, я уже и не думалъ возвращаться сюда, но письмо г. Шоу-Лефевра, въ которомъ онъ приглашалъ меня зайти въ палату на другой

день въ пять часовъ, заставило меня отправиться туда. Этому приглашенію одолженъ я былъ тѣмъ, что слышалъ двухъ ветерановъ парламента, лорда Линдгорста и лорда Брума, теперь уже маститыхъ старцевъ, но игравшихъ нѣкогда первоклассную роль въ политическихъ битвахъ. Первому изъ нихъ восемьдесятъ шесть, второму восемьдесятъ лѣтъ. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ судебныхъ случаяхъ палата лордовъ представляетъ собой высшую судебную инстанцію, то съ давняго времени существуетъ обычай возводить глубокихъ законовѣдцевъ въ перское достоинство, и съ помощію ихъ свѣдѣній дѣйствительно дѣлать палату высшимъ трибуналомъ законовѣдѣнія. Но для этого необходимо, чтобы такой законовѣдецъ непремѣнно прошелъ черезъ палату общинъ, ибо здѣсь одного знанія законовъ недостаточно, а при этомъ надо еще имѣть ораторскій талантъ и показать себя бойцомъ (debater). Все это вмѣстѣ требуетъ страшныхъ трудовъ и здоровья. Въ адвокатуру, какъ я сказалъ уже, вступаютъ здѣсь преимущественно изъ небогатыхъ среднихъ классовъ, и тѣмъ не менѣе она приводитъ въ палату лордовъ, то-есть въ самую высшую аристократію. Такого рода перы извѣстны подъ названіемъ: law peers, то-есть перовъ-законниковъ, и ученыхъ лордовъ, learned lords. Засѣданіе палаты лордовъ открылось въ пять часовъ, и едва только лордъ-канцлеръ, облеченный въ свой огромный парикъ и мантію, занялъ свое мѣсто предсѣдателя, какъ старикъ съ рѣзкими, энергическими чертами лица, въ обыкновенномъ и густоволосомъ парикѣ и въ довольно поношенномъ сюртукѣ, всталъ, снялъ шляпу и началъ говорить. Это былъ лордъ Линдгорстъ. Онъ не можетъ почти ходить безъ поддержки, но слыша этотъ звучный, твердый голосъ, видя этотъ энергическій жестъ, трудно повѣрить, чтобъ этому человѣку было восемьдесятъ шесть лѣтъ. До сихъ поръ, когда въ палатѣ лордовъ представляется какой-либо юридическій вопросъ, лордъ Линдгорстъ считается высшимъ авторитетомъ въ Англіи и, дѣйствительно, онъ говоритъ лучше, краснорѣчивѣе и дѣльнѣе всѣхъ. Сохранять въ такой старости всю твердость и бодрость ума (самъ неперемонный «Times» сказалъ о немъ недавно, что слова его слушаетъ нація, какъ голосъ «мудраго»), всю ясность мысли, всю живость современныхъ интересовъ: такія явленія свойственны кажется одной только англо-саксонской породѣ. Кто, взглянувъ на Пальмерстона и послушавъ его въ нижней палатѣ, повѣритъ, что ему семьдесятъ-пять лѣтъ? Отчего такая физическая и нравственная сила въ этихъ англійскихъ старикахъ? Что здѣсь под-

держиваетъ такъ бодрость духа? Умственная-ли, дѣятельная жизнь, или вообще англійскій образъ жизни? И не одно здоровье сохраняютъ эти люди, а, что гораздо важнѣе, живое участіе въ современныхъ интересахъ, независимое, свободное воззрѣніе на предметы. Въ обыкновенномъ устройствѣ человѣческой жизни всегда бываетъ такъ, что человѣкъ рѣдко умираетъ вдругъ, а большею частію понемногу: сначала умретъ въ немъ одно чувство, потомъ другое, такъ что приближаясь ко гробу, мы часто сохраняемъ одну только жизненность, а то, что составляло въ насъ цѣльнаго человѣка, то-есть всѣ наши лучшія чувства и инстинкты, всѣ наши лучшія стремленія и нравственныя требованія, все это уже исчезло, умирая понемногу и постепенно, оставя насъ только при одной сухой, бездушной и уже по истинѣ презрѣнной старости. Вѣроятно, такая же судьба постигаетъ и здѣшнихъ старцевъ, но по крайней мѣрѣ въ политической дѣятельности они вовсе не становятся тѣми нравственно-тупыми и слѣпыми людьми, какими почти всегда дѣлаются старики на материкѣ Европы, совершенно теряя всякій дѣльный и ясный взглядъ на вещи. Рѣчь лорда Линдгорста касалась предостереженія отъ загадочныхъ вооруженій Наполеона. Но онъ предостерегалъ въ томъ, что̀ вся Англія очень ясно видитъ и понимаетъ, что̀ давно составляетъ здѣсь предметъ преній въ клубахъ и частныхъ разговоровъ. Англія боится не окончательнаго результата войны съ Франціей, напротивъ, она увѣрена въ этомъ результатѣ, но боится золъ, которыя можетъ причинить ей эта война: она чувствуетъ, что война эта была бы неумолимая. Когда Линдгорстъ говорилъ, какъ его суровое, энергическое и въ самой дряхлости своей прекрасное лицо соотвѣтствовало рѣшительному жесту его руки, его звучному, твердому голосу! Каждая фраза была сжата, сосредоточена, словно отчеканена. Парламентскій языкъ обыкновенно очень уклончивъ, всякая мысль въ немъ непремѣнно заключаетъ въ себѣ нѣсколько вставочныхъ предложеній, которыя или смягчаютъ, или поясняютъ ее. Отъ этого буквальный переводъ англійскихъ рѣчей почти невозможенъ, ибо ни о сжатости формы, ни о красотѣ ея англичане не заботятся. Стиль ихъ рѣчей почти разговорный; какъ они говорятъ въ комнатѣ, такъ говорятъ и публично. Литературность, отдѣлка фразы, старательное мастерство выразиться, столь здѣсь цѣнимыя въ статьяхъ, считаются словно недостойными, когда англичанинъ выступаетъ говорить публично. Но тѣмъ онъ сильнѣе дѣйствуетъ, когда является самъ собой, безъ всякаго старанія

и желанія: этимъ-то и отличается истинный ораторскій талантъ отъ академическаго, отсюда-то и происходитъ его чарующее дѣйствіе на слушателя. Все это есть у Линдгорста, и эти величественныя руины заставляютъ предполагать, какой это былъ могучій боецъ въ свое время. Едва лордъ Линдгорстъ надѣлъ шляпу, какъ высокій худощавый старикъ, съ округленными чертами продолговатаго лица, нѣсколько вздернутымъ, мягкимъ носомъ и совершенно бѣлыми густыми волосами, всталъ, снялъ шляпу, подошелъ къ столу и началъ говорить. Это былъ лордъ Брумъ. Несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, онъ гораздо моложавѣе и свѣжѣе лорда Линдгорста. Брумъ теперь уже прошедшая знаменитость, но роль, которую игралъ онъ въ нижней палатѣ по поводу перваго билля о реформѣ, никогда не забудется въ Англіи. Это былъ одинъ изъ самыхъ главныхъ и великихъ бойцовъ за реформу, и кромѣ того одинъ изъ первоклассныхъ ораторовъ Англіи. Жизнь этого человѣка, до того времени, когда онъ назначенъ былъ лордомъ-канцлеромъ, даже англичане приводятъ въ примѣръ изумительной, сверхъестественной дѣятельности. Они говорятъ, что приготовляясь къ защитѣ, передъ палатою лордовъ, королевы Каролины, жены покойнаго короля Георга, Брумъ, бывшій тогда простымъ адвокатомъ, не спалъ въ продолженіе трехъ сутокъ. Кромѣ множества рѣчей, сказанныхъ имъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ, сочиненія его составляютъ болѣе десяти томовъ, плодъ большихъ юридическихъ и историческихъ работъ. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ сотрудникомъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія». Уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ Брумъ сошелъ съ своего поприща, но тѣмъ не менѣе при всякомъ важномъ вопросѣ раздается его голосъ и въ палатѣ лордовъ, и на разныхъ митингахъ, и на публичныхъ обѣдахъ. Онъ особенно уважаемъ низшими классами, для воспитанія которыхъ такъ много сдѣлано имъ. Съ первыхъ же словъ лорда Брума и по манерѣ его говорить видно, что это опытный и смѣлый боецъ; но она не походила на обыкновенную англійскую парламентскую манеру, всегда спокойную, и безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ паѳоса. Величайшая скромность, внутреннее спокойствіе, съ какимъ англичане говорятъ публично, всегда невольно располагаетъ въ пользу говорящаго. Какая противоположность въ этомъ отношеніи съ бывшею французскою палатой, гдѣ рѣдкій депутатъ не впадалъ въ декламаторство, ораторскую позу и монументальныя жесты. Все это рѣшительно несвойственно и даже противоположно англійской манерѣ говорить, которая если грѣ-

шитъ чѣмъ, то развѣ сухостью; но и это особенно бросается въ глаза только въ людяхъ совершено бездарныхъ, между тѣмъ какъ рѣчь недаровитаго, а иногда даже и даровитаго француза невольно возмущала своимъ декламаторскимъ, фразистымъ тономъ. Англичанинъ всегда хочетъ сказать что-нибудь дѣльное, практическое; онъ занятъ тѣмъ, что̀ онъ скажетъ, а не тѣмъ, какъ онъ скажетъ. Но при всей естественности манеры Брума, нельзя не замѣтить въ ней бывшаго адвоката; эта развязность движеній, эта самоувѣренность и небрежность позы обличали какой-то особенный навыкъ, профессію. Лордъ Брумъ подошедъ къ столу, положилъ на него прошеніе отъ Лондона, Ворстера (Worcester) и другихъ городовъ, по поводу народнаго воспитанія. Мнѣ кажется, будетъ не лишнимъ привести здѣсь небольшой отрывокъ изъ его рѣчи объ этомъ предметѣ, показывающій, въ какомъ положеніи находится народное воспитаніе въ Англіи, и отношеніе къ нему правительства. «Я былъ предсѣдателемъ комитета народнаго воспитанія, существовавшаго въ 1816, 1817 и 1818 годахъ, трудами котораго предметъ народнаго воспитанія возвысился на ту степень важности и интереса, какую до сихъ поръ сохраняетъ онъ въ общественномъ мнѣніи. По порученію этого комитета, я внесъ въ парламентъ билль, но остановленъ былъ отъ дальнѣйшаго слѣдованія возраженіями диссентеровъ [1]), которые, впрочемъ, всегда были ревностными сподвижниками въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Возраженія ихъ были такого рода, что я долженъ былъ взять билль обратно. Съ тѣхъ поръ много прошло времени, пока снова представился случай обратить вниманіе парламента на этотъ предметъ. Дѣло въ томъ, что съ 1818 года въ Англіи было 19,400 недѣльныхъ школъ и 5,400 воскресныхъ; первыя посѣщали 674,000, а вторыя 525.000 дѣтей, и прежде нежели правительство истратило хотя одинъ пенни на этотъ предметъ, въ Англіи уже обучалось 1.500,000 въ недѣльныхъ школахъ и 1.250,000 въ воскресныхъ». Затѣмъ Брумъ коснулся успѣховъ въ воспитаніи, обнаружившихся съ тѣхъ поръ, какъ правительство опредѣлило на этотъ предметъ особый капиталъ [2]), предоставя распоряжаться имъ комитету тайнаго совѣта. «Но предложенъ былъ другой планъ, котораго, я полагаю, не слѣдуетъ упускать изъ виду, а именно: дать право городовымъ совѣтамъ собирать налогъ для воспитанія дѣтей подъ контролемъ этихъ

---

[1]) То-есть сектаторовъ, отпавшихъ отъ господствующей церкви.

[2]) До милліона ф. с. Это только на воспитаніе дѣтей низшихъ классовъ.

же городовыхъ совѣтовъ, и налогъ этотъ употреблять на воспитаніе дѣтей всякихъ сектъ, предоставя самимъ родителямъ рѣшать, въ какомъ именно вѣроисповѣданіи дѣти ихъ должны быть наставляемы. Подписавшіе представленное нынѣ мною прошеніе (petition) поставляютъ на видъ то обстоятельство, что средніе классы имѣютъ такое же право на вниманіе правительства, какъ и рабочіе классы. Конечно, высшіе классы и ихъ школы сами могутъ заботиться о себѣ. Но такъ какъ при системѣ, установленной совѣтомъ комитета о воспитаніи, школы рабочихъ классовъ получили то преимущество, что въ нихъ введенъ надзоръ (инспекція) за содержателями и учителями, то представившіе поданное мною нынѣ прошеніе просятъ, чтобъ и школамъ среднихъ классовъ предоставлены были тѣ же преимущества (то-есть инспекція), какія школы высшихъ классовъ имѣютъ безъ всякаго вмѣшательства правительства, и которыя школы рабочихъ классовъ получили при системѣ, введенной комитетомъ совѣта. Было бы желательно, чтобы школы, въ которыхъ воспитываются и дѣти среднихъ классовъ, такъ же подчинены были вѣдѣнію и надзору комитета совѣта, то-есть, чтобы всякій содержатель школы могъ обращаться въ комитетъ для инспекцій своей школы, и если послѣ инспекціи положеніе школы найдено будетъ удовлетворительнымъ, — чтобъ ему выдавали въ этомъ свидѣтельство. Такія свидѣтельства непремѣнно будутъ имѣть все значеніе академическихъ ученыхъ степеней и стали бы поощрять содержателей училищъ на дѣльное выполненіе своихъ обязанностей, а другихъ—на принятіе на себя должности учителей. Въ особенности же школы среднихъ классовъ нуждаются въ хорошихъ наставницахъ, рѣшительно необходимыхъ для того, чтобъ учащіяся дѣвочки современемъ дѣлались хорошими женами и матерьми. Вообще, недостаточность воспитанія существуетъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ оно всего нужнѣе. Въ большихъ городахъ оно недостаточнѣе, чѣмъ въ селеніяхъ и мѣстечкахъ и въ такой пропорціи, какъ 13 къ 11. Въ Лондонѣ эта недостаточность больше, чѣмъ гдѣ-либо. Разумѣется, ничто похожее на притѣсненія тутъ не должно имѣть мѣста, тѣмъ болѣе, что несогласно было бы ни съ здравою политикой, ни съ истинною религіей—выставлять человѣку на видъ выгоду отъ какой бы то ни было вѣры, или исповѣданія. Преслѣдуемая истина всегда по этому самому выше поднимаетъ свою голову и непремѣнно усиливается, а преслѣдовать заблужденіе значитъ только замедлять его паденіе». Брума поддержалъ епископъ линкольнскій, выразивъ совершенное согласіе съ его мнѣніями.

Вопросъ о свободѣ совѣсти сдѣлался въ наше время до такой степени рѣшеннымъ вопросомъ, что ему уже не противорѣчатъ здѣсь и сами епископы. На рѣчь Брума отвѣчалъ изъ министровъ лордъ Гранвиль, и отвѣтъ его удивилъ меня. Не забудьте, что средніе классы ходатайствуютъ у правительства о надзорѣ за ихъ школами, то-есть сами просятъ правительство, чтобъ оно вмѣшалось въ воспитаніе ихъ дѣтей: случай этотъ показываетъ, до какой степени простирается здѣсь система правительства не вмѣшиваться въ общественныя дѣла: «Я совершенно убѣжденъ, отвѣчалъ лордъ Гранвиль, что значительная сумма экономически и дѣльно употребленная на воспитаніе народа, была бы благотворнѣйшею мѣрой для этой страны, потому что воспитаніе матеріально содѣйствуетъ тишинѣ и порядку. Многіе знаменитые люди утверждали, что долгъ государства—воспитывать рабочіе классы для поддержанія порядка и тишины въ странѣ. Но далеко не въ такой степени лежитъ на государствѣ обязанность вмѣшиваться въ воспитаніе высшихъ или среднихъ классовъ. Я согласенъ, что учебная часть въ нѣкоторыхъ школахъ среднихъ классовъ гораздо хуже, чѣмъ въ народныхъ школахъ, но я бы не желалъ къ трудамъ комитета совѣта о воспитаніи прибавить еще новый трудъ надзора за школами среднихъ классовъ». Тѣмъ все и кончилось. Это значило: пусть средніе классы сами, какъ знаютъ, устраиваютъ надзоръ за своими школами. Въ палатѣ общинъ былъ я три раза. Доступъ въ нее не легокъ, не потому чтобъ онъ связанъ былъ съ какими-нибудь затрудненіями, а вслѣдствіе того, что мѣстъ для публики очень немного. Если какое засѣданіе обѣщаетъ быть интереснымъ, то мѣста эти наполняются за нѣсколько часовъ до открытія засѣданія. Есть еще мѣста внизу, для иностранныхъ посольствъ и перовъ, но туда впускаютъ только или по запискамъ отъ посланниковъ, или черезъ члена парламента. Благодаря знакомому Т., г. М. М., къ которому я имѣлъ отъ него рекомендательное письмо, доступъ въ нижную палату сталъ для меня нетруднымъ. Впрочемъ, за неимѣніемъ знакомаго члена, обратясь предварительно къ смотрителю, находящемуся при публичной галлереѣ, можно за три или четыре шиллинга получить тамъ мѣсто почти навѣрное. Онъ уже какъ-нибудь да сбережетъ его. Въ интересныхъ случаяхъ это средство даже вѣрнѣе записки отъ члена. Засѣданія парламента подходили уже къ концу и были чисто дѣловыми. Для скорѣйшаго отправленія дѣлъ, нижняя палата имѣла по два засѣданія въ день, утреннее и вечернее. Жаркая битва торіевъ съ вигами была уже

кончена; министерство Пальмерстона усѣлось покойно до будущей весны; партіи отдыхали отъ недавняго побоища и, сбираясь съ новыми силами, избѣгали схватокъ, ни къ чему не ведущихъ. При входѣ въ зданіе парламента, прежде всего поражаетъ васъ отсутствіе часовыхъ и вообще всякой военной силы или военнаго мундира. Скромный и постоянно услужливый полисменъ одинъ стоитъ у входа въ зданіе; при входѣ въ галлерею, ведущую въ библіотеку и ресторацію палаты, стоитъ другой, и наконецъ два полисмена въ круглой залѣ, черезъ которую входятъ въ палату. Въ этой залѣ всегда порядочная толкотня. Черезъ нее входитъ публика въ верхнюю галлерею, а тѣ, кто не попалъ туда, здѣсь же ждутъ своей очереди, ибо всякій хотя на минуту выходящій, тотчасъ же замѣщается другимъ. Кромѣ того, тутъ всегда толпится много такихъ, которые стараются черезъ членовъ пробраться на мѣста внизу, или пришли переговорить съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ. Входъ, какъ въ зданіе парламента, такъ и въ эту залу совершенно свободенъ; до самыхъ дверей палаты никто васъ не спроситъ, куда и зачѣмъ вы идете. Вся эта простота, необычайная скромность, обыденность обстановки уже показываетъ, до какой степени парламентъ здѣсь вошелъ въ нравы и въ простую привычку публики. Когда г-нъ М. М. помѣстилъ меня на одномъ изъ дивановъ, отведенныхъ для членовъ верхней палаты, я обвелъ глазами залу и длинные ряды дивановъ ея, наполненные людьми въ шляпахъ. Бо̀льшая часть изъ нихъ сидѣли полулежа, или совершенно растянувшись, или положивъ ноги на передніе диваны; каждый былъ, какъ дома; ра̀знообразіе въ одеждѣ, въ цвѣтахъ лѣтнихъ сюртуковъ, пальто и шляпахъ доходило до пестроты; во всемъ совершеннѣйшее отсутствіе всякой офиціальности и этикета. Эта будничность и небрежность обстановки такъ странно на меня подѣйствовали, что я долженъ былъ съ нѣкоторымъ усиліемъ привести себѣ въ сознаніе то, что я дѣйствительно нахожусь въ англійскомъ парламентѣ, и что эта зала и эти растянувшіеся по диванамъ люди въ шляпахъ составляютъ могущественнѣйшій авторитетъ Англіи, на который вся Европа обращаетъ свое сосредоточенное вниманіе. Мы читаемъ въ газетахъ о паденіи, или вступленіи въ должность министровъ, слышимъ слова: «англійское правительство», «парламентъ», но Богъ знаетъ, какъ укладываются въ нашихъ головахъ всѣ эти совершенно чуждыя намъ представленія. Передо мной былъ теперь самый фактъ всѣхъ этихъ представленій; та самая лабораторія, гдѣ творится сила, дающая жизнь

всѣмъ этимъ словамъ. Вотъ эти двѣ громадныя партіи, на которыя раздѣляется Англія—эти виги и торіи,—сидящія другъ противъ друга и такъ зорко слѣдящія одна за другой. На выборахъ каждая партія имѣетъ знамена и банты своихъ цвѣтовъ, а здѣсь только по мѣстамъ можно различить ихъ. Передъ предсѣдателемъ стоялъ огромный столъ; по одву его сторону сидѣли министры, и вся эта сторона дивановъ занята членами, поддерживающими министерство; другая сторона занята оппозиціей. Столъ этотъ также служитъ мѣстомъ, куда сидящіе возлѣ него, какъ министры, такъ и оппозиція, кладутъ свои портфели, бумаги, а иногда и свои ноги... Такъ вотъ оно, это правленіе, основанное на силѣ убѣжденія, на жаркихъ и упорныхъ преніяхъ, правленіе, гдѣ рѣшаются всемірные вопросы, нѣсколько лишнихъ голосовъ той или другой стороны могутъ низвергнуть цѣлое министерство, измѣнить политику страны, объявить войну... Одна такая страшная нравственная отвѣтственность должна была пріучить англичанъ къ серьезности и осмотрительности въ характерѣ; и самъ Брайтъ, радикалъ на митингахъ,—остороженъ и сдержанъ въ парламентѣ. Когда я пришелъ въ палату, предсѣдателя еще не было, но онъ скоро показался, предшествуемый двумя носителями жезла, на одномъ концѣ котораго сдѣлана большая золотая корона, символъ королевской власти. Жезлъ положили на столъ передъ предсѣдателемъ; онъ сѣлъ на свое кресло и проговорилъ: «Order, order», это значитъ, что засѣданіе открыто, и что дѣла, назначенныя по этому засѣданію, должны итти своимъ чередомъ. Изъ всѣхъ членовъ только одинъ предсѣдатель былъ безъ шляпы: онъ сидѣлъ въ длинномъ парикѣ, концы котораго спускались ниже плечъ. Въ это время вошелъ человѣкъ въ сѣрой шляпѣ, съ чисто еврейскимъ лицомъ и нервическою, озабоченною и усталою физіономіей; на концѣ его подбородка маленькій клокъ сѣроватыхъ волосъ; онъ одѣтъ очень чисто и щеголевато. Задумчиво, большими шагами, прошелъ онъ пространство, раздѣляющее диваны на двѣ стороны, и сѣлъ прямо противъ лорда Джона-Росселя. Я тотчасъ узналъ его по каррикатурамъ, которыми трунитъ надъ нимъ «Punch»; это Дизраэли, бывшій министръ финансовъ въ торійскомъ правительствѣ, а теперь предводитель оппозиціи. Нынѣшній день лордъ Джонъ-Россель, по требованію оппозиціи, обѣщалъ дать объясненія о видахъ правительства, касательно мирнаго трактата, заключеннаго въ Виллафранкѣ. Палата быстро наполнялась членами: скоро всѣ диваны были уже заняты и стали наполняться членскія

мѣста въ верхней галлереѣ. Засѣданіе между тѣмъ шло своимъ порядкомъ: въ это время представлялись прошенія (petitions). Членъ, имѣвшій подать таковое, подходилъ съ нимъ къ столу и, прочитавъ, клалъ его на столъ. Въ палатѣ стоялъ шумъ и говоръ, и никто этихъ прошеній не слушалъ, начиная съ самого президента, который въ это время разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ подходившихъ къ нему членовъ. Прошенія эти сдаютъ потомъ въ особый комитетъ, избранный палатой изъ среды себя, тамъ разсматриваютъ и потомъ докладываютъ палатѣ. Здѣсь присутствіе въ комитетахъ палаты такъ обязательно для выбранныхъ туда членовъ, что не посѣщающій своего комитета членъ, по приговору палаты, подвергается заключенію въ тюрьму, нарочно для этого сдѣланную въ зданіи парламента. Наконецъ, представленіе петицій прекратилось. Въ это время палата была полна и внизу и вверху. Изъ министровъ, которые всѣ сидѣли по лѣвую сторону стола, всталъ одинъ, снялъ шляпу и подошелъ къ столу: то былъ лордъ Джонъ-Россель. Онъ держалъ въ рукѣ связку бумагъ, которую положилъ на столъ: то были копіи съ послѣднихъ депешъ его по итальянскимъ дѣламъ. «Sir», началъ онъ, по обычаю обращаясь къ президенту, но первыхъ словъ его невозможно было явственно слышать за шумомъ разговоровъ; только минуты черезъ двѣ, когда увидали, что онъ началъ говорить, въ палатѣ настала совершеннѣйшая тишина.

«Я желалъ бы отложить объясненіе о нашихъ иностранныхъ сношеніяхъ и, конечно, отложилъ бы его, еслибы мы не были при концѣ засѣданій парламента. Даже и въ такомъ случаѣ я отложилъ бы его, еслибъ имѣлъ сколько-нибудь въ виду окончательное устройство этихъ дѣлъ»...

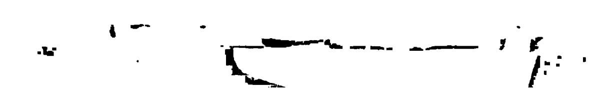
Но я считаю излишнимъ сообщать здѣсь длинную рѣчь лорда Джона Росселя, давно извѣстную по газетамъ и теперь уже не имѣющую большого интереса. Онъ говорилъ болѣе часа. Россель— младшій сынъ герцога Бедфордскаго; титло это имѣетъ теперь старшій братъ его, перъ; Россель же лордъ только по одному названію, которое не даетъ ему права быть членомъ палаты перовъ. Ему теперь шестьдесятъ шесть лѣтъ, но, не смотря на замѣтную слабость его организма, онъ еще довольно свѣжъ. Лицо его овально; сѣро-сѣдоватые волосы его остались только на затылкѣ и вискахъ, черты лица мягки и кротки. Говоритъ онъ тихо, медленно, плавно, мало-звучнымъ голосомъ, ровно, безъ всякаго ударенія на слова. Въ черномъ, мѣшковатомъ сюртукѣ, въ широкомъ,

двухбортномъ жилетѣ изъ желтаго пике, съ своею добродушнѣйшею, честною физіономіей, лордъ Джонъ-Россель возбуждаетъ невольное уваженіе къ себѣ. Всѣ его движенія, въ продолженіе слишкомъ часовой его рѣчи, заключались въ томъ, что онъ складывалъ на груди свои руки, одна на другую, и потомъ снова опускалъ ихъ; опирался обѣими руками на столъ и потомъ отдалялся отъ него; ни одного сколько нибудь рѣзкаго, или рѣшительнаго движенія; даже не было у него этихъ обыкновенныхъ всѣмъ англичанамъ удареній двумя пальцами правой руки въ ладонь лѣвой. Болѣе спокойной, плавной, безстрастной манеры говорить нельзя себѣ представить. Лордъ Джонъ-Россель давно уже на политическомъ поприщѣ однимъ изъ главныхъ предводителей либеральной партіи; но кромѣ политики онъ много занимался и литературой, написалъ романъ, трагедію и даже издалъ книжку своихъ стихотвореній. Замѣчу кстати, что нигдѣ литература не находится въ такой чести, какъ въ Англіи, нигдѣ не возбуждаетъ она такого всеобщаго интереса, какъ здѣсь. Здѣсь едва-ли есть хоть одинъ человѣкъ, имѣющій претензію на джентльменство, который бы не попробовалъ себя въ той или другой формѣ. Всякій сколько нибудь замѣчательный политическій человѣкъ непремѣнно имѣетъ на своей совѣсти или книжку юношескихъ стихотвореній, или романъ, или статьи въ обозрѣніяхъ. Но возвращаюсь къ засѣданію. Въ продолженіе рѣчи лорда Джона-Росселя, сидѣвшій противъ него Дизраэли безпрестанно дѣлалъ замѣтки на клочкѣ бумаги. «Впрочемъ, сказалъ въ заключеніе лордъ Джонъ-Россель, каковы бы ни были затрудненія, — я думаю мнѣ позволительно сказать, несмотря на то, что достопочтенный джентльменъ, сидящій противъ меня (Дизраэли) говорилъ о возрожденіи Италіи, какъ о вопросѣ едва-ли стоющемъ серьезнаго вниманія, — позволительно мнѣ будетъ сказать, что если страна, столь прекрасная своимъ физическимъ видомъ, столь богато одаренная природой, столь обильная геніальными людьми всякаго рода, страна, судьба которой была предметомъ горькихъ пѣсенъ, начиная съ Петрарки въ XIV до Леопарди въ XIX вѣкѣ, если, говорю, такая страна можетъ быть сдѣлана счастливою и сынамъ ея открыто будетъ широкое поприще для ихъ талантовъ и энергіи, такъ что и имъ возможно будетъ приносить свою долю на прогрессъ этой европейской семьи, къ которой принадлежатъ они,—а я убѣжденъ, что это будетъ богатая доля,—если, говорю, такой предметъ будетъ достигнутъ, тогда, сэръ, что касается до меня, я не обинуясь

скажу, что правительство ея величества стало бы радоваться такому результату». Этими словами лордъ Джонъ-Россель кончилъ длинную рѣчь свою. Несмотря на его тихій голосъ, на его спокойную фигуру, видно было, что эти слова не были реторическими фразами. Во все продолженіе рѣчи его царствовала мертвая тишина, изрѣдка прерывавшаяся тихими восклицаніями «слушайте», раздававшимися на министерской сторонѣ при особенно интересныхъ мѣстахъ, и смѣхомъ отъ разсказанныхъ имъ анекдотовъ объ австрійской политикѣ въ Италіи. Одобрительные крики (въ палатѣ не апплодирують) вигской стороны раздались, когда лордъ Джонъ-Россель кончилъ говорить и надѣлъ шляпу. Едва Россель надѣлъ шляпу, какъ Дизраэли снялъ свою и всталъ, выжидая пока стихнутъ одобрительные крики виговъ. Никакая министерская должность не можетъ сравняться съ трудными обязанностями предводителя оппозиціи. Хотя рѣшительные случаи, отъ которыхъ падаютъ министерства, представляются рѣдко, но отъ предводителя партіи, отъ его политическаго такта, предусмотрительности, умѣнья управлять своею партіей и пользоваться обстоятельствами зависитъ многое, и обыкновенно выборъ предводителя дѣлается послѣ тщательныхъ соображеній. Иногда даже и ораторскій талантъ при этомъ не принимается въ соображеніе. Покойный лордъ Бентинкъ, послѣ котораго Дизраэли сталъ предводителемъ торійской партіи въ палатѣ общинъ, вовсе не имѣлъ ораторскаго таланта, но по личнымъ своимъ качествамъ, по привѣтливости своей, по неусыпному вниманію, какое онъ обращалъ на каждаго члена своей партіи, по постоянной дисциплинѣ, какую поддерживалъ въ ней, — оставилъ по себѣ память одного изъ лучшихъ вождей партій. Тѣ, которые полагаютъ, что въ Англіи безъ аристократическаго имени и богатства нельзя достигнуть никакого важнаго мѣста, могутъ видѣть въ Дизраэли опроверженіе своему мнѣнію. Происходящій отъ еврейскаго семейства, переселившагося въ прошломъ вѣкѣ въ Англію, сынъ перекрестившагося еврея, занимавшагося литературой, — Дизраэли, безъ богатства, одними своими талантами достигъ высокаго поста предводителя торійской партіи и уже два раза былъ министромъ финансовъ. Я не стану говорить ни объ отвѣтѣ Дизраэли, ни о рѣчи Пальмерстона, который отвѣчалъ ему: все это теперь не имѣетъ уже интереса. Но одна общая черта поразила меня въ здѣшнихъ политическихъ людяхъ: хотя все здѣсь основано на преніяхъ, и слѣдовательно краснорѣчіе должно-бы играть первостепенную роль,

но ни одинъ изъ нихъ. ни одинъ членъ рѣшительно не думаетъ о томъ, чтобы быть краснорѣчивымъ, никто не имѣетъ ни малѣйшей претензіи быть ораторомъ. Всякій хочетъ высказать доводы, какіе имѣетъ, и высказавши ихъ, садится. Къ сожалѣнію, я долженъ ограничиться только тѣмъ, что слышалъ самъ, а я не слыхалъ ни одного изъ тѣхъ, которые имѣютъ теперь здѣсь ораторскую репутацію, какъ напримѣръ лордъ Дерби, Бульверъ, Кобденъ, Брайтъ. Изъ всѣхъ, кого я слышалъ, у Дизраэли больше всѣхъ ораторскаго таланта: но говоритъ онъ непріятно. Это непріятное впечатлѣніе происходитъ прежде всего отъ его движеній руками и корпусомъ, движеній рѣзкихъ, иногда даже тривіальныхъ, которыя тѣмъ болѣе бросались въ глаза, что всѣ другіе члены парламента говорили безъ всякихъ движеній, спокойно, какъ будто только для исполненія должности. Но замѣчательно, что всѣ почти говорятъ хорошо, то-есть у всѣхъ слово всегда готово для выраженія мысли. И въ парламентѣ и въ «клубахъ преній» я постоянно удивлялся этому умѣнію расположить свою рѣчь, этой послѣдовательности въ изложеніи, этому дару слова, этой простотѣ и естественности тона и манеры, этому рѣшительному отсутствію всякаго котурна и фразистости. Правда, все это относится не къ воображенію, а къ мысли: говорящій постоянно скрытъ за предметомъ. Но это не спасаетъ иногда ораторовъ отъ самыхъ комическихъ положеній: въ это-же засѣданіе, послѣ напряженнаго вниманія, съ какимъ палата слушала Росселя, Дизраэли и Пальмерстона, очевидно нуженъ былъ отдыхъ; много членовъ вышло изъ залы, другіе предались разговорамъ. Въ это время встаетъ какой-то тори, изъ среднихъ рядовъ, и, снявъ шляпу, начинаетъ говорить. Никто на него не обращаетъ вниманія и голосъ его теряется въ шумѣ разговоровъ. Напрасно со стороны тори раздается: «слушайте, слушайте!» Виги отвѣчаютъ, смѣясь, болѣе громкимъ: «слушайте», которое уже окончательно заглушаетъ говорящаго. «Да позвольте, господа, вскрикиваетъ несчастный ораторъ, я исполняю мой долгъ!» «Слушайте, слушайте!» кричатъ съ хохотомъ виги и шумъ усиливается. Поговоривъ такимъ образомъ минутъ десять, ораторъ махнулъ рукой и сѣлъ. Но въ «Times» на другой день не сказано было объ этомъ ни слова, и рѣчь его была напечатана вполнѣ. Очевидно, что онъ прислалъ ее въ редакцію послѣ, для прочтенія своимъ избирателямъ. Пальмерстонъ говорилъ очень изящно, я разумѣю внѣшнюю его форму, но собственно ораторскаго таланта у него нѣтъ. Сила его рѣчей заключается въ дѣль-

ности и ироніи; въ послѣдней онъ имѣетъ удивительный талантъ и мастерски пользуется имъ противъ своихъ противниковъ. До сихъ поръ онъ самый популярный человѣкъ въ Англіи, хотя трудно опредѣлить, на чемъ основана его популярность. Но такой абсолютной популярности, какою пользовался нѣкогда Робертъ-Пиль, теперь въ Англіи не имѣетъ никто. Популярность Пальмерстона, кажется, основывается на довѣріи къ его практической опытности въ дѣлахъ и на либерализмѣ его внѣшней политики, но уваженіе, какимъ онъ пользуется въ общественномъ мнѣніи, незавидно; въ народѣ зовутъ его humbuy (надувало, hableur). Онъ средняго роста, черты его лица очень изящны и тонки, съ плутоватымъ и нѣсколько насмѣшливымъ выраженіемъ. Въ манерахъ и движеніяхъ его виденъ настоящій grand seigneur, вышлифованный парламентскими нравами и тѣми условіями, какія налагаетъ дисциплина партій. Только выраженіе его рта очень непріятно, и не даромъ сказалъ о немъ «Punch»: «Не хорошъ гиппопотамъ, но вообще онъ пріятнѣе чѣмъ Пальмерстонъ». Густые до бѣлизны сѣдые волосы свои, которыхъ сильно не достаетъ на верху головы, онъ носитъ мастерски, взбивая ихъ на вискахъ и прикрывая ими свою лысину. Его шея поражаетъ своею длиной и, вѣроятно, вслѣдствіе этого онъ носитъ толстый высокій галстухъ, въ родѣ жабо, какъ носили лѣтъ тридцать назадъ. Вся его изящная и легкая фигура обнаруживаетъ бывшаго щеголя и денди, только подъ густыми, нависшими бровями маленькіе огненные глаза—только они заставляютъ предполагать, сколько еще умственной бодрости въ этомъ щеголеватомъ и, повидимому, безпечномъ старикѣ. Впрочемъ, я называю его старикомъ только изъ вниманія къ его семидесяти-пяти годамъ, но собственно говоря, онъ вовсе не имѣетъ старческаго вида: такъ его щеголеватая наружность, бодрость движеній и особенно яркій огонь глазъ совершенно сглаживаютъ его лѣта. Благодаря г-ну М М., мнѣ случилось быть на вечерѣ у Пальмерстона, или точнѣе у леди Пальмерстонъ, ибо на билетѣ было напечатано: Lady Palmerston at home, а внизу написано число мѣсяца. Этотъ вечеръ былъ то, что здѣсь называется раутъ. Гости начали съѣзжаться въ десять часовъ, а въ двѣнадцать стали уже разъѣзжаться. Общество не имѣло никакого характера исключительности: тутъ были члены верхней и нижней палатъ, издатели журналовъ, attachés разныхъ посольствъ, нѣкоторые посланники и проч. Пальмерстонъ почти до половины двѣнадцатаго стоялъ въ передовой комнатѣ, близь

двери, и принималъ гостей, каждому подавая руку. На немъ была синяя лента ирландскаго ордена св. Патрика. Простота въ уборкѣ комнатъ и во всей обстановкѣ поразила меня. Въ комнатѣ, направо изъ передовой, на кругломъ столѣ стояли два большіе чайника, одинъ съ чаемъ, а другой съ горячею водой, и двѣ корзинки съ печеньемъ. Слуга, стоявшій у стола, наливалъ чай желающимъ,— этимъ все и ограничивалось. Во всѣхъ комнатахъ ни одной картины, кромѣ большого портрета самого лорда Пальмерстона, писаннаго пастелью и въ весьма улучшенномъ видѣ. Въ главной гостинной на столикахъ лежали нѣсколько альбомовъ съ посредственными акварелями. Старые шелковые обои комнатъ и стиль мебели, зеркала и бронзы напоминали вкусъ двадцатыхъ годовъ нашего вѣка. Кончивъ пріемъ, Пальмерстонъ перешелъ въ гостиную и былъ тотчасъ-же окруженъ дамами. Когда я въ двѣнадцать часовъ сошелъ внизъ, разъѣздъ уже начался. Такая-же простота обстановки и въ домѣ лорда Гранвиля, у котораго я обѣдалъ и потомъ провелъ вечеръ, благодаря рекомендательному письму къ нему отъ А. Н. Б. Тутъ все отзывалось давностію и простотой домашняго комфорта. Лордъ Гранвиль къ обѣду надѣлъ ленту и звѣзду ордена Подвязки; здѣсь надѣваютъ ихъ только на парадные обѣды и вечера, а въ петличкѣ ленточки не носятъ. Тутъ, между прочимъ, былъ одинъ молодой лордъ А., чрезвычайно образованный; онъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ Германіи, посѣщая лекціи мюнхенскаго и гейдельбергскаго университетовъ, зналъ хорошо древности. Послѣ обѣда леди Гранвиль разливала кофе въ кабинетѣ хозяина; всѣ украшенія этой комнаты состояли въ шкапахъ съ книгами и въ двухъ портретахъ старыхъ канцлеровъ... Между тѣмъ наступилъ уже августъ. Черезъ нѣсколько дней долженъ былъ закрыться парламентъ. Сезонъ почти уже кончился; въ паркахъ и на Regent-street съ каждымъ днемъ видно было меньше и меньше великолѣпныхъ экипажей; всякій, кто могъ, уѣзжалъ изъ Лондона въ деревни, кто на берега моря; наступила пора sea-side, морской стороны; и мнѣ пора уже было на островъ Вайтъ, купаться въ морѣ, что было цѣлію отъѣзда моего за границу.

———

VI.

Пріюты для бездомныхъ нищихъ въ Лондонѣ.

1859 года.

Мы хотимъ обратить вниманіе читателей на одинъ фактъ англійской журналистики, или вѣрнѣе сказать, англійской общественной жизни. Фактъ самъ по себѣ очень простъ. Наканунѣ прошедшаго Рождества въ «Times» напечатана была статья о «бездомныхъ нищихъ въ Лондонѣ», и черезъ три недѣли къ издателю этой газеты прислано было отъ разныхъ лицъ болѣе 8000 фунт. стерлинговъ, то-есть 56,000 руб. сер., и пожертвованія до сихъ поръ продолжаются. Какъ ни простъ самъ по себѣ этотъ фактъ, но онъ едва ли бы могъ случиться въ другой странѣ Европы. Французскіе журналы приписали его единственно вліянію, какое имѣетъ «Times» въ Англіи. Но отчего такое вліяніе? Чѣмъ пріобрѣтено, чѣмъ поддерживается оно? Прежде всего надобно сказать, что англійская жизнь и англійскіе журналы такъ между собой слиты, что раздѣлить ихъ нѣтъ никакой возможности. Во всѣхъ другихъ странахъ Европы журналы составляютъ болѣе прихоть, роскошь общественной жизни. Въ Англіи они не лакомство, а насущный хлѣбъ, безъ котораго не можетъ жить ни одинъ англичанинъ, какъ скоро существованіе его чуть-чуть обезпечено. Въ Германіи читаютъ газеты только ради политическихъ извѣстій. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взять въ руки любую нѣмецкую газету: посмотрите, охватываетъ-ли она сколько-нибудь ежедневную, частную жизнь нѣмца? Напротивъ, въ печати нѣмецъ является какъ въ гостиную, причесаннымъ, приглаженнымъ, однимъ словомъ, является какъ въ гости, считая великимъ неприличіемъ говорить о своей домашней жизни. Тѣмъ болѣе еще во Франціи. Въ самую

блестящую свою эпоху, съ 1830 до 1851 года, французскія газеты были исключительно политическими газетами. Какъ публичная, общественная жизнь во Франціи связана съ большимъ этикетомъ, съ соблюденіемъ многихъ условныхъ приличій, которымъ непремѣнно должна покоряться всякая личность; какъ французы суть заклятые враги всякой оригинальности и непремѣнно требуютъ подчиненія общему однообразному уровню, такъ и журналистика ихъ выражаетъ этотъ однообразный уровень, приличный, этикетный, болѣе или менѣе изящный или изысканный. Въ этомъ-же заключается и причина, почему такъ много бываетъ внутренней пустоты подъ этою приличною и этикетною наружностью. Боязнь прослыть смѣшнымъ заставляетъ всякаго тщательно скрывать отъ публики свободныя движенія своей личности, а напротивъ, показываться только своею рутинною стороной. Это распространилось даже и на самый языкъ: всѣ знаютъ, до какой степени связанъ онъ своими риторическими условіями, дѣлающими его столь несвободнымъ и бѣднымъ для перевода съ другихъ языковъ.

Въ Англіи, напротивъ, журналистика есть прежде всего домашнее дѣло. Пріученные слишкомъ двумя вѣками къ публичной жизни, англичане, можетъ быть, даже и незамѣтно для самихъ себя, обратили ее въ обыденную свою жизнь. Дѣйствительно, для англичанъ публичная жизнь стала совершенно обыкновеннымъ, домашнимъ дѣломъ Вслѣдствіе того-же и газеты въ Англіи сдѣлались домашнимъ дѣломъ и именно средствомъ доводить до общественнаго мнѣнія все, что только каждый сочтетъ нужнымъ довести до его свѣдѣнія. Газета «Times», какъ самая распространенная въ Англіи, представляетъ въ этомъ отношеніи прелюбопытный характеръ. Чего тутъ не найдется! Всякій идетъ туда, какъ въ общественное заведеніе, съ своими мнѣніями, жалобами, замѣтками, недоразумѣніями, сомнѣніями, по какому-бы то ни было предмету. Англичанинъ считаетъ неприкосновенною святынею только частную жизнь: нравы и законъ неприступно ограждаютъ ее отъ всякаго на нее посягательства. Надобно сказать, что нѣтъ народа, у котораго страсть къ писанію писемъ для публики была-бы такъ распространена, какъ у англичанъ. Для нихъ писать письма такая-же необходимость какъ дышать, и это во всѣхъ классахъ общества. Всякій, кому пришла въ голову какая-либо мысль, по какому-бы ни было предмету, немедленно считаетъ нужнымъ передать ее на обсужденіе общественнаго мнѣнія въ видѣ письма къ издателю газеты. Еслибы дѣло касалось политическихъ или адми-

нистративныхъ предметовъ, то, конечно, тутъ не было-бы ничего особеннаго. Напротивъ, англичанинъ все привыкъ доводить до общественнаго мнѣнія. Если трактирщикъ, вмѣсто слѣдуемаго ему одного рубля, взялъ два, или даже полтора, англичанинъ тотчасъ пишетъ объ этомъ письмо въ «Times», прилагая счетъ трактирщика и адресъ его, и бѣда жадному трактирщику! Англичане въ этомъ случаѣ соблюдаютъ удивительную круговую поруку, и всякій сочтетъ долгомъ не заглядывать въ указанное заведеніе. Забавно иногда читать оправдательныя письма хозяевъ отелей или трактировъ, обыкновенно взваливающихъ всю вину на прислугу или конторщика, и предлагающихъ возвратить потребителю излишне взятыя съ него деньги. Иногда переписка завязывается изъ ничтожнѣйшей суммы, изъ двухъ или трехъ шиллинговъ, но эта аристократическая, богатая нація смотритъ на эту бездѣлицу весьма серьезно, ибо надобно отдать честь англичанамъ: каковабы ни была ихъ закулисная внѣшняя политика, но у себя дома, въ Англіи, они свято чтутъ справедливость, и ни въ какой странѣ не распространено такъ между всѣми классами чувство справедливости и законности, какъ въ Англіи. Разумѣется, воры, плуты и мошенники находятся вездѣ, и въ Англіи нѣтъ въ нихъ недостатка, но мы говоримъ здѣсь объ общественной честности вообще, о чувствѣ справедливости и законности, разлитыхъ во всѣхъ классахъ Англіи. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только подолѣе пожить въ любомъ изъ государствъ Европы, даже не исключая Германіи, и потомъ пріѣхать въ Англію... Здѣсь именно прежде всего поразитъ васъ честность и правдивость, выражающаяся на лицахъ этихъ островитянъ. Это можетъ показаться страннымъ для нашихъ англофобовъ, но это такъ. Разумѣется, тамъ, гдѣ можно безнаказанно взять лишнее, конечно и между англичанами найдутся такіе, которые возьмутъ его не хуже италіянца или француза, но мы говоримъ здѣсь не о жадности къ пріобрѣтенію, свойственной вообще человѣческой природѣ, а о большемъ или меньшемъ чувствѣ честности, законности и справедливости, развитомъ между европейскими націями. Можно съ достовѣрностію полагать, что публичность, распространенная въ Англіи до такой поразительной степени, преимущественно способствовала этому. Не даромъ англичане называютъ общественное мнѣніе и органъ его — журналистику, верховною силою въ государствѣ.

Такъ какъ въ Англіи смотрятъ на газеты прежде всего, какъ на средство все доводить до всеобщаго свѣдѣнія, или другими

словами, до общественнаго мнѣнія, то вслѣдствіе этого положеніе газетъ и самый характеръ ихъ очень мало походятъ на журналистику остальной Европы. Въ продолженіе всего прошлаго мѣсяца, напримѣръ, въ «Times» печатались письма къ издателю о реформѣ, чего-бы вы думали? англійскихъ обѣдовъ. Дѣло шло о самой неблистательной сторонѣ англійской жизни, о кухнѣ. Неизвѣстные корреспонденты подписывались цифрою своихъ годовыхъ доходовъ, доводя до свѣдѣнія публики, сколько у нихъ дѣтей, нянекъ, служанокъ и т. п., и всѣ единодушно жаловались на то, что провизіи тратится много, а обѣдаютъ они дурно. Иные нападали на вѣчное однообразіе англійскихъ обѣдовъ, на обычай ставить на столъ всѣ блюда вмѣстѣ, отчего они простываютъ. «Нѣтъ, возражалъ одинъ корреспондентъ, причина нашихъ дурныхъ обѣдовъ заключается въ томъ, что наши жены плохія хозяйки, ничего не понимаютъ въ кухонномъ дѣлѣ, и, къ несчастію, эта сторона совсѣмъ пренебрежена въ ихъ воспитаніи». Были корреспонденты, прилагавшіе реестры отличнымъ обѣдамъ, въ которыхъ они участвовали, и при этомъ наставленіе какъ давать хорошіе обѣды, убирать столъ и т. д. Многіе рекомендовали подавать обѣдъ à la russe, то-есть не ставить его весь на столъ, а обносить обѣдающихъ каждымъ блюдомъ отдѣльно. Но возбужденный вопросъ, кажется, не имѣлъ успѣха, и корреспонденція прекратилась, не приведя ни къ какому результату. Все это, разумѣется, весьма незначительные факты, взятые нами потому, что попались намъ на глаза, но уже и эти незначительные факты показываютъ совершенно оригинальный характеръ англійской журналистики. Прежде всего газеты въ Англіи всѣ усилія свои употребляютъ на то, чтобъ быть точными и достовѣрными въ сообщаемыхъ ими извѣстіяхъ, и отъ корреспондентовъ своихъ требуютъ самаго основательнаго знанія дѣла. Вотъ почему иностранныя корреспонденціи газеты «Times» такъ высоко стоятъ въ мнѣніи Европы. Надобно замѣтить также, что ни въ какой странѣ такъ не распространены точныя и положительныя свѣдѣнія о другихъ странахъ, какъ въ Англіи; въ этомъ убѣдится всякій, кто сколько-нибудь поживетъ въ Лондонѣ и посѣтитъ его debating clubs, гдѣ часто предметами преній служитъ то или другое государство Европы.

Эти такъ-называемые «клубы преній», устроены большею частію на манеръ кофейныхъ или кабинетовъ для чтенія. Извѣстный такого рода клубъ Wild [1]) находится на верху кабинета для чтенія,

[1]) Г. Вайльдъ, содержатель этого клуба,—членъ парламента.

въ которомъ получаются газеты всей Европы. Это довольно большая комната, у стѣны стоитъ высокое кресло для предсѣдателя (chairman), которымъ обыкновенно бываетъ хозяинъ заведенія. Надъ кресломъ прибитъ большой листъ бумаги, гдѣ пишется предметъ преній и непремѣнныя правила, состоящія въ двухъ пунктахъ: 1) всякій желающій принять участіе въ преніяхъ можетъ говорить только одинъ разъ, и не болѣе 15 минутъ; 2) въ преніяхъ не должно касаться религіозныхъ убѣжденій. Но первый пунктъ соблюдается только въ томъ случаѣ, когда много бываетъ желающихъ говорить, или когда говорящій плохо говоритъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ начинающійся стукъ и шумъ слушателей скоро напомнятъ неудачному оратору, что пора кончить. Хорошо говорящаго напротивъ готовы слушать хоть цѣлый часъ. Вообще англичане любятъ и умѣютъ говорить, и рѣдкій не умѣетъ расположить свою рѣчь съ замѣчательною ясностью и послѣдовательностью. За входъ ничего не платятъ, и доходъ хозяина состоитъ въ потребленіи приходящими чая, грога, пива, табаку и т. п. Пренія открываются обыкновенно въ 8 часовъ вечера и продолжаются до 12. Предметы преній выставляются дня за два, написанные крупными буквами у наружной двери заведенія, и состоятъ обыкновенно изъ вопросовъ, занимающихъ въ эту минуту публику. Спокойствіе и порядокъ, съ какими ведутся эти пренія, по истинѣ замѣчательны. Это совершенно тѣ же формы, какія соблюдаются въ парламентѣ. Пренія обыкновенно оканчиваются собираніемъ голосовъ, которые выражаются поднятіемъ рукъ. Каждый говорящій обращается къ предсѣдателю. Вотъ, между прочимъ, какимъ путемъ въ Англіи формируются мнѣнія и уясняются вопросы. Большею частію приходящіе въ эти заведенія идутъ сюда вовсе не съ цѣлію говорить рѣчи, а для того, чтобы выпить чаю или грога и послушать другихъ, и часто невольно сами вовлекаются въ пренія. Вотъ отчето въ Англіи нѣтъ почвы ни для какихъ крайнихъ соціальныхъ мнѣній, созрѣвающихъ только въ тѣсныхъ, одинокихъ кружкахъ, избѣгающихъ противорѣчій и смотрящихъ на человѣческую природу изъ узкаго окошечка своихъ ограниченныхъ понятій. Какъ не пожалѣть, что подобныхъ заведеній не существуетъ нигдѣ въ Европѣ! Правда, что въ Парижѣ до февральской революціи было нѣчто подобное подъ названіемъ Атенея. Но о политическихъ вопросахъ тамъ говорить не дозволялось, да и кромѣ того, само заведеніе имѣло видъ залы для лекцій, съ высокою каѳедрою посреди, на которую входили же-

лающіе говорить; съ мѣста же говорить не дозволялось. Но за то въ Парижѣ существовало множество тайныхъ сходокъ, укрывавшихся отъ глазъ полиціи. Гдѣ-нибудь въ шестомъ или седьмомъ этажѣ, въ комнату подъ самою кровлею, по темной грязной лѣстницѣ, сходились по вечерамъ работники и разные люди, и вели свои бесѣды о политическихъ и соціальныхъ предметахъ. Тутъ уже не бывало да и не могло быть ни противорѣчій, ни преній: сюда допускались только свои и тѣ, которыхъ приводили свои; всѣ говорили въ одномъ направленіи; возраженій и критики не терпѣли; то, что̀ мы видѣли въ Парижѣ въ февральскую революцію, вышло изъ этихъ тайныхъ собраній. Увы! для этихъ бѣдныхъ и темныхъ людей Франція и народъ ея состояли только изъ Парижа и парижскихъ работниковъ.

Но возвратимся къ Англіи. Всѣмъ извѣстно, что англичане раздѣлены на политическія партіи, и, несмотря на то, неминуемое презрѣніе постигло бы всякую партію, еслибъ она въ своихъ рѣчахъ или газетахъ вздумала достигать своихъ цѣлей искаженіемъ фактовъ. Въ борьбѣ между партіями, поэтому, дѣло всегда идетъ только о толкованіи самихъ фактовъ, объ ихъ относительномъ значеніи. Въ Англіи всякій журналъ, всякая газета старается прежде всего быть какъ можно правдивѣе, сообщать самыя точныя свѣдѣнія, и до того простирается въ этомъ отношеніи добросовѣстность напримѣръ газеты «Times», что она не затрудняется печатать письма, обличающія ошибки, или неточность ея «руководящихъ» статей, чего не дѣлала никогда, да и не сдѣлаетъ ни одна французская газета изъ опасенія потерять свой авторитетъ, При этой страсти къ писанію писемъ, какая распространена въ Англіи, и при огромномъ количествѣ людей, изъѣздившихъ всѣ уголки міра, нѣтъ возможности здѣсь распространиться какому-либо неточному свѣдѣнію о чемъ бы то ни было. Тѣмъ или другимъ путемъ, но вѣрныя свѣдѣнія тотчасъ возстановляются. Прошлымъ лѣтомъ (1858 г.) «Times», озадаченная извѣстіемъ, которое привезъ русскій курьеръ изъ Пекина, о заключеніи Англіею и Франціею трактата съ Китаемъ, напечатала статью, въ которой сама сознавалась, что не понимаетъ, какимъ путемъ русскій курьеръ могъ такъ скоро привезть это извѣстіе; предполагала неслыханные пути сообщенія, телеграфическую линію между Кяхтой и Москвою и т. п. И черезъ день же появилось въ «Times» письмо, указывающее на ошибку, и въ которомъ изложены были точныя свѣдѣнія о краѣ и о пути, которымъ могло дойтти это извѣстіе.

Если справедливо, что цивилизація народа прежде всего условливается большимъ или меньшимъ количествомъ точныхъ и положительныхъ свѣдѣній, распространенныхъ между всѣми классами, то нѣтъ сомнѣнія, что Англія есть самая образованная страна въ Европѣ; и великая популярность «Times» заключается прежде всего не въ той или другой политической доктринѣ этой газеты, а въ постоянномъ стремленіи быть какъ можно правдивѣе и сообщать какъ можно болѣе точныхъ и положительныхъ свѣдѣній. Вотъ что пріобрѣло этой газетѣ то всеобщее довѣріе и уваженіе, которыя ставятъ ее выше всѣхъ другихъ органовъ, и вотъ почему статья ея о «бездомныхъ бѣднякахъ въ Лондонѣ» тотчасъ обратила на себя всеобщее вниманіе. Сообщаемъ ее вполнѣ, какъ образцовое произведеніе въ своемъ родѣ по трогательной простотѣ изложенія:

«Такъ какъ, вѣроятно, многіе изъ нашихъ читателей проведутъ сегодняшній вечеръ (канунъ Рождества) въ гостяхъ, то конечно и безъ нашего пособія вспомнятъ они объ истощенныхъ людяхъ, спящихъ у дверей домовъ, подъ защитою навѣсовъ, или подъ сводами мостовъ. Поздній часъ ночи—время неудобное для обманщиковъ и притворныхъ нищихъ, и горемыки, высматривающіе гдѣ бы пригрѣться, когда настаетъ глубокая осень и дуетъ холодный вѣтеръ, принадлежатъ къ особому классу людей, который рѣдко проситъ милостыни и еще рѣже воруетъ. Многіе вѣроятно замѣтили, какъ люди эти постепенно исчезаютъ зимой, но случается однакожъ, что не всѣ изчезаютъ они, потому что въ самыя суровыя ночи встрѣчаются иногда группы по два и по три человѣка, которыхъ ужасная нищета трогаетъ даже полицію, и она не мѣшаетъ имъ дремать у дверей домовъ. Увы! Это члены многочисленнаго класса, извѣстнаго подъ названіемъ бездомныхъ бѣдныхъ, и пусть тѣ, которые захотятъ имѣть понятіе о томъ, какъ они живутъ и страдаютъ, проведутъ только одинъ часъ въ Фильдъ-Ленскомъ пріютѣ для бѣдныхъ. Дорога къ этому пріюту идетъ грязными улицами, гдѣ небольшіе, обветшалые дома набиты множествомъ семействъ, и бродятъ въ лохмотьяхъ группы дѣтей, которыхъ только по ихъ движеніямъ можно отличить отъ наваленныхъ кучъ, въ которыхъ они копаются, отыскивая себѣ или пищи, или какого-нибудь обломка, за который кто-нибудь дастъ имъ кусокъ хлѣба. Въ такомъ сосѣдствѣ стоитъ большое, выкрашенное бѣлою краской зданіе, освѣщенное внутри, что отличаетъ его отъ окружныхъ домовъ, гдѣ рѣдко и только по временамъ замѣтно

слабое мерцаніе свѣчи сквозь разбитыя и бумагой заклеенныя стекла. Вамъ не нужно сказывать, что это чисто выкрашенное зданіе есть «пріютъ». Задолго до сумерекъ несчастные искатели его крова начинаютъ собираться къ нему и смотрѣть на его дверь съ тѣмъ сосредоточеннымъ стремленіемъ, которое свойственно только людямъ, не имѣющимъ уже ни на что никакой надежды, кромѣ милосердія. Когда начинаетъ темнѣть, стекаются они сюда,—старики 60 и 70 лѣтъ, мальчики и даже дѣти, но всѣ равно бѣдственные, хилые, истомленные, насквозь промоченные дождемъ. Они сидятъ на мокрой землѣ въ молчаніи, которое говоритъ сильнѣе самыхъ громкихъ ихъ жалобъ; если же и говорятъ они, то шопотомъ, ибо нужда и страданія ослабили ихъ голосъ, и тяжело видѣть, съ какою униженною почтительностію сторонятся они съ дороги тѣхъ немногихъ прохожихъ, которымъ случается итти тутъ. Постепенно накопляются они, толпа возрастаетъ человѣкъ до ста, и тогда молчаніе нарушается или глухимъ кашлемъ высокихъ, исхудалыхъ привидѣній, очевидно находящихся на послѣдней степени увяданія, или почти дѣтскимъ хрипѣніемъ, обнаруживающимъ воспаленіе въ легкихъ, или мучительнымъ для слуха визгливымъ, удушливымъ кашлемъ. Это бродяги, кирпичники, земледѣльцы, у которыхъ не было работы съ лѣта: иные только-что вышли изъ больницъ и еще слишкомъ слабы для работы; тутъ старики и малые ребята, промышляющіе метеніемъ улицъ: сироты во всѣхъ видахъ нищеты и одиночества.

«Это еще только одна малая часть лондонскихъ бездомныхъ бѣдныхъ: взрослые люди и мальчики безъ друга и мѣста во всей этой обширной столицѣ, гдѣ бы приклонить голову, бедуины Англіи, живущіе никто не знаетъ какъ и гдѣ, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ горькой нужды, а можетъ быть и преступленія, борятся съ жизнію, пока доползаютъ до какой-нибудь ямы, чтобъ умереть, и полежавши дня три въ приходскомъ сараѣ для мертвыхъ, съ трогательною надписью на груди: «неизвѣстный», передаются медикамъ и тамъ пропадаютъ. Какъ скоро соберется нѣкоторое количество горемыкъ, двери пріюта отворяются и остаются открытыми, пока небольшія отдѣленія наполняются до полнаго числа 300; затѣмъ двери снова затворяются передъ остальнымъ множествомъ бездомныхъ, приходящихъ слишкомъ поздно. Нищета и лишенія взрослыхъ людей, хотя они точно также страдаютъ отъ холода и голода, кажутся менѣе жестокими передъ нищетою и лишеніями малыхъ дѣтей, которыми, увы! наполняется почти поло-

вина пріюта. Возьмите первыхъ, какіе попадутся вамъ на глаза, и заставьте ихъ разсказать о себѣ. Вотъ подходятъ четверо исхудалыхъ, маленькихъ мальчиковъ, сущія дѣти, всѣ моложе 14-ти лѣтъ, всѣ круглые, покинутые сироты, живущіе на улицахъ безъ пристанища и друга на всемъ пространномъ мірѣ. На одномъ пара панталонъ изъ толстаго паруснаго полотна, въ лохмотьяхъ, и остатки насквозь проношенной куртки со взрослаго человѣка, висящія на его маленькомъ тѣлѣ; грязь и царапины обезображиваютъ все его тѣло; глаза его опухли, лицо раздуто и лихорадочно; хотя онъ и считается говоруномъ своего кружка, но едва можетъ переводить духъ отъ воспаленія въ легкихъ. Они цѣлыхъ два дня бродили по окрестностямъ, собирая зеленый кустарникъ, чтобы продать его на Рождество. Какая-то леди дала имъ на дорогѣ пенни, на который купили они себѣ немножко хлѣба и поровну раздѣлили его между собой. Кустарника набрать имъ не удалось; ночь провели они въ полѣ подъ дорожнымъ плетнемъ, добрели опять до Лондона и пришли къ пріюту, но онъ былъ уже полонъ и запертъ. Одинъ изъ нихъ пошелъ по улицамъ отыскивать пищи, а трое остальныхъ легли спать у дверей. Двое изъ нихъ были только недавно брошены родителями, но двое другихъ уже нѣсколько времени жили на улицахъ. Маленькій говорунъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, кое-какъ добывалъ себѣ пропитаніе, нося свертки, держа лошадей, сторожа зелень на Ковентъ-Гарденскомъ рынкѣ, или мясо у мясниковъ, когда оно выставляется лѣтомъ на ночную прохладу, но онъ никогда не воровалъ. Пока этотъ ребенокъ разсказываетъ свою печальную повѣсть, приходитъ другой и проситъ впустить его въ пріютъ. Ему только 13 лѣтъ: это неуклюжій, тупой малый; нищета и лишенія, кажется, оцѣпенили въ немъ развитіе ума и тѣла. Мать его умерла, когда онъ былъ еще малымъ ребенкомъ, отецъ былъ торговцемъ и тоже умеръ, когда ему было десять лѣтъ; съ братомъ своимъ, который утонулъ въ морѣ, были они выгнаны изъ дому и жили на улицахъ Лондона. Онъ едва можетъ разсказать, какъ просуществовалъ три послѣдніе года. Иногда носилъ онъ свертки или мелъ улицы [1]), добывая нѣсколько полу-пенни, тогда покупалъ себѣ хлѣба и платилъ одинъ пенни за ночлегъ. Иногда онъ ничего не могъ добыть себѣ, тогда бродилъ по ули-

---

[1]) Въ Лондонѣ, въ грязную погоду, для удобства переходовъ черезъ улицы обыкновенно стоятъ бѣдняки или мальчики съ метлами и подметаютъ переходъ.

цамъ, и ночь проводилъ гдѣ-нибудь у дверей; случалось, что какой-нибудь бѣднякъ, или бѣдная женщина, немногимъ богаче его самого, клали его съ собой на ночь или на двѣ, и дѣлили съ нимъ поутру свой скудный, горемычный завтракъ. Такъ жилъ онъ, если только это можно назвать жизнію, добывая въ день по два пенни за работу въ поляхъ; лѣтомъ бродя съ разными бѣдняками, которые давали ему пристанище за смотрѣнье за ихъ малолѣтними дѣтьми, пока сами они таскали хмѣль въ поляхъ. Но въ послѣднее время и эти средства прекратились. Его любимымъ убѣжищемъ была арка позади соррейскаго театра, пока открытый и вытащенный оттуда полиціей, всегда весьма бдительной на открытія подобныхъ нарушителей порядка, онъ перешелъ къ Ковентъ-Гардену, существуя тѣмъ, что̀ могъ отыскать на улицѣ, и проводя ночи въ пустыхъ коробахъ и телѣгахъ. Два дня назадъ пришелъ онъ въ пріютъ, гдѣ одна бѣдная женщина дала ему чашку кофе, который онъ выпилъ съ корешкомъ петрушки, найденнымъ имъ на рынкѣ. Истомленный голодомъ и болѣзнію, съ такой болью въ груди, что онъ едва можетъ, по его выраженію, «перетаскивать» дыханіе, пришелъ онъ наконецъ къ Фильдъ-ленскому пріюту. Для него этотъ пріютъ имѣлъ весь комфортъ «дома», единственнаго «дома», какой онъ зналъ въ теченіе трехъ долгихъ лѣтъ. Вотъ еще нѣсколько уличныхъ мальчиковъ постепенно пришли сюда, всего восьмеро; всѣ дѣти, всѣ давнымъ давно брошенные сироты. Одинъ изъ нихъ добылъ $2^1/_2$ пенни, купилъ себѣ на пенни хлѣба, на пенни кофе, а полпенни оставилъ себѣ на хлѣбъ для завтра. Другой, необыкновенно красивый мальчикъ, тоже уличный метельщикъ, недавно пришелъ изъ Бристоля, питаясь дорогой ягодами терновника и по временамъ добывая себѣ работу тасканьемъ моркови. Мать его, единственная родня, какую онъ зналъ въ жизнь свою, умерла четыре года назадъ отъ рака въ ногѣ, у него тоже готовится подобная болѣзнь, и онъ сильно уже хромаетъ. Ходилъ онъ въ больницу полѣчить свою ногу, которая очень болитъ: ему наказали покоить ее, держать въ теплѣ, и прикладывать къ ней пластырь всякую ночь. Хорошій совѣтъ бездомнымъ, брошеннымъ дѣтямъ, метельщикамъ улицъ, не имѣющимъ пропитанія, достаточнаго для существованія. Вотъ входитъ грязный, нищенскій мальчикъ, и разказъ его такъ замѣчателенъ, что мы не можемъ не передать его. Отецъ и мать его живы, и семья ихъ состоитъ изъ 12 дѣтей. Два старшіе его брата почти постоянно въ тюрьмѣ, потому что «платочники», т.-е, воруютъ платки, за которые платятъ имъ по $2^1/_2$

пенса за каждый, а за очень хорошій по 3 пенса. Старшая сестра его, ей только 15 лѣтъ, воровала въ дѣтствѣ, а 11 лѣтъ была уже «публичною»; она тоже много сидѣла въ тюрьмѣ, а теперь сидитъ въ исправительномъ заведеніи. Отецъ, мать и остальныя дѣти живутъ слѣдующимъ образомъ: вся семья встаетъ въ два часа утра, и изъ грязнаго своего подвала, въ которомъ живетъ, отправляется на улицы сдирать объявленія и афиши съ заборовъ и стѣнъ. Соединенныя усилія всего семейства, употребленныя такимъ образомъ, могутъ въ зимнее время набрать до разсвѣта около 25 фунтовъ бумаги, которую продаютъ за $7^1/_2$ пенни. Но и эти скудныя крохи могутъ добываться только въ долгія зимнія ночи; лѣтомъ отецъ достаетъ себѣ немного работы, и семья разсѣевается и бродитъ по полямъ, питаясь какъ могутъ... Но безполезно слѣдить за каждымъ изъ этихъ тяжелыхъ разсказовъ: у каждаго изъ дѣтей есть своя, сжимающая сердце, повѣсть—иначе они не попали бы сюда. Перейдемъ въ женскій пріютъ. Онъ составляетъ отдѣленіе того же благотворительнаго заведенія, хотя, по извѣстнымъ причинамъ, находится въ полумилѣ отъ мужского пріюта, на другой сторонѣ Фильдъ-Лена, гдѣ всѣ италіянскіе органщики получаютъ отъ своихъ хозяевъ грязное и гадкое помѣщеніе, и гдѣ слѣдовательно всюду тяготѣетъ нужда и самая грязная бѣдность. Здѣсь, возлѣ извощичьяго двора, находится пріютъ; крутая деревянная лѣстница ведетъ посѣтителя къ чисто выкрашенной и хорошо освѣщенной комнатѣ, футовъ въ 40 длины и въ 20 вышины, по обѣимъ сторонамъ которой на полу расположены по 25 маленькихъ постели. Разница между мужскимъ и женскимъ пріютами состоитъ преимущественно въ томъ, что въ женскомъ спятъ не на голомъ полу, а на соломенныхъ матрацахъ и подъ грубыми одѣялами; кромѣ того еще, по милости одной благотворительной госпожи, каждый день дается здѣсь по чашкѣ кофе, а на счетъ пріюта по маленькому хлѣбу утромъ и вечеромъ. Пріютъ отворяется безнадежнымъ жертвамъ, какъ только настаютъ сумерки, ибо добрая администрація пріюта знаетъ, какъ опасно этимъ истощеннымъ голодомъ и всѣми покинутымъ дѣвочкамъ оставаться ночью на улицахъ. Часовъ въ 7 поэтому онѣ—исключая тѣхъ, которыя работаютъ въ жидовскихъ швейныхъ заведеніяхъ—почти всѣ уже собрались и сидятъ, взрослыя и дѣти, двумя длинными рядами, просушивая (печь стоитъ посреди комнаты) свои грязныя лохмотья. Видъ ихъ такой голодный и истомленный, что разрывается сердце, когда смотришь, какъ онѣ въ нѣмомъ истощеніи и отчаяніи

задумчиво склоняются на полъ. На первый взглядъ всѣ онѣ кажутся среднихъ лѣтъ, но это только вслѣдствіе истощенія и искаженія ихъ молодыхъ тѣлъ, потому что большинство изъ нихъ моложе 20 лѣтъ, и многія почти дѣти. Тихо и тяжело ступая, постепенно приходятъ другія, по двѣ, по три, въ своихъ изношенныхъ платьяхъ, слишкомъ легкихъ и холодныхъ даже для лѣта, едва прикрывающихъ ихъ блѣдныя, тощія формы. Послѣднія приходящія работали въ швейныхъ заведеніяхъ, гдѣ за непрерывную работу, отъ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера, онѣ могутъ добывать себѣ $2^1/_2$ пенса въ день, съ своими нитками, иглами и снурками, и платя каждая одинъ пенсъ въ недѣлю за помѣщеніе въ комнатѣ, гдѣ работаютъ.

«Въ самомъ дѣлѣ почему этотъ народъ не идетъ въ рабочіе дома? Неужели бы онѣ не захотѣли, еслибъ могли? Обратимся къ этой дѣвушкѣ, которая вошла послѣ всѣхъ. Ей 16 лѣтъ, хотя на видъ кажется 30. Она была служанкой въ двухъ мѣстахъ и отъ обоихъ получила хорошіе атестаты, но принуждена была оставить послѣднее мѣсто по причинѣ продолжительной болѣзни и поступить въ больницу. По выходѣ оттуда она не могла найти себѣ мѣста, заложила все свое платье, нѣсколько недѣль терпѣла всѣ лишенія и голодъ и, наконецъ, вынуждена была просить помощи «у соединенныхъ благотворительныхъ обществъ», была въ совѣтѣ правленія, гдѣ ей сказали, что помѣщеніе было полно, и что для нея ничего нельзя сдѣлать; такимъ образомъ она принуждена была уйти и слѣдующіе день и ночь бродила по улицамъ, утромъ пошла къ судьѣ, который сказалъ ей, что положеніе ея тяжело, но что онъ ничего не можетъ сдѣлать для нея. Еслибъ она дала грубый отвѣтъ какому-нибудь изъ полицейскихъ офицеровъ, такъ неправильно называемыхъ «помогающими» (releving officers), то судья этотъ, каковъ бы онъ ни былъ, сдѣлалъ бы что-нибудь для нея, и дѣвушка нашла бы себѣ убѣжище хоть въ тюрьмѣ. Бѣдное существо достало тогда себѣ швейную работу за упомянутую нами обильную плату, но ея тощія руки такъ потѣли отъ истощенія, что марали сорочки, и ей отказали; послѣ нѣсколькихъ дней и ночей голоднаго скитанія кто-то указалъ ей на пріютъ, гдѣ она находится теперь, почти оглохшая отъ простуды, которую она получила, проводя ночи у дверей домовъ. Здѣсь есть еще другая дѣвочка, моложе 13 лѣтъ, тоже безъ родныхъ и друзей, которая, какъ и всѣ прочія, прошла черезъ всю обычную рутину голода и лишеній, пока наконецъ дали ей здѣсь ночной пріютъ. Тутъ еще

дѣвочка 15 лѣтъ: она съ сестрой своей работала куклы, и обѣ могли добывать 5 и 6 шиллинговъ въ недѣлю; но потомъ работы не стало, сестра ея куда-то ушла и уже не приходила, и теперь для нея единственнымъ убѣжищемъ служитъ пріютъ, изъ котораго она утромъ уходитъ бродить по улицамъ, пока въ сумерки снова не отворятъ ей ея жилища.

«Есть здѣсь еще одна особа, порядочная женщина по манерамъ и воспитанію, дочь морского офицера; она говоритъ по-французски, понимаетъ по-нѣмецки, можетъ учить музыкѣ, и въ ея лицѣ, какъ оно ни исхудало и ни истощено, можно еще разглядѣть то, что нѣкогда было красотою. О ней очень мало извѣстно, потому что она молчитъ о своихъ родственникахъ и своей прежней жизни, но изъ того немногаго, что можно было узнать, видно, что какой-то джентльменъ былъ причиною ея настоящаго горькаго положенія. Она и маленькій сынъ ея находятъ здѣсь ночной кровъ, принимаемый тѣмъ съ большею признательностью, что бѣдная леди, если можно только ее назвать такъ, прошла почти всѣ степени лондонской бѣдности, начиная отъ грязнаго курятника, куда впускаютъ женщинъ въ Ислингтонѣ, до сараевъ, въ которые загоняютъ ихъ въ Ламбесѣ.

«Но безполезно повторять здѣсь подобные горькіе разсказы, отъ переполненныхъ бѣдствій которыхъ болѣзненно содрогнутся наши читатели. Воротимся еще разъ въ мужской пріютъ. Теперь пробило уже 9 часовъ вечера, и всѣ ряды коекъ заняты пришельцами; тѣ, которые пришли слишкомъ поздно, а такихъ всегда бываетъ отъ 40 до 50, должны спать на улицахъ, какъ сотни разъ дѣлали тѣ, которые попали теперь въ пріютъ. Между 300 пришельцевъ не слышно ни одного слова, каждый умылся и легъ на свою койку, каждый получилъ съ признательностію маленькій хлѣбъ, который съѣденъ прежде нежели раздавальщикъ успѣлъ одѣлить всѣхъ. Настаетъ чтеніе молитвъ, въ которомъ всѣ участвуютъ. Затѣмъ каждый снимаетъ свое лохмотное платье, хотя по истинѣ не понятно, какъ они снимаютъ, и еще болѣе, какъ они потомъ надѣваютъ его; положивъ его возлѣ себя на полъ, скорчиваются они подъ своими жесткими одѣялами и засыпаютъ. Сторожъ не спитъ всю ночь, но въ немъ здѣсь нѣтъ ни малѣйшей нужды; между этими бѣдными, тощими формами здѣсь рѣдко даже движеніе: истощенные голодомъ и усталостью они спятъ, словно имъ нѣтъ никакой надобности въ остальномъ мірѣ, словно грядущій день освѣтитъ не ту же самую жизнь одиночества и нищеты.

«Таковъ правдивый и по истинѣ краткій отчетъ о нашихъ бездомныхъ бѣдныхъ и таковъ пріютъ для покинутыхъ всѣми. Учрежденія болѣе человѣколюбиваго нежели такіе пріюты — не существуетъ на землѣ. Но ни одно почтенное или духовное лицо не рѣшается говорить о нихъ, потому что разсказъ объ отвратительной бѣдности въ Лондонѣ тяжелъ для ушей, привыкшихъ къ изящному, да и притомъ тѣ, которые нуждаются въ такихъ пріютахъ, не негры, а такіе же бѣлые, какъ и мы. Эти пріюты не имѣютъ ежегодныхъ митинговъ, въ которыхъ могутъ выставить интересныхъ «черныхъ» и доказать, какъ души ихъ были спасены съ тратою почти 1000 фунтовъ за каждую. Бѣдность, которой помогаютъ эти пріюты, и пороки, которые предотвращаютъ они, слишкомъ не живописны и слишкомъ дѣйствительны. Такіе пріюты могутъ просить о вспоможеніи вслѣдствіе крайней нужды своей, точно также, какъ страданія бѣдныхъ взываютъ къ нимъ самимъ. Настаетъ Рождество со всѣми его благотворительными складчинами и приношеніями; въ эти дни особенно сердце должно быть открыто, и рука щедра къ тѣмъ, у которыхъ нѣтъ пристанища, и которыхъ Провидѣніе посѣтило жестокими несчастіями, какія мы старались описать здѣсь. Въ такую пору, помня о себѣ, вспомнимъ и о другихъ, вспомнимъ о тѣхъ бѣдныхъ, малыхъ сиротахъ, набирающихъ зеленый кустарникъ для рождественскихъ праздниковъ, не приносящихъ имъ никакой радости, и дадимъ лепту отъ нашего изобилія на человѣколюбивое дѣло, которое, при своихъ ограниченныхъ средствахъ, все-таки исполняетъ долгъ свой, спасая несчастныхъ отъ голода и давая кровъ нашимъ бездомнымъ бѣднякамъ».

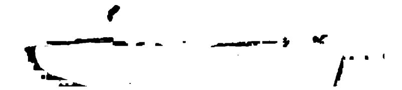
Вотъ какія картины бѣдности представляетъ самый вліятельный органъ гласности въ Англіи. Онъ не увлекается ложнымъ патріотизмомъ или ложнымъ самодовольствіемъ или ложною боязнью вооружить бѣдныхъ противъ богатыхъ, и не только не старается оттѣнить печальную картину, но напротивъ того умышленно сгущаетъ краски, чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе на читателя. И впечатлѣніе было произведено: несмотря на множество существовавшихъ въ Лондонѣ пріютовъ, учреждены новые, и обильно потекли пособія въ этомъ громадномъ городѣ, равномъ по народонаселенію Сардиніи или Бельгіи, куда сходятся люди изо всѣхъ странъ свѣта, и гдѣ поэтому по необходимости должно скопиться много нищеты и несчастій. Стоя съ ними лицомъ къ лицу, англичане не теряютъ бодрости, не складываютъ молча рукъ своихъ и

не ограничиваются одними вздохами о неосуществленныхъ идеалахъ. Увы! идеалы существуютъ только въ легковѣрномъ воображеніи наивныхъ мечтателей, которымъ кажется такъ возможнымъ перестроить общество по придуманной ими теоріи, а желать возможнаго, подвигаться впередъ, исправляя старое, дѣлая сдѣлки съ прошедшимъ, завѣщаннымъ и вѣками, и вѣчными законами, и свойствами человѣческой природы, кажется такимъ пошлымъ, «отсталымъ» путемъ. Вопросъ о бѣдныхъ въ Англіи постоянно подвергался и подвергается самымъ глубокимъ изысканіямъ, и, какъ всегда бываетъ въ Англіи, гдѣ общество съ давнихъ поръ привыкло заботиться о себѣ, изысканія эти дѣлаемы были не правительствомъ, а частными людьми и преимущественно газетами, которыя поручали эти изслѣдованія дѣльнымъ и свѣдущимъ людямъ. Много въ этомъ отношеніи сдѣлано было газетами «Times» и «Morning Chronicle». Но тѣмъ не менѣе надобно сказать, что къ числу національныхъ пороковъ англичанъ принадлежитъ одинъ, который поражаетъ иностранца, посѣщающаго Англію: это презрѣніе къ бѣдности. Надобно прибавить, что нигдѣ общество не дѣлаетъ столько для своихъ бѣдныхъ, какъ въ Англіи, но и нигдѣ бѣдность не имѣетъ такого ужаснаго вида, какъ среди этого великолѣпнаго Лондона, среди этихъ людей, одѣтыхъ съ изысканною чистоплотностію, тщательно вымытыхъ и выбритыхъ, съ лицами, дышащими довольствомъ и самоуваженіемъ. Любопытно подмѣчать брезгливую гримасу, которая является на этихъ самодовольныхъ лицахъ при взглядѣ на нищету. Надобно также сказать, что при всеобщемъ довольствѣ и богатствѣ страны, нищета составляетъ здѣсь только рѣдкое исключеніе, если принять въ соображеніе почти трехъмилліонное народонаселеніе Лондона (включая сюда всѣ его окрестности), куда естественно стекаются бѣдные съ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Англіи. Подавать милостыню на улицахъ вовсе не въ обычаѣ англичанъ. Презирая праздность и лѣнь болѣе всего на свѣтѣ, они особенно боятся быть обманутыми, боятся, вмѣсто пособія дѣйствительной нуждѣ и нищетѣ, не поощрить лѣни и праздности. Въ англійскомъ обществѣ чрезвычайно развита благотворительность, хотя взятый отдѣльно англичанинъ можетъ показаться грубымъ и жестокимъ въ сравненіи съ южнымъ, романскимъ человѣкомъ; нервы его далеко не такъ впечатлительны и деликатны: это уже обыкновенное свойство или недостатокъ энергическихъ и твердыхъ характеровъ, руководящихся преимущественно разсудкомъ, а не мгновенными движеніями сердца. Въ понятіи всякаго

англичанина все это совершенно освобождаетъ его отъ подачи милостыни; кромѣ того, по національному характеру своему, англичане вообще не любятъ давать деньги даромъ, и особенно давать тамъ, гдѣ можно и не дать. Кромѣ того, они знаютъ, что въ Лондонѣ есть промышленныя компаніи, нанимающія нищихъ и малолѣтнихъ дѣтей для возбужденія бо́льшаго состраданія, и наживающихъ тѣмъ деньги. И такъ много въ этомъ отношеніи бываетъ обмана и подлога, что дѣйствительно трудно отгадать, гдѣ обманъ и гдѣ настоящая нужда. Въ этихъ обстоятельствахъ преимущественно заключается причина, почему такъ трудно подвинуть англичанина на частную благотворительность. При этомъ можемъ замѣтить мы, что ни у какого народа, кромѣ развѣ восточныхъ, частная благотворительность на улицахъ и дорогахъ не представляетъ такого всенароднаго обычая, какъ у насъ русскихъ, и преимущественно въ нашемъ низшемъ и купеческомъ сословіяхъ.

Мы сказали выше, что статья «Times» о бездомныхъ бѣдныхъ въ Лондонѣ произвела такое впечатлѣніе, что къ 25 января прислано было къ ея издателю болѣе 8 тыс. фунт. стерл. Объявляя объ этомъ, «Times» видитъ въ этомъ фактъ, обнаруживающій значительную перемѣну, происшедшую въ чувствахъ и привычкахъ англійскаго общества. «Ничто такъ не трудно, говоритъ газета по этому случаю, какъ дѣйствительно-вѣрное сравненіе одного вѣка съ другимъ. Насъ, людей XIX вѣка, особенно можно обвинить въ томъ, что мы хвалимъ самихъ себя. Но еслибы мы даже и дѣйствительно виноваты были въ самохвальствѣ, неужели самый фактъ этотъ не означаетъ чего-нибудь? Неужели каждому вѣку такъ свойственно хвалить самого себя? Напротивъ, никогда этого не было слыхано, никогда этого не дѣлалось до нашего вѣка. Всѣ прошлые вѣка обыкновенно восхваляютъ вѣка имъ предшествовавшіе, называя самихъ себя выродившимися и падшими: ни одинъ вѣкъ иначе не выражался о себѣ. Въ гомерическія времена, напримѣръ, міръ уже позорно ниспалъ съ своего прежняго величія, и люди не могли уже бросать громадныхъ скалъ, какъ прежде: это считалось геройствомъ въ тѣ времена. Римляне постоянно восхваляли добродѣтели своихъ предковъ. Цинцинатъ оставлялъ свой плугъ для предводительства войскомъ: тогда-то была настоящая простота; ни пышности, ни роскоши, все было мудро и первобытно. Въ слѣдовавшихъ вѣкахъ міръ постоянно падалъ, но любопытный фактъ въ томъ, что теперь старики не восхваляютъ уже времени своей юности; нѣтъ, теперь говорятъ они: «съ тѣхъ

поръ все улучшилось». Такого рода критическое воззрѣніе есть замѣчательный признакъ нашего времени, и едва ли случалось нѣчто подобное въ прежніе вѣка, исключая развѣ начало такой эпохи, какъ реформація. Насъ поражаетъ такого рода критическое воззрѣніе, когда мы слышимъ его отъ скромнаго и степеннаго стараго возраста, привыкшаго обыкновенно протестовать противъ предполагаемыхъ улучшеній и тщеславія настоящаго поколѣнія. Если въ фактѣ этомъ есть что-то небывалое,—то какъ мы должны понимать его? Намъ кажется, что самое естественное пониманіе его будетъ состоять въ томъ, что фактъ дѣйствительно таковъ; если наши дѣдушки и бабушки говорятъ, что они видятъ улучшеніе, такъ просто потому, что они видятъ его; если же въ прежнія времена отрицали его, такъ просто потому, что или его въ дѣйствительности не было, или оно было только въ незначительной степени. Струя благотворительности, которая потекла недавно по столбцамъ нашей газеты по поводу указанія самыхъ обыкновенныхъ случаевъ нищеты, безспорно доказываетъ несравненно большую впечатлительность въ общественномъ чувствѣ, нежели какая была прежде. Она обнаруживаетъ существованіе значительной массы народа, которая уже имѣетъ привычку давать, которая по своему душевному состоянію подготовлена къ тому, чтобы давать, какъ скоро настоящимъ образомъ обратятся къ ней. Правда, иногда давать вовсе не условливается привычкою, а бываетъ великимъ, мгновеннымъ усиліемъ, чѣмъ-то вродѣ сильнаго взрыва, или внутренняго землетрясенія: добрый духъ, такъ сказать, разрываетъ человѣка, выходя изъ него въ видѣ гинеи. Наши старомодные высшіе классы, которые представляютъ и поддерживаютъ духъ прошлаго вѣка, особенно склонны къ такого рода даянію. Здѣсь не мѣсто входить въ частности, но всѣ тѣ, которые имѣли дѣла по благотворительности, знаютъ, въ чемъ состоитъ тутъ самый затруднительный пунктъ. Для иныхъ, которые, впрочемъ, весьма добрые люди по своему, давать деньги есть настоящій волканическій процессъ; они смотрятъ на даванье, какъ на актъ, противный конституціи и статуту. А если и рѣшаются давать, то какъ бы покоряясь чему-то неизбѣжному, чему нельзя противиться. Но благотворительность, которая съ такою готовностію отвѣтила на нашъ недавній призывъ, уже обнаруживаетъ естественную склонность души къ подаянію, обнаруживаетъ привычку, всегда готовую дѣйствовать, какъ скоро представится къ тому удобный случай. Это уже состояніе души, которая смотритъ

на дяяніе, не какъ на эксцентрическое исключеніе изъ естественнаго правила, но какъ на правило собственное. Теперь всѣ одинаково понимаютъ человѣческую нужду и нищету, понимаютъ ихъ какъ одинъ изъ законовъ общественной системы. Но прежде люди, и не то чтобы вовсе лишенные чувства, смотрѣли на эти вещи просто какъ на факты, факты необходимые, неизбѣжные и т. п. Попробовать же дѣйствительно схватиться съ ними, войти въ борьбу съ неизбѣжностью—этого никогда не случалось со всѣми этими достойными людьми, исключая развѣ какого-нибудь филантропа. Сложа руки, смотрѣли они на истребленія, производимыя болѣзнями и нищетою, безъ малѣйшей мысли о томъ, что положеніе этихъ достойныхъ людей вовсе не было положеніемъ простого зрителя одной изъ самыхъ неблагопріятныхъ сторонъ міра, въ которомъ они живутъ. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ солдатъ получалъ 1000 ударовъ плетью за самую ничтожную вину; общество смотрѣло на это, не видя въ этомъ никакой жестокости; судьи, товарищи и зрители не чувствовали при этомъ ни малѣйшаго негодованія, и тѣмъ менѣе ужаса. И не то, чтобы народъ былъ въ самомъ дѣлѣ жестокъ, но онъ смотрѣлъ на это, какъ на обыкновенное, привычное дѣло: оно было закономъ и обычаемъ. Ихъ идеи о справедливости были въ уровень съ ежедневными фактами. Вмѣсто того, чтобы повѣрять эти факты внутреннимъ принципомъ справедливости, они не разсуждали, а принимали свѣтъ такимъ, какимъ находили его. Все это измѣнилось теперь. Общество теперь смотритъ на зло, какъ на нѣчто такое, съ чѣмъ надо бороться и справиться, и уже не хочетъ оставаться страдательнымъ зрителемъ. Дѣйствующій, разыскивающій, дѣловой, разумный духъ благотворительности водворился въ обществѣ, онъ не оставляетъ людей въ покоѣ, а подвигаетъ ихъ на дѣло, сначала предлагая вопросы самому себѣ, потомъ спрашивая другихъ людей, вывѣдывая подробности случаевъ, затѣмъ устраивая планы и способы воззванія, собирая людей, систематизируя усилія, соединяя силы. Когда устроилась наша система благотворительности, легко могло статься, что механическій духъ болѣе или менѣе пробрался въ нее. Но дѣло въ томъ, что люди не соглашаются теперь смотрѣть на человѣческую бѣдность просто какъ на неразрѣшимую задачу, какъ на нѣчто такое, о чемъ было уже все передумано и высказано. Имъ нужно теперь схватиться съ этимъ фактомъ,—конечно, они не въ силахъ овладѣть имъ и уничтожить его,—но схватиться для того, чтобъ они много могли сдѣлать, развивая великую экономію

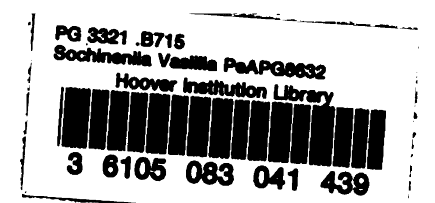
пособія, корни котораго такъ глубоко вложены въ нашей нравственной и физической природѣ. Принимая значительныя пожертвованія, сдѣланныя въ такое короткое время въ пользу лондонскихъ пріютовъ, мы считаемъ ихъ признакомъ дѣйствительнаго общественнаго прогресса».

И прогрессъ этотъ конечно существуетъ, если о немъ свидѣтельствуетъ такой суровый судья англійскаго общества какъ «Times», котораго уже никакъ нельзя заподозрить въ лести своей странѣ. Напротивъ, никто не высказываетъ столько рѣзкихъ истинъ Англіи, какъ эта газета, пользующаяся именно вслѣдствіе этого величайшею популярностію. Да и вообще надо отдать справедливость англійской литературѣ: мужественность, прямота, иронія и сарказмъ, съ какими она указываетъ на темныя стороны Англіи, не имѣетъ примѣра ни въ одной европейской литературѣ. Если Европа знаетъ темныя стороны Англіи, то благодаря ея же собственнымъ писателямъ. Польза, какую принесло это направленіе для Англіи, неисчислима; если же оно и повредило ей въ Европѣ, то развѣ въ мнѣніи такихъ людей, которые знаютъ ее по книжонкамъ французскихъ соціалистовъ, то-есть по источнику самому мутному и невѣжественному, ибо французы вообще, съ весьма рѣдкими исключеніями, отдѣленные отъ нея своимъ одностороннимъ образованіемъ, не знаютъ и не могутъ знать ея отъ своей прирожденной ненависти къ ней. Въ ненависти своей они забываютъ даже и то, что самыя лучшія учрежденія ихъ суть не болѣе, какъ дурное подражаніе англійскимъ учрежденіямъ. Плохо той странѣ, которая не можетъ смотрѣть на себя критически! Да и много надо имѣть мужества, много любви къ правдѣ, чтобы передъ всѣми обнаруживать раны и болѣзни свои. Въ старые годы скрывать ихъ считалось національнымъ достоинствомъ, даже доказательствомъ любви къ отечеству, какъ будто скрывать отъ другихъ собственные пороки значитъ быть добродѣтельнымъ. Ни одна страна въ мірѣ не подвергалась такому неумолимому процессу анализа и критики отъ сыновъ своихъ, какъ Англія, и дай Богъ, чтобы каждый изъ насъ любилъ Россію, какъ англичанинъ любитъ свою Англію. Но онъ не любитъ указывать на свѣтлыя стороны своего отечества, онъ ихъ и безъ того знаетъ,—его занимаютъ больше всего его темныя стороны; о нихъ любитъ онъ писать, говорить, кричать на весь міръ, потому что онѣ безпокоятъ, мучатъ, заботятъ его. Сколько, напримѣръ, и въ парламентѣ, и въ газетахъ наговорено было въ послѣднее время дур-

ного объ англійскомъ флотѣ! Его обвиняли не только въ недостаточности, но во всяческой негодности, а кто же не знаетъ, что англійскій флотъ все-таки первый флотъ въ мірѣ? Дѣло въ томъ, что надо привыкнуть къ преувеличенности, къ какой вообще бываютъ склонны политическія партіи и возбужденное національное чувство, чтобъ умѣть отдѣлять существенное отъ несущественнаго въ ихъ рѣчахъ и газетахъ. А въ этомъ-то отдѣленіи всего легче ошибаться иностранцамъ, не привыкшимъ ни къ политическимъ нравамъ, ни къ оттѣнкамъ партій, ни къ учрежденіямъ Англіи. Смѣшно сказать, но по большей части все наше знаніе Англіи ограничивается только тѣмъ, что тамъ много бѣдныхъ. Да еслибы любая изъ странъ Европы была подвергнута такому же анатомическому процессу всяческихъ критическихъ изслѣдованій, какому постоянно подвергается Англія, любопытно знать, много ли бы живого и крѣпкаго уцѣлѣло въ странѣ этой? Гдѣ тѣ страны, которыя также мужественно борются съ обременяющимъ ихъ всяческимъ зломъ, какъ Англія борется съ бѣдностію, этою—увы! — неизбѣжною болѣзнію всякаго общества? Отчего, пріѣзжая въ Англію, вооруженный всяческими предубѣжденіями противъ нея, путешественникъ, узнавши ее, оставляетъ ее полный удивленія и глубокаго уваженія къ ней? Вотъ этотъ бы вопросъ желали мы предложить тѣмъ, которые указываютъ на Англію, какъ на исключительную страну пауперизма и нищеты, какъ будто бы другія страны Европы изъяты отъ этого несчастія.

Цѣна 2 руб.

Цѣна 2 руб.

PG 3321 .B715
Sochineniia Vasiliia PeAPG6632
Hoover Institution Library
3 6105 083 041 439

